

SLAVICA SLOVACA

Ročník 60 • 2025 • 2

SLAVISTIKA

Hlavný redaktor: Peter Žeňuch

Redakčná rada:

Mojmír Benža, Erika Brtáňová, Jaroslav Coranič, Václav Čermák (Česká republika),
Mária Dobříková, Júlia Dudášová-Kriššáková,
Marcello Garzanti (Taliansko), Roman Holyk (Ukrajina), Adriana Ferenčíková,
Martin Hurbanič, Daniela Konstantinová (Bulharsko), Viera Kováčová, Jaromír Krško,
Desislava Najdenovová (Bulharsko), Anita Račáková, Dragana Radovanović (Srbsko),
Ján Stradomski (Poľsko), Sergejus Temčinas (Litva), Elena S. Uzeňonová (Rusko),
Peter Zubko, Peter Žeňuch

Výkonná redaktorka: Svetlana Žeňuchová Šašerina

E-mail redakcie: slavicaslovaca@gmail.com

Adresa vydavateľa a sídlo redakcie:

© Slovenský komitét slavistov, Dúbravská cesta 9, 841 04 Bratislava, IČO: 30842913
© Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, v.v.i., Dúbravská cesta 9, 841 04 Bratislava,
IČO: 31750940

OBSAH

ŠTÚDIE

H. Б. КОРИНА: Тенденции развития словацкой славистики на страницах журнала Slavica Slovaca	135
C. ТЕМЧИН: О современном местонахождении некоторых рукописей руськомовных учительных евангелий	149
K. МИЧЕВА-ПЕЙЧЕВА – Т. БРАГА: Лексикални и семантични реализации на концепта нечисти хора в историята на българската книжнина	152
M. ЦИБРАНСКА-КОСТОВА: Мотивът „преминаване на Дунава“: исторически контексти и модели за културен трансфер	167
K. КАЗАРИНОВА: Фрагмент Ин 20.19–31 в учительных руськомовных евангелиях: Львовская текстологическая группа	177
P. В. НУРИЕВ: Рукописи с переводами польского сборника Wielkie Zwierciadło przykładów на руську мову	187
H. СИРОТИНСЬКА – Т. ДУБРОВНИЙ: Візантійська гімнографія в українському музичному мистецтві крізь призму листування Мирослава Антоновича й Зиновія Ліська	193
C. ПАХОМОВА: Різноморфні номінативні одиниці в контексті словацько-української контрастивної лексикології	207
Г. КУЗЬ: Мовна гра у біблійній фразеології української та словацької мов	215
C. В. ШИЙКА: Прізвища Рівненщини із суфіксом -ець < *-ьсь на слов'янському тлі	227
B. ТИТАРЕНКО: Назви одягу та взуття тюркського походження в північноукраїнських пам'ятках XVI–XVII ст.	241
J. LOMENČIK: Štúrovská opravená slovenčina v učebniciach jazyka a literatúry v kontexte matičného obdobia	250
A. PLÍŠKOVÁ: Od nárečia po úradný jazyk: pokusy o kodifikáciu jazyka Rusínov a ich výsledky	265
M. TĚRA: Učenci a démoni. Čerti, zlí duchové a jejich působení v západoslovanských učeneckých textech pozdního středověku a raného novověku	282

SPRÁVY A RECENZIE

D. KONSTANTINOVA: Tematická konferencia venovaná 30. výročiu Katedry slavistiky na Univerzite sv. Cyrila a Metoda vo Velikom Tárneve v Bulharsku	295
J. BILSKÝ: Neochvejná dynamika jubilujúcej slavistiky	296
D. Ю. ВАЩЕНКО: Е. А. Смирнова. Евангелие Василия Тяпинского: к реконструкции глагольной системы «простой мовы»	297
R. LETZ – I. SLIVKOVÁ: Zápisnica zo zasadnutia pléna Slovenského komitétu slavistov	299

SLAVICA SLOVACA

Ročník 60 • 2025 • 2

SLAVISTIKA

НАТАЛЬЯ Б. КОРИНА*

Тенденции развития словацкой славистики на страницах журнала *Slavica Slovaca*

KORINA, N. B.: Trends in the development of Slovak Slavic studies on the pages of the *Slavica Slovaca* journal. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 135 – 148 (Bratislava).

The article examines the main trends in the development of Slovak Slavic studies, which became decisive for the emergence of the *Slavica Slovaca* journal and the formation of its scientific profile and editorial concept. An attempt was made to provide a chronological cross-section of the journal's subject matter and to analyze the dynamics of its development, taking into account the influence of political and administrative factors. It is emphasized that interdisciplinarity was embedded in the concept of Slavic studies from the very beginning and was present in the journal long before the term appeared. Particular attention is paid to major scientists who influenced the appearance of the journal, and primarily to Professor Ján Doruľa, whose scientific and administrative activities determined the central concept of both the journal itself and the entire Slavic studies in Slovakia.

Slavica Slovaca, Slavic studies in Slovakia, interdisciplinarity, editorial concept, Ján Doruľa

В этом году ведущий славистический журнал Словакии «*Slavica Slovaca*» отмечает свой шестидесятилетний юбилей. Шестьдесят лет – почти как одна человеческая жизнь. Это прекрасный повод оценить сделанное за прошедшие годы и проследить, как развивался журнал и как реагировал на актуальные события и тенденции в словацкой и мировой науке. Наш обзор не претендует на полноту, поскольку невозможно подробно рассмотреть свыше 240 вышедших на данный момент номеров журнала и перечислить всех ученых, участвовавших в его создании за 60 лет. Нашей целью является наметить основные вехи концептуального и тематического формирования журнала и остановиться на некоторых маркерах его научного репертуара.

Журнал «*Slavica Slovaca*» был основан в 1965 году на базе Института мировой литературы и языков Словацкой академии наук (САН) как орган Словацкого комитета славистов,¹ возникшего в качестве национального отделения Чехословацкого комитета славистов. Его первый номер вышел в 1966 году. Как отмечалось во вступительном слове к первому номеру, создание журнала было обусловлено прежде всего необходимостью обеспечить систематическое развитие славянской филологии в Словакии.² Таким образом словацкая славистика получила собственную издательскую платформу и возможность

* Prof. PhDr. Natália Korina, CSc. (Корина Наталья Борисовна), Katedra slovanských filológií, Filozofická fakulta, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Štefánikova 67, Nitra, ORCID: 0000-0002-2809-1480, nkorina@ukf.sk.

¹ Следует заметить, что название тогдашней славистической организации (Slovenský výbor slavistov) отличалось от современного (Slovenský komitét slavistov), однако на русский язык оба они переводятся одинаково в силу отличий синонимических рядов.

² -redakcia-: *Slavica Slovaca*, 1966, roč. 1, č. 1, s. 3.

целенаправленно и регулярно презентовать себя в отечественном и международном масштабе. Важность этого события отмечалась всегда, когда речь шла о развитии словацкой славистики и ее ведущего органа.³ Значительную роль сыграло также формирование компаративистики, которая заняла ведущие позиции в словацкой филологии благодаря активному теоретико-методологическому развитию этого направления в Словакии,⁴ и развитие словацкой теории перевода,⁵ что способствовало расширению междисциплинарных связей лингвистики и литературоведения. Все это нашло свое отражение в профиле журнала, регулярно предоставлявшем свои страницы не только для филологических исследований, но и для публикаций исторической, этнологической и культурологической направленности.⁶ Об истории журнала и словацкой славистики написано достаточно много,⁷ поэтому я позволю себе не входить во все подробности и обозначу лишь основные вехи развития журнала. Кроме фактографической базы, статья содержит мои личные впечатления и воспоминания, что в данном случае закономерно и оправданно – чествование юбиляра всегда носит личный характер.

Отличительной чертой «Slavica Slovaca» с самого начала был акцент на особую роль словацкого языка в развитии сопоставительных межславянских исследований, обусловленную его лингвогеографическими и ареальными особенностями: «Potreba porovnávacieho štúdia slovenčiny je osobitne zdôvodnená špecifickým postavením slovenčiny v rámci slovanských jazykov. Z geografického položenia slovenčiny na rozhraní troch slovanských jazykových oblastí vyplývajú jej špecifické štruktúrne črty, ktorými je historicky i synchronicky viazaná nielen na západoslovanskú, ale aj na južnoslovanskú a východoslovanskú jazykovú sféru».⁸ Однако путь к окончательному формированию этой концепции был долгим, поскольку сама словацкая славистика нуждалась в утверждении своего статуса и определении границ: необходимо было, в частности, решить проблему включения русистики в славистические исследования⁹ и размежевания чешской и словацкой славистики. Дискуссии о словацкой славистике и поиски оптимального решения этой ситуации отразились на страницах журнала «Slavica Slovaca», который, как и сами славистические исследования в Словакии, вплоть до 90-х гг. XX века не имел центральной концепции, а публиковавшиеся в нем материалы носили мозаичный характер.¹⁰

³ Žeňuch, P.: O špecifikách a identite slavistického výskumu na Slovensku. In Slavica Slovaca, 2010, roč. 45, č. 2, s. 99-104; Slovenská slavistika včera a dnes. Ed. P. Žeňuch. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav J. Stanislava SAV, 2012. 268 s.; Doruľa J.: Inštitucionalizácia slovenskej slavistiky. In Žeňuch, P. (ed.): Slovenská slavistika včera a dnes, c. d., s. 56-69; Žeňuchová, K.: Slavica Slovaca za roky 1966 – 2015. In Slavica Slovaca, 2015, roč. 50, č. 4, s. 5-15 и др.

⁴ Благодаря присутствию в редколлегии журнала словацкого теоретика-компаративиста, автора теории межлитературных сообществ (слвц. *medziliterárne spoločenstvá*) Диониза Дюришина это направление было представлено во всей полноте.

⁵ Ее создатель Антон Попович также был членом редколлегии «Slavica Slovaca» и главным редактором журнала в 1971–1977 гг.

⁶ Библиография всех публикаций «Slavica Slovaca» с момента его создания до 2015 года была издана отдельным дополнительным номером журнала (SS 4/2015).

⁷ Кроме публикаций к юбилеям журнала, ведущих словацких славистов и славистических центров Словакии, в которых подводились промежуточные итоги деятельности «Slavica Slovaca», в 2012 была издана сводная монография «Словацкая славистика вчера и сегодня» (Slovenská slavistika včera a dnes) с отдельной статьей о журнале. См. также библиографию в примечаниях 4 и 22.

⁸ -redakcia-: Slavica Slovaca, 1966, roč. 1, č. 1, s. 3.

⁹ В силу довлеющей идеологии многие словацкие ученые считали русистику самостоятельной научной дисциплиной, которая не должна включаться в славистику – ср.: Kollár, D.: Jubileum časopisu Slavica Slovaca. In Slavica Slovaca, 1985, roč. 20, č. 3, s. 218-219.

¹⁰ Обзор см.: Žeňuch, P.: Stav a perspektívy slovenskej slavistiky. Z dejín Slovenského komitétu slavistov a Slavistické-

Импульсом к переосмыслению сложившейся ситуации стал опубликованный на страницах журнала отчет Д. Дюришина об участии словацких славистов в X Международном съезде славистов в Софии,¹¹ в котором указывалось на пассивность словацкой славистики, ее недостаточную включенность в междисциплинарные исследования и явную недооценку самими учеными значения славистических исследований в Словакии, которым присуще свойство, имеющее в словацком языке безэквивалентное для русского языка, но чрезвычайное емкое наименование *výpovedná hodnota*. В них присутствует еще один аспект, который можно назвать коммуникативным эффектом славистических исследований (*komunikatívnosť slavicistických výskumov*¹²), – ему предстояло стать одним из центральных в концепции журнала. Перед словацкой славистикой стояла задача выделиться из чехословацкой славистики и показать свой собственный научно-исследовательский и организационный потенциал.¹³ Историческим моментом для ее осуществления стало решение Международного комитета славистов провести XI Международный съезд славистов в 1993 году в Братиславе, принятое еще до «бархатной революции» 1989 года, и создание Комиссии по координации славистических исследований в Словакии под эгидой зампреда Словацкой Академии наук. В задачи комиссии входило создание целостной концепции славистических исследований в Словакии, координация деятельности гуманитарных научно-исследовательских и педагогических центров, включая разработку концепции преподавания славистики в словацких университетах, и не в последнюю очередь придание словацкой славистике официального статуса.¹⁴ Огромную роль в решении этой комплексной задачи, прежде всего в институционализации словацкой славистики, превращении Словацкого комитета славистов в полноправный национальный научный институт и формировании издательской политики журнала «Slavica Slovaca» как его трибуны сыграл Ян Доруля. Он разработал первую в Словакии междисциплинарную славистическую концепцию – Программу лингвистических славистических исследований в Словакии (Program jazykovedného slavistického výskumu na Slovensku), которая вызвала живейшую научную дискуссию и после успешного оппонирования с участием более 70 специалистов – лингвистов, литературоведов, историков и этнологов – была опубликована в журнале «Slavica Slovaca».¹⁵ Хотя она называлась программой лингвистических исследований, ее междисциплинарный характер соответствовал широкому пониманию славистики не только как филологического направления, но как славяноведения – комплексной науки о славянах, включающей изучение истории, языка и культуры славянских народов, в которой язык играет объединяющую роль и связывает все сферы славянского мира. И, конечно, у словацкой славистики в центре всей концепции стоял словацкий язык: «Hlavným koncepčným princípom /.../ je zásada, že v centre výskumného záujmu je slovenský jazyk skúmaný z jazykovo-porovnávacieho a slavistického hľadiska na širokom kultúrno-historickom pozadí, v celej šírke jeho historického vývinu a súčasného stavu».¹⁶ В Программе были намечены девять магистральных направлений развития словацкой славистики, которые предпо-

ho ústavu Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied. In Žeňuch, P. (ed.): Slovenská slavistika včera a dnes. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, 2012, s. 9-56.

¹¹ Ďurišin, D.: Rokovanie slavistov v súčasnosti a budúcnosti. In Slavica Slovaca, 1989, roč. 24, č. 2, s. 179-181.

¹² Žeňuch, P.: Stav a perspektívy slovenskej slavistiky, c. d., s. 17.

¹³ Žeňuch, P.: Stav a perspektívy slovenskej slavistiky, c. d., s. 18.

¹⁴ Cp.: Žeňuch, P.: Stav a perspektívy slovenskej slavistiky, c. d., s. 18.

¹⁵ Doruľa, J.: Program jazykovedného slavistického výskumu na Slovensku. In Slavica Slovaca, 1989, roč. 24, č. 3, s. 201-210.

¹⁶ Doruľa, J.: Program jazykovedného slavistického výskumu na Slovensku, c. d., s. 201-202.

лагали тесную междисциплинарную кооперацию – тематический спектр каждого из них выходил далеко за рамки языка:

1. Этногенез словаков и древнейшая история словацкого языка.
2. Великоморавский период и его отражение в словацком языке и литературе, а также в других славянских языках.
3. Развитие языка словацкого этноса в эпоху феодализма.
4. Словацкое устное народное творчество в межславянском контексте.
5. История словацкой славистики.
6. Взаимосвязи словацкого языка с другими славянскими и неславянскими языками в историческом, сопоставительном и типологическом аспектах на уровне как литературных, так и нелитературных образований.
7. Словацкое национальное возрождение в славянском контексте.
8. Литературные языки словаков в славянском контексте.
9. Литературное творчество на шутовском словацком языке в славянском контексте.¹⁷

При каждом из направлений был указан «обязательный минимум» гуманитарных наук, включенных в исследования в данной области наряду с языкознанием, со специалистами которых были проведены предварительные консультации: 1 – история, археология, этнография; 2 – археология, история, история литературы; 3 – история, этнография; 4 – фольклористика, этнография, литературоведение; 5 – история, история литературы, фольклористика, этнография; 7 – история литературы, история, этнография; 8 – история литературы, история; 9 – история литературы; в рамках шестого направления спектр научных дисциплин определялся самой его формулировкой.¹⁸ В то время еще не был в ходу термин «междисциплинарность», однако эта программа была глубоко междисциплинарной по своей сути. Построенная таким образом концепция предвосхитила направленность XI съезда славистов, который состоялся в 1993 году в Братиславе, и легла в основу издательской политики журнала «*Slavica Slovaca*» – основного органа словацкой славистики.

Братиславский съезд славистов стал судьбоносным как для развития и международно-го признания словацкой славистики, так и для формирования концепции журнала «*Slavica Slovaca*». Не прошло и года от провозглашения независимой Словацкой Республики, в которой еще только формировались собственные государственные и общественные институты, и с административно-организационной точки зрения проведение крупного международного съезда было очень непростой задачей. Одновременно необходимо было поддержать и продолжить издание журнала «*Slavica Slovaca*», что требовало решения целого комплекса не только организационных, но и финансовых вопросов. Было найдено достойное решение: оба номера вышли в 1993 году одним томом, который вместил доклады словацких славистов, прозвучавшие на съезде. Таким образом не только сохранился журнал, но и позиционировала себя в новых геополитических условиях словацкая славистика. «Нежный развод» Чехии и Словакии имел огромное значение для развития гуманитарных наук, которые с новой силой стали акцентировать самобытность словацкой культуры, литературы и языка, необходимость воспринимать их как равноценные чешской культуре и избавиться от стереотипа «младшего брата».

¹⁷ Doruľa, J.: Program jazykovedného slavistického výskumu na Slovensku, c. d., s. 202-209; Doruľa, J.: Inštitucionalizácia slovenskej slavistiky. In Žeňuch, P. (ed.): Slovenská slavistika včera a dnes. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, 2012, s. 56-58.

¹⁸ Doruľa, J.: Inštitucionalizácia slovenskej slavistiky, c. d., s. 57.

Однако подчеркнуть самостоятельность не значит полностью изолироваться, и то лучшее, что сложилось за годы существования Чехословакии, – тесное научное сотрудничество и интенсивный обмен опытом – было сохранено. Поэтому в составе редколлегии были закреплены чешские ученые – в разные периоды это были Р. Мразек, И. Поспишил, В. Чермак и др.

На концепции и периодичности издания «*Slavica Slovaca*» отразились также структурные изменения в Академии наук и реорганизация редколлегии. На заре своего существования журнал выходил поквартально – четыре раза в год, с разделением языкознания и литературоведения по номерам: нечетные номера (1-й и 3-й) – лингвистического профиля, четные (2-й и 4-й) – литературоведческого. Так же были разделены и редколлегии – на лингвистическую, которую с первых номеров возглавил Ш. Ондруш, и литературоведческую под руководством М. Бакоша. С целью соответствия журнала международным стандартам и более эффективного информирования международного славистического сообщества содержание дублировалось в конце номера на двух иностранных языках. Первым из них был русский (как славистический *lingua franca*, а также по идеологическим соображениям), второй язык в лингвистических и литературоведческих номерах отличался – у языковедов это был английский, а у литературоведов – немецкий, что соответствовало сложившимся в Словакии традициям. С 1971 г. обе редколлегии перешли под начало одного главного редактора, что позволило лучше координировать их работу и унифицировать издательскую политику журнала.

Впоследствии Институт мировой литературы и языков САН разделился на Институт языкознания и Институт мировой литературы САН, и редколлегия журнала также разделилась: литературоведческая создала в новом институте отдельный журнал «*Slovak Review of World Literature Research*», а лингвистическая продолжила издание журнала «*Slavica Slovaca*».¹⁹ Реструктуризация Академии наук отразилась и на организации издания: журнал стал издаваться совместно тремя академическими институтами – Институтом языкознания, Институтом истории и Институтом этнографии САН (1992–1994). Эти изменения усложнили сам процесс издания, однако положительно повлияли на сохранение междисциплинарной концепции журнала, которая с 1992 г. была окончательно утверждена как ядро его издательской политики.²⁰ Изменилась и периодичность выхода: с 1992 г. журнал стал издаваться два раза в год.

В 1995 году на базе Института языкознания под руководством профессора Яна Дорули был создан Славистический кабинет САН – так журнал приобрел постоянного и основного издателя. С 1996 по 2010 годы Славистический кабинет издавал журнал совместно с Матицей словацкой. С 2011 года издательские функции Матицы взял на себя Словацкий комитет славистов. Он до сих пор является соиздателем «*Slavica Slovaca*» совместно с Институтом славистики САН, который был создан в 2005 году в результате трансформации Славистического кабинета САН в отдельное академическое учреждение и получил имя выдающегося словацкого слависта Яна Станислава. Таким образом, журнал стал не только изданием Института славистики САН, но и официальной платформой Словацкого комитета славистов.²¹

¹⁹ Как отделение литературоведческой части отразилось на дальнейшем профилировании журнала, см.: Žeňuchová, K.: Slovenská slavistika na stránkach časopisu Slavica Slovaca. In Slovenská slavistika včera a dnes, c. d., s. 78.

²⁰ Doruľa, J.: Inštitucionalizácia slovenskej slavistiky, c. d., s. 60.

²¹ Подробнее см.: Žeňuch, P.: Päťdesiat rokov slavistického publikačného orgánu na Slovensku. In Slavica Slovaca, 2015, roč. 50, č. 1, s. 3-5, а также Žeňuchová, K.: Slovenská slavistika na stránkach časopisu Slavica Slovaca. In Slo-

Как любое официальное периодическое издание, журнал «*Slavica Slovaca*» отражал государственную идеологию. В период социализма это было особенно заметно по литературоведческим номерам: они, в отличие от менее подверженных политическому влиянию лингвистических номеров, нередко представляли собой идеологически окрашенные тематические блоки – коммунистическая идеология и применение метода соцреализма (SS 4/1979), влияние русской революционно-демократической критики на развитие литературы (SS 4/1987) и т. п. Однако наука шла своим путем невзирая на идеологию, и с падением социалистического лагеря в репертуаре журнала появилось множество новых качественных исследований на актуальные темы.²²

На концепции журнала отражались не только структурные и административные изменения в Академии наук и государственная идеология, но и научный и личностный потенциал каждого из его главных редакторов – Ш. Ондруша, А. Поповича, Й. Ружички, Ф. Мико, Д. Коллара, В. Бланара, Э. Горака, Я. Дорули, П. Женюха. Так, в бытность главным редактором лингвистических выпусков Шимона Ондруша значительное место в нем занимали историко-этимологические исследования, а в обзорах и рецензиях делался акцент на новейшие достижения в данной области. В частности, уже ставший классическим «Этимологический словарь славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева рецензировался в 1967 году еще до выхода в свет первого выпуска словаря. Он находился лишь в форме проспекта и пробных статей, а в Словакии о нем уже знали! Словацкая научная общественность имела возможность следить и за такими эксклюзивными сферами славистики, как развитие сорабистики в ГДР, которое отражалось на страницах журнала с момента ее становления²³ и прослеживалось в динамике.²⁴ Несмотря на то, что до 1990-х гг. в журнале основное место занимали русистика и сопоставительные русско-словацкие и русско-чешские исследования, «*Slavica Slovaca*» не была ориентирована исключительно на СССР и русский язык – журнал стремился постоянно поддерживать свой международный статус. В нем появлялись, в частности, материалы о языковой ситуации в Италии,²⁵ литовско-чешских и литовско-словацких литературных связях,²⁶ обзоры европейских славистических публикаций²⁷ и многие другие.

С самого начала журнал «*Slavica Slovaca*» неуклонно выполнял главную свою миссию – установление и укрепление межславянских научных связей. В рецензиях и обзорах постоянно присутствовали публикации из Болгарии, Польши, Словении, Украины, Белоруссии, Македонии и других славянских земель независимо от их геополитического статуса. Главной целью было продемонстрировать взаимодействие и разнообразие славянских языков, литератур и культур и обменяться новейшими достижениями с коллегами-славистами. А поскольку славян связывает в первую очередь исторически общая языковая – праславянская – основа, в лингвистических выпусках закономерно преобладали материалы историко-этимологического и сопоставительного характера.

venská slavistika včera a dnes, c. d., s. 69-81.

²² Подробнее см.: Žeňuchová, K.: Slovenská slavistika na stránkach časopisu *Slavica Slovaca*. In *Slovenská slavistika včera a dnes*, c. d.

²³ Peciar, Š.: Druhá sorabistická konferencia v NDR. In *Slavica Slovaca*, 1967, roč. 2, č. 1, s. 81-83.

²⁴ Дуличенко, А. Д.: О синхронно-сопоставительной грамматике двулитературного языка (на материале верхне- и нижнелужицкого литературных языков). In *Slavica Slovaca*, 1992, roč. 27, č. 2, s. 129-136.

²⁵ Делл Агата, Дж.: Языковая ситуация в Италии. In *Slavica Slovaca*, 1981, roč. 16, č. 3, s. 282-286.

²⁶ Масенене, Б.: Перевод как форма литературных связей. Из истории литовско-чешских и словацких литературных связей. In *Slavica Slovaca*, 1991, roč. 26, č. 2, s. 125-132.

²⁷ Komorovský, J.; Löfstrand, E.: Slavonic Parchment Fragments in Sweden. I. Paroemiarion, Triadion, Psalter. In *Slavica Slovaca*, 1987, roč. 22, č. 3, s. 311-312.

Высокий статус журнала обеспечивался и тем, что в его редколлегиях работали авторитетнейшие филологи, которые на протяжении многих лет формировали его имидж. Полное их перечисление за всю историю журнала было бы слишком объемным, поэтому упомянем в первую очередь тех, кто стоял у истоков этой замечательной традиции: литературоведы – А. Попович, Д. Дюришин, М. Бакош, Ю. Копаничак, Р. Бртань, З. Клатик; лингвисты – Л. Дюрович, Ш. Ондруш, В. Бланар, Э. Паулини, Я. Станислав, Ш. Тобик, Д. Коллар, а также позже пришедшие в журнал Й. Ружичка, Ф. Мико, Я. Доруля и другие замечательные ученые, многие из которых стали родоначальниками теорий, значимых не только для словацкой, но и для мировой науки. Позиция членов редколлегии «*Slavica Slovaca*» способствовала их активному участию в формировании облика журнала, который регулярно размещал материалы по теории перевода, межлитературным связям, словацкой и славянской диалектологии, фонологии, этимологии, ономастике. На его страницах «встречались» крупные ученые разных поколений, что поддерживало и укрепляло преемственность в словацкой науке. Так, в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века здесь «встретились» публикации восходящей звезды переводоведения Антона Поповича²⁸ и последние публикации выдающегося слависта Александра Исаченко.²⁹

Есть у журнала и своя легендарная личность, его *perpetuum mobile* – профессор Ян Доруля, который стоял у истоков словацкой академической славистики и непосредственно участвовал в создании и развитии концепции журнала «*Slavica Slovaca*» практически на всем протяжении его истории – сначала как автор, потом как член редколлегии и (в 2003–2012 гг.) главный редактор. По сей день он остается членом редколлегии и принимает непосредственное участие в жизни журнала. Человек чрезвычайно разносторонних научных интересов и энциклопедических познаний, Ян Доруля обогатил «*Slavica Slovaca*» не только своими теоретическими публикациями, но и многочисленными обзорами и рецензиями, которые знакомили словацкую научную общественность с актуальными трендами отечественной и зарубежной славистики. Кроме двух с лишним десятков авторских статей, первая из которых появилась в №1 за 1966 год – исторически первом номере журнала – он опубликовал в нем свыше 60 рецензий, научных обзоров и информационных материалов. Кроме того, проф. Доруля внес неоценимый вклад в развитие и укрепление международных связей словацкой славистики. Выступив главным организатором Братиславского съезда славистов 1993 года, он самым непосредственным образом повлиял на выход словацкой славистики на международную арену, а с позиции директора различных академических институтов и председателя Словацкого комитета славистов, а также вице-председателя Международного комитета славистов делал всё для того, чтобы международные связи словацкой славистики имели не только научную, но и административно-правовую базу. Используя возможности Словацкой Академии наук и свои личные контакты, он оказывал всяческую поддержку молодым ученым, организовывал научные стажировки для молодых зарубежных славистов, среди которых была в 1990-е годы и автор данной статьи.

Здесь я позволю себе очень личное вкрапление, поскольку эта история заслуживает того, чтобы о ней знали в Словакии. То, как принял меня профессор Доруля (и замеча-

²⁸ Popovič, A.: On the conception „shift of expression“ in translations. In *Slavica Slovaca*, 1968, roč. 3, č. 2, s. 164-169; Popovič, Anton: Prenos vedeckých informácií a preklad. In *Slavica Slovaca*, 1973, roč. 8, č. 3, s. 253-254; Popovič, Anton: Text a metatext. Typológia medzitéxtových vzťahov ako predmet umenovedných výskumov. In *Slavica Slovaca*, 1973, roč. 8, č. 4, s. 347-373 и др.

²⁹ Isačenko, A. V.: Malý príspevok k slovenskej frazeológii: *Psí tridsiatok*. In *Slavica Slovaca*, 1970, roč. 5, č. 3, s. 290-292.

тельный коллектив Славистического кабинета), вся та помощь и поддержка, которую он оказал мне в организации стажировки и сборе материалов для диссертации, и не в последнюю очередь масштаб его личности – научный и человеческий – непосредственно повлияли на формирование моего славистического профиля. Как ни парадоксально это звучит, но это имело международные последствия в долгосрочной перспективе – зародилась словакистика в Белоруссии!

Чтобы показать, что это не преувеличение, приведу несколько фактов. В СССР славистических специальностей было мало, и на отдельные славянские языки набирались очень немногочисленные группы, причем лишь раз в несколько лет. Масштабное изучение русского языка в социалистических странах резко сократило коммуникативные потребности граждан СССР в изучении славянских языков, и славистика осталась «хобби для избранных». Как специальность она существовала всего в нескольких вузах огромного СССР, и набор на словацкий язык производился лишь в отдельных университетах России (Москва, Ленинград/Санкт-Петербург) и Украины (Львов; с 1994 г. также Ужгород).³⁰ В университетах Белоруссии отдельных славистических специальностей не было, а среди славянских языков, преподававшихся на филологическом факультете главного университета республики, не было словацкого.

После распада СССР в Белоруссии начала формироваться собственная славистическая база, что стало для меня профессиональным импульсом: стать словакистом. Еще до поступления в университет я самостоятельно изучала словацкий язык, но не имела возможности продолжать изучать его в университете – там я прослушала только курсы родственных чешского и польского языков. Однако, следуя своим интересам, писала диплом по сопоставительной белорусско-словацкой лексикологии и потом поступила на славянское отделение аспирантуры, где нужно было выбрать один из славянских языков в качестве основного. Я выбрала словацкий – и отправилась изучать его в Словакию, поскольку в Белоруссии он не преподавался. Кстати, первый мой языковой курс словацкого – участие в летней школе *Studia Academica Slovaca* – также помог организовать профессор Доруля, и потом я с его легкой руки три года подряд ездила в Словакию учиться языку. Так я стала первым «собственным» белорусским словакистом и открыла преподавание словацкого языка в Белорусском государственном университете (БГУ). Потом меня пригласили в Словакию лектором белорусского языка, но мною начатое дело продолжили мои студенты и последователи,³¹ и вскоре в Минске появился лектор словацкого языка. Это стало возможным благодаря тому, что с моим прибытием в Словакию одновременно оказались два белорусских лектора, официально командированных Министерством образования, и по международным договорам нужно было соблюсти принцип взаимности и выделить средства на словацкого лектора в Минске. С опорой на лектора словацкий язык впоследствии стал одной из славистических специальностей в БГУ. И началось всё это с моей

³⁰ Ср.: Валенцова, М. М.: Словакистика в России: краткий обзор. In *Slavica Slovaca*, 2013, роč. 48, č. 1, s. 66; Медвідь-Пахомова, С. М. – Джоганик, Я. (ред.): Паростки української словакистики / *Studia Slavistica I*. Ужгород: МОН України, УжНУ, Кафедра словацької філології, 2001. 108 s.

³¹ Особая заслуга в формировании белорусской университетской словакистики принадлежит Павлу Рааго, который издал краткую словацкую грамматику на белорусском языке и белорусско-словацкий разговорник. Когда я в 1996 году начинала преподавание словацкого языка в Минске, в Белоруссии не было своего учебника, и мне приходилось пользоваться старыми советскими учебниками и своими личными материалами, копировать которые для студентов в то время было практически невозможно по техническим и финансовым причинам. Сейчас ситуация совершенно иная – словакистика в Белоруссии полностью методически и технически обеспечена.

стажировки в Славистическом кабинете САН. Получается, что без участия профессора Дорули не было бы белорусской словакистики!

Мой случай – не единичный. Все, кому помог и кого вдохновил своим примером профессор Доруля, впоследствии активно трудились на ниве славистики и не в последнюю очередь были авторами публикаций в «*Slavica Slovaca*». Постоянно привлекались и новые авторы, расширявшие не только тематический спектр, но и международные контакты словацкой славистики в целом и журнала «*Slavica Slovaca*» в частности. Так, с открытием в Словакии первого белорусского лектората белорусская филология и проблематика словацко-белорусских языковых, литературных и культурных связей, которая раньше лишь единично появлялась на страницах журнала,³² стали постоянным компонентом его тематики.³³ Это лишь один из множества примеров тех положительных изменений, которые происходили при непосредственном участии проф. Дорули. Можно с полным правом сказать, что его огромная не только научная, но и человеческая заслуга состоит в том, что он обеспечивал и до сих пор обеспечивает преемственность научных поколений – не только в словацком, но и в международном масштабе. Его имя навсегда вписано золотыми буквами в историю журнала «*Slavica Slovaca*».

С конца 2012 года главным редактором журнала является Петер Женюх – ученик и последователь Яна Дорули, который многие годы работал в тандеме со своим учителем и принял от него эстафету, став председателем Словацкого комитета славистов, директором Института славистики им. Я. Станислава САН и главным редактором «*Slavica Slovaca*». Сохранив исторические и палеославистические традиции журнала, П. Женюх пошел значительно дальше в направлении междисциплинарности и сделал акцент на исследования в области славянской конфессиональности в ее связи с проблемами идентичности и народной культуры. Более систематичной стала аксиологическая составляющая, прежде всего проблематика христианских и культурных ценностей.³⁴ Затронутые ранее в «*Slavica Slovaca*» вопросы словацкого и славянского патриотизма³⁵ и этнических стереотипов³⁶ были органично дополнены сопоставительными исследованиями народной

³² См.: Груцо, А. П.: Даданія азначальныя з адноснымі прыслоўямі і злучнікамі ў беларускай мове. In *Slavica Slovaca*, 1968, роč. 3, č. 3, s. 268-275; Аниченко, В. В.: Функциональное развитие белорусского литературного языка. In *Slavica Slovaca*, 1982, роč. 17, č. 3, s. 243-250; Кісялёва, Н.: 3 гісторыі вывучэння беларуска-славацкіх моўных сувязей. In *Slavica Slovaca*, 1997, роč. 32, č. 1, s. 53-57.

³³ Обзор см.: Lašuková, V. – Džundová, I.: Slovensko-bieloruské vzťahy: stav a perspektívy výskumu. In Žeňuch, P. (ed.): *Slovenská slavistika včera a dnes*. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, Slavistický ústav Jána Stanislava Slovenskej akadémie vied, 2012, s. 148-172.

³⁴ Аксиологической проблематике посвящен практически полностью №3 за 2021 год, ранее публиковался ряд статей Я. Дорули, П. Женюха и отдельные труды других исследователей. Из новейших публикаций: Judák, V.: Cyrilometodské hodnoty prezentované nitrianskymi biskupmi v 20. storočí. In *Slavica Slovaca*, 2024, роč. 59, č. 1, s. 5-21; Šašerina, S.: Obraz spravodlivého sveta Slovanov vo vybraných duchovných a didaktických textoch na Slovensku. In *Slavica Slovaca*, 2023, роč. 58, č. 1, s. 147-152; Jagelková, L.: O smerovaní etnolingvistiky a axiológie: Ján Doruľa a výskum duchovnej kultúry na Slovensku. In *Slavica Slovaca*, 2023, роč. 58, č. 2, s. 280-288; Седакова, И. А.: Кризис как благо: от нетрадиционных ценностей к традиционным. In *Slavica Slovaca*, 2021, роč. 56, č. 3, s. 321-331 и др.

³⁵ Doruľa, J.: Základy slovenského vlastenectva. In *Slavica Slovaca*, 2010, роč. 45, č. 2, s. 105-114.

³⁶ Kiliánová, G.: Kultúrno-historické vzťahy slovensko-rakúske na etnickej hranici. Reflexia etnických stereotypov v rozprávani zo života. In *Slavica Slovaca*, 1993, роč. 28, č. 1-2, s. 185-191.

ментальности,³⁷ идентичности и культурных стереотипов,³⁸ традиционной культуры³⁹ и многочисленными исследованиями по религии и духовной культуре славян.⁴⁰ На страницах журнала в полной мере отразился исследовательский профиль Института славистики им. Яна. Станислава САН, который в рамках своей основной стратегии – сравнительного изучения словацко-инославянских и словацко-неславянских языковых и этноконфессиональных отношений (прежде всего с народами, находившимися со словаками в непосредственном историческом и культурном соседстве) в культурологическом, музыковедческом, теологическом и историческом аспектах – сосредоточился в последнее время на проблематике словацко-латинских и словацко-церковнославянских взаимосвязей с отдельным акцентом на карпатский регион, известный своей мультикультурностью.⁴¹ В результате славистические исследования обогатились новыми трудами по изучению культурного взаимодействия текстов на канонических латинском и церковнославянском языках с живой народной славянской средой. В междисциплинарные славистические исследования был включен целый ряд новых проектов: изучение письменности славянских религиозных обществ – орденов францисканцев, иезуитов, базилианцев и камальдулов; изучение агиографических текстов, связанных с великоморавской и кирилло-мефодиевской традицией; исследования произведений устного народного прозаического творчества, зафиксированных в сборниках словацких и иностранных собирателей конца XIX – начала XX века, и тесно с ними связанные исследования языковых и этноконфессиональных взаимосвязей в регионе Карпат.⁴² Таким образом сохранялась и неуклонно развивалась центральная линия самой деятельности Института славистики САН и издательской политики журнала «Slavica Slovaca» – сопоставительные исследования на всех уровнях: как справедливо подчеркивает П. Женьух, «práve interdisciplinárny a komplexný výskum slovensko-slovanských i slovensko-neslovanských vzťahov posúva naše poznanie, lebo prispieva k objektivizácii našich vedomostí a poznatkov o dejinách, o jazyku, o kultúre a spoločnosti Slovanov od najstarších čias podnes – a v ich rámci aj o nás samých. Diachrónnne aspekty nášho poznania formujú vedomie príslušnosti ku konkrétnej historickej, kultúrnej i jazykovej societe a zároveň sú východiskom pri synchrónnych filologických a nefilologických aspektoch výskumu. Veď Ján Kollár vyslovil tézu, že iba poznaním minulosti lepšie chápeme aktuálne dianie».⁴³

В рамках уже ставших традиционными дополнительных номеров-приложений, издаваемых раз в год под обозначением Supplementum под №3 (иногда №4 или двойной номер 3-4), журнал опубликовал целую серию памятников славянской духовной культуры,

³⁷ Голик, Р.: Образ слов'янського й неслов'янського світу в ментальності галичан XIX–XX ст. In Slavica Slovaca, 2013, roč. 48, č. 2, s. 161-171.

³⁸ Žeňuch, P.: Kultúrne stereotypy v byzantsko-slovanskom konfesionálnom prostredí na Slovensku. In Slavica Slovaca, 2014, roč. 49, č. 2, s. 121-137; Slobodová Nováková, K.: Strava ako etnoidentifikačný faktor zahraničných Slovákov (na príklade Slovákov v Kanade). In Slavica Slovaca, 2023, roč. 58, č. 3, s. 569-577 и др.

³⁹ Плотникова, А. А.: Словацкая народная традиция в этнолингвистическом аспекте (карпато-балканские исследования). In Slavica Slovaca, 2012, roč. 47, č. 2, s. 97-103; Валенцова, М.: Моравская и силезская демонология в чешско-словацком культурном ареале. In Slavica Slovaca, 2017, roč. 52, č. 2, s. 122-132; Узенёва, Е. С.: Система ценностей болгар-мусульман региона Фракия в Греции: метаморфозы XXI века. In Slavica Slovaca, 2021, roč. 56, č. 3, s. 428-437 и др.

⁴⁰ По соображениям объема мы не указываем отдельные публикации – данная тематика присутствует практически в каждом номере журнала.

⁴¹ См. исследовательскую концепцию института, декларируемую на его официальном сайте www.slavu.sav.sk.

⁴² Žeňuch, P.: O špecifikách a identite slavistického výskumu na Slovensku. In Slavica Slovaca, 2010, roč. 45, č. 2, s. 99-104.

⁴³ Žeňuch, P.: Stav a perspektívy slovenskej slavistiky, c. d., s. 13.

созданных на территории Словакии.⁴⁴ Кроме введения и научных комментариев, многие из них сопровождаются отдельными статьями; латинские и церковнославянские памятники опубликованы в переводе на словацкий язык. Таким образом сохраняется центральная линия славистической концепции журнала – как можно более глубокое и всестороннее изучение словацкого языкового и культурного наследия на широком славянском фоне.

Без внимания не остаются и современные научные тренды: цифровизация гуманитарных исследований, создание национальных и многоязычных языковых корпусов и баз данных, гендерная проблематика и многое другое. Значительную роль в информировании научной общественности Словакии о новейших исследованиях играют обзоры, традиционно публикуемые в рубрике «Rozhl'ady», и многочисленные рецензии. Для комплексного освещения какой-либо проблематики практикуется издание внеочередного номера – например, №3 за 2023 год посвящен языку и культуре словацкой диаспоры в Аргентине, №3 за 2021 год – проблемам славянской аксиологии и т. п.

В последние 15 лет всё более яркий международный характер приобретает редколлегия журнала. После 1993 года в ее составе находились только словацкие и чешские ученые, но вскоре начали прибывать представители всё новых и новых стран: 2011 – Италия, Болгария; 2017 – Польша, Россия⁴⁵; 2022 – Литва, Украина; 2023 – Сербия. На сегодняшний день в редколлегию «Slavica Slovaca» входят ученые из восьми стран.

Самим своим названием «Slavica Slovaca» постулирует приоритет национальных исследований с целью вписать их в международный славистический контекст. И в этом не последнюю роль играют персональные научные контакты словацких ученых, благодаря которым журнал постоянно держит руку на пульсе новейших достижений мировой славистики. Один из ярких примеров: «Slavica Slovaca» был одним из первых славистических периодических изданий, ознаменовавших научную общность с концепцией Московской этнолингвистической школы Н. И. и С. М. Толстых,⁴⁶ и впоследствии регулярно публиковал труды российских этнолингвистов – С. М. Толстой, А. А. Плотниковой, А. Г. Кравецкого, М. М. Валенцовой, Е. С. Узёновой и многих других, что дало импульс к развитию этнолингвистики в Словакии. И хотя этнолингвистические исследования в Словакии пока нельзя назвать систематическими, на I Международном этнолингвистическом конгрессе в Люблине в июне 2021 года уже прозвучал отчет о работе словацких этно-

⁴⁴ Zavarský, S.: Martin Sentiváni: Dissertatio cosmographica seu De mundi systemate / Sústava sveta – kozmologická štúdia. In Slavica Slovaca, 2011, roč. 46, č. 3, s. 3-154; Doruľa, J.: Z dejín slovensko-nemeckých vzťahov Nemecká a slovenská účtovná kniha zo 17. storočia. In Slavica Slovaca, 2012, roč. 47, č. 3, s. 3-160; Škoviera, A.: Kyjevský polemicko-apologetický rukopisný zborník s liturgiou svätého Petra. In Slavica Slovaca, 2013, roč. 48, č. 3, s. 2-56; Žeňuch, P. – Žeňuchová, K.: Dva cyrilské liečiteľské rukopisy z Michaloviec: Врять Домашный z roku 1790; Помощник у Домовствѣ, газдуствѣ z roku 1791. In Slavica Slovaca, 2014, roč. 50, č. 3, s. 3-148; Zubko, P.: Skrutiniá uniatskych presbyterov z roku 1749. In Slavica Slovaca, 2015, roč. 50, č. 3, s. 3-102; Marínčák, Š. (ed.): Rukopisný irmologion arch. 8465 Zakarpatského vlastivedného múzea v Užhorode. Diplomatický prepis. In Slavica Slovaca, 2017, roč. 52, č. 3-4, s. 3-416; Zubko, P. – Žeňuch, P. (eds.): Diecézne štatúty Michala Manuela Olšavského z rokov 1752 – 1758. In Slavica Slovaca, 2019, roč. 54, č. 3-4, s. 5-100; Žeňuch, P. (ed.): Rakošínský cyrilský rukopisný zborník z konca 17. a zo začiatku 18. storočia. In Slavica Slovaca, 2021, roč. 56, č. 4, s. 5-74; Karabová, K. (ed., štúdia a preklad): Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum / Filologický a zemepisný obraz Panónčanov. In Slavica Slovaca, 2022, roč. 57, č. 4, s. 5-100; S. Šašerina (ed.): Cyrilský rukopis Klimenta Bukovského z 18. storočia. In Slavica Slovaca, 2023, roč. 58, č. 4, s. 5-161.

⁴⁵ С 2017 года при именах зарубежных членов редколлегии на обложке журнала стала указываться страна их аффилиации.

⁴⁶ Рецензии на монографии этнолингвистов Московской школы на страницах журнала «Slavica Slovaca» стали источником информации о развитии этнолингвистики в России – см., в частности, Králík, L.: Березович, Е. Л.: Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. Москва: Издательство Индрик 2007. 600 с. In Slavica Slovaca, 2009, roč. 44, č. 2, s. 179-180.

лингвистов, которые начали активно сотрудничать с российскими и болгарскими коллегами.⁴⁷ Отражается в журнале и сотрудничество с партнерскими институтами академий наук многих славянских стран, с которыми Институт славистики САН организует совместные проекты, проводит конференции и издает сборники научных трудов.

Еще на один из аспектов разносторонности журнала хочется указать отдельно, поскольку он напрямую связан с межславянской научной кооперацией. В «*Slavica Slovaca*» отразилась эволюция создания крупных славянских языковых атласов – Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) и Общекарпатского диалектологического атласа (ОКДА), в работе над которыми принимали и принимают самое активное участие словацкие ученые.⁴⁸ Эти масштабные международные проекты помогают не только картографировать и подробно описать славянское языковое и культурное наследие в его проекции на современность, но и укрепить научное сотрудничество ученых-славистов. Одной из платформ для такого сотрудничества стал журнал «*Slavica Slovaca*», который публиковал информационные материалы о концепции и содержании отдельных томов ОЛА и ОКДА, исследования конкретные межславянских изоглоссов и отчеты о результатах этой многолетней работы.⁴⁹ Участие словацких ученых в создании славянских атласов имело еще один важный эффект: оно укрепило позиции ареальной лингвистики в Словакии.⁵⁰

Возобладавший в современной науке тренд меж- и мультидисциплинарности полностью соответствует тому курсу, которым журнал шел с самого начала – точнее, этим путем пошла словацкая славистика, платформой которой он является. Как справедливо отмечал П. Женюх, при изучении состояния языка, литературы, культуры и истории славян невозможно обойтись без психолингвистических, социолингвистических, этнокультурных и многих других аспектов, выходящих далеко за рамки филологии, поэтому их нельзя считать новыми направлениями в славистике – междисциплинарность всегда присутствовала в славистических исследованиях.⁵¹ Это способствовало сохранению и развитию мно-

⁴⁷ Основой для доклада, с которым выступила Катарина Женюхова, послужили материалы публикации: Žeňuchová, K. (ed.): *Etnolingvistický výskum na Slovensku. Súčasný stav a perspektívy*. Bratislava: Slavistický ústav J. Stanislava SAV, 2020. В докладе отмечалось, что этнолингвистика в Словакии находится в стадии развития, и в настоящий момент большинство исследований опирается на две центральные славянские этнолингвистические концепции: уже упомянутую Московскую этнолингвистическую школу Н. И. и С. М. Толстых с ее диахроническими приоритетами и Люблинскую когнитивную этнолингвистику Е. и С. Бартминских, ориентированную на современное восприятие народной символики, стереотипов и традиций. Тезисы доклада опубликованы в: Žeňuchová, K.: *Súčasný stav a perspektívy rozvoja etnolingvistiky na Slovensku*. In *I Miedzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny. Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: stan badań, metody i postulaty badawcze. Program i tezy referatów*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2021, s. 275-276. См. также: Китанова, М.: *Этнолингвистика на границата между две столетия*. In *Slavica Slovaca*, 2015, roč. 50, č. 2, s. 103-115.

⁴⁸ Их вклад в ОЛА особенно важен: именно словацкая редакционная группа ОЛА оптимизировала цифровую обработку карт атласа, что значительно упростило и ускорило его подготовку к печати.

⁴⁹ Hrabovský, A.: *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas. Vstupiteľnyj vypusk. Obščije principy. Spravočnyje materialy*. Moskva, Nauka 1978. 254 s. In *Slavica Slovaca*, 1980, roč. 15, č. 1, s. 94-95; Ripka, I.: *Koncepcia a realizácia Celokarpatského dialektologického atlasu z aspektu slovenskej dialektológie*. In *Slavica Slovaca*, 1992, roč. 27, č. 2, s. 123-128; Siatkowski, J.: *Słowiańskie nazwy 'myśliwego' w świetle materiałów Atlasu ogólnosłowiańskiego*. In *Slavica Slovaca*, 2000, roč. 35, č. 2, s. 155-160; Žigo, P.: *Prirodzenosť v morfológii a Slovánský jazykový atlas*. In *Slavica Slovaca*, 2007, roč. 42, č. 1, s. 49-57 и многие другие.

⁵⁰ Žigo, P.: *Slovanský jazykový atlas – vzťah jazyka a historicko-spoločenských fenoménov z areálového hľadiska (Životnému jubileu Jana Basaru)*. In *Slavica Slovaca*, 2009, roč. 44, č. 1, s. 5-12.

⁵¹ Žeňuch, P.: *O špecifikách a identite slavistického výskumu na Slovensku*, c. d., s. 100. В качестве примера приведем две публикации значительной давности – по социо- и психолингвистике: Bosák, Ján: *Novšie sociolingvistické prístupy k skúmaniu slovanských jazykov*. In *Slavica Slovaca*, 1991, roč. 26, č. 3, s. 224-235; Ангелова-Атанасова, Мария: *Свободен асоциативен експеримент върху материал от българския именник*. In *Slavica Slovaca*, 1998, roč. 33, č. 1, s. 34-40.

гопрофильности «Slavica Slovaca», тематический спектр публикаций которого постоянно расширяется. В последнее время в журнале освещались различные аспекты современной коммуникации⁵² – такие, как медиакоммуникация⁵³ и коммуникация людей с ограниченными возможностями⁵⁴; всё чаще стали появляться исследования, посвященные языку, быту и культуре словацких диаспор за рубежом.⁵⁵ Традиционная этноконфессиональная и историко-культурная проблематика также предстает в новых ракурсах – например, исследования феномена «плачущих икон»,⁵⁶ фантастических существ в каноническо-правовых текстах⁵⁷ и т. д. Продолжают последовательно публиковаться профильные в концепции журнала сопоставительные исследования в области межлитературных связей, славянских литератур и культур,⁵⁸ этимологии и истории славянских языков.⁵⁹

Обширная тематика, обзоры научных новинок, эксклюзивные публикации и международный резонанс обеспечили журналу «Slavica Slovaca» стабильное реноме и авторитет в словацкой и мировой славистике, что подтверждается его высокими рейтингами в международных базах научных публикаций – Scopus, ERIN Plus, CEJSN, CEEOL, OAJ. И хотя ситуация в мировой и словацкой славистике в последние годы значительно ухудшилась, журналу удавалось держаться на плаву и справляться с кадровыми, техническими и финансовыми проблемами. Хочется пожелать ему достичь издательской стабильности и удержать ее, сохранить и приумножить достигнутые успехи и в следующее десятилетие войти еще более зрелым, известным и научно значимым периодическим изданием, продолжающим свою центральную линию и лучшие традиции. Я верю в будущность «Slavica Slovaca». Многая и благая лета!

⁵² Понятие «современная коммуникация» подразумевает весь комплекс актуальных видов коммуникации, включая ее новые разновидности (виртуальные и поликодовые коммуникаты и т. п.). Расширение границ коммуникации сделало возможным ее изучение в новых аспектах и привело к формированию новых лингвистических субдисциплин – в частности, медиалингвистики (ср.: Калечиц, Е. И.: Фразеологизмы «в действии»: семантико-прагматический аспект. Минск: Колорград, 2020, с. 21–29), которая пополнила репертуар лингвопрагматических исследований. В связи с «прагматическим бумом» в лингвистике можно предположить, что прагматическая составляющая станет более заметной и в журнале «Slavica Slovaca».

⁵³ Gallo, J. – Spišáková, A.: Súčasné tendencie a prejavy v prostredí mediálnej komunikácie (na materiáli ruských a slovenských mediálnych textov). In Slavica Slovaca, roč. 60, č. 1/2025, s. 80–92.

⁵⁴ Lopúchová, J. – Schallerová, S.: Braillovo písmo ako významný prostriedok komunikácie nevidiacich a ťažko zrakovo postihnutých. In Slavica Slovaca, 2022, roč. 57, č. 3, s. 354–359.

⁵⁵ Изучение диаспор является давней традицией словацких гуманитарных наук, и эта тематика неизменно актуальна, что показывает, в частности, новейшая публикация – Kováčová, Z.: Nadlac as a linguistic, literary, an cultural phenomenon: The importance of original literary works for preserving the national identity f Slovaks in Romania. Praha: Verbum, 2024. 170 s. Журнал «Slavica Slovaca» также сделал свой вклад в эту проблематику, причем в наименее исследованную ее часть: если диаспоры в близлежащих государствах – Венгрии, Сербии, Румынии – систематически изучаются в контексте словацкой истории, то «заокеанские» словаки долго оставались за пределами внимания науки, и именно эту лауну частично заполнил журнал. Материалы о языке словаков в Америке публиковались еще в №2 за 1992 г., а словацкой диаспоре в Аргентине посвящен практически полностью внеочередной №3 за 2023 г. (там же и статья о словаках в Канаде – см. примечание 38). Поскольку в нынешнем составе редколлегии есть специалист по культуре меньшинств Л. Леновски, предполагаем, что данная тематика будет и далее разрабатываться в журнале.

⁵⁶ Kocój, E.: *Sacrum i ızı. Fenomen płaczących ikon w wyobrazeniach religijnych w prawosławiu* (wybrane zagadnienia). In Slavica Slovaca, 2015, roč. 50, č. 2, s. 140–155.

⁵⁷ Najdenova, D.: Фантастичните същества в каноничноправните текстове. In Slavica Slovaca, 2025, roč. 60, č. 1, s. 19–32.

⁵⁸ Amir, A.: Židovsko-slovanské vzťahy v tvorbe spisovateľov – duchovných východného ritu v 19. storočí (podľa drámy Alexandra Duchnoviča). In Slavica Slovaca, 2022, roč. 57, č. 3, s. 301–312; Taneski, Z.: Chorvátsky básnik Danijel Dragojević v slovenskom kultúrnom priestore. In Slavica Slovaca, 2025, roč. 60, č. 1, s. 102–111 и др.

⁵⁹ Pukanec, M.: Etymológia mena *Simarǵh* a niektoré iránske paralely. In Slavica Slovaca, 2012, roč. 47, č. 2, s. 104–107; Kačala, J.: Štúrov koncept spisovného jazyka (aj) ako úsilie prekonať jazykovo-konfesionálne rozštiepenie Slovákov. In Slavica Slovaca, 2022, roč. 57, č. 3, s. 229–236 и др.

Vývojové tendencie slovenskej slavistiky na stránkach časopisu *Slavica Slovaca*

Natália B. Korina

Príspevok k 60. výročiu časopisu *Slavica Slovaca* prináša analýzu míľnikov formovania koncepcie slavistického výskumu na Slovensku a ich odrazu vo vydavateľskej politike a praxi časopisu, ktorý vznikol ako publikačná platforma Slovenského výboru (neskôr komitétu) slavistov a stal sa ústredným periodikom slovenskej akademickej slavistiky.

Fungovanie časopisu v priebehu desaťročí jeho existencie ovplyvňovali viaceré nielen vedecké faktory, najmä aktuálne politické dianie, reštrukturalizácia Slovenskej akadémie vied, finančné a organizačné ťažkosti atď. Svoju súčasnú koncepcijnú podobu nadobudol začiatkom 90. rokov 20. storočia, čomu predchádzalo uverejnenie v roku 1989 Programu lingvistického slavistického výskumu na Slovensku vypracovaného J. Doruľom. Významnou až osudnou v tom najlepšom slova zmysle udalosťou v dejinách časopisu sa stal 11. Medzinárodný zjazd slavistov v Bratislave (1993), ktorý spečatil interdisciplinárne smerovanie slovenskej slavistiky a posunul ju na medzinárodnú úroveň. Interdisciplinarita je zákonným výsledkom pestovania na Slovensku široko chápanej slavistiky ako vedy o Slovanoch, ich jazyku, dejinách a kultúre. V príspevku sa sledujú vývojové tendencie a rozšírenie interdisciplinárneho záberu v koncepte časopisu.

Osobitne sa zdôrazňuje osobný prínos k rozvoju slovenskej slavistiky a jej časopisu významných slovenských vedcov, ktorí pôsobili vo funkcii hlavného redaktora časopisu a pracovali v zložení redakčnej rady. Š. Ondruš, A. Popovič, J. Ružička, F. Miko, D. Kollár, V. Blanár, E. Horák, J. Doruľa, P. Žeňuch – každý z nich zanechal viditeľnú stopu v tematickom zameraní *Slavica Slovaca* a prispel k obohateniu jeho repertoáru. Veľká úcta a vďaka patrí predovšetkým profesorovi Jánovi Doruľovi, ktorý je kľúčovou postavou modernej slovenskej slavistiky, autorom jej výskumnej koncepcie, jej významným medzinárodným reprezentantom a osobnosťou obrovského ľudského a vedeckého rozmeru.

СЕРГЕЙ ТЕМЧИН*

О современном местонахождении некоторых рукописей руськомовных учительных евангелий

TEMCHIN, S.: Clarifying the modern location of several Ruthenian manuscript didactic gospels. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 149-151 (Bratislava).

The article clarifies the modern location of several Ruthenian manuscript didactic gospels, which remained unknown for Halyna Czuba while compiling her specialized catalogue (2011). These are now kept in Slovakia, Czech Republic, Serbia, Romania, Canada, and Russia. When possible, printed catalogues describing these manuscripts are cited.

Grand Duchy of Lithuania; Kingdom of Poland; Cyrillic manuscripts; Ruthenian language; Didactic Gospels

Последовательное изучение рукописных руськомовных учительных евангелий¹ было начато украинско-польской исследовательницей Галиной Чубой, которая наряду с многочисленными исследовательскими статьями на данную тему опубликовала значительный по объему специализированный каталог, в котором описала 96 рукописных единиц хранения указанного типа (самых рукописей несколько меньше, поскольку некоторые из них были разделены на части, хранящиеся и, соответственно, описанные ею раздельно).² Каталог не свободен от неточностей и не является исчерпывающим: за его пределами остается значительная часть сохранившихся списков (порядка 40 рукописей), но все же отражает основной корпус дошедшего до наших дней рукописного материала (более двух третей от общего объема).³

В начале своего каталога (с. 31-33) исследовательница указала списки, известные ей лишь по литературе предмета, современное местонахождение которых ей не удалось уста-

* Сергей Юрьевич Темчин (Sergejus Temčinas), кандидат наук, доцент гуманитарных наук, главный научный сотрудник Института литовского языка (Вильнюс, Литва), <https://orcid.org/0000-0002-6706-5963>; Lietuvių kalbos institutas, Petro Vileišio g. 5, LT-10308 Vilnius, Lietuva; email: sergejus.temcinas@flf.vu.lt

¹ О феномене руськомовных (украинско-белорусских) рукописных учительных евангелий в типологическом аспекте и их месте в языковом развитии соответствующего региона см.: Темчин, С. Ю.: Новый жанр для нового языка у болгар, македонцев, украинцев и белорусов: дамаськины и учительные евангелия (XVI-XIX вв.). In: Тасева Л. и др. (ред.), *Българистиката в Европа: настояще и бъдеще*. София: Издателство „Изток-Запад“, 2019, с. 244-252.

² Чуба, Г. В.: *Українські рукописні учительні Євангелія: Дослідження, каталог, описи*. Київ-Львів: Свічадо, 2011.

³ Рукописи этого типа нельзя смешивать с более ранними по происхождению переводными церковнославянскими четкими сборниками с тем же названием, которые переписывались и издавались также на восточнославянских землях Великого княжества Литовского и Польского королевства.

новить. Данная статья призвана по мере возможности прояснить этот вопрос. При этом я оставляю в стороне рукописи, о существовании которых Г. Чубе вообще не было известно.

1. Углянское учительное евангелие конца XVII века, хранящееся под сигнатурой IX C 19 в Отделении рукописей и старопечатных книг библиотеки Национального музея Чешской республики в Праге, недавно полностью опубликовано наборным способом.⁴

2. Бодянское учительное евангелие, некогда хранившееся в монастыре Боджяни (Воеводина, Сербия),⁵ а затем бывшее в распоряжении Бачской епархии (г. Нови Сад),⁶ ныне находится на депозите в Библиотеке Матицы сербской (176 л.).⁷ Три листа, случайно отделившиеся от рукописи ранее 1931 года, хранятся отдельно в фондах той же библиотеки (сигнатура PP IV 40).⁸ Рукопись, в 1831 году насчитывавшая 222 листа, датирована по филиграммам трех отделившихся листов около 1669 года (ранее датировалась концом XVI-началом XVII в.).

3-4. Даниловское учительное евангелие первой половины XVII века (233 л.)⁹ ныне находится в собрании А. М. Колессы¹⁰ в составе частной библиотеки д-ра Георгия (Юрия) Гериха (Оттава, Канада).¹¹ Там же хранится также Березненское учительное евангелие конца XVII-начала XVIII века (160 л.; номер последнего листа 158 ошибочен: при нумерации пропущено два листа).¹²

5. Еще одно учительное евангелие, датируемое XVI в. (233 л.), хранится в коллекции И. Огиенко (№ 11) в Виннипеге (St. Andrew's College, Канада).¹³

6. Из рукописных учительных евангелий, некогда бытовавших в лемковских церквях Пряшевщины, одно, датируемое 1640-е годами (462 л.; карандашная нумерация заканчивается номером 462 с перескоком в 9 единиц после 290 и не охватывает последних 9 листов), ныне хранится в Вигорлатском музее (г. Гуменне, Словакия).

⁴ Šašerina, S.: Dva ugljanske rukopisy ponaučení a exempli z 17. storočia - Две углянские рукописи поучений и притч XVII века. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2019 (Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae, vol. VI), s. 185-428.

⁵ Яворский, Ю. А.: Бодянское учительное евангелие. Из черновых материалов А. Л. Петрова. Praha: Králevská česká společnost nauk, 1936 (оттиск из: Věstník Královské české společnosti nauk, Trída pro filosofii, historii a filologii, Ročník 1935, č. 2).

⁶ Богдановић, Д.: Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI-XVII века). Београд: Српска академија наука и уметности, 1982 (Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Прво одељење, књ. 31), с. 46 (№ 466).

⁷ Искренне благодарю Ежи Остапчука за неоценимую помощь в поиске и установлении современного местонахождения этой рукописи и Душицу Грбич за предоставление ее цифровой копии.

⁸ Јерковић, В. (ред.), Ћирилске рукописне књиге Библиотеке Матице српске, књ. 12: Поученија. Нови Сад: Библиотека Матице српске, 2007, с. 44-47; Грбић, Д.: О провенијенцији одломка Поученија за четврту и пету недељу поста. In: Јерковић, В. (ред.), Ћирилске рукописне књиге Библиотеке Матице српске, књ. 12: Поученија. Нови Сад: Библиотека Матице српске, 2007, с. 98-114.

⁹ Франко, І.: Карпато-руське письменство XVII-XVIII вв., Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка, 1900, с. 27-37; Франко, І.: Апокріфи і легенди з українських рукописів, т. 2: Апокріфи новозавітні. А. Апокріфічні евангелія. Львів: Накладом Наукового товариства імені Шевченка, 1899 (Памятки українсько-руської мови і літератури, т. 2), с. 98-102, 112-116.

¹⁰ Искренне благодарю Ольгу Младеневу за неоценимую помощь в поиске этого рукописного собрания, а семью Г. Гериха, в чьем распоряжении оно теперь находится – за любезное предоставление фотографий указанных двух учительных евангелий.

¹¹ Gerus-Tarnawicka, I. I.: East Slavic Cyrillica in Canadian repositories: Cyrillic manuscripts and early printed books, Winnipeg: Society of Volyn, 1981 (Research Institute of Volyn, no. 47), p. 42-43 (no. 20), 74 (illustration no. 18).

¹² Ibidem, p. 41-42 (no. 18), 72 (illustration no. 16).

¹³ Ibidem, p. 38 (no. 9), 64 (illustration no. 8).

7-9. В собрании Э. И. Калужняцкого Санкт-Петербургской Библиотеки Российской академии наук хранятся три руськомовных рукописных евангелия:¹⁴ Калужн. 1 (12.3.1), 1-я треть XVII в., 350 л.; Калужн. 3 (12.3.3), конец XVI начало XVII в., 209 л.; Калужн. 8 (12.3.8), 1619-1670 гг., 286 листов и хранящаяся отдельно часть той же рукописи Калужн. 33 (6 л.); последние шесть листов должны располагаться в начале кодекса Калужн. 8, их истинная последовательность такова: л. 2, 1, 3, 5, 6, 4. Один из этих списков (12.3.3) был известен Г. Чубе по печатному описанию,¹⁵ хотя оно содержит также публикацию двух предисловий из рукописи 12.3.1 (Калужн. 1).¹⁶

10-11. В Бухарестской Библиотеке Румынской академии наук хранятся два рукописных учительных евангелия: № 75 (180 л., конец XVI в.)¹⁷ и № 76 (111 л., конец XVII в.).¹⁸

Таким образом, удалось определить современное местонахождение большинства руськомовных рукописных учительных евангелий, которое оставалось неизвестным Г. Чубе в 2011 году.

Clarifying the modern location of several Ruthenian manuscript didactic gospels

Sergei Temchin

The article clarifies the modern location of several Ruthenian manuscript didactic gospels, which remained unknown for Halyna Czuba while compiling her specialized catalogue (2011). A total of eleven codes are presented. These are now kept in Slovakia, Czech Republic, Serbia, Romania, Canada, and Russia. When possible, printed catalogues describing these manuscripts are cited. Thus, it was possible to determine the modern location of most of the Ruthenian manuscript didactic gospels, which was unknown to H. Czuba in 2011.

¹⁴ Эти три учительных евангелия находились в составе рукописного собрания Э. И. Калужняцкого уже в 1918 году, см.: Багрий, А. В.: В защиту ценностей духа (Из отчета по сохранению памятников старины, искусства и культуры в районе военных действий). Самара: Типография „Русский печатник“, 1918, с. 13 (№ 3, 4, 9).

¹⁵ Зема, В., Зінченко, С., Фрис В., Metropolis Kijoviensis: Каталог і тексти петербурзьких зібрань. Київ: Інститут Історії України Національної Академії наук України, 2010, с. 51-62.

¹⁶ Ibidem, p. 174-177.

¹⁷ Panaitescu, P. P.: Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR, vol. 1, București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1959, p. 95-99.

¹⁸ Ibidem, p. 99-100.

КАЛИНА МИЧЕВА-ПЕЙЧЕВА* – ТАТЯНА БРАГА**

Лексикални и семантични реализации на концепта *нечисти хора* в историята на българската книжнина¹

MICHEVA-PEYCHEVA, K.-BRAGA, T.: Lexical and semantic implementations of the concept *impure people* in the history of Bulgarian literature. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 152-166 (Bratislava).

This study is focused on the pure – impure opposition in the history of Bulgarian literature with special emphasis on impure people. In this study, we set ourselves the task of analyzing the manifestations of cultural and linguistic syncretism in the semantics and nominations of impure people in selected works from the 10th to the 18th century. The linguistic material is considered in relation to ethnographic and folkloric principles within the context of folk culture, where we find explanations of impure beings, impure powers, and impure individuals.

History of the Bulgarian literature; Christian and traditional notions of pure and impure; impure people.

1. Увод

Проучването на семантичната опозиция чисто – нечисто в исторически план е свързано с развиващото се направление на диахронната лингвокултурология в съвременната антропология. Важен елемент от структурата на това противопоставяне са чистите и нечисти хора. С тези термини в етнолингвистиката се назовават хора, които отговарят или не отговарят на утвърдените в определена култура ценностни представи за добро и правилно. В българската култура повече от десет века доминира християнската парадигма, тя задава и основните характеристики на нечистите хора като отдалечени от Бога и божествените постулати. Елементи от ритуалното осмисляне на нечистите хора в традиционните вярвания проникват и в средновековната литература. Затова в нея могат да се открият белезите на синкретизъм между християнската и традиционната култура в реализациите на концепта *нечисти хора*. Именно разкриването на този феномен ни мотивира да направим нашето проучване, като се опираме на постиженията и методологията на съществуващите лингвокултурологични диахронни проучвания (Гуревич 1984, Вендина 2002, Цибранска-Костова 2011, 2019; Мичева 2015, Мичева-Пейчева 2012, 2013б; Брага 2022а² и др.).

* Assoc. Prof. Kalina Micheva-Peycheva, PhD, ORCID: 0000-0003-1018-140X, Department of History of Bulgarian Language, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, 52 Shipchenski prohod, Bl. 17, 1113 Sofia, Bulgaria. kalina.micheva@gmail.com.

** Assist. Prof. Tatyana Braga, PhD, ORCID: 0000-0001-9315-265X, Department of History of Bulgarian Language, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, 52 Shipchenski prohod, Bl. 17, 1113 Sofia, Bulgaria. bragakarakash@gmail.com

¹ Проучването е разработено и публикувано с финансовата подкрепа на Българската академия на науките по двустранното споразумение за безвъзмездни средства между Българската академия на науките и Румънската академия.

² Гуревич, А. Я.: Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1984, 350 с.; Вендина, Т. И.: Средневековый человек в зеркале старославянского языка. Москва: Индик, 2002, 336 с.; Цибранска-Костова, М.: Покая-

Семантичната опозиция чист – нечист е обект на специално изследване в монографията на К. Мичева-Пейчева „Сблъсъкът на чистотата и нечистотата в българската култура и език“.³ В нея са разгледани пет знакови семантични полета: на нечистите същества, на чистите и нечистите хора, на чистите и нечистите животни, като при тяхното научно описание се характеризират и чистите и нечистите топоси, хроноси, предмети, т. е. цялото човешко и природно битие.

В полето на нечистите хора авторката анализира феномените: нечиста жена – невеста, бременна, родилка; нечисто дете – некръстено, с белег, извънбрачно; хора с недостатъци – глухи, слепи, куци, белязани. Тя представя техните названия и реализации в обредите и вярванията в традиционната българска култура. По-нататъшните изследвания в диахрония, обобщени в книгата „Етнокултурната бинарност в средновековната българска литература“,⁴ се съсредоточават върху опозицията чисто – нечисто в историята на българската книжнина без специален акцент върху нечистите хора.

В това проучване си поставяме задача да анализираме проявите на културно-езикова интерференция в семантиката и номинациите на нечистите хора в избрани произведения от X до XVIII в.⁵

2. Концептът нечисти хора в класическите старобългарски паметници

Материалът за това проучване е ексерпиран от Архива на Секцията за история на българския език към Института за български език, както и от съществуващите лексикографски източници.⁶

В старобългарските класически паметници от X–XI век и в произведения на писателите от старобългарския и среднобългарския период се утвърждава християнската концепция за нечистотата на хората. Оскверняването на тялото според християнските постулати става чрез загуба на девствеността, прелюбодейство или чрез нерегламентирани връзки, осмислени като греховни и номинирани с лексеми от корена блъд-.

По отношение на женската телесна нечистота се установяват семантични признаци, близки до вярванията в традиционната култура – девствената жена е чиста, а загубилата девството си нечиста, родилката търпи родилни болки поради порочното зачеване чрез полов акт. Само св. Богородица в битието си на девица може да се определи като непорочна и прѣнста: роднаа еси дѣво без мѣжа бѣ. непорочна нмѣши въ рѣцѣ коньца въсѣхъ древнаго ТФ, Б1; дѣвѣ сѣѣ н прѣнстѣ отъ рода цѣсарьска сѣштн. именемъ марна С 10.21.

ната книжнина на Българското средновековие IX – XVIII в. (езиково-текстологични и културологични аспекти). София: Издателство „Валентин Траянов“, 2011, 556 s.; Цибранска-Костова, М.: Храна и аксиология според два текста в молдовски сборник BAR Ms. Slav. 649 от XVI век. In: Slověne. International Journal of Slavic Studies, 2019, nr. 2, s. 140–162; Мичева, В.: Картината на света в езика на новобългарските дамаскини. София: Диомира, 2015, 268 s.; Мичева-Пейчева, К.: От прага до накрай света. In: Български език, 2012, nr. 2, s. 40–50; Мичева-Пейчева, К.: Оппозиция свой – чужой в классических древнеболгарских произведениях. In: Славянский мир в третьем тысячелетии. Москва: Институт славяноведения РАН, 2013, s. 131–149; Брага, Т.: Концепт життя, буття, (існування) у мові новоболгарських дамаскинів XVIII століття. In: Мова. Свідомість. Концепт. Збірник наукових праць, Вип. 12, 2022, s. 55–61.

³ Мичева-Пейчева, К.: Сблъсъкът на чистотата и нечистотата в българската култура и език. София: Издателство „Валентин Траянов“, 2013, 311 s.

⁴ Мичева-Пейчева, К.: Етнокултурната бинарност в средновековната българска литература. София: Диомира, 2017, 266 s.

⁵ Съкращения и кратко описание на източниците вж. в края на статията (Източници и съкращения).

⁶ Иванова-Мирчева, Д. (ed.): Старобългарски речник. Т. 1, Т. 2. София: Издателство „Валентин Траянов“, 1999, 1120 s.; 2009, 1328 s.; Цейтлин, Р. М., Р. Вечерка, Е. Благова (ed.): Старославянский словарь. Москва: Русский язык, 1999, 845 s.

Девата се противопоставя на жената, омърсена от първородния грях на своята прародителка Ева. Сакралните сили, които общуват с тях, също са противоположни – на девичата говори ангел небесен, а на жената – змията, превъплъщение на дявола. Така се актуализира библейският сюжет за изкушението на Ева, чийто грях ще изкупи синът на девата: аггѣлъ съ дѣвоиѣ глаголетъ. поѣже къ женѣ глагола змнѣ С 244.1.

Изначално нечистата жена в своето собствено битие се омърсява и чрез връзки с много мъже. Този модел на женско поведение категорично се отрича от християнския канон, като се утвърждава моделът на вярата в Христос, мъченичеството и приобщаването към светите девы, чисти за Небесния жених. Подобен образец се открива в Житието на св. Павел и Юлиания в *Супрасълския сборник*. Според текста Юлиания, първохристиянка от времето на римския император Аврелиан, е наказана заради своята вяра да работи в блѣднѣще. Но с помощта на Бога тя запазва своята девическа същност: аурѣлѣнѣнъ рече. кѣде естѣ сестра твоѣа ѣже тѣ мѣнѣши дѣвѣ сѣштѣ. се посѣахъ ѣ на блѣдѣ. да прѣдѣтъ ѣ всѣ хотѣштен. еште дѣва естѣ... посѣа бо аггѣла своѣго съ высотѣ небесѣскыныхъ съхранѣнѣ ѣ. н се ѹнсто н прѣѹнсто нмѣштѣ дѣвѣство С 4.14–25.

В класическите старобългарски паметници нечистите хора, които извършват телесни грехове, се назовават със следните лексеми: съществителните блѣдѣнѣкъ, блѣдѣнѣца, субстантивизираното причастие съблѣдѣнѣъ, субстантивизираното прилагателно блѣдѣнѣъ; чрез композиция се оформят сложните думи: любѣдѣн, любѣдѣнѣцѣ, любѣдѣнѣца, прѣлюбѣдѣн. Блудниците според християнското осмисляне се отдават на своите похотливи желания, те са извън християнската норма за телесна и духовна чистота: блѣдѣнѣкъ съ нзѣнѣа паѣе въѣхъ ѹловѣкъ. жнѣштѣнѣхъ. вѣдѣ ѹловѣѹскы дѣрѣѣа женѣ н дѣштѣн. тѣмѣ похѣта н въ анѣе бесѣдоѹа нмѣ. н съвѣкоупѣа са съ нмѣн С 7.16–17; снѣ не можѣтъ нѣѣѣтѣ. блѣдѣнѣкъ бо естѣ н пнѣнѣца С 564.16.

В текстовете се преплитат идеите за осъждане на съгрешилите и за приемане на покаяните се. По този начин в християнската книжнина водещ става мотивът за отношението на Иисус към разкаялите се блудници като образец на християнска милост и мѣра за вярата в Бога: ѡкрѣнѣн н ѡтѣ вѣсѣхъ прѣѡлѣгъ непрѣзѣнѣнѣ. да твоѣѣ помощнѣ. съхранѣнѣ испѣвѣданѣе ѹнсто. ѣко мѣтонѣмѣцѣ. н блѣдѣнѣца СЕ 80а 15; ѹто ѡубѣ ѣже блѣдѣнѣца прѣнѣлѣѹе. ѡѹченѣка лѣ не може прѣнѣлѣштѣ С 408.22.

Прелюбодейците, назовани със сложни думи с корен -люб- и -дѣн-, се възприемат като хора, омърсени не само с изневеря, но и с всякакви осѣдителни сексуални връзки. В семантично отношение най-близо до тези думи стои съвременната лексема *развратници*. На изкушенията на плътта могат да се поддадат и църковни служители: аѣе которѣнѣ прѣѣтъѣнѣ блѣ сътворѣн. съ тѣѹждѣнѣ жѣноѣ. лѣ съ дѣвѣнѣнѣ. ѣ лѣ да покѣѣтъ СЕ 102b9; и светите апостоли: Гѣ ... съхранѣнѣ гѣлѣзѣ своѣа ѡтѣ блѣдѣа. ѣ ѡтѣ рѣждѣженѣ блѣдѣнѣа. ѣ ѡтѣ помѣшлѣнѣ блѣдѣнѣа. н ѡтѣ възѣрѣнѣнѣ на нѣа ѡѹсѣ любѣдѣнѣцѣ СЕ 37а 12–13; и черноризецът Яков според житието му в *Супрасълския сборник*: нзѣдохъ къ нѣн ... въ блѣдѣнѣѣ погѣѣѣ въпадѣхъ. н сътворѣнѣ с нѣѣ блѣдѣ ... ѡѹбѣнѣ ѣ С 525.25 – 526.5. За разлика от християнската книжнина в традиционните вярвания не се изтъква мъжката телесна нечистота.

Друг тип нечисти хора, които се откриват както в традиционните вярвания, така и в старобългарските съчинения, са хората с физически недостатѣци. Според прецедентните текстове в българската паремиялогия, както и според редица етиологични легенди сакатите – глухи, слепи, куци, бѣязани – са нечисти и опасни за общността, тях Господ ги е наказал, затѣа те се изключват ѡт ѡбрѣдността, ѡт семейните и календарните празници. Съвсем друго е осмислянето на тяхната различност и аномалност в християнската книжнина. Те

са нечисти, защото са обхванати от нечисти духове, които им причиняват глухота или слепота, или немощ. Тоест те не са наказани от Бога, а са жертви на дявола и неговите слуги. Следователно се нуждаят не от изолиране и осъждане, а от изчистване. Прогонването на бесовете, на което са способни единствено Исус, апостолите и някои светци, може да им върне статута на нормални хора, а вярата в Бога може да ги усъвършенства и въздигне до статута на праведници.

Като хора с недъзи се определят страдащите от вселен нечист дух. В текста на Евангелието от Матей, гл. 9, болният е глух, но Исус го очиства: *приведохъ емъ. ѹѣка глагоуха бѣсѣноуѣща сѧ ... н изгнамоу бѣсоу. прѣгла глагоухы. н ѹднша сѧ народн* СК Мм 9:33.

В друг епизод от Евангелието от Марко духът, причиняващ страданието, е назован „ням и глух дух“ и е категоризиран като „нечист“. По този начин и болестта, и болният се вписват в семантичното поле на нечистотата: *ѿ отвѣштавъ єдннѣ отъ народа рече. оучителю привѣсѣ снѣ мон къ тебѣ. имѣштѣ дѣхъ нѣмъ...вндѣвъ же нѣсѣ ѣко сѣрнштетѣ сѧ народѣ. за прѣтн дѣхоу нечнстоу(оу)моу глагомоу. нѣмъ ѿ глагоухы дѣше. азъ ти велѣхъ изнѣти нз него. ѿ к томоу не вьндѣн въ нѣ* М Мк 9:17–25.

В проучваните текстове душевноболните също се осмислят като обхванати от бяс и се определят като нечисти до момента на тяхното излечение. Пример за подобен модел на трансформация чрез сакралната санкция на Исус се открива в Евангелието на Лука 8:27–33, където е разказана историята на човека с много бесове, прогонени от Исус в стадо свине и загинали във водата. Болните от проказа в повечето контексти се молят и получават очистване от Исус точно защото се възприемат като нечисти в средновековната култура, напр.: *прокажении очиштахѣ сѧ* М Лк 7.22, срв. М Мм 8.2, К 4b2 и др.

Особено място в старобългарските съчинения заема духовно нечистите хора. Като „нечисти“ или „скверници“ се определят хора, които нарушават християнските норми – убиват, заробват, измъчват, крадат, лъжат и мамят. Припомнянето на Божиите заповеди пред момъка, който иска да последва Исус, но не може да се раздели с богатството си, ясно очертава границите на нечистотата и неправедността според християнската парадигма: *ѿ же рече емоу. еже не оубьешн. не прѣлюбъ сътворншн не оукрадеши. не лъжесѣвѣдѣтель бѣдѣши* М Мм 19:18. Всеки, който нарушава тези заповеди, се приобщава към грешниците и може да се определи като нечист. Така е наречен римският управител, който жестоко измъчва св. Артемий според текста на житието му в *Супрасълския сборник*: *правѣдникъ же възбрѣвъ на небо глагола. господн нсоу хрьсте не простн нечнстаго комнса* С 231.23–24.

Всички номинации на хора, пренебрегващи Божиите предписания и закони, могат да се включат в лексико-семантичното гнездо на нечистотата, а именно: *разбонннкъ*, *оубннца*, *крады*, *татъ*, *лъжесѣвѣдѣтель* и др. Те се срещат в контексти с негативни конотации, като влизат в корелация с други нечисти същности като несытостъ, оубннство, матежъ и в опозиция със сакрални и свети хора и топоси: *похоуанкѣ же крадѣщааго о несытостн него* С 42.11; *многѣ же матежоу бѣвъшоу. н разбонннкомъ готовомъ сѣштемъ оубннн стѣаго* С 38.25; *въ тѣхъ же мѣстѣхъ разбонннцн нѣцнн тааште сѧ. ѡко нмѣнѣа обнание бѣаше въ манастирн* С 557.24; *всѣн єанкоже нхъ прндѣ прѣжде мене. татне сѣтѣ н разбонннцн. нѣ не послушаша нхъ овѣца* М Йо 10:8.

Друг тип духовна нечистота притежават езичниците. В старобългарския език те се назовават с лексеми от корен *поган-* от лат. *paganus* ‘езичник’ (БЕР 5 1996: 416 – 418): *поганннѣ* и *поганѣнн*, *поганъ*, *поганьскъ*. Думите от корена *поган-* са латински заемки в говоримия старобългарски език, които старобългарските книжовници използват за превод на различни гръцки лексеми с подобно значение: *аще ли н о црѣквн не брѣжетъ. да бѣдѣ-*

тъ тн ꙗко н поганъ н мытаръ *СК Мм* 18.17; аще к'то въ д' дѣнь ндѣ на коладѣ. еноуарѣ. ѣкоже прѣвѣ поганн творѣахъ. ѣ лѣ да покаетъ са *СЕ* 103b 4. При този тип номинация отново се открива връзка между християнската и традиционната култура, тъй като в диалектите и в българските предания тези думи се утвърждават като названия на нечисти същности. Засвидетелствани са: *поганец* 'мишка', *поганица* 'змия' за нечисти животни; *поганец* 'караконджул', *поганец* 'дявол', *вонкашни погани* 'зли сили, които причиняват болести' за нечисти същества; *поганче* за дете, родено в нечист период; *Погански дни* за период, в който властват нечистите сили. Развитието на семантиката на *погански* от 'езически' до 'мръсен' е резултат на негативната аксиологическа оценка на всичко езическо в произведенията на средновековната българска литература.

3. Концептът нечисти хора в произведенията на Патриарх Евтимий

Оригиналните произведения на Патриарх Евтимий предлагат нов поглед върху концептосферата на средновековните българи от втората половина на XIV в. В тях се възпроизвеждат много от семантичните признаци на нечистите хора, засвидетелствани в старобългарските класически паметници, и в същото време се появяват нови, които са мотивирани от исихастките възгледи на автора им и от променените исторически характеристики на епохата. Проучването се опира на езиков материал, извлечен от изданието на Е. Калужняcki.⁷

Телесната нечистота на хората отново се съотнася с половия живот и затова той е наречен сквърна, смѣшеннѣ сквърньноѣ, плътта е сквърньна, а действието се назовава с глагола осквърньнѣ. За тези, които влизат в нерегламентирани сексуални връзки, обаче номинациите са по-малко: блѣдъннѣ, блѣдънница, прѣлюбоудѣн, като техните действия се приобщават към различни типове грехове и подлежат на божествена санкция: что бо горше ѣсть прѣлюбоудѣа н блѣдънника нѣн разбѣнника н тѣа н таковыхъ, нже о заповѣдехъ ннкогдаже ннкакоже поепкшнхъ се *ПНІ* 214.5; блѣдънникомъ же, рече, н прѣлюбоудѣемъ соуднѣть богъ *ПНІ* 214.4.

Както вече установихме, и в традиционната, и в християнската парадигма раждането и родилките са „нечисти“, а в творчеството на Патриарх Евтимий дори родилните болки се окачествяват като „скверни“. Единствено Дева Мария, която ражда, без да загуби девствеността си, може да избегне това оскверняване: дѣва по рождѣствѣ съхранѣнѣ са, дѣва н прѣбывѣшн н ннже болѣзнн оцѣутнѣшн, ннже болѣзнемъ прнпѣнтѣшнѣ са сквърнѣ прнѣмшн *отнѣдоу ПслН* 608г.24.

Моделът за запазване на девствеността не само преди, но и след брака, при това и от двамата съпрузи, е продължение на чистото битие на св. Богородица. Той се защитава последователно в Житието на св. Филотея: от ѣнстыѣ дѣвы н богородницѣ плѣть прнѣмь, прнзрн на ма смѣренѣа твоѣ рабѣ *ЖФ* 86.17. По този начин се утвърждава идеята за чистите жена и мъж, които се противопоставят на блудниците и прелюбодейците. Утвърждава се семантичната и лексикална двойка дѣвьствъннѣ — дѣва: елма ѣнѣстоу ѣнѣстоу съѣтѣтн се доѣстонѣ н дѣвьствъннѣ дѣвѣн *ПА* 250.14.

Не само нарушаването на изначалната богосътворена цялост на човешкото тяло предизвиква нечистота. Към нечистите хора в творчеството на търновския патриарх принадлежат и болните, тъй като те се осмислят като обзети от нечист дух. Назовани нѣдѣжннн, нѣдѣжѣнѣн от стб. лексема нѣдѣжъ със значение 'болест, недъг', тези страдалци

⁷ Kałuźniacki, E.: Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375 – 1393). Wien: In Commission bei C. Gerold's Sohn, 1901, 450 s.

обикновено се ситуират в сюжети, свързани с изцеляване, изчистване от свети личности или от свети предмети: всн бѡ нже сѡкрѣтѣ недѣжнѣи н бѣснѣишѣи сѧ, съ вѣрѡѡ прнхѡдѧще нсѣбленїѧ полѹаахѡ ЖП 79v.8; прїела еси ѡт бога ѹдѣсемѹ благодѣ(ѣ)тъ нсѣблѧти болѣзньные недѡугы, прогоннѧи дѡухы н раздрѣшатѧ страстѧ многѡразнѹные вѣроѹ прнхѡдѣщнм тѧ, царнцѣ СТ 271.19. Окачествяват се като нечисти и всички душевноболни – бѣсннн, бѣснѡишѣи, които също намират спасение единствено в християнския Бог и вяра: црѣкѡ вѣзвѣнглѧ еси хѡѹ бѡѹ нашѣмѡ. прѣблѣщенные сѡбратнѧ еси. бѣснѡищїи х се нсѣблѧлѧ еси ЖИМ 174v.23; бѣснїи нсѣблѣваѡт н вѣси, вѣсѣѹьскымн болѣзнїмн ѡдрѣжнмн, прнтнѹаще, здравїе полѹаѡтъ ЖИР 25.11.

В творчеството на Патриарх Евтимий се утвърждава и реализацията на прокажените като нечисти. Нещо повече, колокацията гразь проказы пряко назовава нечистотата на проказата, която може да се премахне само с християнското кръщение: н послѧ оубѡ н прнзѡвн снѧвестрѧ епїпа ѧко да подѧ тебѣ банѧ крїшенїѧ, ѧко да вѣсѣкѹ гразь проказы оунстнть тебѣ н жнзнн вѣѹнѣи спѡбнт тѧ ПслКЕ 427г.31.

В текстовете семата 'греховност' е съществена в семантичната характеристика на нечистите хора. Засвидетелствани са номинации на различни грешници, които нарушават божии предписания. Лексемата оубннца не се среща, но е налице композит, който се отнася специално за убийците на Божия Син. Това словотворчество с езикови средства подчертава значимостта на богоубийците в християнската концептосфера. Те са окачествени като „скверни“. Именно лексемата скврьньнъ е предпочитана пред нечѹстн в творчеството на Патриарх Евтимий: сѡбрѣтоше н ѹстные гвоздыѣ, нмнже скврьньные бѣгоубїице бжтѡное хѧ бѧ прнгвѡзднше тѣло ПслКЕ 33v.27.

В друг контекст, свързан с император Диоклециан, който погубва първите християни, с повторение на скврьньнъ се изразява негативната аксиологична оценка за извършителите на убийства: нъ н скврьньнымн дѣокантїанъ скврьньнымн своимн слоѹгамн мое нскаашѣ оубїнство ПслКЕ 425г.2.

За тези, които крадат и грабят, в Евтимиевите произведения не са регистрирани названия от корен *крад-*, но са запазени лексемите татъ и грабнтель. А лексемата хыщннкъ е засвидетелствана само в преносното си значение 'човек, който похищава, граби': жестокомн н досаднтелнымн стрѣлаамн срѣца хыщннкѡ н грабнтелѣмѹ оѹнѧзѣвашѣ, тѣще се вѣсѣхъ въ бжїи страхѹ прнвестн ПслКЕ 436г.29.

Към този ред трябва да добавим лексемата блѧзннтель, нова спрямо старобългарския език, образувана със суфикс -тель от познатия глагол блѧзннтн. Тези, които мамят, лъжат, съблазняват, се наричат още лъстьць, лъжьнъ: н досаждѣнмн н хѡлаамн разнѹнымн того ѡблѧгаахѡ, н лѣстца н блѧзннтельѧ нарнцаахѡ ЖИМ 168г.5. Най-общо нечистите хора с много прегрешения спрямо Бога и християните се номинират с разбѡнннк н гоѹнтель: оѹсѡлоѹсїѧн же тѣн бѣ. моѹжѣ ѧръ н жестоѹаншн. жестоку' бо нѣкын бѣше н гоѹнтель ПслН 608v.11; нмамы залогъ твоего ѹловѣколюбїѧ н показанїѧ велїѧ: разбѡннннкы н мытарѧ н блѧдннкы н блѧднааго, сына, нже нас ѡкааныхъ ѡтѣшаѡтъ н въ небесное царство прѣвѡдѧтъ Мол 337.3.

Във втората половина на XIV век българският патриарх е принуден да отстоява чистотата на православната вяра в борба с много избуяли във византийско-славянския свят ереси. Затова в неговото творчество темата за ересите и поборниците срещу тях е разработена подробно. Последователите на ересите неотменно се определят като „скверни“. Към различни съществителни е засвидетелствано прилагателното скврьньнъ и така се оформят поредица колокации за назоваване на нечистите еретици: вндѣвшѣ же сїѧ скврьньные н бѣгомръз'скые ереси армен'скые прѣѣстателѣ, гнѣвѡ н завнстїѹ нспальннше се. ЖИМ 168г.5;

нечѣстныѣ же и скръьныѣ бѣгоуиша'скыѣ ереси поклонницы *ЖИМ* 173г.4; нже скръьныѣ ереси маннхенскыѣ побѣрнници, такѣ вльци вѣую сѣбѣхше се, кожею *ЖИМ* 164v.10.

Езичниците също са нечисти хора, защото не са приобщени към християнството. В творбите на търновския патриарх езичниците не са номинирани с поганъ, а с елинъ, като тяхната езическа вяра се определя като „нечисто елиничество“: скръьное и нечѣстое расѣа елиничество, нашѣ потрѣбнѣи тѣхнѣ са православнѣа вѣрѣж *ЖФ* 90.3.

В резултат на анализа можем да стигнем до заключението, че общи за традиционната култура и оригиналните творби на Патриарх Евтимий са нечистите хора, загубили девствеността си и отдали се на нерегламентирани връзки, родилките, недъгавите и душевноболните. Типични за средновековната християнска мисловност са нечистите духовно хора, сред които у Патриарх Евтимий изпъкват еретиците. Всички те са свързани с нечистите духове и дявола, от техните съблазни и изкушения се ражда и нечистотата в човешкото битие. В съчиненията на търновския писател се подчертава съотнасянето на дявола и слугите му с тъмнината, мрака, а оттам и грешниците се превръщат в „пленици на мрака“: и въ мѣсто свѣта. тѣма быти наслѣдова. такоже и въси послѣдовахшии заѣн того воли *ПН* 210.18; на чѣлаго же и древнаго зѣмѣа богомудрѣстныиъ лѣщеніемъ зодуднѣи и пленнициамн мрака свѣзавѣ. въ тартарѣ и въ огни негаснѣи и тѣмѣ кромѣшнѣи ... затвори *ПН* 213.4. Присъствието на светлината и мрака в изграждането на корелативните опозиции чисти хора – нечисти хора, здраве – болест, праведност – греховност, православие – езичество, православие – ереси може да се свърже и с исихастките възгледи на Патриарх Евтимий.

4. Концептът нечисти хора в новобългарските дамаскини

Новобългарските дамаскини са ново явление в развитието на средновековната българска книжнина. Те се отличават със своя книжовен език на народна основа, при който за първи път след Кирило-Методиевата епоха се възстановява връзката между книжовния и говоримия език. Стремехът на техните съставители и автори към достъпност и разбираемост се осъществява не само на езиково, но и на съдържателно равнище – включените в дамаскините разнообразни текстове се приближават до представите и мисловността на предвъзрожденските българи.⁸

Материалът за това проучване е ексцерпиран от изданието на *Тихонравовия дамаскин*,⁹ от *Одеския дамаскин* № 37 (63),¹⁰ от *Берлинския дамаскин*¹¹ и от *Женския сборник* на Йосиф Брадати.¹²

⁸ Мирчева, Е.: Не-дамаскинови слова в новобългарските дамаскини от XVII век. ВеликоТърново: Фабер, 2001, 316 s.; Младенова, О., Б. Велчева: Ловешки дамаскин. Новобългарски паметник от XVII век. София: Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, 2013, 536 s.; Брага, Т.: Одеските дамаскини от сборката на В. И. Григорович. Българско културноисторическо наследство. Палеография. Кодикология. Датировка. София: Издателство на Българската академия на науките „Проф. Марин Дринов“, 2023, 208 s.

⁹ Дѣмина, Е. И.: Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII века. Палеографическое описание и текст. Т. 2. София: Издателство на БАН, 1971, 382 s.

¹⁰ Брага, Т.: Одески дамаскин № 37 (63), новобългарски паметник от Котленската книжовна школа. In: Български език, 2022, nr. 4, 68–84.

¹¹ Stradomski, J.: The Enduring Value of the Testimony of Faith in the Story of the Forty Holy Martyrs of Sebaste in the Berlin Damaskin. In: Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU, 2023, nr. 19, 83–94; Страдомски, Я., Т. Брага.: Наблюдения върху приписките и водните знаци в Берлинския дамаскин. In: Palaeobulgarica, 2025, nr. 1, 103–122; Брага, Т.: Нов поглед към дамаскините от IV новобългарски тип: случаят с изгубения Берлински дамаскин. In: Български език, 2025, nr. 2, 50–67.

¹² Ангусева-Тиханова, А., М. Димитрова: Устност, език, текст и вариации в *Словото за празници бабини на Йосиф Брадати*. In: Старобългарска литература, 2024, nr. 69–70, 217–287; Ангусева-Тиханова, А., М. Димитрова. Слово ради самовили от Женския сборник на Йосиф Брадати: контекст, реалии, език. In: Сборник в

Семантичната опозиция чист – нечист в езика на новобългарските дамаскини се осъществява чрез названията на нечистите хора с лексикално по-разнообразни основни репрезентанти. Откриват се лексеми от три корена: *-чист-*, *-сквърн-*, *-мръс-*. Иновация в книжовния език на народна основа е словообразователното гнездо на *-мръс-*, което доказва връзката с говоримия език: н тогнѣ мръсныѣ оиѣ езыци нападнѣха ношѣю напрасно на вонскѣхъ хрѣстѣанскѣ *Тих* 39.313б; Сѣкакво зло нзвадн ѿ ѹмот сн, да мърсн хрѣстѣантѣ, н междѹ снчкѣтѣ сн мръснн нзмѣслюванѣ, нзмнсан тѹн *Бер* 76а (Слово за св. великомъченик Теодор Тирон); та са н оумръснала дѹ самотѹ небѣ зарадн болѣрство *ОД* 75б (Слово на Йоан Златоуст за покаяние душевно); кѹрвовство н сѣкакѣ мрасота снчка земаѣ испльннѣха *ОД* 62а.

Представата за нечистотата на човека в рамките на християнската парадигма се свързва с телесното омърсяване чрез плътски връзки. Тази представа е близка и до традиционната култура и е резултат от народно-религиозното синкретично осмисляне на света (Стойнев 2006¹³).

Загубата на девствеността е един от признаците на нечистите хора – в Житието на Мария Египетска светицата в своето първоначално битие на блудница за първи път се осквернява, като се лишава от девственост; във Видение Павлово едни от грешниците в ада са именно „омърсилите моминството си“: та сн осквърннѣхъ дѣвството н сквърнѣхъ *Тих* 17.168б; рече агглы това се дѣто давахъ на мъжето сн свое обанѣнѣ н нн щѣхъ да се оставѣтъ тѣзн работа дѣвольска дѹдѣ нзмръхъ *ОД* ВП 198а; това са момн та са не дръжелн ѹнсто дѹдѣ са ходнаѣ момн амн са оумраснаѣ момннство предъ свадбата дѹдѣ са не бѣхъ оженнѣ *ОД* ВП 199а–199б; Срв. *Бер* 320а.

В текста на новобългарските дамаскини се наблюдава разширяване на границите на християнските изисквания и приближаване до ежедневието, до бита на предвзрожденските българи. Проучването показва, че и телесното омърсяване също започва да се осмисля по подобен начин – то може да се случи, като водиш полов живот с чужда жена или с чужд мъж или като имаш много на брой полови връзки. В *Тихонравовия дамаскин* за подобни грешници названията са два типа: традиционни като блудница (8 пъти), прѣлюботворецъ (1 път) и любодѣнца (1 път) и нови от диалектите като кѹрѣа (8 пъти) и прѣкѹрѣа (1 път), като лексикалното гнездо от корен *-кур-* се обогатява с разнообразни лексеми. Единствената употреба на прѣлюботворецъ е дублирана с кѹрѣа, а при еднократния контекст с любодѣнца откриваме подчинено обстоятелствено изречение, което тълкува лексемата. Този подход на дамаскинарите, за които разбираемостта на текста е задължителна, показва, че старобългарските лексеми, съхранени и в архаичните дамаскини, вече не са част от говоримия език. Подобно е положението и в другите проучени дамаскини: щото любн н обыѹе ѹюжда жена. тон є кѹрѣа н прѣлюботворецъ. н дѣлечны ѿ бѣ. н съсъ снчко дѣволахъ прѣдѣдѣнь *Тих* 1.6б; амн є вѣтрѣ дѣволахъ н любодѣнца, като н жена прн своего мъжа дръгымє сѣ прнмѣсюва *Тих* 12.119; дѣто сн нн са пазнаѣ женнѣ мъжете н женнѣ свонѣ сн мъжн : амн са кѹрѣнаѣ сѣ ѹѹѣжн *ОД* 202б; о горѣ четнрн женцѹ прнходѣщомѹ въ црѣковѣ сквърнь н недостоннь *ОД* 127б; а мажетн нм са пакъ смѣсѣалн сѣ женнѣ сн н дѣцѣта нмѣ *ОД* 204б; н да не кѹрѣнмѣ да се ѹскверѣнѣваме, кѣто скотѣмѣ *Бер* 235б (Слово за св. Николай).

Особено нечисти са жените, които раждат извън святата връзка в брака. Затова в текста на Словото за Второто пришествие майката на Антихрист, най-големия враг на Сина Божи, е представена като такава. Защото само от утробата на блудница може да се роди

чест на професор Петко Д. Петков. Света Гора, България, Балканите. Университетско издателство „Св. Климент Охридски, 2024, с. 187–239.

¹³ Стойнев, А.: Българска митология. Енциклопедичен речник. София: Захарий Стоянов, 2006, 368 s.

антисакралната сила: тонзи ѿжънънъ н нечѣстныи антхристъ ще да се роди ѿ една жена крѣва, та скръшомъ крѣвъше, та се мома казѣваше *Тих* 18.186б.

И в традиционните вярвания тази, която ражда неомъжена, е изключително опасна за общността, тя може да предизвика природни бедствия, затова се подлага на изключване от обредността и се номинира с пейоративната лексема *копелкиня*. По подобен начин и в християнската, и в традиционната култура се осмислят и жените, които помятат децата си по собствено желание: ѿ горѣ оумирающимъ въ чрѣве своемъ дѣте *ОД* 124б; тѣа женѣ та са пнаѣ бнаѣ та са металѣ дѣцата си н ѹдавленъ на сна *ОД* 204б, сравни *Бер* 302б.

В сборника на Йосиф Брадати женската нечистота се съотнася с ежедневното поведение (Брага 2022б¹⁴). Не става дума за големи грехове, които водят до неправедност и отдалечаване от Бога, а за лоши навици като разкрасяване, носене на специални дрехи и накити, които нарушават богосътворения изначален външен вид на жените и ги приобщават към нечистите хора: тѹратъ червѣло н белѣло н прѣмѣнѹват се въ красни дрѣхѣ, н злато н сребро носатъ на себе ... н коя жена не имать да се прѣмѣни, а тая се прѣсмѣваеѣ кон са безладни *ЖС* 316а–317. Такива жени дори и в сакралното пространство на църквата отиват, за да флиртуват, да приказват и да злословят: женѣте се събѣраѹтъ в цѣрква да си говорятъ, да се похвалятъ с прѣмѣнѣте, н да клеветатъ н осѣждаѣт една дѹрга *ЖС* 317.

Симбиозата между християнските норми и традиционните вярвания изпъква в още един контекст от Женския сборник на Йосиф Брадати: о горѣ жена коѣ месѣтъ просѣвѣри съ гнѣвомъ нан не промѣнѣтъ рѣзи свои н нечѣстѣтъ се ѿ скръни своемъ. Авторът представя изискването за чистота на жената, която приготвя просфората за светото причастие, в нея се съчетават надмогването на гнева и преобличането в чиста риза. По подобен начин се формулират и предписанията към участничките в редица обреди – те трябва да са полово чисти (отродени или вдовици, или моми, или малки момичета), да са облечени в нови или изпрани дрехи и да вярват в божествената сила на действието, което извършват.

Особено интересни са контекстите, в които духовната и телесната нечистота се обединяват в единен модел на греховно поведение. Цитираме пример от *Берлинския дамаскин* от поучението в края на Словото за св. Николай, в който враждата, лукавството и развратността представят цялостен образ на нечистия християнин: чѣстѹ да стѹваме мѣба за греховете си, да не бѹдемъ дѹшманѣ едниъ дѹгнѹмъ като камѣла, да не лѹкавѹваме като зѣмѣа н да не кѹрѣмъ та да се ѿмрѣваме като скотѹе *Бер* 21б; сравни *Тих* 15.156б.

В духа на християнската парадигма са и разясненията на Йосиф Брадати за същността на телесната и душевната чистота, но отново с приближаване до възприемателите, с акцентирание върху най-честите женски недостатъци, които би трябвало да се избягват. Така текстът изпълнява своята най-важна социолингвистична функция – да поучи реципиентите по достъпен начин и да ги предпази от омърсяване: трѣба ... да имать телѣна чѣстѹта н н дѹшевѣна чѣстѹта да имать. не токмо конто имать телѣсна чѣстѹта тѣа нарѹчат се чѣстѹи но н конто имать дѹшевѣна тѣа имать н дѣша н тело чѣсто. Ѣ дека бѣваеѣт телѣсна чѣстѹта сѣ мѣра ѣстѣе н пѣтѣе. Втора чѣстѹта дѹшевѣна въздрѣжанѣе ѣзика да не ѿсѣждаваме да не клеветѣмъ н не празнословѣмъ н не дѣрѣжѣте карѣзѣ на сѣце *ЖС* 324а–325б (Поучение за гизденето на жените и момите).

В проучените текстове на новобългарските дамаскини се очертават проявите на духовно нечистите хора. Част от тях съответстват на установените семантични признаци

¹⁴ Брага, Т.: Профилъ женского присутствия в эпоху Средневековья по материалам Женского сборника Иосифа Брадати. In: Доклади от Международна юбилейната конференция на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин, София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов, 2022, 331–337.

в старобългарските класически произведения и в оригиналните съчинения на Патриарх Евтимий. Такива са тези, които ламтят за богатство и власт: а ѿт боѡрство тъкмо сн омръсѡва дѡшъта. а на онзи свѣтъ цю заносн *Тих* 31.215б; а ѿ неситство тъкмо єдннь смръдѡ на дѡшата сн цю добнѡва *ОД* 52а; н курварскн дѡховѡ н нѡдѡвнѡтн н сребролюбн : н там бѣха гюмрюкчѣ н неправеднн лакомннцн н бесрамнн хандѡте кесацѣ *ОД* 157а; же днѡ на сребролюбѣ. ѿ сребролюбѣ пожатн ѿ злато н сѡкогн нцн ѡкъ да са оубоѡларн, а боѡларство дръгарѡ неверенѡ : боѡларство добротворенѡ ѡжовнн : боѡларство много бѣдн на ѡкъа повднѡга ... ѿ боѡларство са сѣкн грѣхъ рѡда боѡрство сѣкакво зло повднѡга : боѡрство помага на ѡбѡденѣ н на пѡанство *ОД* 81а–82б.

Хората, изпълнени с алчност, са номинирани с подходящи еднословни съществителни и субстантивирани прилагателни: *лакомници, сребролюбиви, богати, несѣти*; както и със средствата на лексико-семантичната номинация със словосъчетания: *който се тегли на сребролюбие, който се труди да се оболяри*. Правят впечатление преносните употреби на *лакомници, несѣти*, новите значения на лексемите *болярство* и *оболяря*, които безспорно навлизат в книжовния език от говоримия.

Универсална антиценност, която мотивира нечистотата на хората в цялата средновековна книжнина, е омразата и предизвиканите от нея конфликти и кръвопролития. В проучените текстове тя се изтъква често като тежък грях: отн се ѡмнѡжнѡх дѡшмане мон н ненавнѡдѣнѣ неправедно *Тих* 39.301б; зацо внды нас бѣ ѡе смѣ злы н зломыслннцн, єдннь дръгымѡ, н ненавнѡстннцн *Тих* 11.106б; о горѣ вамѡ кон ненавнѡднѡтъ сѣсѣдннѡ своего : ѡ горѣ кон гнѣваѣт се роднѡтѣлн свон.: о горѣ сваждѡющнм се два брата... о горѣ ѡкъу кон на мѡжетнѡца жена ѡндѣт нлн жена сѡма на мѡжа нѡдѣтъ *ОД* 127а–129а; отѣ станал баща на сннѡ а сннѡ на баща н братѡ на брата н майка на дѡщнѡря своя н сѣсѣдннѡ на сѣсѣдннѡ своего *ОД* 145а.

За подобен тип нечисти люде се откриват следните названия: съществителните *душманин, убийца, ненавистник*, субстантивираните причастия, резултат на парадигматична номинация, *ненавидец и сваждающ се*, изразите *карат и бият помежду си, воиски и боеве, от войски кръв много, станѡл е баща на сина и син на баща*. Напълно нова за книжовния език на народна основа е лексемата *душманин*, заемка от турски, тя се съчетава със старобългарските *убийца, ненавистник* и дори със сегашните деятелни причастия, които постепенно изчезват от диалектите. Такова съжителство на старо и ново, на свое и чуждо е характерно за изграждането на лексикалната система на езика на новобългарските дамаскини.

Важно място в структурата на концепта *нечисти хора* заемат и тези, които присвояват чужди неща с насилие. Засвидетелстваните контексти в проучените новобългарски дамаскини показват, че се наблюдава промяна предимно на езиково равнище. Лексемите *крады, татѡ, гравнѣтель, хыщнннѡкъ* не са засвидетелствани. Откриват се диалектните *влѡхва* със значение ‘крадец, разбойник’, което и досега се пази в диалектите; *хайдут* ‘човек, който ограбва със сила’, заемка от унгарски през турски; *кеседжия* ‘разбойник’, заемка от турски. Като синоними се осъществяват турската заемка *гюмрюкчия* ‘събирач на мито’ и *мытомец*, наследник на старобългарската дума. И докато с *мытомец* може да се назовава и свети апостол Матей, с турската заемка се определят нечисти хора, които надзemat мито и ограбват хората: напѡконѡ станѡ прѡвѡын на разбѡннннѡнтѣ снѣѡѡ воєвода на вѡхѡвѡте н хѡдѡше по гѡраѡх н по пѡанннѡ н по пѡтнѡца, н ѡбнѡхѡх ѡдѣѣ н крадѡѣха *Тих* 6.47; тогнѡва цѡтъ да вѡскрѣснѡтъ хандѡте, да давѡтъ рѣчѡ бѣ, като са ѡнѡмѡле наснѡа със неправѡда, а то нм се не стоѡше да земѡтъ ѡжѡдо ѿ сѡромаѡн *Тих* 18.196б.

В текстовете се наблюдава съзнателно търсено струпване на названия на неприемливи човешки прояви. Така се уплътнява образът на нечистите хора и се предизвиква по-голям

дидактически ефект върху възприемателите: азъ вѣзъ направихъ рѣцѣ... вѣе гѣзъ омръснѣхъ на снаа, нанъ със краденіе, нанъ със фанда земаіе нанъ кръвъ, нъ вѣіиство *Тих* 18.204б; Срв. *Бер* 272б; ѿ всакна страсти, нъ нечистоти блѣда нъ злое вождєленіе, сребролюбна, сладостлюбна, вѣаженіе, нъ пнианство, нъ тѣа вещь нѣолопоклоніе нарицаютъ се *ЖС* 301а–301б (Слово ради самовили); амнъ ѣдєши нъ пїєши нъ кѣрѣѣши нъ клеветєши нъ прїиносѣши мръсна молаба бѣгѣ *ОД* 192б; сравни *Бер* 303а; глєдаме кѣрѣвство кръви пролїаннє краженъ повождєство што стѣрѣвати члѣцѣ *ОД* 141б; дѣрѣгѣ са каратъ нъ съдѣтъ зарадѣ сєлїи. давати мнѣ та не могатъ да са члѣкѣмъ конъ гдѣ да направѣ къща амнъ са каратъ нъ бїѣтъ междѣ себе *ОД* 59б; нъ вонскѣ нъ боевѣ чєстѣ. єднѣ дѣрѣгѣмъ завѣдѣтъ лакомство є снѣкѣ хора прїиносѣла *ОД* 62а.

Внимателният анализ на контекстите позволява да се направи изводът, че наред с общоприетите в християнската парадигма прояви на нечисти хора като алчност, враждуване и войни, кражби и насилие се утвърждават и такива, които имат важна роля в ежедневните отношения между хората – „клеветство“, „обажданіе“, „каматство“, „гняв и караз“, „подводство“, „файдаземаніе“, „дават мито“, „земат от гомрюкѣт повече“: клеветѣ прєслушаннє завѣдєннє обажданнє : каматство лакомство : нъ дѣрѣгѣ зєлнѣ много што стѣрѣвати нъ сѣс това снѣко та члѣкѣмъ.. нъ нн прїиносѣхъ ннѣкава молаба члѣста на твоѣто нмѣ *ОД* 145а; клеветѣннѣ вѣадиннѣ мнѣомнѣ. братъ брата ненавѣдѣт : високо оумнѣ єзнѣко лѣстннѣ *ОД* 118б; да се пазнѣмъ ѿ злѣ работѣ на сѣцѣто снъ гнѣвъ нъ каразъ да не дѣрѣжнѣмъ нъ на снагѣта безгрѣхъ члѣстѣта *ОД* 93б–94а; а пакъ дѣрѣгѣ нѣцѣтъ да зємѣтъ ѿ гомрюкѣта повече *ОД* 60а; тѣа са подводннѣ внѣ дѣто нмаха мѣжѣ своѣ женѣ а тѣє нѣдѣха та кѣрѣвѣха сѣс дѣрѣгѣ мѣжѣ та стѣрѣвати подводство *ОД* 198б; Срв. *Бер* 302а.

Появяват се и нови названия на нечисти хора като обадиннѣ, което се съчетава със субстантивираното деятелно причастие оклеветѣющѣ. Словотворчеството личи най-вече при композитите: високооумнѣ със значение ‘високомерни, горделиви хора’ и єзнѣколѣстннѣ ‘хора, които съблазняват с думи’. Наред с домашните се реализират и чуждите думи (сравни: *каматство*, *караз*, *гомрюк*), а един композит е образуван от заета и домашна лексема (сравни *файдаземаніе*). Следователно езиковите репрезентанти на концепта *нечисти хора* са симбиоза от старо и ново, чуждо и свое.

Лексемите *поганик* и *поган* субст. в новобългарските дамаскини се отнасят до друг тип нечисти хора – езичниците. Същата е семантиката на *поганъ*, *поганьскъ*, *поганьинъ* в старобългарски. Във всички примери те са с отрицателни конотации: а внѣа поганѣ єднакѣ мнѣго се безчєтѣ сѣраха нъ начєха да се наговорѣт, оутрѣ да прѣмнѣт нъ да се бїѣт със цѣра костантина *Тих* 4.21б; пѣстнѣхъ на вѣ єзнѣнѣ поганѣ по зємѣн да прєслѣѣтъ кръвъ ваща нъ попїють *ОД* 102а.

Употребата на лексемата *мръсен* в езика на новобългарските дамаскини е специфична за книжовния език на народна основа от XVII век. А разширяването на семантичното съдържание на концепта *нечисти хора* и сближаването му с представите в народната култура са част от предвъзрожденските процеси в българската литература.

5. Хората с особени дарби, които се осмислят като нечисти

Хората в древността живеят в изключително несигурна среда, в която Азът се противопоставя на природата и трябва да оцелее сред много опасности. За да внесат хармония в хаоса, те се уповават на закрилата на много божества. Във всички архаични общества съществуват хора с особени дарби, които са медиатори между рода и божествата.¹⁵ С приемането на християнството тези медиатори се отричат, като се обявяват за магьосници

¹⁵ Фрейзър, Дж. Златната клонка. Част I. Част II. София: Рата, 2006, 994 с.

и слуги на дявола. Хората с особени дарби стават част от основополагащия концепт *грѣх*, защото се осмеляват да заместят Бога, да помагат на хората вместо Бог, тоест да се изравняват с Бог. А това според християнското учение е най-големият грях, който извършва и самият дявол. Затова в официалната християнска литература рядко се срещат названия за хора с особени дарби, например в старобългарските класически произведения от IX–XI в. са засвидетелствани само: *вѣдѣхъ* ‘предсказател’, *старѣшнѣна вѣдѣхъскѣ* ‘главен жрец’, *чародѣи* ‘вълшебник, магьосник’, *чаромъ обрѣтателъ* ‘човек, който владее магиите’. Едно-кратна е употребата на *вражѣниѣ* ‘гадаене’ в *Синайския евхологий*. В по-късни преписи на създадените през този период съчинения се откриват: *баѣниѣ* ‘баене’ и *баѣти* ‘бая’ (*Симеонов сборник*), *гаданѣниѣ* и *послѣдовати гаданѣмъ* ‘врачувам, гадая’ (*Втора книга Паралипоменон* 33.6) и *магъ* от гр. ‘жрец, магьосник’, като всички употреби са с отрицателни конотации.¹⁶ Лексемата *гаданѣниѣ* е употребена и в *Похвалното слово на Йоан Полиевтски* от Патриарх Евтимий със значение ‘гадателство, пророкуване’.

През XVII в. в езика на новобългарските дамаскини, който е близък до говоримия, се откриват нови названия за хората с особени дарби. Особен интерес с оглед връзката между християнската и традиционната култура представлява словосъчетанието „нечисти жени“, което в текста на дамаскините назовава жени, които баят и правят магии. Забележителна е промяната на словосъчетанието в „нечисти човеци“ в Берлинския дамаскин в същия контекст. Към нечистите жени се причисляват и тези, които предсказват бъдещето или изцеляват болни: *и сега нма тѣка междѣ нас грѣшныи и нечѣстѣи жены. та баѣтъ и магѣ стѣвѣтъ и лѣжатъ нас Тих 18.189; и сега нма тѣкѣ едни ѹбѣи междѣ насъ грѣшныи и нечѣстѣи та баѣтъ. и магѣ стѣвѣтъ и лѣжатъ на Бер 259а; ндетѣ на краи градь, нма жена магѣсницѣ. слѹжнтѣ бѣгѹ нашѣмѹ ваааѹ и пнтѣнтѣ а да ви каже дааи кѹ да оумра, нан кѹ да ѡздравѣа ЖС 303б; магѣсницѣ же рече, аѣе естѣ ѿ врага бааѣнѣ, егда побѣаѹ ва тон ѹасъ боаѣи и нсцѣлетѣ ЖС 308а.*

Тези текстове отразяват реалното съществуване на баячки и баби знахарки (по-рядко мъже билкари и знахари), които в ритуалите имат особено важна роля, например при раждане, погребение, врачуване срещу безплодие, зли сили, уроки и т. н. В народните представи те не се осмислят като нечисти, а са уважавани като участници в сакрални обреди.¹⁷

В *Женския сборник* на Йосиф Брадати са представени две гледни точки за действията на хората с особени дарби. Според собствената им преценка тези жени се причисляват към добрите християнки, вярват в Христос и почитат светиите: *жена же рече: егда бѣахъ кое зло творѹ и ѹзѣ нма хрѣстово прѣзнаѹю и прѣстѣи бѣѣ, и стѣи безъсребрѣнницѣ Козма и Дамѣана прѣзнаѹю ЖС 309б.* Според автора, който представя официалната църковна оценка, тези жени са идолопоклонници, антихристови ученици, дяволски слуги, безбожници, проклетни от Бога: *и кон женѣи вѣкають себѣ рекаре, и давають бнѣи и бѹраѣи, такови жены наѣнѣаѹтѣ антихрѣстовѣи оѹченницѣи и дѣяволскѣи слѹги, нже предаѹаѹтъ незловѣи дѹши; конто ходѣтъ на самовѣи и бродѣницѣи и магѣсницѣи... тѣа са безбожницѣи... егда прѣнѣдѹтъ на покаѣниѣи и да прокленѹтъ, конто творѣтъ магѣа, и баснаѣи и самовѣи и бродѣницѣи, и всѣ вражска враговѣи, тѣа са от бѣа проклетѣи и ѿ стѣихъ оѣѣ ЖС 308б.*

Етнокултурният термин *нечисти жени* в новобългарските дамаскини отразява водещата роля на християнската мисловност в книжнината.

¹⁶ Бончев, Н.: Речник на църковнославянския език. Том I. София: Народна библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, 2002, s. 28, 126, 266.

¹⁷ Брага, Т.: Лексеми, назоваващи и съпътстващи магическите практики в Женския сборник на Йосиф Брадати. *Ин: Български език*, 2023, пг. 4, 42–54.

Лексемите *бая* и *баяние* присъстват и в архаичните дамаскини, в новобългарските дамаскини от диалектите преминава думата *баялница* със значение ‘врачка; жена, която предсказва бъдещето’ (*Тихонравов дамаскин, Троянски дамаскин*). В текста става дума за тежко заболял цар, който търси помощ от жена с пророчески дар: пѣстн ѹлѣн на нѣкоа баялница да мѣ повѣрують, да вѣдѣ дааи ще станѣ *Тих* 11.90б. Християнското осмисляне на подобни хора личи от думите и действията на арх. Михаил, който наказва царя с нелечима болест, защото не се надява на Бога, а на една беззаконна жена. Според народните вярвания обаче дейността на *баячките*, познати още като *баялници* и *баснарки*, е предимно лечителска и се свързва с помощта, която те оказват на хората.

В текста на Словото за Второто пришествие се споменават и друг тип нечисти жени: тѣа женѣ конто бѣ разгнѣвале, конто врачѹвать и прѣдавать, и задавать, и завезѹвать младенци *Тих* 18.197б; тезѣ женѣ контѣ бѣ разгнѣвале, конто врачѹвать и баатѣ, прѣдавать, и задавать, и завезѹвать млѣнцы *Бер* 267а. В средновековната българска книжнина лексемите с корен *врач* се съотнасят само с изцеляване. Едва в езика на новобългарските дамаскини се отразява тяхното преосмисляне въз основа на връзката между лекуването с баене и извършването на други магически и гадателни практики. В цитираните примери *врачувам* и *поврачувам* означават ‘гадая с магии’. А в *Берлинския дамаскин* от края на XVIII в. откриваме следния пример, който се отнася до мъж с особени дарби: нмаше єднѣ ѹлѣъ єврєннѣ оу кєсарѣа на нмѣ ѿвєнфѣ ѹлѣъ богатѣ н прѣднѣ... н тѣн бєшє научнѣл врачѹванїє добрє да познавашє когн щє ѹлѣъ да є умрєлѣ, нан да є жнѣлѣ, нан колко сахатн нма докѣтъ жє умрє *Бер* 20а.

Образът на нечистата жена се уплътнява, като към нейните отречени практики се допълват все повече познати от традиционните ритуали действия. Подобни примери откриваме в дамаскините от XVIII в.: жєнѣ кон аниѹтъ олово н восокѣ н кон вєрѹють в магїнѣ, н залаганє, н кон глєдѣтъ на вода, н завєзѹють дєца малєчкѣ *ЖС* 301а.

Появата на няколко названия за жените с особени дарби в дамаскината книжнина от XVII–XVIII в. безспорно е повлияна от традиционната култура, в чиито обреди и вярвания тези жени заемат много важно място. Но в дамаскините те последователно са представени като нечисти хора. Езиковият материал показва, че в стремежа си да отхвърлят като нехристиянски дарбите на тези жени, авторите на новобългарските дамаскини намират подходящи еднословни и описателни номинации за тях като: *баялница, магия струват, поврачуват, врачуват* със значение ‘гадаят с магии’, *завезуват младенци* със семантика ‘завързват оплодителните сили на млади хора’, *леят олово и восък, гледат на вода*.

В новобългарските дамаскини богато засвидетелствани са и лексемите с корен маг- (*магия, магесник, магийство, магийски*), като определено семантиката им се съотнася с нехристиянските практики за врачуване и лекуване от нечистите хора: н тамѣ в онзн обѣток нмашє єднѣъ магїєсннѣъ, съшн дїаволєвъ слѹга *Бер* 103б; а тон стана тѣ ѡтнѣ прѣ єдногѣ магїєсннѣа... тогнѣ мѹ рєчє магєсннѣъ ако съ ѡрєчєшь ѡ хѣ твоегѣ мога да тн сторѣ що нскѣшь... рєчє мѹ пакѣ магєсннѣъ да тн дамѣ єдна кнїга да ѹтнѣдєшь на єлєснѣтє грєбнѣца ѹ полѹнощ *Бер* 15а. В Женския сборник от XVIII в. за назоваване на хората с особени дарби най-често се срещат лексемите именно с корен маг-.

Анализът на езиковия материал показва, че в историята на българския език са съхранени немалко названия на хора с особени дарби. В християнската книжнина те се представят като нечисти хора, обсебени от дявола. Дори и в новобългарските дамаскини, които се приближават до традиционните вярвания в някои отношения, врачките, баялниците, магесниците са нечисти. В народно-религиозното световъзприятие, закодирано в традиционните вярвания и ритуали, обаче тези лечители са свързани с християнския Бог и помагат

на вярващите да се справят с тежки изпитания. Тази нагласа е отразена и в диалектните названия на народните лечители, които са с положителни конотации.

6. Изводи

Анализът на названията на нечистите хора в старобългарските класически паметници, в оригиналните съчинения на Патриарх Евтимий и в новобългарските дамаскини очертава семантичната и лексикалната реализация на концепта. Телесната нечистота последователно се свързва с половия живот, загубата на девствеността, нерегламентираните връзки, болестите и недъзите. Духовната нечистота се осмисля като нарушение на основните християнски постулати – като нечисти хора се представят убийците, крадците, военолюбците, враговете на християните, езичниците, еретиците, алчните и немилосърдните, лъжците и клеветниците.

Важно е да проследим промените във вербалните реализации на концепта *нечисти хора*. В старобългарския език, както и в произведенията на Патриарх Евтимий за телесната нечистота се утвърждават лексеми от корените *блѣдъ-*, *-любодѣи*. В новобългарските дамаскини те са почти напълно изместени от *ку̀рѡва*, *пѣ̀кѡрѡва*, навлезли в книжовния език от говоримия. За духовно нечистите хора, които са грешници според християнската парадигма, последователно са засвидетелствани лексемите: *рѣзбоннѣкъ*, *оубннѣа*, *крадѣа*, *татѣа*, *лъжесѣвѣдѣтелѣа*, у Патриарх Евтимий се появяват *гѣлѣитѣлѣа*, *хѣщѣникѣа* *прен.*, *блѣзникѣлѣа*, *лъжѣнѣа* *субст.*, в новобългарските дамаскини крадците се назовават с диалектната лексема *влѣхѡва* и със заемките *хайду̀т*, *кеседѣжѣа*. Към старите номинации на алчните хора *сѣбѣролюбѣа*, *несѣа* през XVII в. се добавят и преносните значения на *боля̀рство* и *оболя̀ря*. Особено показателно за същността на промените е съжителството на старобългарските *оубннѣа*, *ненавѣстѣникѣа* с турската заемка *душманин* в текстовете на новобългарските дамаскини. Думите от говоримия език в езика на новобългарските дамаскини се съчетават с новоизковани композити, характерни за книжовната традиция, като *високоо̀умѣнѣа* ‘високомерни, горделиви хора’ и *ѣзнѣко̀лѣстѣнѣнѣа* ‘хора, които съблазняват с думи’. В лексикалното ядро на концепта *нечисти хора* постепенно се утвърждават думи от говоримия език, като в същото време се запазват голяма част от старите, както и техниките за книжовно словотворчество. С най-голяма честота в старобългарските класически произведения е адективът *нечѣстѣа*, в оригиналните съчинения на Патриарх Евтимий по-чест е *скѣрѣнѣнѣа*, а в новобългарските дамаскини те са изместени от говоримия адектив *мѣрѣсѣнѣа*.

Под влиянието на християнската парадигма хората с особени дарби също се причисляват към нечистите. Според проучването ни в историята на българския език те се назовават с лексеми от корените: *бѣа*, *гѣдъ/гѣт*, *маг*, *вѣщ*, *враж*, *врач*, *влѣх*, *чар* и притежават отрицателни конотации в християнската култура, докато в традиционната са с положителни аксиологични характеристики. Както показват данните от паметниците, през старобългарския и среднобългарския период тяхната употреба в официалната литература е ограничена. В новобългарски дамаскини са засвидетелствани названия от корените *бѣа*, *маг*, *врач* и *нечѣстъ*: *бѣя̀лѣница*, *бѣсарѣка*, *магѣсѣница*; *жѣнѣа*, *коѣто творѣа магѣа*; *жѣнѣа*, *коѣто врачуѣа*; *нечѣсти жѣнѣа*; *чѣвѣа* *грѣшѣни* и *нечѣсти*.

Общи за християнската книжнина и традиционните вярвания са омърсените с нерегламентирани полови връзки хора, нечистите родилки, болните и недъгавите, дори жените, които с мръсни дрехи замесват тесто за свят празник. В осмислянето на хората, медиатори между сакралното и профанното, се наблюдава противопоставяне между християнското отричане и осъждане и традиционното приемане и почитане на врачките, бѣя̀чките и др.

Източници и съкращения

<i>Бер</i>	Берлински дамаскин от края на XVIII в.– началото на XIX в.
<i>ВП</i>	Видение Павлово, апокриф в новобългарските дамаскини
<i>ЖИМ</i>	Житие на св. Иларион Мъгленски от Патриарх Евтимий
<i>ЖИР</i>	Житие на св. Иван Рилски от Патриарх Евтимий
<i>ЖП</i>	Житие на св. Петка от Патриарх Евтимий
<i>ЖС</i>	Женски сборник на Йосиф Брадати от средата на XVIII в., препис в Оदेशки дамаскин № 38 (64)
<i>ЖФ</i>	Житие на св. Филотея от Патриарх Евтимий
<i>К</i>	Клоцов сборник от X в.
<i>М</i>	Мариинско евангелие от X в.
<i>Мол</i>	Молитви от Патриарх Евтимий
<i>ОД</i>	Одески дамаскин № 37 (63) от средата на XVIII в.
<i>ПА</i>	Послание до Антим от Патриарх Евтимий
<i>ПНІ</i>	Първо послание до Никодим от Патриарх Евтимий
<i>ПслІП</i>	Похвално слово за св. Йоан Поливотски от Патриарх Евтимий
<i>ПслКЕ</i>	Похвално слово за св. св. Константин и Елена от Патриарх Евтимий
<i>ПслН</i>	Похвално слово за св. Неделя от Патриарх Евтимий
<i>С</i>	Супрасълски сборник от X в.
<i>СЕ</i>	Синайски евхологий от X в.
<i>СК</i>	Савина книга от X–XI в.
<i>СП</i>	Синайски псалтир от X в.
<i>СТ</i>	Служба за св. Теофана от Патриарх Евтимий
<i>Тих</i>	Тихонравов дамаскин от XVII в.
<i>ТФ</i>	Триоден фрагмент от XI в.

Lexical and semantic implementations of the concept *impure people* in the history of Bulgarian literature

Kalina Micheva-Peycheva – Tatyana Braga

The analysis of the names of impure people in Old Bulgarian classical monuments, in the original works of Patriarch Euthymius, and in the Modern-Bulgarian Damaskins outlines the semantic and lexical realization of the concept. Bodily impurity is consistently associated with sex life, loss of virginity, unregulated relationships, illness, and infirmity. Spiritual impurity is understood as a violation of the basic Christian postulates – murderers, thieves, lovers of war, enemies of Christians, pagans, and heretics are presented as unclean people. Under the influence of the Christian paradigm, people with special gifts are also often viewed as unclean and carry negative connotations in Christian culture, whereas in traditional culture, they possess positive axiological characteristics. Common to Christian literature and traditional beliefs are people polluted with unregulated sexual relations, unclean mothers, the sick and infirm, and even women who knead dough for a holy holiday with dirty clothes.

МАРИЯНА ЦИБРАНСКА-КОСТОВА*

**Мотивът „преминаване на Дунава“:
исторически контексти и модели за културен трансфер¹**

TSIBRANSKA-KOSTOVA, M.: The Motif of ‘Crossing the Danube’: Historical Contexts and Patterns of Cultural Transfer. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 167-176 (Bratislava).

The Danube river holds profound symbolic significance across the entirety of Slavic and Bulgarian medieval literature. In scholarly research, it is discussed as a unique element of the Balkan worldview and a key boundary marker of Bulgarian territory. Geographically significant elements essentially represent a transition into another space, which is why the Danube takes on the meaning of a liminal marker. In this article, the connotative profile of the river is further developed through an analysis of four texts that span distinct periods and facets of the medieval Bulgarian tradition—from the miracles of Saint Demetrius of Thessalonica to the historical ballads of the Banat Bulgarians in the 17th and 18th centuries.

Danube, South-Slavonic Literary Tradition, axiological motives and symbolic meanings

Изконната северна граница на българската земя още от времето на заселването на прабългарите на Балканския полуостров през VII в. е река Дунав. Тя се превръща едновременно в географски обект и културна константа, чието съдържание се запълва според историческия контекст с богато аксиологично съдържание, кодиращо неразривната връзка между народ (етнос) и земя (територия). В изследванията е наричана „основен граничен маркер на българското пространство“², „уникален елемент от балканския модел на света“³, „митологичен лабиринт и код“⁴. При това когато реката е именно териториална и културна граница, се пораждат особени конотации; възниква мотивът за преминаването на Дунава, който не само се остойностява, попивайки от духа на епохата, но може да се превърне в универсален модел за изследване на мисловните нагласи и стереотипи, които възникват при реализацията на мотива *преминаването на река* в библейската традиция, в старата българска и славянска книжнина. Граничното пространство има специално място в научните изследвания, но освен като естествено място на военни сблъсъци и геополитически прекроявания най-често е свързано и със създаване на културно-историческо простран-

* Mariyana Tsihranska-Kostova, Prof. DSc., ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5699-7503> Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences, 52 Shipchenski prohod, Bl. 17, 1113 Sofia, Bulgaria; e-mail: tzibran@ibl.bas.bg.

¹ Статията е написана в рамките на проекта „Кирило-Методиевата традиция, език и култура сред словачите, българите и сърбите“, BG-175467353-2024-18-0008 / ФНИ-196 от 16.01.2025.

² Георгиева, Цв.: Река Дунав – граница на българското пространство през XV–XVII в. In: Българска етнология, 1997, 1-2, s. 25-31.

³ Цивьян, Т.: Дунав – сигнатура на митологичния път и митологичната граница. In: Българска етнология, 1997, 1-2, s. 5-24.

⁴ Kolev, K.: The Danube as a Cultural and Mystical Cross-Border. In: *Studium*, 2015, Vol. 8, Supplement 1, s. 5-21.

ство.⁵ В съзнанието на българина са дълбоко вкоренени изрази от учебници и популярни източници: „Аспарух преминава Дунава и основава българската държава“, „Какви чувства изпитва бунтовникът от „На прощаване в 1868 г.“ в навечерието на преминаването на Дунава?“⁶ и др. Но те са само малка част от мотивите, моделите и културемите, отнасящи се до река Дунав.

В настоящата статия ще се спра на няколко различни средновековни модела на осмисляне на мястото на река Дунав и на реализация на мотива „преминаване на Дунава“, които далеч не изчерпват темата, но я поставят в търсената перспектива на историческата контекстуализация. Те се отнасят до различни протагонисти, образи, книжовни традиции, конотации на реката с нейните различни имена, но неизменно представят духовното наследство от миналото и културната памет за него; утвърждават методическата постановка, че езикът и културата са най-тясно свързани на аксиологично ниво в набор от ключови ценностни термини (културни понятия) и тяхното значение.⁷

Средновековната йеротопия и придобиването на святост – св. Димитър

Известно е, че Средновековието създава устойчиви модели за освещаване на пространството, при което се извършва пренос на божествена благодат. Най-често този мотив е застъпен в житията на светите личности, които внасят святост на местата, с които са свързани. Един от много ранните и показателни примери са *Чудесата на св. Димитър Солунски* (III в.). Въпреки че в южнославянската традиция като пълен текстов корпус те са познати едва от XV в., когато се появява преводът на сборника на византийския автор Йоан Ставракий от края на XIII в.,⁸ най-ранното чудо органически се вплита в *Метафрастовото житие на св. Димитър*, разпространявано като анонимно на Славянския юг, и *до-Метафрастовото анонимно Мъчение*,⁹ които се радват на най-голямо разпространение. Мотиви от него има и в панегирични произведения. Св. Димитър е един от най-популярните раннохристиянски великомъченици и светци воители, благодарение на които се утвърждава религиозният феномен мъченичество за вярата. Първочалната култова традиция за светеца е свързана с два важни локуса – Солун и Сирмиум, като по отношение на отделни наративни детайли и реликви дори се смята, че е възможна да е настъпила контаминация между образите на св. Димитър Солунски и св. Димитър, дякон на епископ Иринеи от Сирмиум (III в.). Връзката на двата града обаче и посредничеството на р. Дунав имат особена конотация в ранната оригинална книжнина на старобългарски език. *Житието на Методий* разкрива усилената преводаческа дейност на неговия книжовен кръг: *начѣнь ѿ марѣа мѣа до двоудѣстоу и шестию днѣ соѣтвор мѣа. Окончавѣ же, достоинноу хвалоу и славоу боу въздасть, дающеу таковоу бл҃годать и поспѣхъ. И стѣе възношеніе тѣнноє съ клиросомъ своимъ възнесе, сътвори пѣмѣть ст҃го димитриѧ.*¹⁰ Описаната памет на 26 октомври

⁵ Баръмова, М.: Европа, Дунав и османците (1396–1541). София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2014, s.18, s. 51.

⁶ Биолчев, Б., Н. Аретов, Н. Илиева.: Литература 7 клас. София: Агнубис, 2000, s. 29.

⁷ Bartmiński, J. Language in the Context of Culture. The Metaphor of “Europe as Home” in This Day and Age. Katowice: Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2018. 69 s.

⁸ Билярски, Ив., Цибранска-Костова, М.: Чудесата на св. Димитър от солунския хартофилакс Йоан Ставракий в южнославянската традиция: предварителни бележки. In: Palaeobulgarica, 2024, (48), 2, s. 83-112.

⁹ Иванова, Кл.: Агиографски и панегирични произведения за св. Димитър Солунски в южнославянските календарни сборници. In: Studia Balcanica. 25. Византия–Балканите–Европа. Изследвания в чест на проф. В. Тълкова-Займова. София, 2006, s. 371-386.

¹⁰ Използван е Електронният архив на Секцията за история на българския език в Института за български език – ГИМ ф. 80370, № 4 (Успенски събор), XII-XIII в.; вж. още Иванова, Кл. (съставител и редактор). Стара българска литература. Т.4. Жития. София: Български писател, 1986, s.76.

учениите отнасят към раждането на Канона за Димитър Солунски, една от най-забележителните песеннопоетически творки в старата литература.¹¹ Макар със спорна атрибуция, тя разкрива градозащитната роля и изконната връзка между светеца отъчестволувецъ и града отечество Солун: *та нѣнѣ праздниѣта свѣтѣло. Фесалоники дньсь. въ свѣтѣ ти тѣржествѣ славнь* (Архив на СИБЕ, Канон за св. Димитър Солунски по Служебен миней за октомври, *Син.* 435, XII в., f. 197v – 201v). Така се осъществява връзка между Кирило-Методиевата мисия сред западното славянство и Балканите, която до нашето съвремие е и модел за споделено наследство в културния коридор между Балканите и Карпатския регион. Нека сега видим едно от другите превъплъщения на идеята за светостта, свързани със св. Димитър.

Още в най-ранните византийски източници от VII в. за книжовното изражение на култа към светеца се намесва сюжетът за болния епарх или префект на административната област и диоцез Илирик с главен град Сирмиум (другаде наричан епарх на Дакия), на име Λέοντιος – Леонтий.¹² Той играе значителна роля в опазването на реликвите от светеца и осъществява първото им *translatio* в Западните Балкани. По същество това е първото чудо. Много болен, Леонтий посещава Солун, чувайки за чудодейните изцеления на солунския светец. След като е изцелен, той се връща по обратния път към дома. Епархът получава забрана от явилия му се насън светец да вземе мощите му, но получава право да отнесе някои реликви, сред които в различните преписи се появяват: окървавената хламида ‘мъжка аристократическа горна дреха, наметало, плащ’, гр. *χλαμύς* или *ιμάτιον*; част от *опара* ‘лентата с кръстове, носена през рамо от дякона в богослужението’, *ὀράριον*; някъде и *пръстен*.¹³ *При завръщането си в Сирмиум Леонтий построява великолепен храм, посветен на св. Димитър, в близост до този на св. Анастасия. Но истинското чудо се извърши напът, при преминаването на река Дунав по обратния път от Солун към Сирмиум. И ако за преместването по оста Сирмиум – Солун текстът не казва нищо специално, защото първото преминаване на реката още не е сакрализирано, второто е описано като истинско чудо. Множество са източниците, по които то може да се възстанови. Тук обаче ще се опра на неиздавания превод на сборника на Йоан Ставракий по запазеното свидетелство на Рилския панегирик от 1479 г. на Владислав Граматик.*

Текст: *Ἰὼκο οὐκὼ ἵκε ἄνκα σῆέννισιо хламидоу възбѣмь ὑпάρхъ, съпоушѣствѣнника коупно ἡ съпомощника, въ свѣтѣлѣмь лицѣмь ἵке къ даκίῳ ποῦτѣшѣствоуе. достигаетъ ἱаже шѣствѣа ἵстръ. рѣка же сѣа, вѣбноуема ἡ съ корабѣли прѣхѣдина. Она же ἵке въздоуѣха стоуѣнѣио ὀγοуствѣ помрѣзѣши въ вѣса. ἡ къ кáмѣноу жѣстоуѣства прѣблѣжившѣа се. тáже ἡ ноуѣжньмь доуѣхньмь вѣсáчьскы съкроушаема лѣдъ сѣнашае въ, равнo гѣрѣскынь врѣхѣ. что ѣже въ сѣхъ. Овъ оуѣкѣ поноуѣдааше се къ прѣхѣоуѣнѣио, рѣка пакы сверѣпѣше се ἡ ἱáроуство жѣстоуѣааше се. лнѣгоу пáче пѣноу ἱсплюѣае. ἡ оуказѣ ἵке въ нѣн доуѣха ноуѣжнѣо стрѣмѣлѣнѣа ἡ дѣвѣнѣа. ἡ скѣроуе оуѣкѣ прѣбѣааше погроуѣнѣе. сѣлано же пожрѣтѣе. днѣмъ же прѣбѣшнѣмь немнѣогыньмь ἡ рѣка ὑпáрхου къ прѣхѣоуѣнѣио не присѣааше се. призываетъ ἵке ἄνκα о́мощь ὑпáрхъ. ἱáвѣлѣет се въ сѣнѣ. ἡ ковѣжѣкѣ въ нѣлѣже ἵке сѣго хламидá ἡ погáсь съкрѣт се, въ врѣзѣноу поуѣтити повѣлѣѣааше.*

¹¹ Кожухаров, Ст.: Канон за Димитър Солунски. In Динеков, П. (гл. ред.): Кирило-методиевска енциклопедия. Т. 2. София: УИ “Св. Климент Охридски“, 1995, s. 215-217.

¹² Lemerle, P.: Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. Vol. 2. Commentaire. Paris: CNRS, 1981, s. 201; Μπακίρτζής, Χ.: Αγίου Δημητρίου Θαύματα. Ὁ βίος, τὰ θαύματα καὶ ἡ Θεσσαλονίκη τοῦ Αγίου Δημητρίου. Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Άγρια, 1997, s. 542, s. 549.

¹³ Lemerle, P.: Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius, 1981, s. 201; Μπακίρτζής, Χ.: Αγίου Δημητρίου Θαύματα, 1997, s. 34, s. 44.

възлагають сѣ въ р'кѣоу. и ѿвѣ, ѿ чюдеси, р'кѣ ѿслабляють стрѣмиеніе. оустыдѣв се ѿнічскыя хлами́ды, ѿко́ и наві́йна ісоу́са съ ковче́гомъ, до́врыи іѡр'данъ прѣвѣ. и прѣх'одить ѡп'рхъ. та́же въ сре́мѣ вѣвъ, и та́мо хра́мъ ѿні́коу възвѣнаеть. и сѣнноюю ѡноу ѿнка хлами́доу въ нѣ възлагають. чюдо сѣ димитрі́скыя хлами́ды, иже ѿлі́не милоу́ты, е́юже и елі́ссѣи іѡр'дан'скою строю́ю пѣшь прѣиде, ра́вностоа́телно же и ра́вноси́лно. поне́же и влѣтъ е́динаа здѣ и та́мо чю́дѣи́ствоующи, и сво́и оу́го́дники вели́чающи. Нѣ оу́кѣ сло́во иже чю́десъ оу́же поучи́ны при́шѣше, и неоу́до́въ исх'одно ѡсоу́дѣ иже съвѣше даро́въ ѿнка зѣ бога́тство, недооу́мѣвае́тъ се стрѣмиеніа, и нап'рѣдъ шѣствіа ѡсѣцае́тъ се. вѣзѣоу въ зрѣть чю́десъ призы́вающюу вѣзѣи знаме́нїи хѣа ѿні́ка. и поучи́ноу неоу́рѣ́дѣлаемоу, тѣмѣли нѣ́дра ѡри́гающюу (Рилски панегирик, *НМРМ* 4/8, f. 226v: кореспондиращъ грѣцки текст у *Ιβηρίτης* 1940: 339).¹⁴

Превод: „След като хламидата му стана спътник и помощник, с озарено лице епархът се отправи към Дакия и достигна течението на река Дунав. Буйната река, която бе проходима с кораби, сега от студения въздух цялата бе замръзнала и се бе превърнала на остър камък. И за да съкруши духа още повече, ледът бе я покрил като остри върхове на планини. Какво се случва? Епархът трябваше да премине реката, а тя бе свирепа и ожесточена, бълваше пяна, а влизането в нея щеше да доведе до удавяне и големи жертви. Така минаха няколко дни, а реката не можеше да се премине. Тогава епархът призова на помощ мъченика и той му се яви в съня. Даде му ковчеже, в което да скрие хламидата и пояса, и повели да се впусне в бързая на реката. И, о, чудо! Реката отслаби своето течение, сякаш засрамена от мъченическата хламида, както Исус Навин премина Йордан с ковчега с плочите на завета.¹⁵ Така премина и епархът. Когато се озова в Срем, въздигна там храм в чест на мъченика и възложи в него мъченическата хламида на св. Димитър. Чудото, направено с нея, приличаше на чудото с кожата на пророк Илия, с който и Елисей премина Йордан,¹⁶ те са равностойни и равносилни, понеже благодатта и тук, и там чудодействаше и величаваше своите угодници. Но словото за чудесата вече достига до същността си и земното богатство съзира неизчерпаемостта на дадените дарове свише, не може да се спре стремлението и да се отрече движението напред; защото бездната вижда необятните бездни от знаменията на Христовия мъченик и безпределната морска дълбина с безброй безгранични недра.“

Наблюдава се вариантност в конкретните топоси и реалии на това първо чудо, но неговото послание е ясно. Преминава се река Дунав, при това в посока, обратна на нейното извиране и протичане от запад към изток. Тук в пряк и в символичен смисъл благодат се пренася от изток към запад. Тази благодат не идва от първостепенните реликви, каквито са мощите, а от близки обекти до светеца, сакрализирани чрез неговото мъченичество. Но преди това се преодолява заплашително водно препятствие, описано като ледена планина (този мотив задълго остава водещ при преодоляването на Дунава в различни исторически контексти).¹⁷ Това е хиперболизиран образ на реката, различен

¹⁴ Издание на оригиналния грѣцки текст по препис от XIV в. прави атонският монах Йоаким Ивирит: *Ιβηρίτης*, I: *Ιωάννου Σταυρακίου λόγος εἰς τὰ θαύματα τοῦ Ἀγίου Δημητρίου*. In: *Μακεδονικά*, 1940, 1, s. 334-376.

¹⁵ По книга Ис. Нав. 3.

¹⁶ По 4 Цар. 2: 8.

¹⁷ Заплашителната битност на реката проличава в редица оригинални средновековни произведения на старата българска словесност. Тя е символичен топос, отъждествяван със заплаха от север, например в Давидов, А., Г. Данчев, Н. Дончева-Панайотова. Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София: Издателство на БАН, 1983. 328 с. Друг пример дава Надгробното слово за митрополит Киприан на Цамблак, познато само по един препис от XVI в.. В него се застъпва мотивът за страданията и изпитанията, понесени от Киприан, който

от обичайния – буйна, но плавателна: ποταμός δὲ οὗτος κυματίας τε καὶ ναυσίπορος – ρέκѧ же сѧ, вѣнуѣма ѧ съ корѧвли прѣхѣдима. Много ранно свидетелство за същото са трудностите, пред които са изправени Методиевите ученици след изгонването им от Моравия: „Когато стигнали бреговете на Дунава видели голямата и поради това непроходима река, свързали три дървета с липово лико и преминали реката, пазени от небесна сила“ (*Житие на св. Климент Охридски* от архиепископ Теофилакт Охридски, глава 16).¹⁸ Не е случайно, че описаният епизод завършва с реторичен и силно емоционален финал, в който думата *бездна* има подчертано метафорично значение. Той е написан в духа на витиевият език на византийския автор Ставракий: бездната на реката – необятните бездни от знаменията на Христовия мъченик, които са като безпределната морска дълбина с безброй безгранични недра.

Що се отнася до името на реката като географска и ономастична единица хидроним, то се подлага на вариантност в различните разкази за същото чудо. Тя се нарича ту Истър, както е в използвания препис и в неговия гръцки първоизточник – *Ἰστρ* < τὸν Ἰστρὸν, ту Дунав¹⁹; в поредица български и южнославянски преписи още Сава поради историческата връзка между Дунав и най-големия ѝ приток:²⁰ *ѧ лютѣ тоуѧ вѣшн нѧ савѣцѣн рѣцѣ наводнѣшн сѣ зѣлѣ* (*НБКМ 1039*, Станиславов чети-миней от XIV в.);²¹ *ѧ прнѣшн до вѣлнкѣ рѣкѣ рѣкомѣ сава въ своѣм ѣмѣ землѣ. ѧ вѣ водна зѣло. ѧ корѣль не вѣше прѣйтн* (*BAR 327* от XVI в., f. 464r).²² Така чрез реални географски понятия се затвърждава пространствената връзка между изтока и запада в конкретния текст, между Солун и западните Балкани, осигурява се така необходимата топографска основа за развиване на легендарното и йерофаничното. Преминаването на реката е неизбежен детайл от сюжетната линия в мъченията и чудесата на св. Димитър. Но по-важното – тя е еманация на пренасянето на святост. Светецът прави така, че тя отслабва своето течение, сякаш засрамена от мъченическата реликва. Сюжетът се уподобява на свещени библейски архетипи за преминаването на река Йордан с конотациите за божествената намеса в света и за богоизбрания народ, който я получава. Преодоляното препятствие е залог за освещаване на новото пространство в Сирмиум и привнасянето на благодат. Така река Дунав участва в трансфера на святост като водещ принцип на средновековната книжнина.

Река Дунав сред благословените реки на Рая

През 1571–1572 г. първият български печатар Яков Крайков издава във Венеция своите „Различни потреби“ – малоформатна книга за пътници с уникално съдържание, което няма аналог в нито един от печатните образци от различните книгоиздателски центрове

бил ограбен при преминаването на Дунав, т.е. отново заплахата при напускане на безопасното пространство на отечеството. In Дончева-Панайотова, Н. *Словото на Григорий Цамблак за митрополит Киприан*. Велико Търново: ПИК, 1995, s. 84-85.

¹⁸ <https://macedonia.kroraina.com/bugarash/ko/teofilakt1.html> (12.09.2025). Същият мотив се среща още във Второто проложно житие на Наум Охридски. In Иванова, Кл. (съставителство и редакция): *Стара българска литература*. Т. 4. Жития. София: Български писател, 1986, s. 82-83.

¹⁹ Μπακίρτζής, Χ.: *Ἀγίου Δημητρίου Θαύματα*, 1997, s. 46.

²⁰ В историографията за чудесата на св. Димитър съществуват мнения, че именно река Сава е първичното име и истинската река, която е преминал управителят на Дакия. Lemerle, P.: *Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius*. Vol. 2., 1981, s. 201.

²¹ Тотоманова, А.-М., Атанасова, Д.: *Станиславов чети-миней*. Т. 1. Издание на текста. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2018, s. 719.

²² Цибранска-Костова, М.: Чудото на св. Димитър от ръкопис *BAR 327*, XVI в.: книжовни проекции на култа към светеца откъд Дунава. In: *Palaeobulgarica*, 2025, 1, s. 71-72.

на кирилица през целия XVI в. В нея той включва краткия апокрифен разказ *Повест за четирите библейски реки* със следния текст: въпрошеніе, ѿ повѣстъ ѿ чѣтирьхъ рекахъ ѿвѣтъ. ѿже соуть ѿмена тѣмъ. гѣѡнь, ѿфратъ ѿнгръ ѿ фисонъ. гѣѡнь глѣни. доунавъ вьсоу сѣвѣрноуоу страноу прѣхѡдитъ: ѿфратъ вьсоу персидѡу. ѿвѣрьскою землю прѣхѡдитъ: фисонъ малою ѿ ѿ (sic!) вѣликою, ѿндію, минохѡдитъ: ѿнгръ вьсоу арапскою и пѣхчаною, землю прохѡдитъ. сѣе, д. реки ѿ рая тѣкоуть, ѿ напаяють вьсоу землю ѿже соуть въ тѣе, д. рѣки рѣки не ѿнатъ въ ѿнѣ рѣки ѿли ѿзера ѿли мора ѿ того ради познавають се рѣки ѿ рая. ѿ нѣктоже вѣстъ гдѣ соуть глави ѿхъ понеже въ земли понируютъ ѿ пакѣ ѿвѣлають се. тако глѡтъ дрѣвнѣи, философи ѿдѣже воудѣтъ страшни соудъ тоу воудѣтъ вьса ѿ рая ѿ мѣска близъ посрѣде вьсеи земли ѿ сѣа вьса воудѡуть въ ѿермъ, ѿдеже вѣстъ вѣлико вьскрѣсеніе хѣбо тоу воудѣтъ великѣи ѿ страшни соудъ ѿ гѣи въ вѣки аминъ: (f. 88r–89r).²³ Според книга Битие 2: 10–14 от райската градина Едем изтича река, която се разклонява на четири реки със следните имена в последователност Фисон, Гион, Тигър, Ефрат.²⁴ Въз основа на този библейски мотив възникват апокрифни версии за четирите библейски реки, добре познати на византийската и преводната славянска книжнина.²⁵ В гръцки източници от различен характер, включително в един кратък географски трактат, Фисон се отъждествява с река Дунав, известна с две наименования: *Ίστρος* за долното ѝ течение и *Δανύβιος* за горното.²⁶ Българският печатар очевидно познава друга версия, в която такава идентификация е направена с митичната река Гион, прекосяваща цялата северна земя. Тук няма да ни занимава въпросът на какви източници е могъл да се опре той в избора си. Вписването на реката в митологемата за рая е плод на интерференцията между развити знания за нея още от Античността и библейска конотация. Както другите три реки тя се влита в сакралната топография на света. Реките на Рая са загадъчни – никой не знае откъде точно извира (глава е думата за извор, начало на воден източник, но той е под земята), както божественото не е явно, а се разкрива само на посветените. Тълкуването съвпада с митологичните възприятия за мистичния характер на водното пространство в различни култури.²⁷ Типично за християнската парадигма се наблюдава синкретизъм между субординирана фактологичност и доминиращо нравствено послание. Затова фрагментът завършва с напомнянето за Страшния съд – той ще се осъществи в центъра, по средата на земята, и на него ще се въздаде и рай, и мѣска. Мотивът за Дунав като библейска река се развива не само в апокрифи. Много ценен източник е *Житието на Стефан Лазаревич* от Константин Костенечки, създадено през 1431 г., в който реката се вписва в изграждането на политическа идеология за светостта на християнския владетел и на неговите земи. Тук описанието на Дунав е смесица от географски реалии и символика. Изброяват се нейните имена **Газъ**, **Истръ**, **Фисонъ**. Реката извира от Рая, но се появява на повърхността на земята къ **Пеоньскѣи горѣ** (Пеонската планина), и се излива чрез пет устия в Черно море (и **проливають се въ Явоуѣиньскоюу поучиноуу петилии оустини**).²⁸

²³ Джурова, А.: Яков Крайков и Сборникът „Различни потреби“ (Книга за пътника) от 1571–1572. София, Милано: Библиотека Амброзиана и Националната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“.

²⁴ Библия сиреч книгите на Свещеното писание на Ветхия и Новия Завет. София: Издава Св. Синод на Българската църква, 1982, s. 2-3.

²⁵ Стара българска литература. Т.1. Апокрифи. Съставителство и редакция Д. Петканова. София: Български писател, 1982, s. 424.

²⁶ Turdeanu, E.: Apocryphes slaves et roumains de l'Ancient Testament. Brill, Leiden, 1981, s. 370.

²⁷ Kolev, K.: The Danube as a Cultural and Mystical Cross-Border. In: Studium, 2015, Vol. 8, Supplement 1, s. 6.

²⁸ Баръмова, М.: Европа, Дунав и османците (1396–1541). София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2014, s. 207-208. Фрагментът показва прилика с географски съчинения, преписвани включително в двора на Стефан Лазаревич. По тези въпроси вж. още Миленова, А.: Малкоизвестен фрагмент от съчинението „Отломки по космография и география“ в ръкопис от XV век. In: Българска реч, 2021, 2, s. 86-95; Йорданов, Ст. За фолклорно-митологична-

Река Дунав и реализации на мотива „на другия бряг“

1. Друг пример от XVI в. ни отвежда към едно от добре описаните преминавания на река Дунав в агиографско повествование, което “допринася за препотвърждаване на традиционните ортодоксални ценности чрез локални примери с обобщаващо значение”.²⁹ Става въпрос за фрагмента от *Житието на Николай Софийски* от Матей Граматик с описание на странничеството на житийния герой и пространственото му преместване по Божията промисъл. Този епизод се осъществява преди неговото мъченичество на 17 май, 1555 г., но е своеобразен път към него, защото всяка стъпка е направлявана свише и води до подвига: и поўта ѿмлет се оўже и срѣчьскы прѣдѣль прѣшѣ. и тако оўсердне къ европѣи оўкланѣет се и величество стрѣни тоѣ прѣтекъ трѣдолѣвне. и даже до самѣе реки великаго искра достизаѣ и въ корабль вѣсеѣ и бѣстриноу прѣплѣоуѣ ѡбѣнѣполь ѡбрѣтаѣт се и въ земли оўгровлахѣнскѣи высѣлаѣт се (ръкопис ЦИАИ 1521, f. 76r). Движението на бъдещия новомъченик за християнската вяра – обушарят Николай, родом от Йоанина в гръцка Тесалия, но жител на София, е в северозападна посока, към Европа през Дунава, за да осъществи типичния географски маршрут между българските земи в Османската империя и васалните влашки княжества. Ключовите информационни блокове в това описание са няколко. На първо място, река Дунав отново е назована с едно от най-старите нейни названия Истър, но в текста изписано като великаго искра вм. истра< Ъстроѡ. Тъй като *Житието* е засвидетелствано само в един препис, не може да се каже категорично за неволна грешка ли става въпрос (по-вероятно предвид съпътстващия епитет великѣъ, подходящ за голяма, пълноводна гранична река), или преписвачът на ръкопис ЦИАИ 1521³⁰ поп Лазар от Кратово прави контаминация с река Искър. На второ място, в езиковите маркери на мотива за преминаването на реката се открояват две лексеми: *вѣстрина* и *ѡбѣнѣполь*. Названия с мотивираща основа от старобълг. *вѣструъ* са разпространени в микротопонимията на Западна България за имена на планински реки и селища.³¹ Лексемата *вѣстрина* развива значението на водна площ с бързотечаща вода, бистра и ясна повърхност; оттук *вѣструость* има и метафорично значение за положително качество на човешката мисъл. Лексемата *ѡбѣнѣполь*, описвана и като наречие, и като предложно съчетание, най-често се асоциира с водни пространства, тъй като съчетава две взаимосвързани пространствени семи: ‘от двата бряга, двете страни’ и ‘на другата страна, бряг’,³² с които точно се описва преход през водна зона. Впрочем изразите *отсам* и *отвъд Дунава, от двете страни на Дунава* стават предпочитани означения за активната употреба на кирилицата в манастирските центрове във влашките княжества и Молдова. Преминаването на водната граница в този контекст е изцяло с положителна конотация. Създава се контактна зона, в която се разгръща културно общуване особено в периода на османското владичество на Балканите с прилики и различия поради спецификата на книжовното и езиковото многообразие. Пространственото преместване на агиографския

та основа на някои реални в съчиненията с географски характер на Константин Костенечки (Фисон–Дунав). In: Търновска книжовна школа. Т. 6. Велико Търново, 1994, s. 461–483.

²⁹ Timotin, A.: Identités régionales et communautés religieuses dans l’Empire Byzantin aux VIII–XI siècles. In: Études Byzantines et Post-Byzantines, 2016, VII, s. 192.

³⁰ Ръкопис ЦИАИ 1521 е ръкописен сборник от 1564 г. и се съхранява в Църковно-историческия и архивен институт към Българската патриаршия в София. Той съдържа общо три творби, посветени на софийското новомъченичество срещу османците.

³¹ Български етимологичен речник. Т. I. София: Издателство на БАН, 1971, s. 50.

³² Николенкова, Н.: Церковнославянское обонполь как предложная единица в истории языка. In: Язык, сознание, коммуникация. Сборник в МГУ. Вып. 60. Москва: Вагант, 2018, s. 196.

герой Николай може да се тълкува метафорично и като вариант на така наречения *rite du passage* или социална трансформация на индивида, поемане на нова роля в друга среда, за да постигне себепознание, да опознае чуждата, макар и християнска управленска структура на Влашко, в крайна сметка – да натрупа опит и да се подготви за предстоящото мъченичество.

2. Последният пример е извлечен от банатския песенен фолклор. Той е оригинално културно явление на една българска общност, която поддържа своята идентичност в чужда среда. Принудено да се отправи в емиграция след Чипровското въстание през 1688 г., или както се казва в един исторически разказ „да идим далеку уд турчина“ („Дървено кусило“, разказан от Яко Ронков), това население пази родовите си корени и създава митологично-символични представи за връзката между отечеството и новата земя. Това проличава дори в начина им на самоименуване „българе палук'ене“, в съвременен вариант *balgarete palčene*.

Особен интерес представляват историческите песни, които разкриват как *българите палук'ене* напускат родните си места в епохата на османското владичество и се заселват в областта Банат. Тези песни, макар обогатени от идеалистична носталгия по родната земя, дават представа както за емоционалния свят на хората, така и за житейските изпитания, през които преминават, без да губят връзка с изоставеното отечество. В банатския фолклор – наративи и песни, проличават опорните точки на българското самосъзнание – вярата, народността, любовта към отечеството. Неслучайно родината е „старата бащина България“, „у быцината“, а османското владичество се описва като „вън тъмна нощ се й спуснала нъд зъробената бащина“. Нека припомним историческите традиции в този тип именуване, които остават характерни за книжнината на българите католици в българските земи. Например в латиноезичния труд „За древността на бащината земя и за българските дела“ на Петър Богдан Бакшев понятието *Patria* е в основата на целите на труда: да се остави „нещо написано“ за твърдостта на католическата вяра на предците и за вечната любов към отечеството.³³ Същите исторически утвърдени ценности движат духовния свят на банатските българи, които днес наричат родината *domovina*.

Една от най-ценните исторически песни се нарича „Наште прадедвe (нашта история у врай пребрана)“ и се датира от 1723–1740. Тя е известна в ръкописни и печатни източници. В Националната библиотека са запазени оригиналните ръкописи *НБКМ 1318 а и б* с банатски народни песни от 1877–78 г., дарени на библиотеката от К. Телбизов.³⁴ По-късно в оригинал с латинска графика песента „*Nášte dedve*“ е издавана от К.-М. Ivánčov.³⁵ Основният сюжет и послания са известни в различни варианти. Подобни сюжети продължават да се развиват в песните на обратните преселници от румънски Банат в българските селища Бърдарски геран, Асеново и др. през средата на XX в., сравни „Нашите деди когато са дошли“ и др.³⁶

Препис на същата песен се съхранява в Български исторически архив, фонд 881, № 29, с. 126–192, в запис на Чилиак Мартин от с. Винга. Завземането на българската земя от турците и убиването на българския „крал“ принуждават павликяните да потърсят спасе-

³³ Василев, Цв.: *Petrus Deodatus. De antiquitate paterni soli et de rebus bulgaricis. Editio Critica*. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2020, с. 45.

³⁴ Стоянов, М., Кодов, Хр.: *Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т.4*. София: Наука и изкуство, 1971, с. 112–119.

³⁵ Ivánčov, K.-M.: *Banátscí balgarscí folklór. I tom. Nárudní pesmí*. Timișvár: Helicon, 1993, с. 439–446.

³⁶ Кауфман, Н.: *Народни песни на банатските българи*. София: Държавно издателство „Музика“, 1987, с. 96–102.

ние извън територията на Османската империя. Те тъгуват, че не живеят свободни и че не могат да изповядват свободно вярата си, а и са принудени да плащат тежки данъци. Злото нарушава идиличната картина на добрия живот в сладката родна земя. Съзнанието украсява митологемата *родината като рай* с наивистичните, но силно конотирани представи, че в българската земя се раждат цитрусови плодове, кафе, ориз и всякакви природни богатства. Затова под ръководството на Никола Станиславич, епископ на Никопол и апостолски администратор на Влахия (1694–1750), който е водач или на палкенски *мамач*, преминават Дунава и се заселват за известно време във Влашко. Оттам се отправят към областта Банат, тогава в пределите на Австро-унгарската империя на Хабсбургите. Ето по-широкият контекст на преминаването на реката: „Хайде муйе драг’и хора / Да напривим пукора / Да се удтука маними / Ут зло да се убраними / Утидета ду Дунава / Брударе той г’и пузнава / И той съте г’и прелади / Но, секуй треба да мълчи / Турцете да ни г’и чуят/ Чи у Дунава се лалат / Чи аку г’и улуват / Ду идин за г’и изсечат / Ду Влашку стигнайя / Малку време там седейя / Следто и уд там тръгнйя / Ду идна гура стигнайя....“³⁷. Двукратното споменаване на реката се вплита в мотива *преминаване на граница* като напускане на родното, затова е обогатен с носталгични и силно емоционални мотиви. Той е свързан със страх поради заплахата от врага, но и със силна тъга. Прилежащата лексика, свързана с реката, го подкрепя с няколко акцента: *брудар* – ‘лодкар, който превозва с лодка’, от брод ‘бряг’; *ладъ* ‘карам лодка’, *преладъ* ‘превозвам, прекарвам на другия бряг’.³⁷ В редица банатски песни и исторически разкази се оформя новото пространство, което трябва да се усвои и от чуждо да стане свое: *утата Дунава* (отвъд Дунава). Река Дунав попада в кръга на така нареченото „нуклеарно родно“, описано в труда на Св. Караджова като съчетание на три модуса: „у дома“, „вкъщи“ и „у нас“.³⁸ По-конкретно Дунав е част от модуса „вкъщи“, защото маркира земите на юг от реката, където се намират старите поселища и историческите корени. Следователно в банатския песенен фолклор се реализира мотивът *Дунавът като граница с родината*.

Разгледаните реализации на образа на река Дунав и на мотива за нейното преминаване са много малка част от възможностите за анализ. Но различната хронология и богатите информационни пластове на анализирания текстове имат предимството не в броя, а в разнообразието на интерпретацията, която задават със своето съдържание. Те доказват, че река Дунав е натоварена с разнообразни конотации извън най-честите за границата, митологичното и символично водно пространство. Образът на реката разкрива още нравствено-религиозна същност, йерофанични трансформации, етноидентичностни ценности. Но един от най-важните изводи лично за мен е, че в изброеното може/трябва съзнателно да търсим, за да открием синтеза на миналото и съвременността; че мотиви, образи и ценности ще се повтарят от диахрония към синхрония, така както в хуманитаристиката повторемостта е начин за съхранение и предаване на памет. Споделянето на културното наследство в епохата на глобализация е основен работещ модел за мултикултурно сътрудничество в Европа.

³⁷ Стойков, Ст.: Лексиката на банатския говор. Трудове по българска диалектология. Т. 4. София: Издателство на БАН, 1968, s. 44, s. 127, s. 188.

³⁸ Караджова, Св.: Модуси на литературното в културата на банатските българи. Автореферат на дисертация за присъждане на научната и образователната степен *доктор*. София: Институт за литература, 2025, s. 25.

The Motif of ‘Crossing the Danube’: Historical Contexts and Patterns of Cultural Transfer

Mariyana Tsibranska-Kostova

This article examines some medieval models of constructing the image of the Danube river and the motif of crossing it. Topics include: *the Danube's acquisition of hierotopy; its placement among the blessed rivers of Heaven; the realization of the motif „on the other coast.“* The analysis relies on literary sources from the medieval Bulgarian tradition dating from different centuries. These sources include the Miracles of St. Demetrios, apocryphal texts, Matthew the Grammarian's Life of St. Nicholas of Sofia, and 18th-century historical songs of the Banat Bulgarians. These sources demonstrate that the Danube has diverse connotations beyond its most common liminal, mythological, and symbolic meanings. The river's image also reveals moral and religious essences, hierophanic transformations, and ethno-identity values. These motifs, images, and values are repeated from diachrony to synchrony as in humanities, repetition preserves and transmits memory. In the age of globalization, sharing cultural heritage is a significant model for multicultural cooperation in Europe.

КСЕНИЯ КАЗАРИНОВА*

Фрагмент Ин 20.19–31 в учительных руськомовных евангелиях: Львовская текстологическая группа

KAZARINOVA, K.: John 20.19–31 in Ruthenian didactic gospels: The Lviv textual group. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 177–186 (Bratislava).

This article continues the study of the pericope John 20.19–31 in the Ruthenian didactic gospels of the 16th–18th centuries and focuses on the Lviv textual group, which consists of 10 textual versions. The earliest of them (the Knyahynychi gospel) is dated from around the middle of 16th century, and the latest one (the gospel of Yulian Dobrylovsky) is from 1792. A distinctive feature of this group is the use of Church Slavonic, whereas Ruthenian usually predominates in didactic gospels of this region and period. In 5 of the 10 manuscripts, the Gospel text (not always in its entirety) appears as separate fragments scattered throughout the homily; nonetheless, all the listed sources have been classified as belonging to the Lviv group. The article briefly describes the manuscripts of this group, outlining their key characteristics and textual interrelationships. An appendix includes a critical edition based on the pericope from the Lviv didactic gospel, and also presents a typeset of the pericope from the Knyahynychi didactic gospel.

Textology, Ruthenian language, Church Slavonic language, the Gospel by John, Ruthenian didactic gospels.

Перикопы Ин 20.19–31 присутствуют в большинстве доступных нам руськомовных учительных евангелий: в 88 из 120.¹ Эти 88 списков, в свою очередь, можно разделить на условные группы, т.к. текст перикопы вариативен. Статья посвящена так называемой Львовской группе, которую на данный момент составляют следующие списки: Кн, Лв, Пт, ПК, Ур, КТ, Мг, Дч, Бд, ЮД.² Хронологическая шкала этой группы составляет около 240 лет: с середины XVI в. (*1550)³ (Кн) по 1792 г. (ЮД).

Внутри группы, несмотря на очевидное родство версий перикопы, некоторые из них различаются лексикой, грамматикой, имеют самостоятельные вставки или пропуски: так, к тексту Лв ближе всего списки Кн, Ур, КТ, Мг, Бд и ЮД; некоторой текстологической самостоятельностью обладает версия Пт; тесно взаимосвязаны варианты перикопы в ПК и Дч.

* Ксения Николаевна Казаринова (Ksenija Kazarinova), доктор филологических наук, ORCID iD: <https://orcid.org/0009-0008-1092-9194>, научный сотрудник Института литовского языка (Вильнюс, Литва): Lietuvių kalbos institutas, P. Vileišio g. 5, LT-10308 Vilnius, Lietuva; e-mail: ksemuri@gmail.com.

¹ Многие из этих источников каталогизированы Галиной Чубой (см. Чуба, Г. В.: Українські рукописні учительні Євангелія: дослідження, каталог, описи. Київ–Львів: Свічадо, 2011).

² Система условных сокращений основана на материалах докторской диссертации Дениса Кравчука, которая писалась в Институте литовского языка в 2017–2020 гг. Перечень рукописей с расшифровкой сокращений представлен в конце статьи в алфавитном порядке. Заглавными литерами (напр., ПК) выделены печатные списки, рукописные версии отмечены сочетанием заглавной и строчной букв (напр., Лв). Если рукопись есть в каталоге Г. Чубы, то указан ее номер в нем (напр., Чуба № 1).

³ Звездочкой * помечены условные даты.

Исследуемая перикопа в указанных источниках представлена двумя способами: в одних евангельский текст выписан отдельно (Лв, Пт, Ур, КТ, Бд), в других он (не всегда в полном виде) дан отдельными цитатами внутри гомилии (Кн, ПК, Мг, Дч, ЮД). Семь версий представлены рукописями (Кн, Лв, Пт, Ур, Мг, Дч, Бд), три – печатными изданиями (ПК, КТ, ЮД). Проповеди отдельно не изучались, однако даже при беглом рассмотрении очевидно, что они весьма разнятся по своему содержанию. Инципиты совпадают лишь в нескольких случаях: ПК и Дч,⁴ КТ и Бд.⁵ Иные гомилии в рамках исследуемой группы являются единичными.⁶

Львовская группа выделяется на фоне остальных активным использованием церковнославянского языка, тогда как обычно в учительных евангелиях перикопа дана на русской мове с вкраплениями церковнославянизмов. Здесь же присутствуют сугубо церковнославянские формы аориста (например, *прїиде*, *ста*, *ѣла* и пр.), *dativus absolutus* (*дверѣ затворенѣ*), церковнославянская лексика. Списки Лв и Ур содержат форму нестяженного имперфекта *ѣлааху* при стяженной в некоторых других (ПК, КТ, Дч, Бд).

Ниже представлены наиболее яркие текстологические особенности версий Львовской группы. Сначала дается краткая характеристика тех из них, где перикопа представлена отдельно от гомилии. Затем описаны те, где евангельский текст цитируется в проповеди. В приложениях дано критическое издание исследуемой группы и набор одной из рукописных версий (Кн).

В качестве условного текста-представителя выбран Лв (1585 г.), несмотря на то, что список Кн предположительно более ранний (датируется серединой XVI в.). Во-первых, перикопа в последнем источнике представлена не полностью. Во-вторых, гомилия, евангельский текст и его пересказ в Кн иногда сливаются, например: *доуноуѣ* на на *да ѿ дѣхъ стын.* *сверьшѣ* даръ еже *ѡпоушати грѣхы* *ѿлѣ*. *ѡ* *ѣ* бо подысанте ерейскыа дары. еже *ѡпоушати грѣхы*. Подчеркнутые слова содержатся также в перикопе, однако в Кн они стали частью толкования и евангельский текст по ним не может быть восстановлен. Здесь также нет визуальных маркеров, отделяющих цитаты от гомилии. Отсутствует исповедание апостола Фомы – кульминация всей перикопы (*ѣ мѡ* и *ѣ мѡ*),⁷ которое обычно приводится в проповедях на Антипасху, даже если других цитат из перикопы там нет или почти нет. Фрагменты списка Кн, могущие иметь отношение к перикопе, набраны мною отдельно и даются в приложении к статье.

Список Лв, один из древнейших доступных нам источников, текстологически стабилен. Хотя он содержит описку (*гоздинныа* вместо *гвоздинныа* в Ин 20.25), остальные списки ее не повторяют.

Версии, в которых перикопа выписана отдельно от проповеди (Лв, Пт, Ур, КТ, Бд).

Потеличское евангелие (Пт) немногим отличается от Лв, в основном, из-за sporadической замены церковнославянских форм русскомоновными: *своа* → *свои*; *прїиде* → *пришоль*; *егда* → *кды*; *бѣхъ* → *были*; *рече* → *рѣ* и т.д.

⁴ Инципит: *Ѡ свѣтоносной неделѣ, и ѣтноуѣ и ѣтоуѣ дѣни въскрѣніа. и Ѡ ѣпсестелнѣмъ побѣжденіи владыки нашего...*

⁵ Инципит: *Да виднѣи и мы нѣѣ, новое и преславное танство, смотренїа хѣа: и познаемъ яко той естъ истинный бгъ...*

⁶ Ниже привожу инципиты гомилий.

Кн: *Ѣа бѣ тѣса нашего іс хѣ. славное въскрѣніе его. радостно празднуемо братїа...*

Лв: *Бѣлансть стѣ лоука пише тѣ таковою повѣсть, ѡ тѣо пришествїю хѣѡ, до оустрашенїа апѡловъ свой...*

Пт: *Нѣѣ оуѣо гѣа нашего іс хѣа прославнѣи въскрѣніе его. съдѣртїю своею въскъхъ ѡживнѣа...*

Ур: *Нашъ мѣтнѣи, ѡрѣ изъавнѣи. народа чѣтого, по встанїю своѡ изъ мѣртѣи, рѣтїи оказати оуѣтнѣи свой, самого себе живого...*

Мг: *Прецѣдрость бѣа хѣ спситель нѣѣ свѣи Кнѣзѣ мѣра, нетто инное по въскрѣніи своѡ изъ мѣртѣи принѡсї...*

ЮД: *Бѣвнѣи мѣа мѣрѣи вѣдѣи свѣдѣтства нынѣшного бѣаа собраннїи в ѣособности секретной...*

⁷ Цитирую по Лв.

Этот список более всего отличается от Лв в Ин 20.25–26, где Фома отказывается верить словам других апостолов о явлении им воскресшего Христа. Здесь видим мену грамматических форм (҃лаан вместо ҃лаахуѣ, дрѣгѣн вместо дрѣзи), пропуск целой смысловой группы ([прѣста] мого вѣ изъѣвы гвоздннныа. н вѣлоѣж рѣкоу мою), детализацию (вѣ ребра его (Лв) : в рѣу копѣйноуѣ (Пт)), оригинальную вставку вѣ онѣ же домоу (Ин 20.26). В следующих стихах пропущено исповедание Фомы ꙗко ѿ нѣмъ мон, отсутствуют слова ꙗко ема ꙗсѣ. В итоге мысль в Ин 20.28–29 получается несвязной и даже несколько обескураживающей: н ѿповѣдѣвъ фома н рекъ емоу, ꙗко видѣвъ ма н вѣрова. блѣгнн не видѣвъше н вѣровавшен етс.

Перикопы в **Евангелии из Устья Русского** (Ур) близка к Лв. Исключение составляют несколько глагольных форм и вставка Ъ вѣ ѿ, фомѣ перед евангельским текстом. Список Ур как и Лв, содержит форму нестяженного имперфекта ҃лаахуѣ в стихе 25.

В Ур к стиху 23 присоединено местоимение ѿ (вместо возможного ѿ). В итоге мысль обретает противоположный смысл – грешники будут держаться своих грехов: ...ниѣже дрѣжите [грѣхы] дрѣжа са ѿ ѿ. Иные отклонения от Лв несущественны.

В **Евангелии Кирилла Транквиллиона** (КТ) находим единственный пример вставки, которая пока не обнаружена ни в одном из других списков данной перикопы: стих Ин 20.29⁸ дополнен местоимением ми. Оно меняет смысл текста, вводя личностный аспект: блаженны не просто уверовавшие, а поверившие именно Христу.

В КТ можно предположить следы слитного чтения в Ин 20.30, где сохранены сразу обе частицы *же* и *убо*:

Лв: многа же

ПК: Многа оубо

КТ: многа же оубо

Некоторые разночтения совпадают с версией патриарха Каллиста (ПК), о чем будет сказано ниже. В остальных версии КТ и Лв довольно близки.

В **Евангелии Бардашевских** (Бд) перикопы весьма схожа с Лв. Ее особенность составляет апракосное зачало Ъ врема оно, присутствующее, кроме указанного списка, только в версиях КТ и Ур. Остальные отклонения незначительны и чаще всего объединяют список Бд с КТ.

Версии, в которых перикопы представлены в гомилии (Кн,⁹ Мг, Дч, ЮД и ПК).

В **Могилянском евангелии** (Мг) перикопы представлена тремя цитатами. Одна из них – *Миръ вадъ*¹⁰ – очень общая и не может служить маркером для классификации евангельского чтения. Две других¹¹ ясно указывают на версию Як и имеют лишь незначительные отклонения от нее. Для этой гомилии характерно графическое выделение цитат (двоеточие и более мелкий шрифт сравнительно с остальными текстами); одна из них (Ин 20.19) никак не выделена.

Евангелие патриарха Каллиста (ПК) в целом весьма схоже с Лв. Но уверенно говорить об их текстологическом родстве нельзя, поскольку обе версии относятся к церковнославянской традиции, которая в своем языковом выражении, в отличие от русскодмовной, мало подвержена колебаниям. Следов русскодмовного влияния в этих двух источниках почти нет. Разночтения остаются в рамках церковнославянского языка, например, Ин 20.19:

⁸ ...блаженны не видевшие и уверовавшие (Ин 20.29). Текст дан по синодальному переводу.

⁹ Список Кн был уже описан выше и здесь не рассматривается.

¹⁰ Встречается четырежды: вынесена в эпиграф, дважды выделена в тексте гомилии, присутствует в составе цитаты Ин 20.19.

¹¹ Свящъ поздѣ в той днь во едина ѿ свѣботъ, н дверѣ затворенны идеже вѣхъ оутѣны его собраны страха ради Ісудейска; Прїиде Іисъ н ста посреде н ꙗко Миръ вадъ (Ин 20.19). Графически не выделена.

[Показуе нидъ извѣнныа] ршцѣ н нозѣ н ребра своа (Ин 20.20). Эта цитата дана четырежды: один раз графически выделена, в трех других случаях – сливается с текстом проповеди. В четвертый раз в контексте гомилии нидъ замечено на нѣ.

Лв: Соушъ же	поздѣ	въ днѣ	тон	въ единоу	ѿ сѣбѣ.
ПК: Соушъ	вечеръ	въ днѣ	онъ	въ дѣнь	ѿ себѣотъ

ВПК текст Священного Писания в гомилии четко выделен: началу отрывка предшествует пометка ѿлѣ, продолжение толкования отмечено пометкой то. Иногда фрагменты этих цитат снова дублируются на протяжении проповеди, но уже без выделения.

К ПК очень близко **Дрогичинское евангелие** (Дч). Лишь в ПК и Дч первые слова перикопы Соушъ же поздѣ (Лв) превращаются в Соушъ вечеръ (ПК, Дч), пропущено начало 21-о стиха: рѣ же нѣмъ ѿ паки мѣи бѣ.¹²

Нередко версии ПК и Дч пересекаются с КТ. Так, лишь в этих трех списках пропущены слова о ногах в Ин 20.20, иначе сформулирован 23-й стих по сравнению с Львовским списком:

Ин 20.20

Лв: показа	ѿ	рѣцѣ	и	носѣ	и	ребра своа
ПК: показа	нѣмъ	рѣцѣ	и			ребра своа
КТ: показа	нѣмъ	роуцѣ	и			ребра своа
Дч: показа	нѣмъ	рѣцѣ	и			ребра своа

Ин 20.23

Лв: нѣмъ же	ѿпоустѣ	грѣхн,	ѿпоустѣ са ѿ.	и нѣмъ же	дрѣжнѣте,	дрѣжѣ са	—
ПК: аще конѣ	оставнѣ	грѣхн,	остават са нѣмъ.	аще конѣ	оудержнѣте,	оудержат са нѣмъ.	
КТ: нѣмъ же аще конѣ	оставнѣ	грѣхн,	остават са нѣмъ.	и аще конѣ	оудержѣте,	оудержѣ са нѣмъ	
Дч: аще конѣ	оставнѣ	грѣхн,	остават са нѣмъ.	аще конѣ	оудержнѣте.	оудержат са	ѿ.

Евангельские слова ѿкоже посла мѣи ѿцѣ, и азъ посылаю васъ¹³ в проповѣди Дч не выделены, сливаются с толкованием и тут же становятся русскодольными: ѿкъ послалъ мене ѿцѣ. и ѿ посылаю васъ. Возможно, это связано с пониманием священного и профанного в сознании писца, на что указывает С. Темчин: «она [руська мова] всегда оставалась языком обращения к людям (lingua ad homines), особенно мирянам, противопоставленным церковнославянскому как языку обращения к Богу (lingua ad Deum)».¹⁴ Таким образом, священный текст вне богослужебного контекста мог быть передан посредством профанного языка, а не литургического (церковнославянского).

К Львовской группе относится также учительное **Евангелие Юлиана Добриловского** (ЮД). Перикопа здесь представлена четырьмя фрагментами, включенными в проповѣдь. Все они выделены более мелким шрифтом по сравнению с остальным текстом. Гомилия дает близкий к евангельскому тексту пересказ, подкрепляемый соответствующими цитатами, например: [Фома] же ежели его свонди не оувидитъ отица, и ранъ его не доткнетса рѣкади, не оувѣритъ, мовачи [далее приводятся слова Фомы (Ин 20.25)].

Первый фрагмент перикопы (Ин 20.19) вынесен в эпиграф: Прѣнде ѿсѣ, и ста посреде, и рече нѣмъ миръ ваѣмъ с отсылкой к соответствующему месту в Евангелии (лишь глава, без стиха): ѿѿ, глѣ, кѣ. Это не признак принадлежности ЮД к Львовской группе. Во-первых,

¹² Дано по версии Лв.

¹³ Дано по версии ПК.

¹⁴ Темчин, С. Ю.: Функционирование русской мовы и иерархия церковных текстов. In: Studia Russica 2009, No. XXIII, p. 232.

во всех составляющих ее рукописях здесь используется словоформа *҃ла*, а не *р҃е*.¹⁵ Во-вторых, поскольку это эпиграф, в качестве источника мог быть взят любой иной церковнославянский источник, например, богослужебное Евангелие.

Следующая цитата передает слова Фомы (Ин 20.25),¹⁶ но по сравнению с Лв является неполной: в ней отсутствуют слова *вложѣ рѣста цюго къ ѣзвы гвозднныа*. В остальном она полностью совпадает с текстом Лв (кроме описки в слове *гвозднныа*).

Третья отсылка к перикопе – это обращение к Фоме (Ин 20.27):¹⁷ *Видѣ рѣцѣ цюи есѣ*, текстологически полностью совпадающее с текстом Лв. Но далее автор проповеди несколько расширяет смысл евангельского текста и утверждает, что Фома все же коснулся ран Христа: *ѡбачивши отина и (...) доткнѣвши са рѣкаци...* Такое объяснение находим и в гомилии списка Кн: *Фома же ѡсмазавъ бѣлаше его*. Другие проповеди пока изучены не были.

Последняя цитата: *҃дѣ цюи и Б҃҃ѣ цюи* – это одна из наименее подверженных изменению фраз во всем изученном материале. На ее основании невозможно отнести евангельский текст к какой-либо конкретной текстологической группе. Но именно это исповедание по своей краткости, емкости и текстологической стабильности по праву может считаться кульминацией всей перикопы.

Выводы

1. Исследуемую текстологическую группу составляют 10 текстовых версий. В половине из них (5 из 10) евангельский текст рассеян по гомилии в виде отдельных цитат. В трех из них представлена лишь небольшая часть перикопы, но ее принадлежность к Львовской группе несомненна.
2. Особенностью данной группы является использование церковнославянского языка, тогда как обычно в учительных евангелиях доминирует руська мова. Ярче всего церковнославянская языковая традиция представлена в версиях Лв и ПК, в иных списках (например, Пт) руськомовная составляющая заметна, но не доминирует.
3. Бо́льшая часть исследуемой группы (Кн, Ур, КТ, Мг, Бд и ЮД) весьма близка к версии Лв, но полностью совпадающих с ней источников не обнаружено: как в рукописях, так и в печатных изданиях присутствует некоторая (хотя бы небольшая) самостоятельность в выборе лексики и грамматических конструкций. Особенно это выражено в Пт, ПК и Дч.
4. В некоторых версиях текст перикопы искажен (пропуск целой смысловой группы в Пт, описка *ѣ* в Ур, оригинальная вставка *ци* в КТ), но в целом евангельский материал в Львовской текстологической группе изложен довольно точно. В двух гомилиях (ЮД и Кн) обнаружено необычное толкование Ин 20.27–28, где утверждается, что Фома коснулся ран Христа, после чего уверовал, но более подробно гомилии мною не изучались.

Условные сокращения использованных рукописей

1. Бд (Ев. Бардашевских), XVIII в. (*1750): Національний музей у Львові імені Андрея Шептицького, ркк 429.
2. Дч (Дрогичинское), 1-я пол. XVII в. (*1625): **часть А:** Biblioteka Metropolitalnego Seminarium Duchownego w Lublinie, Rkps 542; **часть Б:** Biblioteka Uniwersytecka

¹⁵ Р҃е содержится также в Кн (однако, дублируя данную фразу в ближайшем контексте, писец использует *҃ла*).

¹⁶ Ище не видѣх на рѣкѣ егоу ѣзвы гвозднныа, и вложѣ рѣкѣ цюю къ ребра егоу, не нѣхъ вѣры (ЮД).

¹⁷ Видѣхъ рѣцѣ цюи, и принеси рѣкѣ твою, и вложѣи къ ребра цюа, и не бѣди не вѣрѣнь, но вѣрѣнь (ЮД).

Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II, № 476; **часть В:** Muzeum parafii rzymskokatolickiej Rozesłania św. Apostołów w Chełmie. Чуба № 60.

3. Кн (Княгиничское), сер. XVI в. (*1550): Национальный музей у Львові імені Андрея Шептицького, ркк 187.
4. КТ (Ев. Кирилла Транквиллиона), Рохманов, 1619.
5. Лв (Львовское), 1585, Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаника, ф. 77 (АСП), оп. I, № 5. Чуба № 1.
6. Мг (Могилянское), кон. XVII в. (*1695): Библиотека Румынской АН, Бухарест, № 76.
7. ПК (Ев. патриарха Каллиста), Крылос, 1606.
8. Пт (Потеличское), кон. XVI в., нач. XVII в. (*1600): Львівський історичний музей, Рук 104. Чуба № 22.
9. Ур (Ев. из Устья Русского), нач. XVII в. (*1605): РНБ, ф. 893 (Явор.) № 14. Чуба № 45.
10. ЮД (Ев. Юлиана Добриловского), Почаев, 1792.

Приложение I

Перикопы Ин 20.19–31 в Княгиничском евангелии (сер. XVI в. (*1550): НМЛ, ркк 187).

Цифрой в начале строки отмечается евангельский стих

- 19а соушоу поздѣ въ днь тѣ въ единому соуботоу прїиде їс. н ста посрѣ оученикъ своѣхъ н рече имъ миръ вѣ.
19b гла ѿ мѣхъ вѣ.
20 възрѣвша оученици видѣвша гла.
21 такоже [рече] посла мѣхъ гла азь посылаю вы.
22 доуноу [на нѣхъ гла ѿ мѣхъ] дхъ стый.
24 фомѣ не бѣ тоу с нимъ.
26 въ осмый днь пакы прїиде їс. ста посрѣ ѿ гла фомѣ принеси ми прѣстъ мой
29 блжени не видѣвше н вѣровавше.
30 многаѣхъ нна знаменїа сътвори їс. прѣ оученикъ своимъ
31 да вы вѣры имате [...]. да вѣроующа н живота вѣчнаго имоу въ нѣхъ его.

Приложение II

Критическое издание фрагмента Ин 20.19–31 по руськомовным учительным евангелиям Львовской текстологической группы

Ниже предлагается критическое издание перикопы Ин 20.19–31 по руськомовным учительным евангелиям Львовской текстологической группы.

1. За основу взята перикопы из Лв.
2. В критическое издание внесены все упоминаемые в статье источники, в том числе те, где евангельский текст ограничен лишь несколькими цитатами.
3. Арабскими цифрами в тексте перикопы (19, 20 etc.) отмечаются евангельские стихи. Комментарии к разночтениям помещены в сносках.
4. Источники приводятся в хронологическом порядке (насколько это возможно): Кн, Пт, ПК, Ур, КТ, Мг, Дч, Бд, ЮД.
5. При необходимости разночтения даются через двоеточие (например, емоу : къ немъ ПК, Дч).
6. Фонетические и / или орфографические особенности (типа той : тѣхъ; единому : единому) не учитываются. Указаны лишь случаи, когда они могут влиять на значение слова (например, вѣдѣ : видѣ).

7. Описки не воспроизводятся. Учтены лишь неточности, меняющие значение слова или дальнейшего повествования. В таком случае в квадратных скобках отмечено наличие описки (например, add ѿ Ур [описки]).

Условные сокращения:

om – пропущено. Если пропущено одно слово, в сноске оно не указывается, за исключением частиц и мелких союзов: и, а, же etc.; если же пропущено несколько слов, все они приводятся в сноске;

add – вставлено. Все вставленные слова помещены в сноске;

add ante – вставлено перед помеченным словом.

19 соушѣ¹⁸ же¹⁹ позаѣ²⁰ въ днѣ тон²¹ въ единоу ѿ сжеѡ.²² и дверѣ затворенѡ,²³ идеже бѣхѣ²⁴ оуѣтѣи его събрани страха рѣ²⁵ ноуденска,²⁵ прїиде їс, н²⁶ ста посреѣѣ²⁷ и гѣла²⁸ ѿ,²⁹ мнрь бѣ. 20 и тоѣ³⁰ рекши³¹ показа ѿ ржцѣ и носѣ³² и ребра своѣ, възрадоваша же³³ сѧ оуѣтѣи видѣвше³⁴ гѣ. 21 рѣ³⁵ же³⁶ нмѣ їс³⁷ пакн³⁸ мѣ бѣ.³⁹ іакоже⁴⁰ посла⁴¹ мѧ⁴² ѡцѣ, н⁴³ азъ⁴⁴ посылаю вы. ⁴⁵ 22 и тоѣ рекши,⁴⁶ дѣноу.⁴⁷ н⁴⁸ гѣла⁴⁹ ѿ, прїидѣте⁵⁰

¹⁸ add вѣтерѣ ПК; add ante въ времѧ оноу КТ, Бд; add ante въ вѣѣ ѡ, фомѣ Ур.

¹⁹ om же Кн, Пт, ПК, Ур, КТ, Мг, Дч, Бд.

²⁰ позаѣ : вѣтерѣ ПК, Дч.

²¹ онѣ ПК, Дч; om днѣ тои КТ; днѣ тон : той днѣ Мг.

²² ѿ сжеѡ : соуботоу Кн.

²³ затворенѣмѣ / затворенымѣ ПК, КТ, Мг, Дч; затвореннѡ Бд.

²⁴ были Пт.

²⁵ юдейскаго ПК.

²⁶ om и Пт.

²⁷ add оуѣтѣи своѣ Кн; add нѣхъ КТ, Бд.

²⁸ рѣ Кн (дублируя это место, писец использует гѣла, см. Приложение I, стих 19b), ЮД.

²⁹ om Мг.

³⁰ се КТ.

³¹ тоѣ рекши : се рекѣ Пт, ПК, Ур, Дч, Бд.

³² add свон Пт; om и носѣ ПК, КТ, Дч.

³³ om же Кн.

³⁴ видѣвши Кн.

³⁵ рѣ Пт; add ante и КТ.

³⁶ om же Ур, КТ.

³⁷ om КТ; add ante їс Бд.

³⁸ om Пт.

³⁹ om рѣ же нмѣ їс пакн мѣ бѣ ПК, Дч.

⁴⁰ add рѣ Кн; іѧ же Пт; іакъ Дч.

⁴¹ послааѣ Дч.

⁴² мене Дч.

⁴³ om и Кн.

⁴⁴ ѧ Дч.

⁴⁵ бѣ ПК, Ур, КТ, Дч.

⁴⁶ тоѣ рекши : се рекѣ Пт, ПК, КТ, Дч, Бд; тѣ рѣ Ур.

⁴⁷ доуноу Кн, Ур.

⁴⁸ om Пт.

⁴⁹ рѣе ПК, Дч.

⁵⁰ om и гѣла ѿ, прїидѣте Кн.

дѣхъ ѿтѣ. ⁵¹ 23 нѣже ѿпоуѣште ⁵² грѣхн, ѿпоустѣ ⁵³ са ѿ. н ⁵⁴ нѣже ⁵⁵ дрѣжнтѣ, ⁵⁶ дрѣжѣ ⁵⁷ са. ⁵⁸ 24 фома же
 едннѣ ⁵⁹ ѿ обою ⁶⁰ надесатѣ глѣмын ⁶¹ блнзнецѣ. ⁶² не бѣ ⁶³ тоу ⁶⁴ съ ннѣн егда ⁶⁵ прѣнде ⁶⁶ ѿ. 25 глѣахоу ⁶⁷ же ⁶⁸
 емоу ⁶⁹ дрѣжн ⁷⁰ оуѣтнцн вндѣхѣ ⁷¹ гл. онъ же рѣ нѣаще ⁷² не внжоу ⁷³ на ржкоу ⁷⁴ его ѣзвы ⁷⁵ глѣоздннныа. ⁷⁶ н
 воложж ⁷⁷ прѣста ⁷⁸ моего ⁷⁹ въ ѣзвы гвоздннныа. ⁸⁰ н въложж ржкоу ⁸¹ мою ⁸² въ ребра его, ⁸³ не нмоу вѣры. 26
 И по днѣ осмѣн ⁸⁴ пакн ⁸⁵ бжж ⁸⁶ внатрѣ ⁸⁷ оуѣтнцн его ⁸⁸ н фома съ ннѣн. ⁸⁹ прѣнде ⁹⁰ ѿ ⁹¹ дверѣ затворенѣ, ⁹² н

⁵¹ ѿтѣ Кн, Ур.

⁵² нѣже ѿпоуѣште : аще коуѣ оставите КТ.

⁵³ оставѣт КТ, ПК.

⁵⁴ от н Ур.

⁵⁵ кѣмоу Пт.

⁵⁶ задрѣжнтѣ Пт.

⁵⁷ задрѣжѣ Пт.

⁵⁸ нѣже ѿпоуѣште грѣхн, ѿпоустѣ са ѿ. н нѣже дрѣжнтѣ, дрѣжѣ са : аще коуѣ оставите грѣхн, оставѣт са нѣа. аще коуѣ оудѣржнтѣ, оудѣржѣт са нѣа ПК, Дч; add ѿ [описка]; нѣже дрѣжнтѣ, дрѣжѣ са : аще коуѣ оудѣржѣте, оудѣжѣ са нѣа КТ.

⁵⁹ едннѣ Ур; от КТ.

⁶⁰ двоу Пт; двою ПК, Дч.

⁶¹ нарицаемый ПК, Дч.

⁶² от едннѣ ѿ обою надесатѣ глѣмын блнзнецѣ КТ.

⁶³ бѣа Пт, Ур; бѣашѣ ПК, Дч.

⁶⁴ тау Пт; от ПК, Дч; тогда КТ.

⁶⁵ кды Пт.

⁶⁶ прншоу Пт.

⁶⁷ глѣа Пт.

⁶⁸ от же Пт.

⁶⁹ емоу : кѣ нѣа ПК, Дч.

⁷⁰ дрѣжн Пт; прѣжн ПК, КТ, Дч; дрѣжн Ур, Бд.

⁷¹ вндѣхѣ : вндѣа емоу Пт; add ante ѿао ПК, Дч.

⁷² если Пт.

⁷³ оуѣроу Пт; внжѣ Дч.

⁷⁴ ржкѣ Пт, ПК, КТ, Дч.

⁷⁵ знаменѣ ПК, КТ, Дч.

⁷⁶ ѣзвы гвоздннныа : ранѣ гвоздѣнѣ Пт; гвозднн'наго ПК, Дч; гвозд'ныа Ур, Бд; гвозд'наго КТ.

⁷⁷ воложж : не въложж Пт.

⁷⁸ пѣа Пт.

⁷⁹ от Пт; прѣста моего : перстѣ мѣн ПК, Дч.

⁸⁰ ѣзвы гвоздннныа : знаменѣ гвозднн'ное ПК, Дч; гвѣд'ныа КТ, Ур, Бд; от н воложж прѣста моего въ ѣзвы гвоздннныа ЮД.

⁸¹ от въ ѣзвы гвоздннныа. н въложж ржкоу мою Пт.

⁸² ребра его : рѣу копѣнѣ Пт.

⁸³ И по днѣ осмѣн : въ осмѣн днѣ Кн; осмѣнх Пт, Ур, КТ, Бд; днѣ осмѣн : по осмѣн днѣ ПК, Дч.

⁸⁴ заса Пт; add ante н Бд.

⁸⁵ былн Пт.

⁸⁶ от Пт.

⁸⁷ от Пт, Бд; внатрѣ оуѣтнцн его : оуѣтнцн его внатрѣ ПК, КТ, Дч.

⁸⁸ add въ онѣ же домоу Пт.

⁸⁹ н прншоу Пт.

⁹⁰ кѣ ПК, Дч.

⁹¹ от дверѣ затворенѣ Кн; затворѣнныа ПК, Ур, Дч; затвореныа КТ.

⁹² от н Кн, ПК, Дч.

ста⁹³ посрѣ⁹⁴ ѿ⁹⁵ н рече⁹⁶ мѣи вама. 27 потѣ⁹⁷ гла⁹⁸ Фома, прннеси⁹⁹ пер'сть твою¹⁰⁰ само, ¹⁰¹и виждь¹⁰² ржцѣ¹⁰³ мон. ¹⁰³и прннеси ржкоу твою. ¹⁰⁴и вложи¹⁰⁵ въ ребра моя, и не бжди невѣренъ. но вѣренъ. 28 и ѿвѣща¹⁰⁶ Фома и рече¹⁰⁷ емоу. Гдѣ ю¹⁰⁸ и бѣ мон. 29 гла емоу їс, ¹⁰⁸яко ¹⁰⁹вѣдѣ¹¹⁰ ма ¹¹¹вѣрова, ¹¹²блжнн не видѣвшн¹¹³ и ¹¹⁴вѣровавшѣ. ¹¹⁵30 многа же ¹¹⁶и ¹¹⁷нна ¹¹⁸знаменїа сътвори¹¹⁹ їс прѣ оутѣни¹²⁰ своимн. яже нѣ соу писана въ книгахъ сихъ. ¹²¹31 сїа же писана быша, ¹²²да вѣроуете¹²³ яко їс ѣ хс сїи блжнн. и да ¹²⁴вѣроующе, ¹²⁵живота ¹²⁶имате¹²⁷ въ нма ¹²⁸его.

John 20.19–31 in Ruthenian didactic gospels: The Lviv textual group

Ksenija Kazarinova

This article continues the study of the pericope John 20:19–31 in the Ruthenian didactic gospels and deals with 10 textual versions, which, according to their textological features, can be attributed to the Lviv group. The group is named by the main source – the manuscript with the earliest dating (1585), which is kept in the Lviv National Library (Ukraine).

⁹³ станоуаь Пт.

⁹⁴ посрѣкоу Пт.

⁹⁵ от ПК; нї Ур.

⁹⁶ рекъ Пт, КТ; add нма Пт, Ур.

⁹⁷ add ante и Пт; таже ПК, Дч; посема КТ.

⁹⁸ гла Пт.

⁹⁹ add ии Кн.

¹⁰⁰ мой Кн; пер'сть твою : прѣсты твою Пт; пер'ста своего ПК, КТ, Дч.

¹⁰¹ здѣ ПК, Дч; сѣмо КТ.

¹⁰² огладай Пт.

¹⁰³ ржцѣ мон : ржкн моя ПК, Дч.

¹⁰⁴ свою ПК, Дч.

¹⁰⁵ въложи / вложи Пт, Ур, КТ.

¹⁰⁶ ѿповѣдь Пт.

¹⁰⁷ рекъ Пт.

¹⁰⁸ от гдѣ ю¹⁰⁸ и бѣ мон. гла емоу їс Пт.

¹⁰⁹ ѿ Пт; понеже ПК, КТ, Дч.

¹¹⁰ видѣвъ Пт, ПК, Ур, Дч, Бд; видѣ КТ.

¹¹¹ add и Пт, КТ.

¹¹² вѣровешн ПК, Дч.

¹¹³ видѣше Кн, Пт, ПК, Ур, Дч, Бд.

¹¹⁴ Рукописный текст в Пт выглядит так: невидѣвшн вѣровавшн. Подчеркнутая графема может быть как окончанием (видѣвшн), так и союзом между двумя причастиями. В данном случае был выбран второй вариант, т.к. чаще встречается в разных версиях этой перикопы.

¹¹⁵ вѣровавшн / вѣровавшн Пт, КТ; add ии КТ.

¹¹⁶ многа же : многая Кн; же : оуко ПК, Дч; add оуко КТ.

¹¹⁷ от и Кн, Ур.

¹¹⁸ нма Пт, Ур.

¹¹⁹ сътвори Пт.

¹²⁰ оутѣниаки Дч.

¹²¹ книгахъ сихъ : книгѣ сей ПК, КТ, Дч.

¹²² писана быша : писани были для того Пт.

¹²³ вѣроуете : вы вѣры имате Кн; вѣроуете : (же) вѣрш имате ПК, КТ, Дч, Бд.

¹²⁴ от да КТ; и да : яко Дч.

¹²⁵ вѣроующа и Кн.

¹²⁶ add вѣчного Кн; животъ ПК, Дч.

¹²⁷ имоу Кн; имате Пт, КТ, Бд.

¹²⁸ въ нма : о имени ПК, КТ, Дч.

This group is unique amid the entire corpus, because only there Church Slavonic is the dominant language instead of Ruthenian. This is indicated by the use of Church Slavonic vocabulary, distinctive aorist forms (for example, *прїидає, ста, ѿла* etc.) and specific constructions, such as *dativus absolutus* (*сѣишъ вѣтеръ; дверѣ затворенѣ*). The Church Slavonic linguistic tradition is most strongly represented in the Lviv (Лв) and Patriarch Kallistos (ПК) textual versions.

Most of the sources are very close to the Lviv version, but they all are unique in their own way and show some degree of independence in their choice of vocabulary and grammatical constructions. This is especially evident in Potelych (Пт), ПК and Drohiczyn (Дч) sources.

In some versions, the text of the pericope is distorted (for example an omission of an entire semantic unit in Пт, miscopied word *н* in the gospel from Ustye Russkoye (Ур), an original insertion *и* (John 20.29) in didactic gospel of Kyrylo Tranquillon (КТ)), but overall, the Scripture material in the Lviv textological group is presented quite accurately. In two homilies (the gospel of Yulian Dobrylovsky (ЮД) and Knyahynychi gospel (КН)), an unusual interpretation of John 20:27–28 was found, which said that Thomas believed in resurrection only after he had touched his Lord's wounds, while the Gospel text makes no such assertion; however, homilies were not within the scope of this particular study.

РОМАН ВАЛЕРЬЕВИЧ НУРИЕВ*

**Рукописи с переводами польского сборника
Wielkie Zwierciadło przykładów на руську мову**

NURIEV, R. V.: Manuscripts with translations of the Polish collection *Wielkie Zwierciadło przykładów* into Ruthenian. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 187-192 (Bratislava).

The article presents the results of a search for manuscripts reflecting the history of a monument of Ruthenian translated literature of the 17th–18th centuries — a collection of religious *exempla*, which in the Polish original is called *Wielkie Zwierciadło przykładów*. The main emphasis is placed on the analysis of literature on the topic rather than on reviewing manuscripts in libraries. The final list includes 12 surviving and two lost manuscripts, which contain from one to 275 *exempla*.

Wielkie Zwierciadło przykładów, *Magnum Speculum exemplorum*, *exempla*, Ruthenian literature, Old Ukrainian literature, Old Belarusian literature, translated literature, manuscripts, Polish-Lithuanian Commonwealth.

С 1612 по 1691 год выдержало пять изданий¹ *Wielkie Zwierciadło przykładów* (далее WZ) — польский перевод латинского сборника назидательных рассказов (лат. *exemplum*, польск. *przykład*)² *Magnum Speculum exemplorum*. Католическая книга также заинтересовала православных и униатов Речи Посполитой, они переводили приклады из WZ на руську мову. Эти переводы распространялись в рукописях. Отдельные приклады попали в печатные издания таких украинских проповедников, как Иоанникий Галытовский и Антоний Радивилевский, но в пересказе, а не в переводе.³

Руськомовные переводы надо отличать от *Великого Зерцала*, рукописи которого попадали в Речь Посполитую из Московской Руси и переписывались украинской скорописью с сохранением церковнославянского языка.⁴ В случае с рукописью [5] (здесь и далее рукописи обозначены номерами в списке, размещённом в конце статьи) руськомовные и церковнославянские переводы прикладов WZ даже включены в один сборник.

* Роман Валерьевич Нуриев, докторант Института литовского языка, Petro Vileišio g. 5, LT-10308 Vilnius, Lietuva. roman.nooriev@gmail.com. ORCID: 0009-0007-4944-9166.

¹ Николаев С.: К изучению *Великого Зерцала*. In: Советское славяноведение, 1988, № 1, с. 74–76.

² В этой публикации я использую аутентичный для восточнославянской книжности Речи Посполитой термин “приклад”.

³ Марковский, М.: Антоний Радивилевский, южнорусский проповедник XVII века. Киев: Императорский университет св. Владимира, 1894, с. 109; Шевченко, С.: К истории *Великого Зерцала* в Юго-Западной Руси: *Великое Зерцало* и сочинения Иоанникия Галатинского. In: Русский филологический вестник, 1909, № 62 (3–4), с. 129–130. Михайло Возняк утверждал, что приклады из WZ есть в предисловии епископа Иоанна (Максимовича) к изданному в Чернигове в 1705 году *Зерцалу от Божественного писания* (Возняк М.: Історія української літератури, т. 3. Львів: товариство “Просвіта”, 1924, с. 142), однако на проверку там такого не оказалось.

⁴ Шевченко, С.: К истории *Великого Зерцала* в Юго-Западной Руси, с. 111, 113–114.

Идентификацию руськомовных переводов WZ затрудняет то, что они бытовали в составе сборников, часто вперемешку с другими текстами и без указания на источник. Поиском рукописей с этими переводами занимался Николай Каллиникович Гудзий, и его список (11 позиций) до сих пор оставался самым полным.⁵ Учёного интересовали даже сборники с одним-двумя прикладами. О некоторых рукописях Н. Гудзий знал только по описаниям (М. Сперанского, И. Франко, Н. Петрова, Ф. Добрянского).

Одна из рукописей (ныне в Национальной библиотеке Украины, ф. 301, № 901) указана Н. Гудзием ошибочно. Два приклада оттуда, которые Николай Иванович Петров счёт переводами из WZ,⁶ в польских изданиях отсутствуют.

Ещё одна рукопись (А 2108/18 из собрания Могилёвской духовной семинарии) утрачена. Н. Гудзий изучал её *de visu* и обнаружил два приклада с прямой ссылкой на WZ.⁷ Рукописные книги Могилёвской семинарии хранились в церковно-археологическом музее, а с 1918 года в городском историческом музее.⁸ Этот музей сгорел вместе с экспонатами в июле 1941 года во время боёв за город. В нынешнем Могилёвском краеведческом музее нет ни единой рукописной книги из семинарского собрания.⁹

Таким образом, актуальны только девять из перечисленных Н. Гудзием рукописей. Объём некоторых из них нуждается в уточнении. По описанию Флавиана Добрянского¹⁰ Н. Гудзий знал об очень важном вильнюсском сборнике [1]. Качество описания низкое, поэтому Н. Гудзий насчитал там по инципитам около 60 прикладов, хотя их в два раза больше — 125 (включая два варианта одного и того же приклада).¹¹ Это вторая по объёму подборка руськомовных переводов WZ.

С рукописью [4] Н. Гудзий работал в Киеве. Он выявил 67 прикладов из 69 (пропустив один на л. 430v–431r и не заметив, что на листах 110v–112v скомпонованы в один два приклада из разных частей WZ).

В рукописи [12] Н. Гудзий, основываясь на описании Н. Петрова,¹² указывает два приклада. Но один из них на церковнославянском языке, руськомовный только приклад, озаглавленный *Прѣтаа дѣца за вѣтрнакѣ за вѣтрнакѣ а по станѣ панамаѣйскѣ 8рѣѣ ѿправовала*.

По описаниям Ивана Франко Н. Гудзий идентифицировал рутенские переводы WZ в рукописях [9] и [11]¹³ (в статье Н. Гудзия по ошибке названа только одна из них, но

⁵ Гудзий, Н.: К вопросу о переводах *Великого Зерцала* в Юго-Западной Руси. In: Чтения в историческом обществе Нестора-летописца, 1912, № 23(1), с. 19–20, 22–23.

⁶ Петров, Н.: 1908. Український збірник XVII–XVIII ст. In: Записки Українського наукового товариства в Київі, 1908, № 2, с. 112–113.

⁷ Гудзий, Н.: Переводы *Żywotów świętych* Петра Скарги в Юго-Западной Руси. In: Университетские известия, 1917, № 9–10, с. 24.

⁸ Снапковский, Ю. – Яцкевич, Д.: Могилёвская губерния: Государственные религиозные и общественные учреждения 1772–1917. Минск: Беларусь, 2014, с. 629–632.

⁹ Справка, подготовленная старшим научным сотрудником Могилёвского областного краеведческого музея им. Е. Романова Т. Сычёвой (письмо от 24.05.2023).

¹⁰ Добрянский, Ф.: Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна: типография А. Сыркина, 1882, с. 234–241.

¹¹ Нуриев, Р.: Виленский список руськомовного перевода *Wielkiego zwierciadła przykładów* и его польский оригинал. In: Kuczyńska, M. – Nowak, A. (red.): Dążenia do samodzielności cerkwi w Polsce – dla uczczenia stulecia autokefalii PAKP (Latoпису Akademii Supraskiej; t. 15), Białystok–Kraków, 2024, s. 237–248.

¹² Петров, Н.: Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, т. 2. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1896, с. 228–229

¹³ Франко, І.: Карпато-руське письменство XVII–XVIII вв. Львів: друкарня Наукового товариства імені Шевченка, 1900, с. 116–124.

указанные им страницы в описании И. Франко относятся к обеим). Число прикладов из WZ этих рукописях (19 и 12 соответственно) подсчитал Ян Янов.¹⁴

Н. Гудзий зафиксировал важнейшее открытие, сделанное в 1912 году Юлианом Андреевичем Яворским в библиотеке униатской капитулы в Перемышле: *Зверцядло* в переводе Иоанна Прислопского [10]. Это самый полный и единственный систематический (с сохранением структуры *loci communes* оригинала) перевод WZ на руську мову. Но рукопись сохранилась не целиком. По моим подсчётам, изначально она содержала переводы 299 прикладов и по одной фразе из ещё двух. Полностью утрачены 26 прикладов, ещё пять частично. Для анализа доступны полные и неполные тексты 275 прикладов. Для сравнения, издания WZ содержат от 1040 до 2014 текстов.¹⁵

Поиском прикладов из WZ занимался, помимо Н. Гудзиев, Александр Назаревский. Он *de visu* и по описаниям изучил все рукописные собрания Киева и выявил одну рукопись с руськомовными текстами, пропущенную Гудзием [5]. Назаревский идентифицировал там только один приклад из WZ,¹⁶ впоследствии он даже издавался в составе хрестоматии украинской литературы.¹⁷ Я выявил в этой рукописи ещё восемь прикладов.

Академик Владимир Николаевич Перетц указал WZ в числе источников сборника *Біблѣа цаллаа збранѣнаа зъ рѣнихъ кѣнигъ*, составленного в 1660 году украинским священником Григорием Дмитриевичем.¹⁸ Произведение известно по единственной рукописи (Российская государственная библиотека, ф. 310, № 527). В приписке на полях л. 4, действительно, говорится, что часть материала сборника взята изъ *екзѣмпляра пѣскогѣ*, то *ѣ* из *зверцѣла прикладѣвъ* (В. Перетц неверно прочёл этот текст). Но в сборнике нет прикладов оттуда. Единожды WZ упоминается в ссылке после заимствованного из польского перевода *Gesta Romanorum* рассказа *Исторія ѿ преподобнѣи григоріи котрѣи са родѣлѣ ѿ двѣ рожонихъ ѿ брата и сестри*. Частично сохранившийся текст ссылки гласит: *«ещѣ тѣи ѿ «женѣ «ѿнѣ «...» «в зѣцалѣ при: (л. 265об.)*. Это всего лишь указание на другой вариант текста, содержащийся в WZ.

Около 1929 года член Научного общества имени Тараса Шевченко Ярослав Дмитриевич Антонович-Гординский (научные публикации он подписывал второй фамилией) обнаружил в библиотеке греко-католического монастыря св. Николая в Крехове (тогда Польша, а ныне Львовская область Украины) подборку руськомовных прикладов WZ и готовил её публикацию.¹⁹ Результат этой работы неизвестен: в *Записках Наукового товариства імені Шевченка*, где публиковался Я. Гординский, соответствующего материала нет.²⁰ Учёный скончался в 1939 году. Библиотека монастыря утрачена после его закрытия советскими

¹⁴ Janów, J.: Z literatury polskiej i ruskiej XVI–XVIII wieku. In: Horák J., Murko M., Weingart M., Petíra S., red. Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Sv. 2: Přednášky. Praha: Státní tiskárna v Praze, 1932, s. 62.

¹⁵ Нурьев, Р.: Объём *Wielkiego Zwierniadla przykladów* — польских изданий *Magnum Speculum exemplorum* XVII века. In: Kuczyńska, M. – Nowak, A. (red): *Formy pamięci: miejsca, budowle, znaki* (Latopisy Akademii Supraskiej; t. 14), Białystok–Kraków, 2023, s. 357.

¹⁶ Назаревський, О.: До студій над давньою українською повістю. Київ: друкарня Української академії наук, 1928, с. 16.

¹⁷ Білецький, О. (упоряд.): Хрестоматія давньої української літератури: доба феодалізму. Київ: Радянська школа, 1949, с. 525–526.

¹⁸ Перетц, В.: Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. Т. 150, №2). Ленинград: издательство Академии наук СССР, 1926, с. 108, 114.

¹⁹ Janów, J.: Z literatury polskiej i ruskiej XVI–XVIII wieku, s. 66.

²⁰ Майхер, В.: *Бібліографія Записок Наукового товариства імені Шевченка*: томи I – CCXL (1892–2000). Львів: Наукове товариство імені Шевченка, 2003, 739 с.

властями в 1946.²¹ Где находится рукопись, с которой работал Я. Гординский, неизвестно.

Профессор Дмитрий Иванович Чижевский сообщал в частном письме, что Институт славистики Гейдельбергского университета имеет в своей коллекции рукописи с прикладами WZ в “древнерусском” и “украинском” переводах,²² то есть церковнославянском и руськомовном. По-видимому, это ошибка. Согласно описанию этой коллекции, приклады из WZ встречаются в десяти рукописях, но все они на церковнославянском языке.²³

О ещё одной рукописи пишет литературовед из Беларуси Александр Владимирович Бразгунов. Он утверждает, что это “беларускі пераклад” WZ под названием *Малое Зерцало*, сохранившийся в единственном списке и содержащий 60 прикладов.²⁴ Ни места хранения, ни иных подробностей об этой рукописи А. Бразгунов не сообщает. Догадываюсь, что учёный имел в виду рукопись [1], о которой прочёл у Н. Гудзия — это единственное в литературе упоминание рукописи с 60 прикладами из WZ. Бразгунов мог решить, что раз рукопись хранится в Вильнюсе, то происходит с территории Беларуси, а не Украины. А, как отмечает Віктор Мойсієнко, “білоруські дослідники однозначно пам’ятки, писані на теренах Білорусі, як і їх мову, вважають білоруськими”.²⁵ Что касается названия *Малое Зерцало прикладов*, то оно известно не по руськомовным рукописям, а по церковнославянским.²⁶

Мне удалось установить две рукописи с руськомовными переводами WZ. Сборник [3] содержит 22 приклада; о том, что эта руськомовная рукопись, содержащая “приклады”, известно ещё по описанию 1842 года,²⁷ но именно к WZ их никто не относил. Ещё один сборник [7] выявлен благодаря публикации приклада под видом народной повести (“Легенда о грешной матери малороссийская”).²⁸ Рукопись до сих пор не описана. Есть ли там другие руськомовные переводы WZ, покажет ознакомление с нею.

Список рукописей с руськомовными переводами *Wielkiego Zwierciadła przykładów*. Утраченные рукописи приводятся без номера в списке.

²¹ Історія монастиря. Крехівський монастир святого Миколая, веб-сайт [доступ 25.06.2025]: <https://www.krekhiivmonastery.org/about/>

²² Alsheimer, R.: *Das Magnum Speculum exemplorum als Ausgangspunkt populärer Erzähltraditionen: Studien zu seiner Wirkungsgeschichte in Polen und Russland* (Europäische Hochschulschriften; Reihe 19; Bd. 3). Frankfurt am Main: Herbert Lang; Peter Lang., 1971, S. 43.

²³ Haapanen, T.: *Handschriften und Altdrucke (MS.) des Slavischen Instituts der Universität Heidelberg*. Heidelberg: Universitätsdruckerei Heidelberg, 1987. *Vide* № 8, 9, 11, 13, 16, 18, 23, 30, 36, 41. С 2003 года эта коллекция рукописей хранится в Этнографическом музее Гейдельбергского университета (das Völkerkundemuseum vPST).

²⁴ Бразгуноў, А.: Перакладная літаратура ў Вялікім Княстве Літоўскім у XV–XVIII стагоддзях. In: *Senoji Lietuvos literatūra*, t. 21, 2006, p. 215–216 arba 224–225; Чамярыцкі В., ред.: *Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў*, т. 1. Мінск: Беларуская навука, 2006, с. 817. А. Бразгунов привёл эту информацию и в статье, и в коллективной монографии, причём в статье даже дважды.

²⁵ Мойсієнко, В.: Фonetична система українських поліських говорів у XVI–XVII ст. Житомир: видавництво Житомирського державного університету імені Івана Франка, 2006, с. 357.

²⁶ Владимиров, П.: *Великое Зерцало: из истории русской переводной литературы XVII века*. Москва: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1884, с. 90.

²⁷ Востоков, А.: Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1842, с. 462.

²⁸ Костомаров, Н., (ред.): *Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко*. Вып. 1–2. Санкт-Петербург: типография П.А. Кулиша, 1860, с. 101–102.

№	Датировка	Место хранения, шифр, название, ссылка на оцифрованную рукопись	Число приклавов
1	Вторая четверть XVII в. ²⁹	Вильнюс, Библиотека имени Врублевских Литовской академии наук, F19–107 https://elibrary.mab.lt/handle/1/28759	124
2	1654 ³⁰	Москва, Государственный исторический музей, Син. 729. <i>Барониуша наука</i>	42
3	Середина XVII в. ³¹	Москва, Российская государственная библиотека, ф. 256, Рум. 325 https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-325/	22
4	Середина XVII в. ³²	Киев, Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени Вернадского, ф. 312, № 278	69
5	1693 ³³	Киев, Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени Вернадского, ф. 307, № 478. <i>Соборник Филиппа Феодоровича.</i> https://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0003531	9
6	Конец XVII в. ³⁴	Киев, Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени Вернадского, ф. 301, № 152.	4
	Конец XVII в. ³⁵	Могилёв, Церковно-археологический музей, № А 2108/18. В 1918–1941 гг. в Могилёвском историческом музее (?)	2
7	1703 ³⁶	Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека, ф. 588, № 1337 (1333). <i>Пчела.</i>	минимум 1
8	Первая половина XVIII в.	Киев, Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени Вернадского, ф. 310, № 142, вторая часть конволюта.	29
9	1721 ³⁷	Киев, Институт литературы Национальной академии наук Украины, ф. 3, № 4727. Сокольская рукопись.	19
10	1732 ³⁸	Варшава, Национальная библиотека, Rps 12438 I. <i>Зверцядло</i> в переводе Иоанна Прислупского. http://polona.pl/preview/5fba5974-c00b-478b-a700-5c18751e1bfd	275
11	1750 ³⁹	Варшава, Национальная библиотека, Rps 12433 I. <i>Вечность пекельная.</i> http://polona.pl/preview/af4ca65b-ad1f-4d1a-a184-2361e6b95dd0	12
12	XVIII в. ⁴⁰	Киев, Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени Вернадского, ф. 307, № 495.	1
	?	Крехов, Никольский греко-католический монастырь отцов василиан (до 1946 г.?), неизвестная рукопись.	?

²⁹ Морозова, Н.: Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе: каталог. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2008, p. 42.

³⁰ Гудзий, Н.: К вопросу о переводах Великого Зеркала в Юго-Западной Руси, с. 23.

³¹ qew Рукопись датирована по филиграммам доцентом Института литовского языка Надеждой Морозовой.

³² Гудзий, Н.: К вопросу о переводах Великого Зеркала в Юго-Западной Руси, с. 23.

³³ Авторская датировка на титульном листе.

³⁴ Петров, Н.: Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, т. 1. Киев: типография С. Еремеева, 1875, с. 83.

³⁵ Гудзий, Н.: Переводы *Zywotów świętych* Петра Скарги в Юго-Западной Руси, с. 24.

³⁶ Дмитриева, Р.: Повести о споре жизни и смерти. Ленинград: Наука, 1964, с. 135.

³⁷ Франко, І.: Карпато-руське письменство XVII–XVIII вв., с. 120.

³⁸ Авторская датировка (л. 197 об.).

³⁹ Авторская датировка (л. 53).

⁴⁰ Шевченко, С.: К истории Великого Зеркала в Юго-Западной Руси, с. 111.

**Manuscripts with translations of the Polish collection
Wielkie Zwierciadło przykładów into Ruthenian**

Roman Nuriev

This article is devoted to manuscripts containing Ruthenian translations of *exempla* from the Polish-language Catholic collection *Wielkie Zwierciadło przykładów*, which, in turn, is a translation of the Latin *Magnum Speculum exemplorum*. References to such manuscripts in scientific literature have been verified and commented on; two of them have been lost. Previously unknown manuscripts are indicated. Basic information about all manuscripts is summarized in a table. Six manuscripts are currently stored in Kyiv, two each in Warsaw and Moscow, and one each in Vilnius and St. Petersburg.

НАТАЛІЯ СИРОТИНСЬКА – ТАРАС ДУБРОВНИЙ*

Візантійська гимнографія в українському музичному мистецтві крізь призму листування Мирослава Антоновича й Зиновія Лиська

SYROTYNska, N. – DUBROVNYI, T.: Byzantine hymnography in Ukrainian musical culture through the prism of correspondence between Myroslav Antonovych and Zynoviy Lysko. *Myroslav Antonovych. Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 193-206 (Bratislava).

The article highlights the importance of studying the epistolary legacy of Ukrainian musicologist, medievalist, and conductor Myroslav Antonovych, which provides valuable insights into the creation of the “Sunday Troparia” cycle by Ukrainian composer Zynoviy Lys’ko. The extensive correspondence between the two artists sheds light on the circumstances surrounding the composition, intended for performance by the Byzantine Choir under Antonovych’s direction. At the same time, the letters reveal the challenges they faced regarding melodic intonation and the poetic interpretation of this liturgical genre, which occupies a central place in the sacred repertoire of the Ukrainian Church.

Myroslav Antonovych, Zynovii Lys’ko, Ukrainian musical art, Byzantine hymnography, Sunday Troparia, Bizantine choir.

Хрещення Київської Русі стало подією, яка визначила пріоритетний вектор для гуртування українського етносу впродовж різних історико-політичних епох. Церква стала не лише інституцією для організації обрядових функцій, але осердям культурної тягlosti і формування спільної традиції, інтегрованої в різні ділянки релігійної, мовної й мистецької практики. В цьому контексті важливу роль відіграла візантійська гимнографія, створена богословами, які добре володіли античною філософією і літературою, а також були талановитими риторамі і поетами. Відтак впродовж століть візантійська гимнографія не втрачала свого значення, а в XX столітті набула в українській культурі особливої ваги, оскільки стала важливим чинником духовної самоідентифікації та музично-естетичного розвитку.

У період становлення Української автокефальної церкви, в 1918 році велика увага приділялася утвердженню національної ідентичності літургійного обряду. Це проявилось, насамперед, в перекладах церковнослов’янських молитов та півчих гимнографічних жанрів українською мовою, що мало не лише релігійне, але й культурно-мистецьке значення. Так,

*Проф. Наталія Сиротинська, доктор мистецтвознавства, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9524-4574>, кафедра музикознавства і хорового мистецтва, Львівський національний університет імені Івана Франка, вул. Валова 18, 79000, м. Львів, e-mail: nsyrotynska@gmail.com. Доц., Тарас Дубровний, кандидат мистецтвознавства, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4879-0084>, завідувач кафедри музикознавства і хорового мистецтва, Львівський національний університет імені Івана Франка, вул. Валова 18, 79000, м. Львів, e-mail: tarasdubrovnyy@gmail.com.

композитори створювали хорові духовні твори українською мовою, а водночас, відроджували і реконструювали жанри візантійської гимнографії київської доби. В цьому процесі поглиблювалося розуміння ірмологійного репертуару, що сукупно стимулювало появу нових інтерпретацій жанрів сакральної монодії.¹ В силу історико-політичних обставин, зазначені процеси активно відбувалися також і в діаспорі.

В еміграційному середовищі ХХ століття українські хори та їхні диригенти відігравали визначальну роль у збереженні національної музичної традиції, а також у презентації України у світовому мистецькому просторі.² Завдяки церковному співу і хоровій практиці реконструкція візантійської гимнографії об'єднувала цілі покоління. Таким чином літургійні жанри стали носіями сакральної пам'яті, а водночас каталізаторами нових музично-мистецьких і філологічних питань, зокрема, особливостей гармонізації монодійних напівів, співвідношення церковнослов'янської та української мови в літургійних текстах, а також вироблення відповідної інтонаційно-акцентної системи в літургійній практиці.³ Ці аспекти виразно проявляються в контексті ознайомлення з історією гармонізації осмогласного циклу *Воскресних тропарів* українського композитора Зіновія Лиська.⁴ Це докладно відображено в його листуванні з диригентом і музикознавцем-медієвістом Мирославом Антоновичем.⁵ Зазначене листування слугує цінним джерелом для аналізу методологіч-

¹ Створення в Україні наприкінці ХVI століття п'ятилінійної нотації дозволило зафіксувати півний монодійний репертуар в нових літургійних збірниках ірмологіонах. Це пришвидшило опанування літургійним репертуаром, а також започаткувало навчання всіх дітей нотної грамоти і церковного співу. Така практика сприяла добрій обізнаності українського суспільства з репертуаром середньовічної гимнографії, що дотепер збереглася в чисельних ірмологіонах і сприяє як музикознавчим дослідженням, так і композиторській творчості. Ясиновський, Ю.: Українські та білоруські нотолінійні Ірмолії 16–18 століть: Каталог і кодикологічно-палеографічне дослідження. Львів, 1996, 623 s.

² Культурним символом України у світі стала Українська Республіканська Капела під керівництвом Олександра Кошиця (1875–1944), яка своєю мистецькою майстерністю і репертуаром сприяла популяризації української духовної та народної музики за кордоном. Виступи капели відбувалися у численних європейських країнах та США. Виконували твори українських композиторів, народні пісні та хорові аранжування церковних творів українською мовою. Калущка, Н., Пархоменко, Л.: Олександр Кошиць: мистецька діяльність у контексті музики ХХ сторіччя. Київ, 2012, 416 s.

³ Питання перекладів віддавна привертало дослідників, зокрема, збереження поетичної структури оригіналу візантійської гимнографії, що впливало на збереження грецької мелодики. Про близький зв'язок між текстом і музикою на основі співпадіння розміщених акцентів писав Мілош Велімірович, який припускав, що в мелодичній композиції словесні наголоси визначають позицію музично акцентованих звуків. Velimirović, M.: Byzantine Elements In Early Slavic Chant: the Hirmologium. In: Monumenta Musicae Byzantinae, Series Subsidia. Vol. 4. Copenhagen, 1960, 140 p.

⁴ Зіновій Лисько (1895–1969) – український композитор, фольклорист і музикознавець, дослідник української народної пісенності ХХ століття, автор фундаментальних збірників і наукових праць, в яких заклад методологічні засади систематизації фольклору. Наукові зацікавлення охоплювали зв'язки між народним мелосом і сакральною монодією, а також взаємодію книжної гимнографічної традиції, парафіяльної самопівки та народних обрядових форм. Композитор самостійно уклав каталог власних творів, в якому зазначено 326 опусів, він є автором серії збірників «Українські народні мелодії», де зібрано і систематизовано близько 12000 українських народних пісень, а також автором монографій про українських митців І. Лаврівського, О. Кошиця, В. Барвінського. Дисертаційне дослідження З. Лиська вивчала українська музикознавиця Ганна Карась (Карась, Г.: Музикознавчі дисертації Стефанії Туркевич та Зіновія Лиська як фактор утвердження національно-культурної ідентичності. In: Вісник Київського національного університету культури і мистецтв. Серія: Музичне мистецтво, т. 6, № 1, 2023, с. 8–16.

⁵ Мирослав Антонович (1920–2006) – український хоровий диригент, співак і музиколог-медієвіст, чия діяльність в Нідерландах сприяла осмисленню та популяризації української духовної музики. Митець поєднав ґрунтовну вокальну підготовку з аналітичним підходом до дослідження візантійської літургійної практики, заснував і багаторічно очолював утрехтський «Візантійський хор», завдяки якому українська сакральна музика отримала новий рівень репрезентації. Антонович є автором чисельних праць з історії українського літургійного співу середньовічної та барокової доби. Antonowycz, M.: The Chants from Ukrainian Heirmologia. Balthoven, 1974, 286 p.; Antonowycz, M.: Ukrainische geistliche Musik. Ein Beitrag zur Kirchenmusik Osteuropas. München, 1990, 374 s.; Antonowycz, M.: Oekraïne en de Byzantijnse ritus. Hoensbroek, 2000, 369 s.

них і художніх принципів обидвох українських митців, а також для висвітлення ширшого контексту проблематики, виявленої в процесі створення і виконання циклу.

Прем'єра осмогласного циклу *Воскресних тропарів* Зіновія Лиська відбулася в Римі у 1959 році. Твір виконував *Візантійський хор* під орудою Мирослава Антоновича, який сформував колектив виключно з нідерландців.⁶ Виступ пройшов так успішно, що в подальшому М. Антонович постійно долучав окремі тропарі до хорового репертуару, а також опублікував на цю тему статтю *Тропарі воскресні Зіновія Лиська* в журналі *Вісті*.⁷ Стільки всього й відомо про ці факти з офіційних джерел, натомість з листування М. Антоновича і З. Лиська, що зберігається в архіві М. Антоновича, довідуємося багато важливих подробиць щодо особливостей написання «Тропарів», виконання, а також про особисті стосунки митців.⁸ Листування засвідчує їх товариські стосунки і наукову співпрацю від травня 1953 до лютого 1969 року, тобто майже до смерті Лиська 3 червня 1969.

Важливо відзначити, що знайомство З. Лиська і М. Антоновича відбулося ще в Україні навколо журналу *Українська музика*. В березні 1937 року у Стрию побачило світ перше число цього видання. Ініціатором і головним редактором став Зіновій Лисько.⁹ До складу редакційної колегії входили Василь Барвінський, Василь Витвицький, Роман Савицький, Федір Шешко, а згодом співредакторами стали Станіслав Людкевич і Антін Рудницький. В цей період з журналом співпрацювали відомі музичні діячі, серед яких був і Мирослав Антонович.¹⁰

Під час Другої світової війни шляхи З. Лиська і М. Антоновича розійшлися, обидва емігрували з України, рятуючись від комуністичного терору, як і багато інших талановитих українців. Кожен з них працював у власній площині: Мирослав Антонович в Утрехтському університеті (Нідерланди) досліджував західноєвропейську ренесансну музику і українську сакральну монодію, а також керував *Візантійським хором* і активно концертував. Натомість Зіновій Лисько мешкав в Мюнхені (Німеччина), де викладав музикознавчі дисципліни в Українському Вільному Університеті, а згодом переїхав до Америки. Він писав музику, досліджував український фольклор, зокрема, зібрав і опублікував понад 12000 народних мелодій, а також брав активну участь в соціокультурних ініціативах української громади.

Важливо зазначити, що незважаючи на проживання М. Антоновича і З. Лиська в різних країнах, вони обидва активно контактували і намагалися розвивати українське музичне мистецтво в діаспорі. Про це свідчить епістолярій митців, зокрема, в березні 1954 р. З. Лисько запросив М. Антоновича до співробітництва в *Енциклопедії Українознавства*.¹¹ Після отримання згоди, він переслав молодшому колезі докладний зразок гасел і форму для написання необхідних матеріалів.¹² Водночас, З. Лисько турбувався про віднову дру-

⁶ *Візантійський хор* був заснований М. Антоновичем в 1951 році в Утрехті (Нідерланди) з метою виконання літургійних співів візантійського обряду, українського фольклору і духовних творів українських композиторів.

⁷ Антонович, М.: Тропарі воскресні Зіновія Лиська. In: *Вісті*, 1968, ч. 4, с. 12–17.

⁸ Епістолярій Мирослава Антоновича зберігається в Лабораторії музично-медієвістичних досліджень Факультету Культури і Мистецтв ЛНУ ім. Івана Франка.

⁹ Граб, У.: Мирослав Антонович: інтелектуальна біографія. Еміграційне музикознавство в українському культуротворенні повосених десятиліть. Львів, 2019, с. 70.

¹⁰ Воробкало, Д.: До ювілею журналу «Українська Музика». In: Збруч. 19.03.2017 <https://zbruc.eu/node/63680>

¹¹ Енциклопедія українознавства: словникова частина. Т. 1: А-Головна Руська Рада. 1955, 400 с. «Енциклопедія українознавства» є фундаментальною працею з україністики, створена під егідою Наукового Товариства ім. Шевченка в м. Сарсель біля Парижу під редакцією В. Кубійовича.

¹² Постає українського письменника Олександра Копиленка стала зразком для написання гасел і знаходиться у листі З. Лиська від 7 травня 1954 р. Всі гасла поділялися на чотири категорії: статті до 6-ти сторінок друку, більші замітки 40 рядків, менші 10-15 рядків і нотатки до 5 рядків.

ку українського музичного журналу і в листі за 2 січня 1958 року пропонував Антоновичеві зайнятися музично-редакторською працею, на що також отримав згоду. Тривалий час митці обговорювали проблеми відновлення видання, але через непрості обставини життя на еміграції цей журнал так і не вийшов друком.¹³ На цьому тлі написання і виконання осмогласного циклу *Воскресних тропарів* стало успішним мистецьким проєктом для обидвох і відіграло важливу роль у збереженні і, водночас, в осучасненні давньої монодійної практики.

Варто зазначити, що жанр воскресних тропарів належить до одного з найбільш запотребуваних в християнському обряді. Він виконується під час воскресних богослужінь, а приналежність до осмогласного циклу визначає повторність в повному церковному році до шести разів. Водночас, мелодика тропарів слугувала моделлю для виконання й інших літургійних піснеспівів відповідного до гласу тижня.¹⁴ Ймовірно цей факт і привернув увагу композитора, який зберіг автентичну літургійну мелодику як основу, а гармонізація лише увиразнила богослужбовий текст, підкреслюючи його красу та глибину.

Важливо, що завдяки збереженому епістолярію, спостерігаємо за виникненням самої ідеї написання циклу воскресних тропарів і питань, що виникали під час підготовки до прем'єрного виконання. Так, з листа З. Лиська у травні 1954 р. стає зрозумілим, що попередньо М. Антонович висловлював стурбованість щодо браку репертуару для «Візантійського хору». Тож З. Лисько відповів наступне: *„читаю багато похвальних речей про цей хор і рад би Вам по змозі допомогти. Але не знаю чи ходить Вам про церковні чи світські твори? У моїй скромненькій збірці маю хорові твори Кошиця, децю з Веделя, напиви гласів Києво-печерської Лаври тощо. З власних композицій майже нічого, крім пісеньок, що були друковані в «Співанику Червоної Калини» і деяких упівських пісень. Коли Вам що-небудь з того пригодилося б, то я радий готов служити“*.¹⁵

Від цього часу до 1957 року листів не збереглося, але, ймовірно, спілкування на цю тему не припинялося і в цьому велику роль відігравали особисті зустрічі та успіх «Візантійського хору». Так, у вересні 1957 р. М. Антонович пише: *„Наші останні дві зустрічі на конгресі й на концерті залишили в мене стільки вражень і збудили стільки споминів, що годі вдержатися, щоб не написати. Особливо вдячний Вам і Вашій дружині за те, що прийшли на концерт і не жаліли слів заохоти, попри всі слабкі місця у самому виконанні, у складі хору і в репертуарі. Та одне хотів би прохати вас при цій нагоді: може у Вас є які власні обробки народних пісень для чоловічого хору або оригінальні композиції які я міг би взяти в репертуар «Візантійського хору»? Був би Вам дуже вдячний“*.¹⁶

Як бачимо, М. Антонович постійно звертається до старшого колеги за допомогою у пошуках репертуару, а в липні 1958 р. інформує його про заплановану концертну поїздку до Мюнхена, де мешкав і працював З. Лисько. Відтак, в грудні цього ж року, композитор надсилає йому свій новий твір – осмогласний цикл *Воскресні тропарі*. Про це довідує-

¹³ Співпраця З. Лиська та М. Антоновича довкола видання журналу «Українська музика» розпочалася ще в Україні, коли в березні 1937 року у Стрию побачило світ перше число. Ініціатором і головним редактором став Зиновій Лисько, до складу редакційної колегії входили Василь Барвінський, Василь Витвицький, Роман Савицький, Федір Стешко, а згодом співредакторами також були Станіслав Людкевич і Антін Рудницький. З журналом співпрацювали відомі громадсько-музичні діячі серед яких був і Мирослав Антонович. Воробкало, Д.: До ювілею журналу «Українська музика». Zbruc. 19.03.2017. <https://zbruc.eu/node/63680>

¹⁴ У греко-візантійському обряді літургійні тексти могли виконуватися на зразок запозиченої мелодії, і така практика називалася співом «на подобен».

¹⁵ Лисько, З.: Лист до М. Антоновича від 7 травня 1954 р.

¹⁶ Антонович, М.: Лист до З. Лиська від 9 вересня 1957 р.

мося з листа З. Лиська в грудні 1958 р.: *„Посилаю до Вашого розпорядження мій новий церковний твір «Тропарі воскресні» для чоловічого хору і солістів. Це можна вважати за одну композицію, ніби 8-частинну сюїту, що дуже добре може бути виконана і в естрадному концерті. Можливо, будете вважати за доцільне включити цей твір у репертуар Вашого «Візантійського хору. Прошу, напишіть мені як ближче з цієї композицією познайомитися, чи Вам подобається»*.¹⁷

Пізніше, майже через 10 років, в черговому листі до Антоновича в липні 1966 р., З. Лисько визнає: *„Щодо Воскресних тропарів, то знаю одне – поштовхом до скomпонування Тропарів були Ви і Ваш Візантійський хор, який мені заімпонував»*.¹⁸ Від цього моменту спілкування М. Антоновича і З. Лиська стало ще більш предметним і стосувалося проблематики літургійного матеріалу.

Варто зазначити, що М. Антонович активно листувався також з музикознавцем і диригентом Павлом Маценком,¹⁹ тож і з ним поділився інформацією про новий твір З. Лиська, а також окремо відзначив питання наголосів, на якому заакцентував композитор. У листі за червень 1959 р. М. Антонович пише: *„Чи знаєте, що др. Лисько опрацював для чоловічого хору усіх вісім воскресних тропарів за галицькими мелодіями, чи там за варіантами загально українських мелодій? Ми саме розучуємо цей твір і думаємо виконувати як сюїту на концертах, а в першу чергу в час Літургій. Це дуже цікавий експеримент... Твір написаний з явним намаганням бути простим і нав'язувати до української церковної традиції в дечому до Бортнянського... Тільки наголоси тексту усі галицькі. Др. Лисько каже, що це українські і покликується на Огієнка. Я з великою приємністю розучу»*.²⁰

Цикл *«Воскресних тропарів»* М. Антонович оцінив дуже високо, проте звернув увагу на незвично проставлені наголоси, спостережені ним завдяки мелодичній акцентуації. Він назвав їх *«незвичайними»* і це визначення знаходимо в грудневому листі З. Лиська 1958 року: *„Недавно отримав Вашого листа з рецензією на мої «Воскресні тропарі». Тишуся, що вони Вам припали до вподоби, бо в такому разі при розучуванні з хором буде мати естетичну satисфакцію. А це для диригента дуже важний момент. Я сам хотів би почути їх у Вашому виконанні, може й справді це буде колись можливо. А тепер найважливіше – справа наголосів. Всі ті «незвичайні наголоси» я зробив свідомо, після довгого розважання. Крім зауважених Вами, є ще такі: «христЕ – хрИсте», «твоеСО – твоЄго», «своємУ – своЄму», «животЕ – живОте», «дАруй – дарУй» [другий варіант в парі наголошених слів належить З. Лиську – авт.].*

Мої роздумування йшли таким шляхом: наука сьогодні абсолютно не знає, які були наголоси в первісній, найдавнішій церковно-слов'янській мові. Також усі церковні книги на Україні, від X-XI віків починаючи, писалися без наголосів. Отже цих первісних церковних наголосів не знаємо і ніколи знати не будемо. Але знаємо іншу річ: знаємо, що церковно-слов'янська мова ні в жадній слов'янській країні не збереглася у своєму первісному вигляді, а підпадала під вплив місцевих народних мов, через що маємо сьогодні сербську,

¹⁷ Лисько, З.: Лист до М. Антоновича від 3 грудня 1958 р.

¹⁸ Лисько, З.: Лист до М. Антоновича від 16 липня 1966 р.

¹⁹ Павло Маценко (1897–1991) – український музикознавець, педагог, диригент і громадський діяч, активний популяризатор української музики за кордоном. У Відні в 1930–1932 рр. захистив докторську дисертацію на тему *«Склад та технічна будова мелодій київського розспіву в Почаївському Ірмолосві (вид. 1775 р.)»*. Після Другої світової війни емігрував до Канади, де викладав у Манітобському університеті та очолював хорові колективи. Автор численних праць з історії української музики, досліджень давньої церковної музики і гимнографії, один із ключових дослідників української церковної монодії у XX столітті.

²⁰ Антонович, М.: В листі до З. Лиська від 27 червня 1959 р.

староруську та інші редакції церковної мови. Ми на Україні змінили букву «ѣ» і вимовляємо її сьогодні як «і», «ы» як «и», «г» як «т», давні носові юси як «у», «ю» і багато чого іншого. Те саме мусило бути і з наголосами. Вплив української народної мови мусив тут також виявитися і причинитися до утворення специфічної відміни української церковнослов'янської мови. Іншими словами, наголоси в церковнослов'янській мові були інші в Болгарії, інші в Сербії, інші в Росії і ще інші в Україні. Але трагедія в тім, що не знаємо документарно, які вони були. Припускаємо, що зближені до народних. Перші друковані наголоси в церковнослов'янських текстах появились пізно, аж у московських синодальних виданнях, а звідси їх прищеплено на Україні, Східній і Західній. Але це не наші традиційні наголоси, а російські – «твое҃У», «свое҃О» і чому ми маємо їх далі толерувати? Як москалі вимовляють собі церковнослов'янські «ѣ» як «е» це їх справа, а ми в цьому напрямі маємо власну традицію. Те саме в царині наголосів. Чому ми маємо вимовляти «христЕ», «животЕ», «бДруай» і багато інших? Отже бачите, ці «неправильні» наголоси, це в мене не випадок і не недогляд, а певна обґрунтована ідея. Так зрештою, як і ціла композиція Воскресних тропарів.

Стільки щодо Воскресних тропарів. Думаю, що вони для Вас повинні бути ще тим інтересні, що компоновані зразу для чоловічого хору, а у Вас досі були переважно переробки з мішаного²¹.

Дискусія щодо наголосів у церковнослов'янській мові заторкнула дуже важливу проблематику, пов'язану з історичними обставинами. З позиції сьогодення можна ствердно говорити щодо існування різниці поміж давньою богослужбовою мовою України та новітньою церковнослов'янською в її російській редакції.²²

Оскільки дискусія щодо наголосів у церковнослов'янській мові продовжувалася, З. Лисько підійшов до вирішення цього питання ґрунтовно, покликаючись на авторитети. Так, в черговому листі у червні 1959 р., він пише до М. Антоновича: „Хочу поділитися з Вами новим для мене відкриттям, що на його тему ми недавно обмінялися листами. А саме – про наголоси в церковнослов'янській мові. Мені попала в руки книжка, що спеціально займається цим питанням – це розвідка професора І. Огієнка «Перводрукований Львівський Апостол 1574 року», поміщена в Науковому збірнику УВАН т. II, Нью-Йорк 1953. У цій статті Огієнко²³ /митр. Іларіон/ між іншим займається наголосами давніх українських і московських видань XVI-XVII століть, порівнює їх між собою і знаходить значні різниці. Так він їх і називає: наголоси українські і наголоси московські. У своїй статті він довгими колонами, на цілі сторінки подає джерельний матеріал, з московського видання Апостола 1564 р., з українського Апостола 1574 р., Апостола 1639 р. (М. Сльозки) й інших. Подаю кілька прикладів поперемінно московських і українських варіантів: «вождИ – вОжди», «вратА – врАта», «все҃О – всЕго», «вчерА – вчЕра», «главУ – глАву», «глазОлати – гла-

²¹ Лисько, З.: Лист до М. Антоновича від 29 грудня 1958 р.

²² Проблематика вимови докладно вивчалася філологом Ганною Куземською, яка підкреслювала знаходження чисельних зразків спільного в старій українській мові в найдавніших кириличних зразках. Ці мовні риси зберігалися у богослужбі аж до кінця XVI ст., до компромісних редакцій тодішніх мовознавців та узаконення у другій половині XVII ст. московським патріархом Никоном нових мовних реформ. На цій підставі давньоукраїнську церковну мову пізніше схвалили за туманною московською назвою «дониконівська» (Куземська, Г.: Якою мовою молилася давня Україна: Правила української транслітерації церковнослов'янських текстів. Київ, 2012).

²³ Іван Огієнко (митрополит Іларіон, 1882–1972) – український мовознавець, історик культури, богослов, перекладач і державний діяч, автор фундаментальних праць з історії української мови, церкви та книжності, а також перекладачем повного тексту Біблії українською мовою (1962). У Канаді, де він завершив життя як митрополит Іларіон, Огієнко створив багатотомну спадщину з досліджень духовної традиції, літургії, слов'язнавства, філології й культурології.

голАти», «у менЕ – у мЕне», «моєгО – моЄго», «моємУ – моЄму», «твоємУ – твоЄму», «учениКъ – Ученикъ», «бытіЯ – бЫтія», «рИмляне – римЛяне» і множество інших. Бачите, що в українських виданнях наголоси зближені до української мови. Думаю, що стаття Огієнка Вас таки трохи переконає²⁴.

Дискусія на тему акцентів привернула увагу М. Антоновича до змісту доступних йому українських нотолінійних ірмологіонів. На цій основі, в червневому листі 1959 р., він висловлює наступні спостереження: *„Щиро дякую за Вашого листа і за Ваші замітки в справі акцентів у старослов'янській мові, взглядно акцентів в українській вимові церковнослов'янської мови. Що в українських виданнях старослов'янських текстів, а особливо в нотних ірмологіонах акцент, а особливо музичний акцент наближує старослов'янську мову до української народної, а особливо до західноукраїнської, то про це я мав нагоду переконатися при студії ірмологіонів ... я Вам дуже вдячний за зреферування статті Огієнка, тому що це дає мені певні аргументи потрібні моїй праці“*²⁵.

Ця тема, як бачимо з епістолярію Антоновича, не припиняла його цікавити і в подальшому, відтак в лютому 1961 року, він звертається з цим питанням до Олекси Горбача²⁶ - свого старого гімназійного товариша і відомого українського філолога: *„Чи ти коли досліджував наголоси в старих українських книгах і порівнював їх з російськими? ... На основі мелодичних наголосів в старих ірмологіонах (які значно відрізняються від російських – як ти сам добре знаєш) думаю можна було б пояснити деяку частину мелодичних перемін старих церковних напівів ... Чи немає в тебе відповідної літератури?“*²⁷ На жаль, відповідь на поставлене запитання в переписці з О. Горбачем не збереглася, проте проблему акцентуації дещо висвітлив П. Маценко, до якого також звертався М. Антонович. У грудневому листі 1962 р. П. Маценко пише: *„Ваші зауваги щодо зближення наголосів і навіть мелодій Ірмолая 1904 р. до російських дуже цікаві. Щойно говорив про те з митрополитом Іларіоном (згадуючи Вас) і він погодився з Вами і додав, що свого часу, ще в Галичині, він в тій справі писав листа (поза 30 сторінок) до Митроп. Андрея і він був згодився з думкою тоді проф. Огієнка та обіцяв той недолік усунути, чи усувати при нагоді. Повідомляю Вас також, що Вам висилається з канцелярії Митроп. Іларіона книжка «Наголоси в українській літературній мові“*²⁸.

Відтак бачимо наскільки важливим є питання наголосів у літургійних книгах різних епох. Так, нещодавня публікація Октоїха 1629 року до т. зв. никонівської реформи відзначає зміну наголосів в порівнянні з пізнішими виданнями на українських землях. Порівняння з Октоїхом Києво-Печерської 1699 року, почаївськими чи львівським Октоїхом 1895 року виявляє наступні відмінності: твоЄго замість пізнішого твоегО, родИла замість пізнішого родилаА, божествЕнний замість божЕственний.²⁹ Цієї проблематики

²⁴ Лисько, З.: Лист до М. Антоновича від 1 червня 1959.

²⁵ Антонович, М.: Лист до З. Лиська від 4 червня 1959 р.

²⁶ Олекса Горбач (1918–1997) – український мовознавець, славіст, діалектолог і культуролог. Після Другої світової війни емігрував до Німеччини, де створив власну наукову школу. Він автор понад 600 публікацій студії з історії мови, діалектології, етнолінгвістики, літератури давньої Русі, кириличної палеографії, термінологічних словників. Горбач, О. З історії української церковно-музичної термінології. Мюнхен, 1965. 40 с.

²⁷ Антонович, М.: Лист до О. Горбача від 4 лютого 1961 р.

²⁸ Маценко, П.: Лист до М. Антоновича від 21 грудня 1962 р.

²⁹ Воскресні богослужіння київського Октоїха 1629 року (доповненого текстами піснеспівів українських джерел XVII-XVIII ст.) / упор. М. Качмар, Ю. Осінчук ; відп. Ред. Ю. Ясіновський. Київ: Горибець, с. 13.

торкався, зокрема у своїх працях митрополит Іларіон (І. Огієнко),³⁰ а серед сучасних дослідників Андрій Пономаренко,³¹ Лідія Гнатюк,³² Юрій Осінчук³³ та ін.

Поруч із дискусуванням про особливості вимови, М. Антонович активно працює над виконанням циклу воскресних тропарів. В процесі роботи в нього виникають певні запитання щодо інтерпретування динаміки і темпу, оскільки часте використання цього жанру в богослужінні виробило певний спосіб їх виконання. Відтак у листі в червні 1959 р. М. Антонович знову звертається до З. Лиська за порадою: „Зближувати їх до тих темпів, в яких виконувалися вони в наших церквах (очевидно «мутатіс мутандіс»), а чи немов відірвати їх від галицької традиції, держатися «невільничо» партитури, а чи наблизити їх до київських традицій, інтерпретувати «свобідно» згущуючи барви звуку і ритми до меж контрастів?»³⁴

Цікаво, що у випадку листування М. Антоновича і З. Лиська спостерігаємо особливу ситуацію, за якої композитор і виконавець активно співпрацюють, зокрема, М. Антонович постійно повідомляє про стан підготовки твору до виконання. Так, у листі за червень 1959 р. Антонович зазначає: „Справа вивчення Ваших Тропарів воскресних посунулася також наперед. Тепер ще відшукати найбільше відповідного соліста для «Разруши єси», ну й почати виконувати на концертах цюби співатися»³⁵. В цьому ж листі йдеться про ухвалу керівництва хору виплатити З. Лиськові 150 марок за *Воскресні тропарі*, проте композитор відмовився їх приймати, натомість скерував на потреби самого хору. Це дуже шляхетний вчинок, оскільки проживання на еміграції було дуже непростим, тож такий крок засвідчує про високу оцінку З. Лиськом діяльності хору і його диригента М. Антоновича.

Відтак не випадково М. Антонович був особливо зацікавлений у присутності З. Лиська на прем'єрному концертному виконанні повного циклу воскресних тропарів. Така можливість припала на осінь 1959 року, коли «Візантійський хор» запросили до Риму. З цієї нагоди в листі за червень 1959 року Антонович писав: „Я хотів би дуже, щоб Ви послушали ці Гласи [Воскресні тропарі – авт.]. Я доложу всіх зусиль, щоб відспівати ці гласи у Римі, якщо подорож до Риму справді відбудеться»³⁶

Можливість прослухати свій твір в Римі надзвичайно захопила З. Лиська, який був великим шанувальником *Візантійського хору* і писав в листі за липень 1959 р.: „Ваша думка, щоб я поїхав до Риму і там прослухав Ваш хор мене просто захопила... Прошу поінформувати про Ваші плани, щоб я наперед старався про візи і інші справи. На днях хочу Вам вислати пояснення і деякі виконавчі вказівки до Воскресних тропарів. Якщо взагалі було б потрібно, то краще зробити це тепер, аніж в останній хвилині в Римі»³⁷

Від цього моменту З. Лисько бере активну участь в підготовці тропарів до римської прем'єри і докладно консультує М. Антоновича щодо особливостей виконання циклу.

³⁰ Огієнко, І.: Українська вимова богослужбового тексту в XVII віці. Варшава, 1926, т. I, с. 9–32; Огієнко, І. Як Москва знищила волю друку Києво-Печерської Лаври. Варшава, 1921, 15 с.

³¹ Пономаренко, А. Досвід української транслітерації церковнослов'янських текстів. In: Наукові записки БІН ДЦ, №6, 2019, с. 487.

³² Гнатюк, Л.: Акцентуаційні особливості української редакції церковнослов'янської мови та їх відображення в текстах Г. Сковороди і Т. Шевченка. In: Українське мовознавство, 2017, № 1 (47), с. 6–9.

³³ Осінчук, Ю.: Словотвірні особливості церковнослов'янських пам'яток XVI–першої половини XVII століття. In: Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність, вип. 35, Львів, 2022, с. 225–238.

³⁴ Антонович, М.: Лист до З. Лиська від 4 червня 1959 р.

³⁵ Антонович, М.: Лист до З. Лиська від 26 червня 1959 р.

³⁶ Антонович, М.: Лист до З. Лиська від 4 червня 1959 р.

³⁷ Лисько, З.: Лист до М. Антоновича від 3 липня 1959 р.

В листі за липень 1959 року він пише: „Щодо виконання моїх Воскресних Тропарів то загально можу говорити, що їх теми я уявляв собі досить повільними, отак приблизно 40-45. Очевидно в окремих тропарях зміни можуть бути, залежно від характеру композиції. В практичному одноголосному виконанні ці тропарі співаються, як знаєте, досить швидко. Там часто мелодія йде речитативом на одному тоні і виконуються такі місця неначе з поспіхом, аж закінчення фраз бувають повільніші і виспівуються ширше. Такі оригінальні речитативи я задержав в I-му тенорі, але зате в інших голосах додав різні мелодичні звороти і тому в таких місцях не можна поспішати, щоб можна було все виспівати.

В гласі I хоровий спів Слава повинен мати маєстатичний, дуже урочистий характер. Останнє Слава на закінчення сповільнити.

Глас 2. В тактах 6–9 головна мелодія знаходиться в II басах, треба її відповідно підкреслити.

Глас 3. Сам початок баси і баритони впадають зразу «ф», в 6-му такті тенори I і II повторюють те саме «р» і далі солісти ще слабше, врешті впадає хор знову сильніше.

Глас 4 має життєрадісний характер і співають майже цілі «ф». Особливу силу «ff» варто дати на слова «Іспровержесе смерть, воскресне Христос Бог».

Глас 5 і 6 як контрасти виконуються тихіше і спокійніше.

Глас 7 – сольо баритон. Характер повільний, ліричний. Хор мурмурандо, але вважати, щоб звучав виразно, не надто тихо [підкреслення З. Лиська].

Глас 8 імітаційне голосоведення, знову бадьорий настрій. В тактах 10–12 головна мелодія в II басах.

Це тільки такі загальні зауваги. Якби Вас цікавило ще що, прошу написати“.³⁸

Важливо зазначити, що цикл «Воскресних тропарів» настільки високо цінувався М. Антоновичем, що він попередньо запланував їх запис, відтак запитував З. Лиська про перебування в членстві інтернаціональної організації композиторів. Мова йшла про збереження авторських прав. Водночас він знову пропонував композиторові написати наступний твір для хору, але вже з оркестром, щоб виконати його під час святкування десятиліття заснування *Візантійського хору* в лютому 1961.

Знаково, що в Римі таки відбулася зустріч М. Антоновича із З. Лиськом та його дружиною Дарією. Зберігся також лист від 20 жовтня 1959 р., в якому Антонович докладно описує весь насичений перебіг урочистих подій в присутності всіх владик греко-католицької церкви з США, Канади, Європи і Австралії. Присутніми були також три римські кардинали, голландська амбасада й 50 запрошених українців. М. Антоновича особливо зворушило виконання українського гімну поруч із італійським та голландським.³⁹ Такого ж успіху зазнали і *Воскресні тропарі*, які в подальшому не виходили з репертуару *Візантійського хору* і цікавили М. Антоновича не лише як диригента, але як музикознавця-медієвіста. Відтак, за певний час він розпочинає працю над однойменною статтею і знову консультується з композитором в листі у травні 1966 року: „Я пишу статтю про

³⁸ Лисько, З.: Лист до М. Антоновича від 27 липня 1959 р.

³⁹ Великий успіх *Візантійського хору* частково пов'язаний із виконавською концепцією М. Антоновича, сформованою на основі глибокого знання українського богослужбового співу. Домінуючим був вплив співочих традицій Києво-Печерської лаври, які культивували сформовану в добу бароко естетику богослужбового співу з увагою до емоційної складової. Лазаревич, Є.: Візантійський хор М. Антоновича в контексті європейського хорового виконавства другої половини XX ст.: дис. канд. мистецтвознавства. Львівська національна музична академія ім. М. В. Лисенка. Львів, 2018, 226 с.

Тропарі Воскресні (історичний розвиток мелодій та Ваше опрацювання цих мелодій для хору). Ви взяли за основу мелодії з Дольницького [Напівника Ізидора Дольницького – авт.], але є там певні різниці... Ось у мене питання Чи Ви самі впровадили ці мелодичні відміни, а чи може взяли їх з усного передання від дяків [...] Мені дуже цікаво знати не так з огляду фразування як з огляду на Вами введену ритмічну структуру мелодій. Взагалі був би я Вам дуже вдячний, якщо б Ви написали мені децю про генезу Вашого твору [...] це мабуть самотній Ваш твір з ділянки церковної музики? “⁴⁰

Відповідаючи на цього листа в липні 1966 р., З. Лисько підтвердив, що при фіксації тропарних мелодій користувався виключно друкованими виданнями, зокрема, І. Дольницького і ще декількома, з яких відібрав відповідні для себе варіанти. Композитор знову торкається питання наголосів: *„Грамаітичні наголоси слів я без вагання зміняв з московських (як вони устійнилися в московських синодальних виданнях) на українські (як вони вживалися в українських виданнях XVII ст. і згідних з сучасною українською вимовою), про що Вам вже писав“⁴¹*.

В цьому ж 1966 році М. Антонович розпочинає працю над дослідженням монодійних циклів воскресних тропарів за різними збірниками. Зробленими висновками він ділиться з П. Маценком у листі за грудень 1966 р.: *„Як я Вам писав, простудіював тропарі воскресні на Утрени на Бог Господь (та на Літургії після малого входу прийдіте поклонімся). Простудіював я мелодії тропарів з львівського Ірмолая 1700 року, з тяпецького Ірмолая з 1732–33 року (ще раз щира дяка Вам за ці фільми), Гласопіснц» Дольницького, Простопінія Бокиая та Києвопечерського Обіходу. Мелодії тропарів відбилися чи не найдалше від своїх праджерел і тому праця з одної сторони трохи тяжка, а з другої сторони приємна. Хоч і як далеко ці варіанти мелодій віддалилися від себе, все ж таки їхній взаємний зв'язок вдалося мені проаналізувати й устійнити [...] Як викінчу свою працю, само собою дам Вам її прочитати, але поки що її викінчення трошки затягається“⁴²*.

Відтак, першим М. Антонович завершив дослідження монодійних циклів, про що повідомив П. Маценка в листі в лютому 1968 р.: *„Свою працю про мелодії тропарів я нарешиі закінчив і разом з мелодіями тропарів з Львівського Ірмологіону 1700 та 1904, з Обіходу Києвопечерської Лаври, Дольницького, Бокиая та Хоми вислав до Риму, може надрукують. А якщо ні, то трудно. Я своє зробив. Я там у своїй праці старався на прикладах показати, що всі мелодії тропарів з вище загаданих книг споріднені між собою та вияснити якими шляхами ішли переміни, які подекуди привели до зовсім нових мелодичних творів“⁴³*. А влітку цього ж 1968 року М. Антонович завершив свою статтю по гармонізації тропарів З. Лиськом і одразу надіслав її до композитора з проханням перечитати, висловити свою думку і передати до друку американського музично-мистецького журналу *Vicini*, на що отримав ствердну відповідь в листі від 10 вересня 1968 року.

Як відомо, в Римі аналіз монодійних тропарів не був опублікований, проте стаття *Тропарі воскресні Зіновія Лиська* вийшла друком в 4-му числі журналу *Vicini*.⁴⁴ В 1997 році ця стаття була передрукована в окремій збірці статей М. Антоновича *Musica sacra*, до якої ввійшли інші його праці з історії українського церковного співу.⁴⁵ Ще в листі за квітень

⁴⁰ Антонович, М.: Лист до З. Лиська від 26 травня 1966 р.

⁴¹ Антонович, М.: Лист до П. Маценка від 16 липня 1966 р.

⁴² Антонович, М.: Лист до П. Маценка від 17 грудня 1966 р.

⁴³ Антонович, М.: Лист до П. Маценка від 26 лютого 1968 р.

⁴⁴ Антонович, М.: Тропарі воскресні Зіновія Лиська. In: *Vicini*, ч. 4, 1968, с. 12–17.

⁴⁵ Антонович, М.: Тропарі воскресні Зіновія Лиська. In: *Musica Sacra*: збірка статей з історії української церковної музики. Львів, 1997, с. 201–209.

1969, 3. Лисько турбувався чи отримав М. Антонович журнал *Вісті* з розміщеною в ньому статтею, а 3 червня цього ж року композитор помер.

На відстані десятиліть переконуємось, що осмогласний цикл *Воскресних тропарів* був для М. Антоновича і З. Лиська дуже важливим і окрім професійної співпраці поглиблював також їх особисті взаємини. Про це свідчить лист дружини композитора Дарії Лисько до М. Антоновича у вересні 1975 року, через 6 років після смерті чоловіка: „*Пригадую собі незабутні дні в Римі 1959 р. в жовтні, коли ми вперше почули Голяндський хор під Вашим керівництвом. Які ми були тоді одушевлені й зворушені слухаючи прекрасний спів цього хору під час Служби Божої та на концерті на Капітолї, де вдячний Автор мав нагоду вперше почути – як він висловився – в знаменитому виконанні свої Тропарі*“.⁴⁶ Майже одразу, зворушений М. Антонович відповів: „*Наш Візантійський хор включив у програму концертів чотири Тропарі Воскресні З. Лиська: 1, 2, 7, 8-мий. Ми співаємо їх майже постійно на концертах [...] і я зачисляю їх до окраси нашого репертуару...Окремо посилюю свою працю про українські ірмологічні мелодії [The chants from ukrainian heirmologia – авт.], де як ілюстрація їхніх обробок подані Тропарі Воскресні З. Лиська. Прошу прийняти найщиріший вияв моєї глибокої пошани*“.⁴⁷

Пересвідчуємось, що в майбутньому в англомовній монографії *Піснеспіви українських ірмологіонів* М. Антонович долучає гармонізовані воскресні тропарі З. Лиська до ряду монодійних зразків різних періодів.⁴⁸ І це не лише вияв глибокої поваги до композитора, але й доречний компаративний засіб для порівняння монодійної мелодики жанру в різні періоди фіксації. Як йшлося вище, за основу дослідник обрав наступні джерела одноголосого церковного співу: стародруковані Ірмологіони 1700 та 1904 років, *Гласопіснець* Ізидора Дольницького (1894),⁴⁹ *Простопініє* Івана Бокшая (1906),⁵⁰ *Простопініє* Іоакима Хоми,⁵¹ а також гармонізовані осмогласні *Воскресні тропарі* Зіновія Лиська (1958),⁵² гармонізація яких стала свідченням актуальності середньовічної духовної практики для концертного виконання. Як бачимо, цикл воскресних тропарів став знаковим для обидвох митців і ми не знаємо, чи не був вибір З. Лиська частково інспірований М. Антоновичем, оскільки матеріали його архіву виявляють дуже велике зацікавлення саме цим жанром.

В архіві М. Антоновича знаходимо об'ємний машинописний текст на 36 сторінок під заголовком *Українські мелодії тропарів воскресних та їхні обробки композитора З. Лиська* (Іл. 1). Текст складається з двох частин, в першій з яких на 26-ти сторінках йдеться про аналіз монодійних воскресних тропарів на основі збірників різних періодів, про які йшлося вище, а в другій (27–36 с.) – чернетка аналізу гармонізованих воскресних тропарних мелодій З. Лиська.

Окремо знаходимо також сім непронумерованих сторінок, які містять різного плану інформацію про літургійну роль тропарів в богослужінні, зокрема, їх різновиди і функціонування в якості мелодичних зразків «подобних», а також різні типи літургійних кни-

⁴⁶ Лисько, Д.: Лист до М. Антоновича від 17 вересня 1975 р.

⁴⁷ Антонович, М.: Лист до Д. Лисько від 26 вересня 1975 р.

⁴⁸ Antonowycz, M.: The Chants from Ukrainian Heirmologia. Bilthoven, 1974, p. 154–173.

⁴⁹ Дольницький, І.: Гласопіснець или Напевный церковный. Львів, 1894.

⁵⁰ Церковное Простопініє сложенное на нотах І. Бокшай, І. Малинич. Унгварь, 1906.

⁵¹ Простопініє по преданію иноковъ чина св. Василія Великаго области Карпато-рускія, на ірмологіяныя ноты списаль о. Іоакимъ Хома, протоигуменъ ЧСВВ въ обители св. Николая на Чернечой Горі к. Мукачева, 1930.

⁵² В подальшому М. Антонович передрукував зразок воскресного тропаря 7-го гласу *Ангельські сили* з англомовного видання як ілюстрацію з англомовного видання у своїй німецькомовній монографії. Antonowycz, M.: Ukrainische geistliche Musik. Munchen, 1990.

жок і термінологічні особливості жанру тропарів, укладені на основі праці Олексі Горбача *З історії української церковно-музичної термінології*.⁵³ Ймовірно, цей матеріал був доповненням до першої частини машинопису, яку М. Антонович планував надіслати до Риму, як йшлося вище, а в архіві залишив незавершену чернетку, зокрема, з невивисаними нотними прикладами. Відтак, опублікованим був лише матеріал про гармонізацію З. Лиська, хоча зміст аналізу монодійних циклів свідчить про велике зацікавлення ними М. Антоновича. Він досліджує воскресні тропарі на основі чисельного переліку одноголосих літургійних збірників, таких як: Львівський ірмолой 1700 р., Львівський ірмолой братства при Церкві Храму Успення Пресвятої Богородиці 1757 р. (обидва знаходяться в Римі), Рукописний ірмологіон Тяпечького 1830-ті роки (рукопис знаходиться в Осередку Української культури й освіти у Вінніпегу, фонд. О. Кошиця), Львівський ірмологіон Ставропігійського інституту 1904 р., «Гласопіснець» І. Дольницького 1894 р., «Церковное простопініє» Бокшая-Малинича 1906 р., «Нотний обиход» Києво-Печерської Лаври 1910 р., московський «Обиход нотного пения» з Москви 1909, «Простопініє» о. І. Хоми 1930 р.

На основі порівняння мелодій воскресних тропарів кожного гласу М. Антонович приходить до розлогих висновків, які в більшості стосуються аналізу форми і мелодичної спорідненості зразків із різних літургійних збірників. На цій основі він описує мелодичні особливості кожного гласу, а також приходить до двох важливих узагальнень стосовно генези жанру і еволюційних мелодичних змін.

Відтак, щодо першої зауваги, М. Антонович пише: *„Усі мелодії тропарів, незважаючи на більші чи менші різниці, є з собою споріднені. Це дає підстави думати, що всі ці мелодії тропарів розвинулися з спільного праджерела, якого початок може навіть треба шукати в літургійній музиці старій Візантії“*.⁵⁴ Таке твердження вповні збігається з іншими студіями М. Антоновича, базованими на порівнянні візантійського мелосу та ірмоложних піснеспівів, що привели до тотожних висновків інтонаційної спорідненості.⁵⁵ Натомість еволюційні зміни, на думку М. Антоновича, виявляють відчутне мелодичне спрощення, причина якого криється в загальному розвитку музичної культури та літургії. Як пише дослідник у статті: *„Причин підсвідомих перемін у мелодіях тропарів треба шукати в першу чергу у виконванні тих мелодій напам'ять, без відчитування їх з нотного письма і в підставлюванні різних текстів з різною довжиною поодиноких рядків під ці самі мелодичні формули. Виконуючи тропарі напам'ять та підставляючи тексти різної довжини під ці самі мелодії, легше було запам'ятати прості речитативні мелодії чим зкомпліковані мелізми, а це значить, що в пам'яті залишалося те, що простіше, а те простіше в свою чергу наближалося з часом до загального народного, до того музичного середовища, в якому співалися літургійні мелодії“*.⁵⁶

Докладний аналіз М. Антоновичем монодійного циклу воскресних тропарів був логічною основою для подальшого дослідження жанру в гармонізованій формі З. Лиськом. Це був наступний крок для формулювання важливих висновків стосовно еволюціонування давньої практики сакральної монодії. Відтак, М. Антонович підсумував наступне:

⁵³ Горбач, О.: *З історії української церковно-музичної термінології*. Мюнхен, 1965, 40 с.

⁵⁴ Лабораторія музично-медієвістичних досліджень Львівського національного університету імені Івана Франка. Архів Мирослава Антоновича. Фонд особового надходження. Матеріали наукових досліджень. Машинописна праця «Українські мелодії тропарів воскресних та їхні обробки композитора З. Лиська».

⁵⁵ Антонович, М.: Візантійські елементи в антифонах Української Церкви. In: *Musica sacra*. Львів, 1997, с. 21–38; Антонович, М.: Літургійна музика візантійсько-слов'янського обряду. In: *Musica sacra*. Львів, 1997, с. 14–21; Антонович, М.: Українські ірмоси з погляду візантійської теорії музики. In: *Musica sacra*. Львів, 1997, с. 39–55.

⁵⁶ Машинописна праця «Українські мелодії тропарів “воскресних” та їхні обробки композитора З. Лиська».

1. Лисько дав оригінальний і цінний твір і твором тим збагатив українську музичну культуру, а особливо, репертуар чоловічих хорів;
2. Своїм твором Лисько вніс новий елемент в опрацювання українських літургічних мелодій, відмежовуючи їх від деяких утертих шаблонів і підносячи їх до рівня справжнього мистецтва;
3. Опрацьовуючи українські літургічні мелодії у формі сюїти, композитор Лисько дає змогу винести багатство української літургічної музики у концертні зали й зробити її приступною для всіх, хто цікавиться музикою;
4. Своїм опрацюванням Лисько вказав на один із шляхів, яким міг би піти дальший розвиток української літургічної музики: творити музику, яка крім літургічної функції, могла б мати також і інші естетичні завдання.
5. Лисько дав музичний твір, яким хорові ансамблі можуть і повинні поширити музичні обрії свої власні і своїх слухачів.⁵⁷
6. Важливо зазначити, що подібно до потенціалу сакральної монодії ставився український композитор Олександр Козаренко,⁵⁸ у творах якого через декілька десятиріч років оживили інтонаційні пласти сакральної монодії, зокрема, жанри кондаків, ірмосів, псалмів, страсних антифонів тощо.⁵⁹ Митець був переконаний, що „*важливим є момент подолання стильової вторинності сакральної музики щодо музики світської, повернення основного русла музичного семіозу і це явище може привести до колосального оновлення і збагачення усіх складових національної музичної мови*“.⁶⁰ В цьому контексті апеляція М. Антоновича до інтонаційної спорідненості української сакральної монодії з візантійською спадщиною та вагомість її подальшого професійного опрацювання, отримала вагоме підтвердження у працях О. Козаренка, який пішов ще далі. Так у хронології ХХІ століття визначився наступний вектор – осягнення глибин національної музичної мови. В цьому контексті *Воскресні тропарі* у працях З. Лиська і М. Антоновича постають тим знайомим жанром, що підтвердив вагомість візантійської гимнографії у пошуку кодів елементів музичного мислення українського етносу.

⁵⁷ Антонович, М.: Тропарі воскресні Зіновія Лиська. In: Musica Sacra. Львів, 1997, с. 209.

⁵⁸ Український композитор Олександр Козаренко (1963–2023) є автором наступних творів, написаних на основі інтонаційного мелосу жанрів сакральної монодії: «Острозький триптих» для мішаного хору (1994), Вокально-симфонічна ораторія «Страсті Господа Бога нашого Ісуса Христа» для читця, солістів, хору та камерного оркестру (1996), «Псалом Давидів» для хору й оркестру (1998); «Різдвяна Божественна Літургія» для мішаного хору а cappella (2014), кантата для хору та оркестру «Величання князю Володимирі» (2015).

⁵⁹ Горбач, О.: З історії української церковно-музичної термінології. Мюнхен, 1965.

⁶⁰ Козаренко, О.: Феномен української національної музичної мови. Львів, 2000, с. 132.

СВІТЛАНА ПАХОМОВА*

**Різнооформлені номінативні одиниці
в контексті словацько-української контрастивної лексикології¹**

PAKHOMOVA, S.: Differently Structured Nominative Units in the Context of Slovak-Ukrainian Contrastive Lexicology. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 207-214 (Bratislava).

The relevance and novelty of our study are explained by the lack of specific monographic works devoted to the contrastive study of the vocabulary of the Slovak and Ukrainian languages. Modern comparative studies are carried out mainly on the basis of comparing a Slavic language with one of the world languages. Contrastive study of the Slovak and Ukrainian lexicon allows us to identify a group of units that in the Slovak language have a single-word name, and in the Ukrainian language – a semantic equivalent in the form of a collocation. Meanwhile, we highlight the presence of a denotation in both languages and at the same time a difference in terms of expression. The article presents thematic groups in which the above-mentioned correlative pairs are most often noted. Among the reasons for the indicated formal discrepancy are the peculiarities of the word-forming mechanisms of the compared languages, which are demonstrated by the example of specific ways of word formation and various productivity of individual affixes.

Contrastive lexicology, Slovak language, Ukrainian language, collocation, differently structured nominative units

Постановка проблеми. Зіставне вивчення мов на синхронному рівні виокремилося від типологічного мовознавства в 50-ті роки минулого століття. Дотепер цю галузь у лінгвістичних працях називають по-різному: зіставна, контрастивна або конфронтаційна лінгвістика. Відмінності між контрастивною і зіставною лінгвістикою сформулював Й. А. Стернін,² який наголошував, що в порівнянні із зіставною в контрастивній лінгвістиці: 1) досліджуються не будь-які мови і не в будь-якій кількості, в лише дві мови – рідна і та, що вивчається; 2) вивчаються не підсистеми, поля та інші структурні одиниці лексичної системи, а окремі одиниці і явища в двох зіставляваних мовах; 3) дослідження здійснюється не автономно в кожній мові з подальшим порівнянням, а в напрямку від одиниці однієї мови до її можливих

*Prof. Svitlana Pakhomova, DrSc., ORCID 0000-0002-2872-2879, Prešovská univerzita v Prešove, Ul. 17. novembra 1, 080 01 Prešov, svitlana.pakhomova@unipo.sk, sveta.pakhomova@gmail.com

¹Студія є публікаційним виступом з grantového projektu VEGA 1/0135/24 Onomaziologické a sémaziologické parametre konfrontačného výskumu slovných zásoby slovenského a ukrajinského jazyka.

²Стернин, И.А.: Контрастивная лингвистика. Москва: «Восток-Запад», 2006, с. 16.

відповідників в іншій; 4) метою контрастивного дослідження є не встановлення подібностей та відмінностей мовних підсистем, а виявлення відмінностей у семантиці і функціях одиниць одної мови в порівнянні з її потенційними відповідниками в іншій мові. Головне при цьому – виявлення відмінностей, адже схожості виявляються автоматично.

Актуальність і новизна нашого дослідження зумовлені відсутністю спеціальних монографічних праць, присвячених контрастивному вивченню лексики словацької та української мов. Сучасні компаративні студії здійснюються переважно на базі порівняння української мови з однією зі світових, хоча, як справедливо зазначав О. О. Реформатський,³ саме для зіставного методу споріднені мови становлять особливий інтерес.

На підставі обстеження 80-ти кандидатських дисертацій із зіставного мовознавства, захищених в Україні в ХХІ ст., А. А. Лучик виявила 13 мов, що були об'єктом таких досліджень, однак словацька в цьому переліку відсутня. 70 % українських праць із зіставного мовознавства присвячено українській мові в парі з англійською, 27 % у парі з німецькою, 16 % у парі з російською мовами.⁴ І. М. Шпітько слушно зауважує, що «порівняльне вивчення української мови з іншими індоєвропейськими вирішувало завдання лінгводидактики – навчання іноземним мовам, зокрема германським і романським, тоді як дослідженню споріднених слов'янських мов (власне української з іншими слов'янськими) у лінгвістичній теорії до останнього часу не приділялося належної уваги».⁵

Важливим кроком у напрямі розробки дослідницьких параметрів зіставної слов'янської лексикології є монографія В. М. Манакіна,⁶ в якій осмислено перспективи контрастивного вивчення лексики слов'янських мов. І хоча серед емпіричного матеріалу словацько-українські паралелі майже відсутні, в теоретичному плані ця праця є надзвичайно важливою. Українська лінгвістична славістика вже має на своєму рахунку дві монографії, одна з яких, присвячена контрастивному дослідженню лексики української та російської мов,⁷ друга – української та польської мов.⁸ Активний розвиток українсько-словацьких зіставних студій починається з періоду набуття Словачиною та Україною незалежності, різні аспекти словацької лексики в дзеркалі української мови стали предметом наукового зацікавлення Л. Т. Буднікової, З. І. Гілецької, О. Л. Мадяр, С. М. Пахомової, І. М. Шпітько. Подальше контрастивне дослідження словникового складу словацької та української мов відповідає актуальним завданням сучасної славістики.

Мета нашої роботи полягає в контрастивному дослідженні різнооформлених номінативних одиниць сучасної словацької та української мов. **Об'єктом аналізу** пропонуваної статті є словацько-українські семантично тотожні назви, а **предметом** – відмінності в їх структурі. Основним **методом аналізу** обрано зіставний. **Джерелом фактичного матеріалу** послужив «Словацько-український словник» Петра Бунганича.⁹

³ Реформатський, А. А.: О сопоставительном методе. In: Лингвистика и поэтика. М., 1987, с. 42.

⁴ Лучик, А. А.: Українське зіставне мовознавство: стан і перспективи. In: Мовознавство, 2014, № 6, с. 31-32.

⁵ Шпітько, І.: Українсько-словацькі лексичні (не)паралелі. In: Slovensko-ukrajinské vzťahy v oblasti jazyka, literatúry a kultúry na Slovensku a v stredoeurópskom priestore. 70 rokov prešovskej ukrajinistiky na Slovensku. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2024, s. 166-167.

⁶ Манакин, В. Н.: Сопоставительная лексикология. Київ: Знання, 2004. 326 с.

⁷ Бублейник, Л. В.: Проблемы контрастивной лексикологии: украинский и русский языки. 2-е изд. Луцк: Вежа-Друк, 2015, с. 5.

⁸ Кононенко, І. Українська і польська мова: контрастивне дослідження. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2012. 804 с.

⁹ Bunganič, P.: Slovensko-ukrajinský slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1985.

Контрастивне дослідження словацької та української лексики дозволяє виділити групу одиниць, які у вихідній словацькій мові мають однослівне найменування, а в цільовій українській мові – семантичний еквівалент у вигляді словосполучення. При цьому відсутність прямих однослівних еквівалентів у цільовій мові не завжди сигналізує про ненаявність відповідного денотата. Варто підкреслити, що тут йдеться не про безеквівалентну номінативну одиницю вихідної мови, тобто назву специфічної реалії, розуміння якої зазвичай вимагає пояснення у вигляді словосполучення або наведення ширшого контексту через відсутність у цільовій мові відповідного денотата. У цій групі розглядаємо винятково ті випадки, коли словацька однослівна номінативна одиниця хоча й не має у другій мові відповідника у вигляді слова, вона завжди семантично дорівнює українському словосполученню. Не беремо до уваги спонтанні, вільні, нестійкі поєднання слів, що утворюються лише в окремих мовленнєвих актах і які можуть замінюватися іншими.

Говорячи про відповідність слова і словосполучення в зіставлюваних мовах, ми констатуємо наявність денотата в обох із них, і водночас відмінність у плані вираження: у вихідній (словацькій) мові – однослівна форма, а в цільовій (українській) – складена. Необхідною умовою семантичної тотожності слова словосполученню є, по-перше, повний збіг їх значення в обох мовах, по-друге, усталений характер еквівалентного словосполучення. Традиційно в лексикології основною номінативною одиницею є слово, а складені номінативні нефразеологічні одиниці знаходяться на периферії лексико-семантичної системи і досі не перебувають у фокусі уваги дослідників. Через це щодо них не вироблено навіть загальноприйнятої термінології, тому в мовознавчих працях вживаються різні, подекуди суто авторські терміни на їх позначення. І. М. Шпітько зробила огляд термінології, що стосується назв складених номінативних одиниць: аналітична лексична одиниця, розчленована ономасіологічна одиниця, складене найменування, синлекса, багатослівне найменування,¹⁰ а ще – стійке поєднання, складене слово, усталений вираз, багатокomпонентний термін, аналітичне неідіоматичне сполучення.

Сполучуваність компонентів усталених виразів настільки примхлива, що останні доводиться запам'ятовувати так, як зазвичай запам'ятовують слова.¹¹ Лексичні одиниці усталених словосполучень у мові настільки ущільнені, що їх неможливо відокремити одне від одного, не можна сприймати лексичні одиниці, що входять до їх структури, як самостійні слова і нереально перекласти стійкі словосполучення на іншу мову; навіть якщо це здійснити, отриманий дослівний переклад призводить до абсурдних виразів. Стійкі словосполучення є продуктом колективної свідомості, вони зберігають не лише індивідуальний досвід мовця, але й колективний досвід мовного колективу, завдяки чому зміст, усно виражений носіями цієї мови, відображається у пам'яті народу. Мовленнєва діяльність людини є джерелом стійких зв'язків лексичних одиниць, вивчення яких дозволяє глибоко простежити етапи розвитку народної думки і національної культури.¹² Цю думку можна продемонструвати на прикладі усталених виразів з обох порівнюваних мов, наприклад, дитяча гра з українською назвою *зіпсований телефон* ні про що не скаже словакові, якщо

¹⁰ Шпітько, І. М.: До питання про словацькі синтетичні найменування як еквіваленти українських складених номінативних одиниць. In: *Studia Slovakistica*. Вип. 16: Словацька мова і література в дзеркалі перекладу. Ужгород: вид-во Олександри Гаркуші, 2016, с. 190.

¹¹ Гак, В. Г.: Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). Москва: Международные отношения, 1977, с. 207.

¹² Маммадова, А. А.: Устойчивые соединения в разносистемных языках и их когнитивно-языковые особенности. In: *Path of Science*, 2023, 9(5), с. 1032.

її перекласти дослівно як *pokazený telefón*, так само дослівний переклад українською мовою виразу *tichá pošta* (тиха пошта) мало про що скаже носію української мови; однак обидва вирази є семантично ідентичними назвами тої самої дитячої гри. Танець, де жінки запрошують кавалерів, називається словацькою мовою *dámska volenka* (досл. *дамський вибір*) – українською – *білий танець* (досл. *biely tanec*).

1. Типи українських словосполучень, тотожних словацькому слову

На базі аналізу особливостей українських словосполучень, що відповідають словацькому слову, можна виділити такі дві їх групи: фразеологічні і нефразеологічні. На думку В. Г. Гака, фразеологічні одиниці відрізняються від нефразеологічних словосполучень сукупністю трьох ознак: структурної (складаються з двох слів і більше), семантичної (вони ідіоматичні, тобто характеризуються переосмисленням компонентів) і функціональної (вони узуальні, стійкі).¹³

1.1 Фразеологічні усталені вирази, тотожні словацькому слову, становлять невелику за обсягом групу: *všumelec* – *майстер на всі руки*, *krvopotne* – *у поті чола*, *namýšľat' si* – *бути надто високої думки про себе*, *nesvoj* – *сам не свій*, *potykať si* – *перейти на ти*, *romútiť* – *збити з пантелику*, *vyfackať* – *дати ляпаса*, *vyhladovať* – *заморити голодом*, *zacsíčiť sa* – *набити руку*, *ryskatý* – *гострий на язик*, *silou-mocou* – *за всяку ціну*, *podtajomník* – *міністр без портфеля*, *krotiť sa* – *тримати себе в руках*.

1.2 Група нефразеологічних усталених виразів, тотожних слову вихідної мови, представлена більшою кількістю прикладів. Серед них можна виділити усталені вирази та складені терміни:

1.2.1 Усталені вирази: *dojčiť* – *годувати грудьми*, *narodeniny* – *день народження*, *letenka* – *квиток на літак*, *podsvetie* – *злочинний світ*, *prinajlepšom* – *у кращому разі*, *prípadne* – *у разі потреби*, *ponorka* – *підводний човен*, *popredie* – *передній план*, *prskavka* – *бенгальський вогонь*, *ročenka* – *річний звіт*, *rozhrčenie* – *відпущення гріхів*, *růž* – *губна помада*, *rychlík* – *швидкий поїзд*, *prízemie* – *перший поверх*, *sesternica* – *двоюрідна сестра*, *bratranec* – *двоюрідний брат*, *slnečník* – *парасолька від сонця*, *sneholam* – *снігозатримувальні щити*, *stavivo* – *будівельний матеріал*, *súkromie* – *приватне життя*, *taktovka* – *диригентська паличка*, *tepláky* – *спортивні штани*, *tombola* – *речова лотерея*, *tuzemsko* – *наша країна*, *učivo* – *навчальний матеріал*, *viníč* – *виноградна лоза*, *vlaňajšok* – *минулий рік*, *vlní* – *минулого року*, *vlnovka* – *хвиляста лінія*, *votrelec* – *незваний гість*, *vreckovka* – *носова хусточка*, *puberta* – *перехідний вік*, *radostník* – *весільний тиріс*, *ražovica* – *хлібна горілка*, *vozidlo* – *транспортний засіб*, *žeriav* – *підйомний кран*, *vstupenka* – *вхідний квиток*, *zadobre* – *у добрих стосунках*, *záhrobie* – *загробне життя, на тому світі*, *záchranka* – *швидка допомога*, *zbytočnosť* – *зайва річ*;

1.2.2 Складені терміни:

chorobopis – *історія хвороби*, *nakrúcat'* – *знімати фільм*, *násobilka* – *таблиця множення*, *neurčitok* – *неозначена форма дієслова*, *maloobchod* – *роздрібна торгівля*, *meradlo* – *вимірювальний прилад*, *nerovnováha* – *порушення рівноваги*, *obojživelník* – *земноводна тварина*, *prehánka* – *короточасний дощ*, *premlčanie* – *закінчення строку давності*, *prestrel* – *наскрізна рана*, *prípoj* – *пряме сполучення*, *prohibícia* – *заборона продажу алкогольних напоїв*, *protižaloba* – *зустрічний позов*, *skrat* – *коротке замикання*, *suspendovať* – *тимчасово звільнити з посади*, *súvetie* – *складне речення*, *ťažisko* – *центр ваги*, *učivo* – *навчальний матеріал*, *ušnica* – *вушина раковина*, *veľkovýroba* – *масове виробництво*, *vodotlač* – *водяний*

¹³ Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков), с. d., с. 205.

знак, vojenčina – військова служба, výbušnina – вибухова речовина, výkřičník – знак оклику, výtvarnictvo – образотворче мистецтво, zatykač – ордер на арешт, zbrojárstvo – воєнна промисловість, zdravotníctvo – охорона здоров'я, zeměguľa – земна куля, živnost – дрібне підприємство.

Відзначаються зворотні випадки, коли словацькому словосполученню в українській мові відповідає одне слово: hlavičkový papier – *бланк*, jedálny lístok – *меню*, obložený chle-bík – *бутерброд*, služobná (pracovná) cesta – *відрядження*, Velká noc – *Великдень*, vianočný stromček – *ялинка*, vriaca voda – *окріп*, výberové konanie – *конкурс*, výkladná skriňa – *вітрина*.

В обох порівнюваних мовах тотожне значення може бути виражене усталеними сло-восполученнями, наприклад, часові проміжки найбільшого навантаження на транспортну систему міста мають назву *dopravná špička* – *час пік*, *nadmorská výška* – *висота над рівнем моря*, *nadpolovičná väčšina* – *абсолютна більшість*, *prezenčná listina* – *список присутніх*, *trvalé bydliisko* – *постійне місце проживання*. Трапляються випадки, коли усталений вислів може мати синоніми-словосполучення як у вихідній, так і в цільовій мові: *dom smútku*, *dom nádeje* – *дім скорботи*, *zál* для прощання, *rituálny* дім/зал, *budynok smutku*.

2. Тематичні групи. Корелятивні пари з різним оформленням номінативних одиниць (слово – словосполучення) найчастіше відзначаються у різних тематичних групах лекси-ки, розглянемо найпоказовіші з них.

2.1 Назви осіб: *matrikár* – *працівник загсу*, *maturant* – *випускник середньої школи*, *pod-predseda* – *заступник голови*, *namyslenec* – *зарозуміла людина*, *osvojiteľ* – *названий батько*, *poplatník* – *платник податків*, *pračlovek* – *первісна людина*, *primár* – *головний лікар*, *spoluvrah* – *співучасник убивства*, *štátnik* – *державний діяч*, *votrelec* – *незваний гість*, *vydede-nec* – *позбавлений спадщини*, *záujemca* – *зацікавлена особа*.

2.2 Назви спорідненості та свояцтва: *súrodenec* – *брат*, *sestra*, *sesternica* – *двоюрід-на сестра*, *bratanec* – *двоюрідний брат*, *strýko* – *батьків брат*, *stryná* – *тітка по бать-ківській лінії*, *újo* – *брат матері*, *újčína* – *тітка по материнській лінії*, *švagor* – *чоловік сестри або брат дружини*

2.3 Назви дій на зміну положення у просторі: *kľáčať* – *стояти на колінах*, *pokľaknúť* – *стати на коліна*, *rozkročiť sa* – *розставити ноги*, *roznožka* – *ноги нарізно*, *rozpažiť* – *руки в сторони*, *predpažiť* – *руки перед собою*, *vzpažiť* – *руки вгору*, *upažiť* – *руки вниз*.

2.4 Назви пальців: *ukazováč* – *вказівний палець*, *prostredník* – *середній палець*, *prstenník* – *безіменний палець*.

2.5 Лексика з кулінарної сфери: *orechovník* – *горіховий пиріг*, *pralinka* – *шоколадна цу-керка з начинкою*, *radostník* – *весільний пиріг*, *ražovica* – *хлібна горілка*, *roštenka* – *тушко-вана яловичина*, *salónka* – *цукерка на ялинку*, *sekaná* – *котлети з дрібнопосіченого м'яса*, *strapačku* – *галушки з тертої картоплі і борошна*, *sviečková* – *філейна вирізка з яловичини*, *syrovník* – *сирний пиріг*, *šľahačka* – *збиті вершки*, *údenáč* – *копчений оселедець*, *zabíjačka* – *колоття/забій свині*, *prigožňanná* з нагоди колоття свині, *zápražka* – *мучна заправка*, *hranolčeky* – *картопля фри*.

2.6 Назви приміщень: *úschovňa* – *камера схову*, *zborovňa* – *учительська*, *polepšovňa* – *виправна установа*, *vyšetřovňa* – *кабінет лікаря*, *zberňa* – *заготівельний пункт*, *praco-visko* – *місце роботи*, *rodisko* – *місце народження*, *popravisko* – *місце страти*, *starobinec* – *притулок для старих людей*, *nevestinec* – *дім розпусти*, *pôrodnica* – *пологовий будинок*, *prízemie* – *перший поверх*, *zasadačka* – *зал засідань*, *ordinácia* – *кабінет лікаря*, *čakáreň* – *зала очікування*, *zmenáreň* – *пункт обміну валют*, *hľadisko* – *глядацький зал*, *odpočívareň* – *кімната для відпочинку*, *slobodáreň* – *гуртожиток для неодружених*.

2.7 Назви магазинів: *hračkárstvo* – *магазин іграшок*, *mäsiarstvo* – *м'ясний магазин*, *kvetinárstvo* – *магазин квітів*, *zlatníctvo*, *klenotníctvo* – *ювелірний магазин*, *hodinárstvo* – *магазин годинників*, *papierníctvo* – *канцелярські товари*.

2.8 Назви фабрик, заводів, цехів та інших місць виробництва мають у словацькій мові однослівну форму і системно утворюються переважно формантами *-áreň/-iareň*, наприклад, *oceliareň* – *сталеплавильний завод*, *ocťareň* – *оцтовий завод*, *betonáreň* – *бетонний завод*, *cementáreň* – *цементний завод*, *leštiareň* – *полірувальний цех*, *mäsiareň* – *м'ясний цех*, *mostáreň* – *мостобудівний завод*, *mraziareň* – *морозильна камера*, *mydláreň* – *миловарний завод*, *opraváreň* – *ремонтна майстерня*, *papiareň* – *паперова фабрика*, *parketáreň* – *паркетна фабрика*, *pracháreň* – *пороховий завод*, *skláreň* – *склоплавильний завод*, *skrutkáreň* – *завод з виробництва болтів та шрунів*, *sódovkáreň* – *содовий завод*, *strojáreň* – *машинобудівний завод*, *škrobáreň* – *крохмальний завод*, *tabačiareň* – *тютюнова фабрика*, *železiareň* – *металургійний комбінат*. Однак, можна відзначити й однослівні українські назви наведеної групи: *броварня* – *pivovar*, *миловарня* – *mydláreň*, *цегельня* – *tehelná*, *цукроварня* – *cukrovar*, *цукрання* – *cukráreň*. При утворенні загальних назв магазинів у словацькій мові використовується суфікс *-stv(o)/-ctv(o)*, наприклад,; суфікс *-ň(a)*; суфікс *-sk(o)*; суфікс *-íneč*: та інші словотвірні форманти..

2.9 Назви мов: *slovenčina* – *словацька мова*, *ukrajínčina* – *українська мова*, *materinčina*, *materčina* – *рідна мова*, *staroslovienčina* – *старослов'янська мова*, *praslovánčina* – *праслов'янська мова*, *latinčina* – *латинська мова*.

І. М. Шпітько, крім цього, виділяє ще такі групи: назви одягу, предметів побуту, меблів, спеціальностей, квитків, талонів, спеціальностей, матеріалів, спортивні терміни,¹⁴ однак вони підтверджуються відносно невеликою кількістю прикладів.

3. Словотвірні особливості словацьких номінативних одиниць, рівнозначних українським складеним назвам.

Розмірковуючи над причинами усталення різних форм номінативних одиниць для однакових денотатів, наведемо спостереження, яке зробив Й. А. Стернін на підставі контрастивного дослідження лексики німецької та російської мови і з яким ми повністю погоджуємося. Відмінності в структурно-мовному оформленні одиниць (в одній мові слово, в іншій – словосполучення) не можуть бути перешкодою для семантико-функціональної еквівалентності порівнюваних одиниць, тим більше що відмінності у формі номінативних одиниць часто зумовлені національними особливостями мовних систем у цілому, діючими у них тенденціями, а не будь-якими чинниками, пов'язаними з тією чи іншою конкретною номінацією. У різних мовах внаслідок особливостей систем цих мов можуть діяти усталені національні номінативні тенденції, що призводять до регулярних невідповідностей одиниць двох мов щодо формальної структури деяких типів їх одиниць.¹⁵

Наведене зауваження виразно підтверджується також при зіставленні лексики словацької та української мови. Різноморфність порівнюваних еквівалентів пояснюється регулярними обмеженнями словотвірного характеру і виявляється в таких групах номінативних одиниць.

1. *Слова-композиції*. Поняття, що в словацькій мові виражаються *складними словами*, що є результатом семантичної компресії синтаксичних одиниць, українською мовою позначаються переважно словосполученнями: *niekoľkodielný* – *що складається з кількох*

¹⁴ Шпітько І. М.: До питання про словацькі синтетичні найменування як еквіваленти українських складених номінативних одиниць, с. d., с. 193.

¹⁵ Стернін, І.А.: Контрастивная лингвистика, с. d., с. 25.

частин, у кількох частинах, polcesta – половина дороги, pozoruhodný – вартий уваги, rodostrom – родовідне дерево, slávobrána – триумфальна арка, spakrucky – тильною стороною руки, vetrolam – лісозахисна смуга, sneholam – снігозатримувальні щити, vinobranie – збір винограду, všelikde – у різних місцях, vrchstola – на чолі стола, zlozvyk – погана звичка, rovnomerne – в одному напрямку, spoluvlastnictvo – спільна власність, spoluvrah – співучасник убивства, stredoškola – учень середньої школи, telocvična – спортивний зал, veľkokvetý – з великими квітами, veľkolistý – з великим листям, veľkoobchod – гуртовий продаж, maloobchod – роздрібна торгівля, dvojdetný (про сім'ю) – з двома дітьми, dvojchý (про посуд) – з двома ручками, dvojgeneračný – призначений для двох поколінь, stredovek – середні віки, stredoškola – учень середньої школи, Stredoslovák – уроженець Центральної Словаччини, stredtýždeň – середина тижня, autor-skoprávny – захищений авторським правом.

- 2) Частина словацьких зворотніх дієслів перекладаються українською мовою словосполученнями: *máľiť sa* – здаватися малим, *podobat' sa* – бути схожим, *tešiť sa* – з нетерпінням чекати, *zaslúžiť sa* – мати заслуги, *vybrežít sa* – вийти з берегів, *vykoľajit' sa* – зійти з рейок, *vyloďit' sa* – висадитися з човна.
- 3) Значну групу складають словацькі дієслова з суфіксом *-ovať*, що в українській мові мають семантичні еквіваленти-словосполучення: *bicyklovať sa* – кататися/їздити на велосипеді, *sánkovať sa* – кататися на санях, *korčuľovať sa* – кататися на ковзанах, *lyžovať sa* – кататися на лижах, *losovať* – кидати жереб, *slabikovať* – читати по складах, *memorovať* – вчити напам'ять, *nalod'ovať sa* – сідати на пароплав, *dovolenkovať* – проводити відпустку, *prázdninovať* – проводити канікули, *priklinčovať* – прибити зірками, *profitovať* – мати користь, *rokováť* – вести переговори, *sprchovať sa* – приймаючи душ, *rozpolťovať* – розділяти навіл, *tapetovať* – обклеювати шпалерами, *uprednostňovať* – віддавати перевагу, *vygumovať* – стерти гумкою, *vykefovať* – почистити щіткою.
- 4) Деякі словацькі дієслова мають українські семантичні еквіваленти у вигляді словосполучень з допоміжним дієсловом, наприклад: *pramenit'* – брати свій початок, *rozplakat'* – довести до сліз, *všedniť* – ставати буденним, *vystať* – бути здатним, *zajímat'* – брати у полон.
- 5) У словацькій мові при утворенні однослівних назв мов регулярно вживаються суфікси *-čina*, *-čtina*, *-ština*, тоді як в українській мові їх семантичні еквіваленти представлені словосполученнями моделі *прикметник + іменник*: *španielčina* – іспанська мова, *nemčina* – німецька мова, *taliančina* – італійська мова, *maďarčina* – угорська мова, *nórčina* – норвезька мова, *chorvátčina* – хорватська мова, *angličtina* – англійська мова, *čeština* – чеська мова, *čínština* – китайська мова, *francúzština* – французька мова, *poľština* – польська мова тощо.
- 6) Словотвірний тип назв приміщень у словацькій мові утворюється переважно за допомогою суфіксів *-áreň/-areň*, *-stvo/-ctvo*, *-ň(a)* та ін., які вказують на місце, у тому числі назви фабрик, заводів, цехів, магазинів тощо, в українській мові вони звичайно мають відповідники у вигляді словосполучень: *cementáreň* – цементний завод, *mäsiareň* – м'ясний цех, *hračkárstvo* – магазин іграшок, *mäsiarstvo* – м'ясний магазин, *klenotníctvo* – ювелірний магазин, *úschovňa* – камера схову, *zborovňa* – учительська.
- 7) Лексика, пов'язана з фінансами, яка в словацькій мові оформлена переважно субстантивованим прикметником, в українській мові має семантичний еквівалент у вигляді словосполучення: *nálezne* – винагорода за знахідку, *nocľazne* – плата за нічліг, *poštovné* – поштові витрати, *vstupné* – плата за вхід, *vreckové* – кишенькові гроші.

- 8) Слова з *префіксом nad-* вирізняються у словацькій мові високою продуктивністю, їм притаманне словотвірне значення 'перевищення певного рівня, міри', тоді як український префікс *над-* з тотожним значенням не належить до продуктивних, і це є причиною наявності українських еквівалентів у формі словосполучень: *nadčas* – *по-наднормова робота*, *nadhodnota* – *додаткова вартість*, *nadplán* – *перевиконання плану*, *nadpráca* – *додаткова праця*, *nadporučík* – *старший лейтенант*, *nadpriemerný* – *вище середнього*, *nadvýrobok* – *додатковий продукт*.
- 9) Частина словацьких дієслів з *префіксом pod-* також мають українські еквіваленти у формі словосполучень: *podchod* – *підземний перехід*, *podchvíľou* – *час від часу*, *podjeseň* – *кінець літа*, *podľahnúť* – *зазнати поразки*, *podplácať* – *давати хабар*, *podporučík* – *молодший лейтенант*, *podpredseda* – *заступник голови*.
- 10) Серед словацьких слів з *префіксом pred-* можна знайти українські відповідники у формі словосполучень: *predpoludnie* – *дообідний час*, *predpredaj* – *попередній продаж*.
- 11) Заперечна частка *ne-* (укр. *не-*) відзначається вищою продуктивністю в словацькій мові; частина слів, до морфемної структури яких вона входить, перекладається українською мовою словосполученням, наприклад: *nedočkavec* – *нетерпляча людина*, *negovnováha* – *порушення рівноваги*, *nezúčastnený* – *що не бере участі*, *nezvestný* – *зниклий безвісти*.

Висновок

Семантично еквівалентні номінативні одиниці з невідповідністю вираження зовнішньої форми перебувають у периферійній зоні зіставлюваних лексико-семантичних систем словацької та української мови, однак вони представляють інтерес для контрастивної лексикології. Різноморфні номінативні одиниці найчастіше фіксуються серед найменувань осіб, спорідненості і своєцтва, мов, різного роду приміщень, назв дій на зміну положення у просторі, лексики з кулінарної сфери та ін. Українські відповідники, тотожні словацьким однослівним назвам, виражені фразеологічними та нефразеологічними устаєними виразами, часто вони належать до певних терміносистем. Відповідність слова вихідної мови словосполученню в цільовій може бути викликано двома причинами: 1) це узус, мовна традиція, 2) особливостями словотвірної системи. Спостереження за наведеними корелятивними парами свідчить, що словотвірна система української не завжди дозволяє виразити певне поняття однослівно, для цього в українській мові не вироблено деривативних механізмів, внаслідок чого відповідна назва формулюється у вигляді словосполучення.

Odlišné štruktúrované nominatívne jednotky v kontexte slovensko-ukrajinskej konfrontačnej lexicológie

Svitlana Pachomovová

Relevantnosť a novosť našej štúdie je daná nedostatkom špeciálnych monografických prác venovaných konfrontačnému výskumu slovnej zásoby slovenského a ukrajinského jazyka. Súčasné komparatívne štúdie sa vykonávajú prevažne na základe porovnávania konkrétneho slovanského jazyka s jedným zo svetových jazykov. Konfrontačný výskum slovenského a ukrajinského lexikónu nám umožňuje identifikovať skupinu nominatívnych jednotiek, ktoré majú v slovenčine jednoslovný názov a v ukrajinčine – sémantický ekvivalent vo forme ustálenej syntagmy, pričom konštatujeme prítomnosť denotátu v oboch jazykoch a zároveň rozdiel vo výrazových podmienkach. Príspevok predstavuje tematické skupiny, v ktorých sa najčastejšie zaznamenávajú vyššie uvedené korelačné páry. Medzi dôvody uvedeného formálneho rozporu patria osobitosti slovotvorných mechanizmov porovnávaných jazykov, ktoré sú demonštrované na príklade špecifických spôsobov slovotvorby a rozdielnej produktivity jednotlivých afixov.

ГАЛИНА КУЗЬ*

Мовна гра у біблійній фразеології української та словацької мов¹

KUZ H.: Language Play in the Biblical Phraseology of Ukrainian and Slovak. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 215-226 (Bratislava).

Phraseology reflects the historical, cultural, and religious development of a people, with biblical idioms (*biblicisms*) forming a distinct group that includes direct quotations, allusions, and pseudo-biblicisms. This article examines Ukrainian–Slovak parallels in biblical phraseology, focusing on language play as a means of shaping both direct and indirect biblicisms. Using specialized dictionaries, the study applies descriptive, comparative, and componential analysis to trace mechanisms of semantic and stylistic transformation, such as metaphor, antonymy, phonetic play, and onomastic wordplay. Particular attention is given to indirect biblicisms, which reveal national variations on biblical themes and creative adaptations of sacred texts. The findings show that while both languages share common biblical sources, their phraseological repertoires differ in form, semantics, and stylistic coloring, reflecting distinct cultural perceptions and highlighting the role of linguistic play in the functioning of biblicisms.

Biblical phraseology, paremiological biblisms, direct and indirect biblisms, language play, Ukrainian–Slovak contrastive studies.

Фразеологія як глибоко національне явище формувалося протягом багатовікового розвитку української мови. У ній відобразилися умови життя народу, його соціально-економічний, політичний і культурний розвиток, історія та релігія. Українську національну специфіку відображують також і фразеологізми, пов'язані з Біблією, які прийнято називати терміном *бібліїзм* (*біблеїзм*). У сучасному мовознавстві поняття 'бібліїзм' трактується доволі широко: як „універсальну конотативну одиницю мови з певним символічним значенням, сформованим за контекстом Біблії чи біблійним сюжетом“, ² пов'язані з текстом Святого Письма безпосередньо через словесну форму чи асоціативно (через образ або сюжет), до бібліїзмів зараховують такі структурні різновиди: **лексичні** (*Авель, Вавилон, Ірод, Каїн* та ін.); **фразеологізовані** (*вавилонський потоп, Давид і Голіаф, єгипетські кари* та ін.); **пареміологічні** бібліїзми (*віддати кесареві кесарево, а Боже Богові; не сотвори собі кумира* та ін.). ³

* Doc. Halyna Kuz, CSc, <https://orcid.org/0000-0003-0075-4657>, Інститут україністики, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita, Ul. 17. novembra 1, 08001 Prešov, halyna.kuz@unipo.sk

¹ Роботу виконано в рамках наукових проєктів VEGA č.1/0135/24 Onomaziologické a sémaziologické parametre konfrontačného výskumu slovnej zásoby slovenského a ukrajinského jazyka; VEGA 1/0368/24 Medzijazykové frazeologické paralely v západoslovanskom a východoslovanskom kontexte.

² Решетняк, О.: Парадигма біблійних символів з онімним компонентом в українській лінгвокультурі : дис. канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2015, с. 41.

³ Решетняк, О.: Парадигма біблійних символів з онімним компонентом в українській лінгвокультурі, с.д., с. 42.

З-поміж фразеологічних бібліїзмів виокремлюють **цитатні** (напр., *Будьте мудрі, як змії, і кроткі, як голуби* (СБС, с. 196)⁴; слов. *nič nové pod slnkom* (ЛБМ, с. 56)), **імпліцитні** (напр., *відректися, як Петро від Христа* (СБ); *перетворення Савла в (на) Павла* (СБС, с. 171; ФБП, с. 47); слов. *zo Šavla sa stal Pavol 'náhle úplne zmenil názory, povahu, celkom sa zmenil'* (MFS, s. 165)) та **псевдобіблійні** (експліцитні) одиниці.⁵ Останні не мають прямого зв'язку з Біблією і спираються на біблійні сюжети тільки завдяки наявності в компонентному складі компонента, який прямо чи асоціативно пов'язаний із Біблією (наприклад, укр. *посилати від Понтія до Пілата* (СБС, с. 219; ФБП, с. 49); слов. *dostať sa niekde ako Pilát do kréda* (MFS, s. 105)). В. Мокієнко та Х. Вальтер для різних з погляду безпосереднього чи опосередкованого зв'язку з Біблією фразеологізмів використовують терміни **прямі та непрямі бібліїзми**,⁶ а українська лінгвістка перекладознавиця О. Дзера, авторка монографії „Біблійна інтертекстуальність і переклад: англо-український контекст“ (2017), називає їх **прецедентні та непрецедентні бібліїзми** і важливим критерієм їхнього розмежування вважає „уточнення вторинних контекстів, у яких можуть вживатися біблійні висловлювання“.⁷ Крім прямих і непрямих бібліїзмів, Р. Зорівчак слідом за Є. Верещагіним виокремлює групу сталих висловів, що давно сприймаються як просторічні, проте мають приховану біблійну мотивацію (напр., *вивести на чисту воду* (ФБП, с. 15); *Хто копає яму, сам у неї упаде* (СБС, с. 118)).⁸

Словацька дослідниця біблійної фразеології А. Матолякова пропонує чотиричленну класифікацію фразеологізмів, які тим чи іншим способом пов'язані із біблійним наративом: а) **псевдобіблійні або хибні біблійні ідіоми** (напр., *byť ticho ako v kostole; Petrov/ Kristov námestník*); б) **ідіоми, інспіровані Біблією**, які позначають різні фразеологічні форми, явно мотивовані Біблією, хоча вони не зустрічаються в ній як прямі цитати (напр., *sladký ako nebeská manna; Nerob druhým to, čo nechceš, aby robili tebe*) в) справжні **біблійні ідіоми**, які походять безпосередньо з біблійних текстів (напр., *alfa a omega; vlk v ovčom rúchu*); г) загальні **релігійно-філософські ідіоми**, які не походять безпосередньо з Біблії, а зазнають впливу текстів інших релігій, наприклад, ісламу, буддизму (напр., *svätá vojna; byť mekkou (niečoho)*).⁹

Біблія як елемент культури різномовних спільнот по-різному віддзеркалена у фразеології конкретних мов. При спільності джерела бібліїзмів у мовах, які перебувають під впливом християнської культури, в них виявляються великі відмінності як у кількості, так і в якісному складі цих одиниць; по-різному біблійні образи, втілені у сталих висловах, засвоювалися народною культурою. Саме група непрямих бібліїзмів (непрецедентних, або псевдобіблійзмів), на думку В. Хлебди, відображає „національні варіації на біблійну тему“: саме в них чітко проявляється голос народу, який творить власні варіації на біблійні теми, а тому мусить бути долучена до корпусу бібліїзмів з огляду на їхню пізнавальну, культурну цінність.¹⁰ Об'єктом нашого дослідження є фразеологічні бібліїзми різних типів

⁴ Паспортизацію фразеологізмів з огляду на економію текстової площі подаємо з покликанням на список джерел.

⁵ Івченко, А.: Библия и верхнелужицкая фразеология. В: Frazeologia a religia. Opole: PRO, 1996, с. 123.

⁶ Walter, H. – Mokienko, V. M.: Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen: mit historisch-etymologischen Kommentaren. Wydawatel: Univ., Philos. Fak., 2009, s. 11.

⁷ Дзера, О.: Біблійна інтертекстуальність і переклад: англо-український контекст: монографія. Львів : ЛНУ імені Івана Франка, 2017, с. 140.

⁸ Зорівчак, Р.: Боліти болем слова нашого... Львів: Вид-во ЛНУ ім. І. Франка, 2005, с. 134.

⁹ Matofáková, A.: Prekladová realizácia frazeologických jednotiek v biblických translatoch 1. – morfologicko-syntaktické posuny. In: Jazyk a kultura, 2013, roč. 15.

¹⁰ Chlebda, W.: Szkice o skrzydlatych slowach. Interpretacje lingwistyczne. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005, s. 213; Chlebda, W.: Библия в языке – язык в Библии. In: Chlebda, W. - Kochman, S. (red.): Problemy frazeologii a religia. Opole: Wydawnictwo PRO, 1996, s. 143.

– прямі і непрямі, предметом вивчення стануть різні прийоми і способи мовної гри, внаслідок якої такі фразеологізми виникали та увійшли в мовну практику.

Мета цього дослідження – проаналізувати українсько-словацькі паралелі в системі біблійних фразеологізмів, образну основу яких формує мовна гра. Українська біблійна фраземіка дібрана із наявних на сьогодні спеціальних словників: *Спочатку було слово: Крилаті вислови біблійного походження в українській мові* А. Коваль (2001); *Слово Благовісті: словник-довідник фразем біблійного походження* Ж. Колоїз та З. Бакум (2002), *Фразеологізми біблійного походження: короткий словник-довідник* Л. Будівської і З. Сікорської (2007) та загальномовних фразеологічних і пареміологічних словників: *Словник фразеологізмів української мови* (укл. В. Білоноженко та ін., 2003), *Українські приказки, прислів'я, і таке інше* М. Номиса (1993). Словацька біблійна фразеологія та пареміологія дібрана зі словників О. Смішкової *Malý frazeologický slovník* (1974), А. Зату-рецького *Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia* (2005), праць сучасних словацьких фразеологів (А. Матолякової, Д. Балакової, В. Ковачової та ін.) та деяких інших лексикографічних джерел (див. Список джерел). Джерелом БФ обох мов також став також словник *Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках*, який включає 135 найживіших біблійних фразеологізмів російської мови та їх відповідників наведеними в назві мовами (укл. Д. Балакова та ін., 2014). Об'єктом дослідження є фразеологізовані та пареміологічні біблізми, а предметом – семантика, внутрішня форма, стилістичні особливості фразеологізмів-біблізмів, що склалися як результат мовної гри, у зіставному українсько-словацькому аспекті.

У роботі використовуємо описовий метод для систематизації та інтерпретації зафіксованого матеріалу, порівняльно-зіставний – для виокремлення особливостей української та словацької біблійної фразеології та відмінностей народної культури українців та словаків, які відображено у фразеологічному багатстві їхніх мов. Компонентний аналіз використано для відтворення лексичного значення складників фразем.

Дослідження біблійної фразеології здійснено в численних працях українських та зарубіжних дослідників, зокрема А. Коваль,¹¹ В. Мокієнка,¹² В. Хлебди¹³ та ін. Специфіку формування національних біблійних концептосфер української та англійської мов в перекладознавчому розрізі глибоко проаналізувала О. Дзера в монографії *Біблійна інтертекстуальність і переклад: англо-український контекст*.¹⁴ Привертають увагу дослідження проф. Н. Венжинович, яка є одним із укладачів зіставного шестимовного словника *Лепта библейской мудрости* (2014) і наукових розвідок на базі представленого у словнику фразеологічного матеріалу.¹⁵ Зіставні дослідження українсько-словацьких

¹¹ Коваль, А.: *Спочатку було Слово: Крилаті вислови біблійного походження в українській мові*. Київ: Либідь, 2001.

¹² Мокієнко, В.М.: *Фразеологія і мовна гра: динаміка форми і змісту*. В: *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*, 2012, т. 25, № 2, с. 100-109; Мокієнко, В.М.: *Библеизмы в европейской фразеологии и паремииологии*. In: Федорова, Л. (ред.): *Славянская фразеология и Библия*, Greifswald – Sankt Petersburg – Ružomberok, 2013, с. 144-153; Walter, H. – Mokienko, V.M.: *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen: mit historisch-etymologischen Kommentaren*, c.d.

¹³ Chlebd, W.: *Szkice o skrzydlatych slowach. Interpretacje lingwistyczne*, c.d.; Chlebd, W.: *Библия в языке – язык в Библии*, c.d.; Chlebd, W.: *Losy frazemów biblijnych w języku polskim i rosyjskim*. In: *Musica Antiqua Europae Orientalis VIII*, vol. 2, Bydgoszcz, 1988, s.345-360.

¹⁴ Дзера, О.: *Біблійна інтертекстуальність і переклад : англо-український контекст: монографія*, c.d.

¹⁵ Венжинович, Н.: *Українська біблійна фразеологія на тлі інших слов'янських і неслов'янських мов (на матеріалі словника „Лепта библейской мудрости“ вісімнадцятьма мовами)*. В: *Науковий вісник Чернівецького університету. Романо-слов'янський дискурс*, 2019, Вип. 812, с. 24-29.

паралелей у розрізі біблійної фразеології представлені нашим дослідженням біблійних фразеологізмів із антропонічним компонентом української та словацької мов.¹⁶ Однак контрастивний напрям вивчення біблійної фразеології має ще чимало білих плям і є недостатньо дослідженим в порівняльному контексті слов'янських, зокрема української та словацької мов. Зауважимо, що проблема еквівалентності фразеологізмів у різних мовах постійно привертає увагу мовознавців, насамперед тих, які працюють над укладанням двомовних чи багатомовних словників.

Потребує уваги і дослідження біблійної фразеології з погляду її формування та функціонування на базі різних способів мовної гри: на загальнослов'янському матеріалі цю проблему досліджувала І. Кузнецова,¹⁷ нові способи мовної гри з біблійними фразеологізмами у творах письменників-модерністів та постмодерністів розглянули Марія та Мар'ян Скаби.¹⁸ Важливою в контексті вибраного напрямку дослідження є низка розвідок української науковиці Н. Піддубної.¹⁹ Зокрема, у статті *Мовна гра в системі бібліїзмів* вона підсумовує, що „проблема мовна гра VS бібліїзми має двонаправлений характер: з одного боку, бібліїзми, зокрема біблійні фразеологізми й біблійні антропоніми, є засобом МГ (гра смислами, каламбур), з другого – мовна гра є засобом поповнення бібліїзмів новими, щоправда такими, що належать до дальньої периферії”.²⁰ Власне, цей другий з наведених Н. Піддубною підходів є предметом нашого зацікавлення. Варто відзначити, що у словацькій фразеологічній науці на позначення трансформованих, в тому числі й засобами мовної гри, фразеологізмів використовують термін *frazeologická aktualizácia*.²¹ Це дозволяє розрізняти наслідки використання прийомів мовної гри на мовному (фразеологізми) та мовленнєвому (актуалізовані одиниці) рівнях.

Словацька біблійна фразеологія досліджена в наукових розвідках Д. Балакової,²² Л. В'єрікової,²³ В. Ковачової,²⁴ А. Матолякової,²⁵ у зіставному словацько-сербському аспек-

¹⁶ Кузь, Г.: Біблійна фразеологія з антропонічними компонентами (українсько-словацькі паралелі). In: Arkhanhelska A. a in. (eds.): *Ucrainica X. Současná ukrainistika. Problémy jazyka, literatury a kultury: Sborník vědeckých článků z mezinárodní konference «X Olomoucké sympozium ukrajinistů střední a východní Evropy»*, Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2020, s. 81-85.

¹⁷ Кузнецова, И.: Библийская фразеология и языковая игра. В: Сибирский филологический журнал, 2013, № 2, с. 212-219; Кузнецова, И.: Языковая игра в библейской фразеологии разных языков. In: *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Сер.: „Гуманитарные науки, социальные науки и юриспруденция”, 2014, vol. 59, Num. 2, с. 337-351.

¹⁸ Скаб, М. – Скаб, М.: Біблійні фразеологізми як об'єкт мовної гри в сучасній українській літературі. В: Учені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Науковий журнал. Серія «Філологія. Соціальні комунікації», 2012, Т. 25 (64), № 2 (1), с. 232-237.

¹⁹ Піддубна, Н.: Інтерпретація внутрішньої форми біблійних фразеологізмів — актуальна проблема теолінгвістики. In: Лінгвістичні дослідження, 2020, Вип. 53, с. 28-40; Піддубна, Н.: Мовна гра в системі бібліїзмів. В: Науковий вісник Чернівецького університету, 2019, Вип. 812, с. 45-52.

²⁰ Піддубна, Н.: Мовна гра в системі бібліїзмів, c.d., с. 50.

²¹ <https://beliana.sav.sk/heslo/frazeologicka-aktualizacia>

²² Baláková, D. (eds.): *Die slawische Phraseologie und die Bibel*. Greifswald: Ernst Moritz Arndt Universität, 2013, s. 138-144; Baláková, D.: *Biblická frazeologie v intra-/interjazykovom slovenskom a českém kontexte* Erschienen. In: *Jazykovedný časopis*, 2017, vol. 68, č. 3, s. 459-472; Baláková, D.: *Zo života vybraných biblických frazém*. In: *Slavica Slovaca*, 2024, vol. 59, No 2, s. 386-393; Baláková, D. - Kováčová, V.: *K výskumu biblickej frazeológie*. Ružomberok: Veda, 2017.

²³ Vieriková, L.: Kto hľadá, ten nájde alebo biblická lexika v preklade. In: *Slavica Slovaca*, 2024, vol. 59, no.3, s. 531-538.

²⁴ Kováčová, V.: Tri kapitoly zo života biblických frazém. In: *Slavica Slovaca*, 2023, vol. 58, no 2, pp. 212-224; Kováčová, V.: *Viacaspektovo o vybraných biblických frazémach*. In: *Slavica Slovaca*, 2024, vol. 59, no.2, pp. 394-401. Baláková, D. - Kováčová, V.: *K výskumu biblickej frazeológie*, c.d.

²⁵ Matoláková, A.: *Prekladová realizácia frazeologických jednotiek v biblických translátoch 1. – morfológicko-syntaktické posuny*, c.d.

ті А. Валент.²⁶ Згадаємо тут і праці чеської дослідниці П. Фойту,²⁷ яка є авторкою низки зіставних студій присвячених слов'янським бібліїзмам. У цих працях представлені дослідження дефініції БФ, історії формування конкретних бібліїзмів, їхнього перекладу, соціолінгвістичний вимір сучасного життя біблійних фразем, дослідження на базі корпусних методик та ін.

Ідея мовної гри має філософське коріння: ще за часів античності грецькі мислителі застосовували прийоми мовної гри у своїх суперечках, демонструючи інтелект і дотепність. Сучасне термінологічне поняття 'мовна гра' увів Людвіг Вітгенштейн у своїй праці *Філософські дослідження*; в лінгвістиці сьогодні мовну гру розуміють як ненормативне вживання мови, системний механізм перетворення нормативних мовних одиниць з метою отримання комічного ефекту; як процес свідомого використання мовних засобів, що відхиляються від мовної норми, але сприймаються на її тлі. Вона створює нові способи висловлення змісту, які відрізняються від звичних, і може зберігати стару форму, змінюючи при цьому зміст, або навпаки – залишати зміст незмінним, але змінювати форму.²⁸ Стосовно способів чи прийомів творення мовної гри знаходимо різні класифікації в науковій літературі. Наприклад, В.М. Мокієнко у статті *Фразеологія и языковая игра: динамика формы и смысла*, з покликанням на російського дослідника мовної гри В. Саннікова та болгарську науковицю Д. Константинову, наводить чимало способів творення мовної гри: перехід сталого словосполучення у вільне; заміна компонентів фразеологізму; зміна синтаксичної функції; усічення; порушення часової, логічної і просторової послідовності; перебільшення/гіперболізація; применшення/літота; повтор синонімічних слів; оживлення первісного образу фразеологізму; обігрування фонетичних чи смислових складників; недоречне чи абсурдне риторичне запитання; транспозиція категорії особи (для дієслівних фразем); використання минулого невизначеного часу дієслівних форм; використання незвичних метафор; обігрування порівнянь та їхньої образності; інші тропи (алегорія, метонімія та ін.).²⁹ Свої переліки/прикладні механізми мовної гри пропонують дослідники біблійної фразеології І. Кузнецова,³⁰ М. та М. Скаби³¹; Т. Космеда³² та Н. Піддубна.³³

Більшість дослідників Біблії погоджуються, що значна частина біблійних текстів написана мовою, властивою поезії, тобто художньо насиченою. Головною її ознакою є образність: жоден інший твір не містить такого багатства художніх прийомів, як Святе Письмо.³⁴ А отже, сама мова Біблії містить численні приклади мовної гри, яка досить часто базується на алогізмі та абсурді, антонімії, гіперболі, літоті та ін. Метафоричний оксюморон *вовк в овечій шкурі* (СБС, с. 185; ФБП, с. 19) / слов. *vlk v ovčom rúchu (v ovčej*

²⁶ Valent, A.: *Biblická frazeologíja v slovenskom a srbskom jazyku*. Dizertačná práca. Nový Sad, 2020.

²⁷ Фойту, П.: *Динамика библейской фразеологии как причина сходств (отличий) во фразеологии разных языков (на материале немецко-чешского словаря библейской фразеологии)*. В: *Славянская фразеология и Библия*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013, с. 188-194; Fojtů, P.: *Úvahy o pôvodu niektorých slovenských frazeologizmov*. In: Kumurová, Z. a kol. (eds.): *Rara avis 10*. Trnava: FF UCM, 2013, s. 33-41.

²⁸ Космеда, Т.: *Мовна гра у системі лінгвістичних термінів*. В: *Культура слова*, 2011, Вип. 74, с. 139.

²⁹ Мокієнко, В.М.: *Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла*, с.д., с. 101-102.

³⁰ Кузнецова, И.: *Языковая игра в библейской фразеологии разных языков*, с.д., с. 337-351.

³¹ Скаб, М. – Скаб, М.: *Біблійні фразеологізми як об'єкт мовної гри в сучасній українській літературі*, с.д., с. 232-237.

³² Космеда, Т.: *Мовна гра у системі лінгвістичних термінів*, с.д., с. 139-140.

³³ Піддубна, Н.: *Інтерпретація внутрішньої форми біблійних фразеологізмів — актуальна проблема теолінгвістики*, с.д., с. 28-40; Піддубна, Н.: *Мовна гра в системі бібліїзмів*, с.д., с. 45-52.

³⁴ Лановик, З.: *Художня природа Біблійних текстів: проблема рецепції та інтерпретації*. В: *Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка*, 2004, Вип. 16, с. 7.

koži) (MFS, s.162), в якому поєднані контекстуальні слова-антоніми оснований на протиставленні зовнішності і манери поведінки; *hádzat' perly sviniam* (ЛБМ, с. 23) *метати* (розкидати, розсипати і т. ін.) *bíser* (перли) *свиням* (перед свиньми) (ЛБМ, с. 23) також має антонімічну природу; *Viera hory prenáša* (ЛБМ, с. 28); *Víra i gory z mišća zrušíť* (ЛБМ, с. 29) базується на гіперболі. Прикладами прямих бібліїзмів, що базуються на різних прийомах мовної гри, є також такі фраземи: *Lahšie prejde ľava uchom ihly, ako...* (ЛБМ, с. 30); *Верблюдові легше пройти через голчине вушко, як...* (ЛБМ, с. 30); *kolos na hlinených nohách* (ЛБМ, с. 65); *коłos на глиняних ногах* (ЛБМ, с. 65); *vidieť smietku v cudzom oku [a nevidieť brvno vo svojom]* (ЛБМ, с. 152); *бачити* (помічати) *скалку* (заскалку) *в чужому оці* [і не бачити (не помічати) *колоди в своєму*] (ЛБМ, с. 152); *Mnohi prví budú poslednými, a poslední prvými* (Matol'áková 2013); *slepý vedie slepého* (Matol'áková 2013); *Máte oči, a nevidíte? Máte uši, a nepočujete* (Matol'áková 2013); *Кесарю кесарево, а Богові Боже* (СБ) та ін.

Як бачимо, прямі „цитатні“ бібліїзми, створені на основі різних механізмів мовної гри, в обох мовах мають ідентичну образну структуру, семантику та навіть стилістичні ознаки. Чеська дослідниця П. Фойту вважає, що прямі та непрямі бібліїзми відрізняються способами виникнення і створення експресії, а таким чином і функціонуванням у мові. У прецедентних бібліїзмах експресія будується на зв'язку із Біблією, для більшості з них властиве урочисте/книжне конотативне значення, неprecedентні бібліїзми часто жартівливі, їх експресія базується на непоєднуваності значення і стилістичного забарвлення з Біблією, на контрасті до біблійних цінностей.³⁵ Разом з тим, як уважають дослідниці І. Кузнецова та П. Фойту, межі між прямими і непрямими бібліїзмами в багатьох випадках умовні: трапляються випадки, коли на базі прямого бібліїзму виникає непрямий, тому провести водорозділ між цими двома групами неможливо.³⁶ Наприклад, біблійна паремія *Nech nevie tvoja ľavica, čo robí pravica* ‘не варто хвалитися доброчинністю’ (BFSSJ, s. 80); є прямою цитатою з Біблії і точно передає біблійний посил, а похідна паремія, яка відрізняється лише модальністю *Nech ľavica (ľavá ruka), čo robí pravica (pravá)* ‘бракує взаємної обізнаності’ (MFS, s. 97) / *не знає ліва рука, що робить права* (СБС, с. 189 – 190) має цілком інше значення, можливо, асоціативно пов'язане з фразею *být pravou rukou někoho* (někomu) ‘бути надійним працівником, помічником’ (MFS, s. 179).

Мовна гра як основа творення непрямих біблійних фразеологізмів може реалізуватися на основі різних мовних засобів, співвідносних з основними мовними рівнями. Так, на фонетичному рівні прийоми мовної гри базуються на різноманітних **звукових повторях, рими, паронимазії** (напр., *На місяці Кавиль Вавиля убив та й на вила настромив* (УПП, с. 218); *He utneš Kaïn Абля, бо тупая шабля* (УПП, с. 218); *Boh nie je náhlivý, ale pamätlivý* (BFSSJ, s. 75); *Niž také skryté, čo by nebolo vyryté* (BFSSJ, s. 75); *Nech nevie tvoja ľavica, čo robí pravica* (BFSSJ, s. 75); *Svetská sláva – poľná tráva* (BFSSJ, s. 136); *posielat' niekoho od Annáša ku Kaifášovi* (MFS, s. 13); **паронімії** (напр., *юдит на мене як той Юда* *Скаріотський* (*Скаріотський*) ‘про наклепника’³⁷; *врода як в Ірода* ‘зовнішня непривабливість’³⁸; *перетворення Савла в Павла* (СБС, с. 171; ФБП, с. 47); *zo Šavla [sa stal] Pavel* (MFS,

³⁵ Фойту, П.: Динамика библейской фразеологии как причина сходств (отличий) во фразеологии разных языков (на материале немецко-чешского словаря библейской фразеологии), с.д., с. 189-190.

³⁶ Кузнецова, И.: Языковая игра в библейской фразеологии разных языков, с.д., с. 338.

³⁷ Савка, О.: Фразеологія серболужицької, словацької та української мов з біблійним ономастичним компонентом. In: Lětopis. Časopis za řeč, stawizny a kulturu Łužiskich Serbow, 2002, №49, s. 143.

³⁸ Тимошик, Г.: Біблієконотоніми сучасної української мови у лінгводидактичному аспекті. В: Теорія і практика викладання української мови як іноземної, 2007, Вип. 2, с. 107.

s. 165); *chodit' od Šavla k Pavlovi* (Kováčová 2023, с. 401); *od Annáša ku Kaifášovi* (SPPU, s. 180); *Ja o Havlovi, ty <len> o Pavlovi* (BFSSJ, s. 83); **звуконаслідування**: на основі різкого контрасту символічного потенціалу оніма Адам та значення будується експресія словацьких евфемістичних непрямих бібліїзмів *na Adama volat'* 'кого-небудь нудить' (SSN, s. 54); *Adama chváliť* 'кого-небудь нудить' (SSN, s. 54), в яких, як вважає В. Мокієнко, це ім'я виконує звуконаслідувальну роль.³⁹

Як бачимо, фонетичні засоби творення мовної гри присутні в деяких біблійних фразеологізмах обох зіставляваних мов, інші ж приклади не корелюються в обох мовах або з причини відсутності таких відповідників (напр., *He utneš Kaїн Абля, бо тупая шабля* (УПП, с. 218); *posielat' niekoho od Annáša ku Kaifášovi* (MFS, s. 13)), або ж з причин відмінного звучання слів у цих мовах (напр., *Človek mieni, Pán Boh teni* (ЛБМ, с. 171) /*Людина планує, а Бог наставляє* (ЛБМ, с. 171)).

На лексичному рівні мовна гра у низці непрямих бібліїзмів формується за рахунок нетипової актуалізації парадигматичних відношень (полісемії, омонімії, оксюморона, анти тези та ін.) між компонентами бібліїзмів: наприклад, за рахунок **протиставлення плану форми і плану змісту**: багатьом мовам, в тому числі українській та словацькій, відомі БФ абсурдного змісту *у костюмі Адама і Єви* (СБ), *у костюмі Єви* (СБС, с. 15), *у райському костюмі* (СБ), *v Adamovom rúchu 'byť nahý (o mužovi)'* (MFS, s. 11; ЛБМ, с. 66); *v Evinom rúchu 'byť nahá (o žene)'* (MFS, s. 56; ЛБМ, с. 67), в цьому прикладі контрастує райська нагота першої людини і одяг (його відсутність).

Ще одним типовим різновидом мовної гри у формі протиставлення форми і змісту, як вважає Н. Піддубна, є **ономастична гра**, в основі якої – здатність мовців до актуалізації асоціативного потенціалу власної назви.⁴⁰ Оцінне значення й іронічна конотація компаративних бібліїзмів *вірний як Іуда в середу* 'невірний, зрадливий' (Добр., с. 25), *сміливий як святий Петро* 'богач' (Ном., с. 593), *винуватий як Христос перед жидами* 'зовсім не винуватий' (Ном., с. 205) не мотивуються першим компонентом, а моделюються в процесі мовної гри, адже „доволі часто мовна гра в стійких порівняннях створюється внаслідок антонімії планів змісту й вираження“.⁴¹ Заперечна модальність тут виникає внаслідок логічної несумісності значення порівняння і предмета зіставлення. Подібне абсурдне значення, що базується на контрасті із значенням антропоніма Адам як біблійної назви першої людини, спостерігаємо в словацьких фраземах *rodina po Adamovi [a Eve]* (SPPU, s. 79) 'про дуже віддаленого або зовсім не рідню'. Символьний потенціал оніма Адам як імені найдавнішої людини в жартівливий спосіб обігрується у фраземах *to je taký kabát, ako čo Adam v raji nosil* 'про старомодний одяг' (SPPU, s. 317); *začat' niečo od Adama* 1. 'začat' celkom od začiatku'; 2. 'rozprávät' niečo veľmi podrobne' (MFS, s. 11).

Асоціативний потенціал власної назви у фразеобібліїзмах може актуалізувати не факти чи події, що впливають із біблійної оповіді, а „додумані“ народною уявою; експресія таких непрямих бібліїзмів базується на непокінченості значення і стилістичного забарвлення з Біблією, на контрасті до біблійних цінностей. До сюжету про заборонений плід з дерева пізнання добра і зла відсилає фразеологізм *zahľadel sa ako Eva do jablka* 'задивитися як Єва на яблуко' (SPPU, s. 558); тема вигнання першого грішника з раю обіграна у бібліїзмі *utekat' ako Adam z raja* 'швидко втікати' (SPPU, s. 274); фразео-

³⁹ Мокієнко, В.: Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла, с.д., с. 105.

⁴⁰ Піддубна, Н.: Мовна гра в системі бібліїзмів, с.д., с. 49.

⁴¹ Кузнецова, И.: Библийская фразеология и языковая игра, с.д., с. 215.

логізми *je Adamovými vidličkami* ‘їсть пальцями’ (SPPU, s. 587); *Адамові сльози* ‘горілка’ (СУМ1, с. 19); *Євине насіння* ‘жіноцтво’ (СБ, с. 56) ілюструють народні уявлення про біблійних персонажів.

На основі **абсурду** будується жартівлива експресія низки непрямих фразеобібліїзмів, побудованих за моделлю „ходити/посилати кого-небудь від когось до когось“ та значенням ‘бюрократична тяганина’: *posilati від Понтія до Пілата* (ЛБМ, с. 110; ФБП, с. 49); *chodit’ od Annáša ku Kaifášovi*; *posielat’ niekoho (chodit’) od Pontia k Pilátovi (od Kaifáša k Annášovi)* (ЛБМ, с. 110). Вислів виник, ймовірно, через те, що вірні сприймали на слух ім’я Понтій Пілат як імена двох людей. Крім імені римського правителя Іудеї Понтія Пілата, в контексті фразеологізмів з такою структурою можуть фігурувати й інші персонажі біблійної оповіді: *posielat’ od Herodesa k Pilátovi*; *od Annáša ku Kaifášovi (od Piláta do Herodesa, od Kaifáša k Pilátovi)* (SPPU, s. 180); *chodit’ od Šavla k Pavlovi* (Kováčová 2023, с. 401). На думку В. Ковачової, варіативність частин багатослівного пропріального виразу свідчить про те, що зв’язок із біблійним текстом хоч і є специфічнішим типом зв’язку (мовна гра), однак не суперечить розумінню цих фразеологічних одиниць як біблійних – як одиниць, що належать до групи непрямих бібліїзмів.⁴²

Словацька розмовна жартівлива фразема *dostat’ sa niekam ako Pilát do kréda*⁴³ ‘потрапити кудись не зі свого бажання, несвідомо, помилково, не зі своєї вини’ не має відповідника чи аналога в українській мові, хоч у більшості західно- та південнослов’янських мов існує. У фраземі обігрується факт згадки в молитві *Символ Віри* (інша назва *Кredo*) римського намісника Юдеї („Розп’ятого ж за нас при Понтійському Пілаті, і страждав, і був похований“) і підкреслюється недоречність згадки в ній його імені. Мовна гра тут базується на контрасті сприйманого негативно оніма *Пілат* та урочистого, сакрального сприйняття самої молитви *Символ Віри*.

В деяких біблійних фраземах простежуємо формування **енантеосемії**, що виникла внаслідок мовної гри. Наприклад, зафіксований І. Франком компаративний зворот *премудрий як Саламон* (Фр., Т. 3: 784) / слов. *múdry ako Šalamún* ‘žart. i iron. veľmi múdry i prefikaný’ (MFS, s. 222) означає не розумну людину, а, навпаки, таку, яка вдає із себе мудру, тому й зворот уживається з іронічною конотацією, порівн. коментар: „Іронізують над чоловіком, що вдає дуже мудрого“ (Фр., Т. 3, с. 784). Внаслідок такої енантеосемії формуються також порівняльні звороти, які об’єднує абстрактна образна модель „розумний (мудрий) + як + одяг (його частина; взуття) Соломона“ = ‘дуже дурний’; укр. *мудрий як штани Соломона* (Фр., с. 492); укр. *мудрий (розумний) як Соломонові штани (портки)* (Фр., с. 492); *múdry ako Šalamúnove nohavice (Šalomúnovo pudlo)* (MFS, s. 222); *múdry ako Šalomúnove plundre* (SPPU, s. 337). Іноді порівняльні звороти з ім’ям ізраїльського царя виражають одне поняття (прямо й у формі іронічної негації): укр. *дурний – розумний (гуц. мудрий) як Соломонів патинок* (УПП, с. 293). Як бачимо, суперечність планів змісту та вираження проявляється тут на мовленнєвому рівні: наведені бібліїзми можуть використовуватися в прямому значенні та іронічно чи саркастично, що фіксують і українські, і словацький словники.

Наступним прикладом енантеосемії може бути фразеобібліїзм *біле пальто* (< *білі шати*), поява якого, як слушно зазначає Н. Піддубна, зумовлена виходом у 1988 році роману російського письменника В. Дудінцева *Белые одежды*, перекладеного українською

⁴² Kováčová, V.: Viac aspektovo o vybraných biblických frazémach, c.d., s. 401.

⁴³ Matofáková, A.: Prekladová realizácia frazeologických jednotiek v biblických translátoch 1, c.d..

мовою В. Положієм (1989) як *Білі шати* (відповідний вислів є в українських перекладах Біблії) (Піддубна 2020, с. 36). *Білі шати* в цьому контексті символізують невинність або чистоту намірів, моральну перевагу, наприклад, *в білих шатах* - це метафора для вираження невинності або безгрішності. У російській мові бібліїзм *белые одежды* в останні десятиріччя зазнав трансформації (заміни компонента із урочистою конотацією *одежды* на більш розмовний, нейтральний компонент *пальто*) і розвинув похідне значення, з яким почав уживатися і в українській мові: *біле пальто (одягнути)* 'повчати інших з позиції власної правоти, авторитетності, безпомилковості' (напр., *У цій грі „чорна“ пропаганда Делмера взяла на себе найбруднішу частину роботи, залишивши для ВВС можливість працювати в „білому пальті“* (<https://cutt.ly/tw9dcpE7>)). Знаєте такий вислів: „*одягнути біле пальто*“? Так кажуть про тих, хто видає себе за ідеальних людей і критикує інших (<https://cutt.ly/8w9dcMzN>)). Неофразеологізм також став основою творення термінологічної сполуки *синдром білого пальта* – 'назва маніпулятивної тактики у спілкуванні'; (напр., *Вони завжди й за будь-якої погоди вдягнуті в біле пальто*). Так, сьогодні йдеться про так званий *синдром білого пальта* (<https://cutt.ly/Dw9dvIJF>)).⁴⁴

З-поміж інших прийомів творення мовної гри на лексичному рівні в корпусі бібліїзмів різного типу можемо натрапити на прийоми: **антитези**, **антонімії** (напр., *Таємне стане явним* (СБС, с. 238); *Kto do teba kateňot, ty do neho chlebot* (BFSSJ 2020, s. 128); **абсурду**, **оксюморону** (напр., *ловити вітер* (СБ, с. 84); *ловити вітра в полі* (СБ, с. 84); *живий труп* (СБС, с. 265); *slepý vedie slepého* (BFSSJ 2020, s. 117); *<byť ako> trinásty apoštol* 'зайва людина' (BFSSJ, s. 82); *hovorit' (rozprávať, tárať) do vetra* 'говорити необачно, легковажно базікати' (BFSSJ, s. 100)); **тавтології** (напр., *пісня пісень* (СБ, с. 111); *своя свої не пізнає* (ФБП, с. 52); *святая святых* (СБС, с. 66); *суета сует* (СБС, с. 118; ФБП с. 41); *Петрова скеля* 'католицька церква' (СБС, с. 170); *márnost' nad márnost'* (Matofáková 2013); *kost' z <jeho> kosti* (BFSSJ 2020, s. 57); *oko za oko a zub za zub* (Matofáková 2013); *komu česť, tomu česť* (Matofáková 2013)); **метафори** (напр., *mať na očiach beľmo* (*mať beľmo na očiach*) 'не знати правду' (BFSSJ, s. 82); *каміння заволало* (ФБП, с. 32); *кожен камінь кричить* (СБС, с. 243; ФБП, с. 32); *грона гніву достигли* (СБС, с. 276; ФБП, с. 21)); **використання символів** (напр., *сурма ерихонська* 'щось дуже гучне, потужне, яке виробляє різкий, іноді руйнівний звук' (ФБП, с. 25) / *jerichova trúba* 'дурень'⁴⁵; *оливкова гілка* 'добра звістка' (СБ, с. 105); *íst' so zelenou ratolestou* 'приносити добру вість' (BFSSJ, s. 116); *figový list* 'прикриття чого-небудь' (BFSSJ, s. 108)); **риторичного запитання, звертання** (напр., *Лікарю, вилікуй себе самого!* (СБС, с. 243); *Хіба ревуть воли, як ясла повні?* (СБС, с. 199); *Камо грядеши?* (СБС, с. 170); *Ked' Boh s nami, kto proti nám?* (BFSSJ, s. 82)).

На синтаксичному рівні мовна гра виявляється в трансформації фразеобібліїзмів, а саме: **розширенні складу БФ**: *на лоні Авраама* (бути) (СБС, с. 243); *лоно Авраамове* (СБС, с. 243; ФБП, с. 37) > лемк. *nimi Abrahámovikozy nasťmi* (ФСЛГ, с. 18); *odíst' k Abrahámovi; byť v lone Abrahámovom*⁴⁶ > слов. *šiel k Abrahámovi morky (húsky, ovce) pást'* (SPPU, s. 125); *kopať loj s Adamom/ už s Adamom loj kope* 'už ho niet, zomrel' (MFS, s. 11). Розширення за рахунок обставини надає фраземи іронічного забарвлення.

Зіставний аналіз бібліїзмів української та словацької мов, що джерелами своєї експресивності мають мовну гру, дозволяють відзначити наявність в аналізованому корпусі **без-**

⁴⁴ Кузь, Г.: Українська неофразеологія з компонентами-назвами кольорів. В: Arkhanhelska A. a in. (eds.): UCRAINICA XI. Současná ukrajinistika doma a ve světě: výzvy, problémy, perspektivy. Оломоуць, 2024, s. 38.

⁴⁵ Matofáková, A.: Prekladová realizácia frazeologických jednotiek v biblických translátoch 1, c.d.

⁴⁶ Matofáková, A.: Prekladová realizácia frazeologických jednotiek v biblických translátoch 1, c.d.

еквівалентних бібліїзмів: словацьких: *dostať sa niekam ako Pilát do kréda* (MFS, s. 105); *utekať ako Adam z raja* (SPPU, s. 274); *zahľadel sa ako Eva do jablka* (SPPU, s. 558); *chodiť od Annáša ku Kaifášovi* (SPPU, s. 180); *rodina po Adamovi [a Eve]* (SPPU, s. 71); *je Adamovýmí vidličkami* 'їсть пальцями' (SPPU, s. 587); *to je taký kabát, ako čo Adam v raji nosil* 'про старомодний одяг' (SPPU, s. 317); *Svetlá sláva – poľná tráva* (BFSSJ, s. 136); *<byť ako> trinásť apoštol* 'зайва людина' (BFSSJ, s. 82); *mať na očiach bel'mo* (*mať bel'mo na očiach*) 'не знати правду' (BFSSJ, s. 92); *Spadlo [niekomu] bel'mo (šupiny) z očí* (BFSSJ, s. 108); *hovoriť (rozprávať, tárať) do vetra* 'говорити необачно, легковажно базікати' (BFSSJ, s. 100); *mať (nemať) Filipa* 'дотеп, бути/не бути дотепним' (BFSSJ, s. 99); українських: *Адам з'їв кисличку, а в нас оскома на зубах* (УПП, с. 218); *Не утне Каїн Аблія, бо тупая шаблія* (УПП, с. 218); *Не утнеш, Аврааме, Ісаака, бо порох замок* (УПП, с. 218); *Петрова скеля* 'католицька церква' (СБС, с. 170); *Хіба ревузь воли, як ясла повні?* (СБС, с. 199); *(мов, ніби тощо) мертвому кадило* (СФУМ, с. 284); *співати Лазаря* 'прибіднюватися' (СБ, с. 140).

Відмінності між двома мовами можуть виявлятися також у випадку, коли відповідники існують, але лише в одному з них відчитуються елементи мовної гри: *Človek mieni, Pán Boh mení* (ЛБМ, с. 171) / *Людина планує, а Бог наставляє* (ЛБМ, с. 171); *Nech nevie tvoja ľavica, čo robí pravica* 'не варто хвалитися доброчинністю' (BFSSJ, s. 80); *Nevie ľavica (ľavá ruka), čo robí pravica (pravá)* 'бракує взаємної обізнаності' (BFSSJ, s. 80); / *Не знає ліва рука, що робить правця (права)* (СБС, с. 184).

Міжмовні смислові бібліїзми-аналоги з елементами мовної гри можуть відрізнятися **повною або частковою заміною образності**:

плоть від плоті 'невід'ємна, органічна частина чого-небудь' (СБ, с. 112) / *kosť z <jeho> kosti* (BFSSJ 2020, s. 57);

ловці душ (СБС, с. 169; ФБП с. 37) / *chytíť (lapíť, zatiahnuť, zaplietíť, dostať) [niekoho] do <svojich> <zvodných> osidiel (sietí)* (BFSSJ, s. 82);

авілонське стовпотворіння (ЛБМ, с. 146) / *zmäťok nad zmäťok; [hotové] Božie (božie) dopustenie; [hotový] babylon* (ЛБМ, с. 146);

таємне стане явним (СБС, с. 238) / *Niž také skryté, čo by nebolo vyryté* (BFSSJ, s. 75);

розкрити очі, відкрити очі (СБ, с. 128) / *spadlo [niekomu] bel'mo (šupiny) z očí* (BFSSJ, s. 108);

хто високо літає, той низько сяде (СБ, с. 161); *kto sa povyšuje, bude ponížený, a kto sa ponízuje, bude povýšený* (Matoláková 2013);

скинути з себе ветхого Адама (СБС, с. 15); *скинути старого Адама* (ФБП, с. 55) / *stať sa novým človekom* (BFSSJ, s. 92).

Іноді семантика, сполучуваність і стилістика зовні тотожних БФ відрізняється, порівн., міжмовні омоніми: укр. *єрихонські труби* (СБС, с. 82); *сурма єрихонська* ірон. 'щось дуже гучне, потужне, яке виробляє різкий, іноді руйнівний звук' (ФБП, с. 25) / *jerichovská trúba* 'дурень' (BFSSJ, s. 82); *jerichova trúba*.⁴⁷

Книга книг – спільний елемент духовної культури християн, але корпус фразеологізмів, заснованих на мовній грі, в українській та словацькій мовах суттєво відрізняються. Повних міжмовних БФ-еквівалентів з тотожністю семантики, стилістики, експресії, структури та приблизно однаковим складом компонентів небагато: на фразеологізми впливають лексична та граматична системи кожної мови, історія християнізації народу-носія мови. Свого часу В. Мокієнко назвав кілька чинників, що пояснюють наявність неоднакової семантичної структури в бібліїзмах, що функціонують у різних мовах,

⁴⁷ Matoláková, A.: Prekladová realizácia frazeologických jednotiek v biblických translátoch 1, c.d.

зокрема це: а) відмінність перекладацьких традицій (візантійська і латинська); б) вплив соціально-культурного середовища: особливості конфесійної орієнтації; різна взаємодія християнських уявлень з язичницькими; специфіка мовної ситуації в різні історичні періоди; в) внутрішньомовні закономірності лексико-семантичного розвитку; г) семантичний синкретизм самого першоджерела – тексту Біблії.⁴⁸

Національно-прецедентні бібліїзми формують різні за змістом і обсягом канони в різних культурах. Нелегко пояснити, чому той чи той біблійний вислів набуває концептуальної вагомості в певній мові та культурі.⁴⁹ Як бачимо, акціональну прецедентність біблійного виразу може обумовити його звукописна апелятивність чи лексико-стилістична маркованість. Динаміка прямих і непрямих біблійних фразеологізмів суттєво відрізняється. Н. Піддубна слушно відзначає, що якщо серед прямих бібліїзмів зміни скеровані на архаїзацію, забування мотивації і, як наслідок, зникнення з мови, то серед ситуативних (непрямих) бібліїзмів більш виражений процес розвитку нових значень (полісемія, а іноді й енантеосемія), виникнення синонімічних зворотів, а також створення нових одиниць.⁵⁰ Наше дослідження бібліїзмів української та словацької мов, оснований на прийомах мовної гри, підтверджує цей висновок.

Як і мова загалом, система бібліїзмів відкрита й динамічна. Попри загальну центральну тенденцію до скорочення бібліїзмів, зокрема фразеологізмів, їхній корпус поповнюється й нині, щоправда „нові прямі бібліїзми, за рідкісними винятками, не виникають, якщо в сучасній мові з'являється новий прямий бібліїзм; він, як правило, виникає не безпосередньо на основі Священного Письма, а калькуванням з іншої мови“⁵¹ (напр., *біле пальто*).

Джерела та скорочення

- Добр.: Добролюбожа, Г.: Красне слово – як золотий ключ: Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій. Житомир: Волинь, 2003.
- ЛБМ: Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авторы-составители: Д. Балакова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2014.
- СБ: Колоїз, Ж. В. – Бакум, З.: Слово Благовісті: словник-довідник фразем біблійного походження. Кривий Ріг: Видавництво «І.В.І.», 2002.
- СБС: Коваль, А.: Спочатку було Слово: Крилаті вислови біблійного походження в українській мові. Київ: Либідь, 2001.
- СФУМ: Білоноженко, В. та ін. (укл.): Словник фразеологізмів української мови. Київ: Наукова думка, 2003.
- УПП: Номис, М.: Українські приказки, прислів'я, і таке інше. Київ: Либідь, 1993.
- ФБП: Будівська, Л. – Сікорська, З.: Фразеологізми біблійного походження: короткий словник-довідник. Луганськ: Луганськ-Арт, 2007.
- Фр. : Франко І. Галицько-руські народні приповідки. Т. 1-3. Львів: Товариство імені Шевченка, 1901-1910.

⁴⁸ Мокиєнко, В.М.: Библиизмы в европейской фразеологии и паремииологии, , с.д., с. 146.

⁴⁹ Дзера, О.: Біблійна інтертекстуальність і переклад : англо-український контекст: монографія, с.д., с. 176.

⁵⁰ Піддубна, Н.: Інтерпретація внутрішньої форми біблійних фразеологізмів — актуальна проблема теолінгвістики, , с.д., с. 36.

⁵¹ Фойту, П.: Динаміка библейской фразеологии как причина сходств (отличий) во фразеологии разных языков (на материале немецко-чешского словаря библейской фразеологии), с.д., с. 189.

- ФСЛГ : Вархол, Н. – Івченко, А.: Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. Братіслава – Пряшів: Словацьке педагогічне товариство в Братіславі, 1990.
- BFSSJ : Valent, A.: Biblická frazeológia v slovenskom a srbskom jazyku. Dizertačná práca. Nový Sad: Filozofická fakulta, 2020.
- KSSJ : Kačala, J. – Pisárčiková, M. – Považaj, M. (Red.): Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava: Veda, 2003.
- MFS: Smiešková, E.: Malý frazeologický slovník. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974.
- SPPU : Záturecký, A.: Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava: Tatran, 2005.
- SSN : Ripka, I. (Ved. red.): Slovník slovenských nářečí. T. I. Bratislava: Veda, 1994.

Language Play in the Biblical Phraseology of Ukrainian and Slovak

Halyna Kuz

The article examines Ukrainian and Slovak biblical phraseology as a culturally marked phenomenon reflecting both universal Christian traditions and national reinterpretations. It distinguishes direct (precedent) and indirect (non-precedent, pseudo-) biblicisms, with special attention to indirect forms that reveal „national variations on biblical themes.” Drawing on Ukrainian and Slovak dictionaries and comparative studies, the research analyzes idioms shaped by mechanisms of language play: wordplay, semantic shifts, parody, irony, oxymoron, hyperbole, and onomastic associations. While many direct biblicisms retain identical imagery in both languages (e.g., *wolf in sheep's clothing*), indirect ones undergo creative transformations influenced by folk culture (e.g., *to send from Pontius to Pilate*; Slovak *dostať sa ako Pilát do kréda*). The study shows that biblical phraseology, though rooted in a common source, acquires different semantic, stylistic, and evaluative nuances, demonstrating how language play renews and adapts biblical idioms within Ukrainian and Slovak linguistic traditions.

СВІТЛАНА ВОЛОДИМИРІВНА ШИЙКА*

Прізвища Рівненщини із суфіксом *-ець* < **-ьсь* на слов'янському тлі

SHYIKA, S.: Surnames of Rivne region with the suffix *-ec* < **-ьсь* on a Slavic background. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 227-240 (Bratislava).

The article is devoted to the study of the features of the formation and development of surnames of the Rivne region – an ancient Ukrainian territory with preserved authenticity and linguistic diversity with the suffix *-ec* < **-ьсь* on a Slavic basis. It is noted that the affix with Proto-Indo-European roots is inherited by all Slavic languages, is used to create general names to designate persons, surnames, and complicated morphemes. In Ukrainian surname formation, it belongs to productive formants.

Surnames with a suffix have been attested in the Rivne region since the 16th century. Among modern surnames, they make up more than two percent of the research sample. A small part of regional surnames is formed in a lexical-semantic way from bases with *-ec-*, the majority by suffixal accretion. Among the derivational bases, proper names, noun, adjective, and verbal appellatives dominate.

Anthroponym, surname, Rivne region, Slavic, suffix.

Вступ

Прізвище як одна з основних антропонімічних категорій є результатом тривалого процесу суспільно-історичного розвитку, еволюції мовних систем певних територій, міжмовних зв'язків, паралелей і взаємозалежностей. Сучасні лінгвістичні дослідження прізвищевих назв носять як загальний інституціональний характер так і здійснюються в межах окремих тематичних груп диференційованих за хронологічним розвитком, регіональним принципом, способами творення тощо. Однією з таких еволюційно динамічних груп є система прізвищ (прізвищевих назв – іменувань людини назвою типу «прізвища» до юридичної кодифікації власних особових назв¹) історичної території Рівненської області України – самобутнього слов'янського краю із суфіксом *-ець* < **-ьсь*.

Мета цієї розвідки полягає в дослідженні особливостей формування і розвитку прізвищ Рівненщини – давньої української території зі збереженою автентичністю та мовного розмаїття із суфіксом *-ець* < **-ьсь* на слов'янській основі. Поставлена мета досягається виконанням завдань: дослідити (уточнити) генезу, функції, словотворчі особливості і поширеність форманта *-ець* та його варіантів у слов'янському й українському мовному

* Світлана В. Шийка, кандидат філологічних наук, доцент, доцент кафедри журналістики та українознавства Національного університету водного господарства та природокористування, ORCID: 0000-0002-8138-7205, вул. Олекси Новака, м. Рівне, Україна, 33018, svitlanashyuka@ukr.net.

¹ Худаш, М. Л.: З історії української антропонімії. Київ: Наукова думка, 1977, с. 100.

середовищі, спроектувати з'ясоване на еволюцію розвитку прізвищ історичної території Рівненської області України з цим суфіксом.

Проведений аналіз базується на результатах наукових досягнень слов'янських й українських вчених в галузі антропоніміки, зокрема А. Мейє,² О. Мельничука та ін.,³ С. Самійленка,⁴ Ф. Славського,⁵ Ю. Редька,⁶ С. Пахомової,⁷ регіональних розвідок Л. Дацевич,⁸ М. Майтана,⁹ І. Митнік,¹⁰ Я. Кебера,¹¹ Д. Молданової,¹² П. Шимуновича,¹³ П. Чучки,¹⁴ А. Яношика¹⁵ та ін. Дослідження органічно синхронізується зі слов'янсько-орієнтованою тематикою Словацького комітету славістів та ономастичною проблематикою, яка періодично піднімається на сторінках *Slavica Slovaca*, зокрема цитується публікація О. Кумеди.¹⁶ Прикладним матеріалом дослідження послужили антропоніми, вилучені з літописних та архівних джерел, наукових та науково-популярних праць, зокрема місцевого краєзнавця Я. Пури,¹⁷ відомостей інтернет-мережі.

Новизна дослідження полягає в актуалізації проблематики походження, функціонального призначення, словотворчих особливостей і поширеності спільнослов'янського антропонімного форманта *-ець* < **-ьсь* та намаганні розв'язати або уточнити її шляхом синергії напрацювань слов'янських й українських вчених-ономастів, власних теоретичних викладок та залучення регіонального прикладного матеріалу.

Методологія дослідження передбачає використання дедуктивної практики наукового пізнання від загального до конкретного: спочатку розглядаються загальні питання походження, функцій та ареалу поширення прізвищ у слов'янському мовному просторі, потім – прізвищотворчі особливості суфікса *-ець* < **-ьсь* на теренах історичної і сучасної Рівненщини. Розвідку виконано синергетичним поєднанням методів: описового, узагальнення і систематизації, порівняльно-історичного, лінгвістичного аналізу.

Генеza та функції суфікса *-ець* < **-ьсь*

Питання походження суфікса **-ьсь* (> *-ець*), його функціонального навантаження, ареалу поширення і ролі в процесі творення антропонімних лексичних одиниць у слов'янському науковому ономастичному середовищі не викликає особливих дискусій. Проте від-

² Мейє, А.: Общеславянский язык. Москва: Прогресс, 2001. 500 с.

³ Мельничук, О. С. (ред.): Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. Київ: Наукова думка, 1966. 596 с.

⁴ Самійленко, С. П.: Нариси з історичної морфології української мови. Ч. 1. Київ: Радянська школа, 1964. 236 с.

⁵ Sławski, F. (red.): Słownik prasłowiański. T. I. Wrocław: Ossolineum, 1974. 487 s.

⁶ Редько, Ю. К.: Сучасні українські прізвища. Київ: Наукова думка, 1966. 217 с.

⁷ Пахомова, С. М.: Еволюція антропонімних формул у слов'янських мовах. Ужгород: Видавництво Олександри Гаркуші, 2012. 344 с.

⁸ Dacewicz, L.: Historia nazwisk na kresach północno-wschodnich Rzeczypospolitej (XVI-XVIII w.). Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2014. 463 s.

⁹ Majtán, M.: O slovenských priezviskách. In Balleková, K. – Smatana, M.: Zo studnice rodnej reči. Bratislava: Veda, 2014, s. 16-62.

¹⁰ Mytnik, I.: Imiennictwo ziemi chełmskiej w XVI–XVII wieku. Warszawa–Lublin: Wydawnictwo KUL, 2019. 321 s.

¹¹ Keber, J.: Leksikon priimkov. Celje: Celjska Mohorjeva družba, 2021. 989 s.

¹² Moldánová, D.: Naše příjmení. Praha: Agentura Pankrác, 2010. 227 s.

¹³ Šimunović, P.: Naša prezimena. Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1985. 184 s.

¹⁴ Чучка, П. П.: Антропонімія Закарпаття. Ужгород: Папірус, 2008. 673 с.

¹⁵ Janošik, A.: Rodinné mená na -ec, -ek a ich skloňovanie. In: Slovenská reč, 1948–1949, roč. XIV, č. 3–4, s. 112–120.

¹⁶ Кумеди, О. П.: До питання історії однієї відтопонімної назви: сумчани – сум'яни – сумці... *Slavica Slovaca*, 2020, роč. 55, č. 1, s. 53–63.

¹⁷ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. I, IV–V. Рівне, 1984–1990; Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 2–4. Рівне, 1994–2002.

носіть і недовершеність людських знань на певному синхронічному періоді суспільної еволюції, зокрема щодо його прізвищотворчих особливостей, потребує деяких уточнень й узагальнень з урахуванням висновків нових антропонімічних досліджень і виявленого прикладного антропонімічного матеріалу.

Незаперечним фактом, який впливає із системних лінгвістичних праць слов'янських й українських вчених А. Мейє, О. Мельничука та ін., С. Самійленка, Ф. Славського є його праслов'янське й індоєвропейське коріння. Продуктивні індоєвропейські суфікси, як зазначав А. Мейє, були занадто короткі та малозначущі і ще до епохи спільнослов'янської мови заміщувалися новими утвореннями з більш довшим і зрозумілішим елементом. Так, короткий суфікс *-k-* розширювався до вторинного **-ko-* (пор. **kortъ* > **kortъ-kъ*, ст.-слов. *кратъкъ*, серб. *крѣтак*, рос. *короткий*, польськ. *krótki*¹⁸), який доєднуючись до іменних основ сприяв їх деривації й утворенню численних похідних.¹⁹ Особливістю такого сполучення став перехід *k* після голосної переднього ряду основи в *s* (напр., *мѣслаць* – поширення за допомогою **-ko-* слова **mēs-*), що затінювало давню єдність суфікса і сприяло утворенню від індоєвропейського **-iko-* праслов'янських морфологічних форм *-ьсь*, *-ьсе*.²⁰ Час виникнення простого суфікса *-ьсь* декотрі слов'янські вчені-ономасти пов'язують з періодом балто-слов'янської мовної єдності.²¹ Польський дослідник Ф. Славський вважав його найхарактернішим праслов'янським формантом, який продовжує і.-є. *-iko-* (пор. лит. *-ikas*) і використовується для творення агентивних іменників,²² а українська науковиця І. Железняк відзначала його велику і різноманітну роль у праслов'янській мові та широке представлення в сучасних слов'янських мовах.²³ Генезу української форми *-ець* < **-ьсь* С. Самійленко моделює за допомогою еволюційної логічної послідовності: і.-є. **-ik-o-* → псл. *-ьс-ь* → д.-рус. *-ьц-ь* → укр. *-ець-ь*.²⁴

Основним функціональним призначенням українського суфікса *-ець* < **-ьсь* і його різновиду *-ець* протягом суспільно-історичного розвитку і лінгвістичної еволюції як і інших варіантів у слов'янських мовах було і залишається творення іменників – загальних назв на позначення осіб чоловічого роду від іменникових (напр., укр. *кузнєць* ‘коваль’ від *кузня* < псл. **kuz(ь)nja*²⁵), прикметникових (укр. *старець*, д.-рус. *старьць*, ст.-укр. *старець*, *старець*,²⁶ рос. *старец* від *старий* < ст.-слов. *старь* < псл. *starъ-jь*²⁷) і дієслівних (укр. *борєць*, болг. рос. *борѣц*, д.-рус. *борьць*, *борець*, макед. *борец*, словен. *bôres*, ст.-укр. *борець*, словац. чes. *borec* від псл. **borъсь* – ім'я діяча, похідне із суфіксом *-ьсь* від кореня дієслова **borti*²⁸). Він зустрічається також в назвах молодих живих істот

¹⁸ Усі аналізовані в статті антропоніми подано в графіці тих писемних джерел, із яких їх вилучено.

¹⁹ Мейє, А.: Общеславянский язык, с. d., с. 275, 289.

²⁰ Мейє, А.: Общеславянский язык, с. d., с. 290; Мельничук, О. С. (ред.): Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов, с. d., с. 118.

²¹ Білоусенко, П. І – Іншакова, І. О та ін.: Нариси з історії українського словотворення (іменникові конфікси). Запоріжжя–Кривий Ріг: ТОВ «ЛНПС» ЛТД, 2010, с. 58; Мартынов, В. В.: Праславянская и балтославянская суффиксальная деривация имен. Минск: Наука і техника, 1973, с. 52; Мельничук, О. С. (ред.): Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов, с. d., с. 158.

²² Sławski, F. (red.): Słownik prasłowiański. T. I, с. d., с. 99-101.

²³ Железняк, И. М.: Очерк сербохорватского антропонимического словообразования. Киев: Наукова думка, 1969, с. 49.

²⁴ Самійленко, С. П.: Нариси з історичної морфології української мови. Ч. 1, с. d., с. 25.

²⁵ Мельничук, О. С. (гол. ред.): Етимологічний словник української мови. Т. 3. Київ: Наукова думка, 1989, с. 126.

²⁶ Гумецька, Л. Л. – Керницький, І. М. (ред.): Словник староукраїнської мови XIV – XV ст. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1978, с. 380.

²⁷ Мельничук, О. С. (гол. ред.): Етимологічний словник української мови. Т. 5. Київ: Наукова думка, 2006, с. 398.

²⁸ Трубацев, О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2. Москва: Наука, 1975, с. 219.

(укр. *агнець* від д.-рус. ст.-слов. *агньць* ‘ягня’²⁹), предметів та явищ (укр. *кінєць*, болг., рос. *конєц*, д.-рус. *коньць*, польськ., словац. *konies*, словен. *kónes*, чes. *konec* від псл. *копьсь* ‘кінєць, початок’³⁰), зменшувальних форм (укр. *горóдець* – зменшено-пестливе до *гóрод*, ст.-слов. *градьць* від *градь* ‘місто, сад’, словац., чes. *hrad* ‘замок, фортеця’³¹), інколи виконує формальну функцію поширення вже існуючих іменників (напр., укр. *отєць*, болг., рос. *отєц*, білор. *айцѣц*, д.-рус. *отьць*, мак. *отец*, пол. *ojciec*, словац., чes. *otec*, слн. *óče*, ст.-слов. *отьць*, схв. *òтац* від псл. *отьсь* ‘батьньо’ < **отькъ*, похідне від **оть* ‘батько’³²). Із середини XIV ст. фіксуються випадки вживання суфікса -*ьць*- < -*ьсь*- для утворення назв людей за місцем проживання: *львовьць*, *новгородьць*, *Святоградьць*; для сучасної української мови продуктивними є форми з -*ець* < -*ьць*: *кавказець*, *полтавець*, пор. також білор. *гродненец*, болг. *добруджанец*, рос. *рязанец*, словац. *Bajanes*, схв. *херцеговац*, чes. *Asijec*.³³ На використанні словацького відповідника -*ec* українського суфікса -*ець* (пор. словац. *Brezovec*, укр. *Березовець*³⁴) для творення атрибутивних назв осіб, агентивних та професійних, ідеологічних назв, назв осіб за національною або територіальною ознакою, за місцем проживання акцентує увагу Л. Буднікова. Дослідниця класифікує відприкметникові загальні назви на позначення осіб, які можуть виступати потенційними твірними основами для майбутніх прізвищевих назв. Серед них, зокрема, апелятиви, які позначають особу за її зовнішнім виглядом: *kostlivec*, *plešivec*, *ryšavec*, *svalovec*, *šedivec*, за внутрішніми якостями: *blbec*, *hrabivec*, *hrubec*, *lakomec*, *lenivec*, *nadutec*, *pocivec*, *smelec*, *svurovec*, *šťastlivec*, *tupec*, *vášnivec*, атрибутивні назви осіб, які є похідними від дієслів: *blúznivec*, *hanblivec*, *hašterivec*, *hltavec*, *mľčanlivec*, *snaživec*, *váhavec*, *zúrivec*, *žiarlivec*, *žičlivec* та дієприкметників: *nedbalec*, *odrodilec*, *trífalec*, *vytrvalec*, *zaostalec*, *zbabelec*, *zbludilec*, *žyralec*, *zúfalec*, *zurvalec* тощо.³⁵

Інша, на наш погляд вторинна, функція морфологічного форманта -*ець* < *-*ьсь* полягає у творенні власних особових імен та обслуговуванні основних антропонімних форм іменування конкретних людей. Апелятиви на -*ець* у складі аналітичних антропонімних формул фігурують на межі перших тисячоліть в Літописі руському за Іпатським списком: (945) *кормилець бѣ єго Асмудь*, (1106) *Ань старець добрый*.³⁶ В якості засобів вираження суб’єктивної оцінки іншої людини виступає цей суфікс у демінутивно-гіпокористичних варіантах особових імен, засвідчених в дволексемних антропонімних формулах Острожчини другої половини XVI – першої половини XVII ст., які утворені, зокрема, від дохристиянських імен: (1570) *Жданец Куликович*, *Жданец Андрѣвич*, *Панец Дедушканич*, *Панец Макарович*³⁷ та від різних варіантів календарних християнських імен: (1576) *Гринєць*

²⁹ Мельничук, О. С. (гол. ред.): Етимологічний словник української мови. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1982, с. 46.

³⁰ Фасмер, М.: Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Москва: Прогресс, 1986, с. 310; Мельничук, О. С. (гол. ред.): Етимологічний словник української мови. Т. 2. Київ: Наукова думка, 1985, с. 447.

³¹ Мейє, А.: Общеславянский язык, с. d., с. 275, 289; Мельничук, О. С. (гол. ред.): Етимологічний словник української мови. Т. 1, с. d., с. 571.

³² Мельничук, О. С. (гол. ред.): Етимологічний словник української мови. Т. 4. Київ: Наукова думка, 2003, с. 232-233.

³³ Кумедя, О. П.: До питання історії однієї відтопонімної назви: сумчани – сум’яни – сумці..., с. d., с. 55.

³⁴ Пахомова, С.: Ономастика в дзеркалі українсько-словацької комунікації. In: Вісник Львівського університету. Серія філологічна, 2019, вип. 71, Ч. I, с. 194. <http://dx.doi.org/10.30970/vpl.2019.71.10291>.

³⁵ Буднікова, Л. Т.: Відприкметникові назви осіб у словацькій та українських мовах. In Пристайко, Т. С. (ред.): Лексико-граматичні інновації в сучасних слов’янських мовах. Дніпро: Ліра, 2021, с. 14-17.

³⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. С.-Петербург: Типография М. А. Александрова, 1908, с. 32, 179.

³⁷ Атаманенко, В. – Винар, Л. (ред): Описи Острожчини другої половини XVI – першої половини XVII ст. Острог, 2004, с. 38, 40. (Надалі назване джерело подаємо під скороченою назвою: «Описи Острожчини»)

Салникъ, Гринец Куприковичъ, Гринец Рогоулка, Гринец Чурилович, Омелянец Вацевич, Демьянецъ Василевичъ, Иванец Парилченя, Яковец Берендеи,³⁸ пор. також одночленні іменування: (1541) *Иванецъ, Малашецъ, Минець, Моисеець, Богъданецъ, Наумецъ, Оедець*.³⁹ Первісно такі особові назви передавали демінутивне значення однак з часом, ймовірно починаючи з XVI ст., втрачають його і фіксуються з патронімною семантикою при іменах у складі двочленних іменувань як додаткові розрізнявальні компоненти, напр.: (1541) *Мацко Михалець*.⁴⁰ Патронімну роль суфікс *-ець* < **-ьсь* міг також виконувати у прізвищевих назвах, утворених від топонімних основ, індивідуальних прізвищ тощо. Зокрема, в Описі Київського замку за 1552 р. засвідчені двослівні форми: *Наумъ Черниговецъ, Навишко Каневецъ, Олексей Кравецъ, Василь Вилневецъ, Грышко Кузнецъ*,⁴¹ в Описі Луцького замку: *Andreyko Kraweć, Lewko Krawec, Ihnat Szweś*.⁴² Використання антропонімних лексем з наростком *-ець* < **-ьсь* при особових іменах характерне для історичної території Рівненщини цього періоду, напр.: (1570) *Ивашко Королец, Терешченя Мартинец, Оманка Швець*,⁴³ (1576) *Адам Кравец, Данило Кравецъ*,⁴⁴ (1603) *Якуб Кравец, Мендел Янковецъ*,⁴⁵ (1675) *Данко Креховец*.⁴⁶ Доступні нам ономастичні джерела засвідчують падіння їх активності у XVII–XVIII ст., що синхронізується з незначною кількістю прикладів, наведених, зокрема, в дослідженнях М. Худаша: *Иванъ Дубецъ та І. Митнік: (1620) Jasko Dermaniec, (1788) Hryčko Łysuniec, (1754) Hrys Krykuniec*.⁴⁸ Широко представлені прізвищеві назви з формантом *-ець* < **-ьсь* в регіональних пам'ятках XIX – початку XX ст. Тут вони входять до складу трилексемних антропонімних словосполучень: (1818) *Гриця Иванова Миронця*,⁴⁹ (1860) *Савва Яковлевъ Аврамецъ*,⁵⁰ (1886) *Тимошей Лукьян. Богданецъ*,⁵¹ (1913) *Нѣмецъ Яросл. Алдр., Андриецъ Вас. Ив.*.⁵² Регіональний матеріал формує думку про істинність твердження Р. Керсти, що «патроніми на *-ець* були особливо продуктивними в період формування українських прізвищ». ⁵³

Прізвища із варіантами суфікса **-ьсь* у слов'янських мовах

Давня вихідна слов'янська спільність морфологічного форманта *-ьсь* (<**-ько*) втілена в динаміці історичного розвитку загальної й антропонімної лексики практично усіх су-

³⁸ Описи Острожчини, с. д., с. 52, 59–63, 65.

³⁹ Архив Юго-западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. 8, Т. IV: Акты о землевладении в Юго-Западной России в XV–XVIII вв. Киев, 1907, с. 277–278.

⁴⁰ Архив Юго-западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. 8, Т. IV: Акты о землевладении в Юго-Западной России в XV–XVIII вв, с. д., с. 278.

⁴¹ Архив Юго-западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. 7, Т. I: Акты о заселении Юго-Западной России. Киев, 1886, с. 113–115.

⁴² Архив Юго-западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. 7, Т. I: Акты о заселении Юго-Западной России. Киев, с. д., с. 175–176.

⁴³ Описи Острожчини, с. д., с. 38, 50, 63.

⁴⁴ Описи Острожчини, с. д., с. 50.

⁴⁵ Описи Острожчини, с. д., с. 89, 97.

⁴⁶ Пура, Я. О.: Край наш у назвах, Ч. 2, с. 41.

⁴⁷ Худаш, М. Л.: З історії української антропонімії, с. д., с. 124.

⁴⁸ Mytnik, I.: Antroponimia Wołynia w XVI–XVIII wieku. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2010, s. 262, 265, 266.

⁴⁹ Метричні книги православних церков Ровенського повіту. 1818. ДАЖО, Ф. 1, Оп. 78, Спр. 1101, с. 568.

⁵⁰ Метричні книги православних церков Ровенського повіту. 1860. ДАЖО, Ф. 1, Оп. 78, Спр. 1148, с. 96.

⁵¹ Теодорович, Н. И.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. II: Уезды Ровенский, Острожский и Дубенский. Почаев, 1889, с. 733.

⁵² Довнар-Запольский, М. В.: Весь Юго-Западный край: справочная и адресная книга по Киевской, Волынской, Подольской губерниям. Киев, 1913, с. 851, 857.

⁵³ Керста, Р. Й.: Українська антропонімія XVI ст. Чоловічі іменування. Київ: Наук. думка, 1984, с. 80.

часних слов'янських мов, проте не в однаковій мірі. Деталізуємо висловлену тезу на характерних прикладах. Для забезпечення повноти і системності розгляду питання подамо узагальнений слов'янський фактаж XII–XV ст. із варіантами аналізованого суфікса, наведений І. Железняк: д.-рус. *Нерядець*, рос. *Воронец*, *Зубец*, словен. *Sveteц*, схв. **Хвальць*, *Хлапць*, *Любць*, *Прибць*, *Роубць*, *Мильць*, *Добрьць*, чес. *Bělec*, *Malec*, *Bolec*, *Budec*, **Slawec*.⁵⁴

Суфікс *-ec* не є типовим виразником патронімічності в польській мові на відміну від *-icz*, *-owicz/-ewicz*, де вони становлять більше половини всіх іменувань за батьком.⁵⁵ На північно-східному пограниччі Речі Посполитої у середні віки таких назв засвідчено небагато, однак, як зазначає Л. Дачевич, продуктивність їх помітно зросла в другій половині XVI ст., напр.: (1551) *Sciepan Chromiec*, (1558) *Stecz Bohdaniec*, (1560) *Žuk Kuprianiec*, (1565) *Matys Niedbalec*, (1571) *Panuta Michalec*.⁵⁶ Польські дослідниці Є. Вольнич-Павловська і В. Шуловська також відносять суфікс *-ec* до нечасто вживаних поляками на південно-східному пограниччя у XV–XIX ст. В інверсійному словнику досліджувальної вибірки прізвищ вони виділяють 22 онімні одиниці з цим формантом із 1968, що становить 1,1 %.⁵⁷ В онлайн-словнику сучасних прізвищ в Польщі, зокрема, із 3835 онімних одиниць на букву «К» таких назв 16: *Kawalec*, *Kierpiec*, *Kobiec*, *Kobylec*, *Kochaniec*, *Koniec*, *Kopiec*, *Korzec*, *Korzeniec*, *Kosiec*, *Kostrubiec*, *Kowalec*, *Koźielec*, *Kubieniec*, *Kulawiec*, *Kulec*, *Kupiec*,⁵⁸ що складає 0,4 % умовної вибірки.

Формування чеських прізвищ відбувалося протягом XIV–XVIII ст., а сучасна їх графічна форма бере свій початок із середини XIX ст., зазначається у словнику «Naše příjmení», укладеному Д. Молдановою за матеріалами науково-дослідної роботи Й. Бенеша. До переліку історичних прізвищевих назв на *-ec* віднесено, зокрема, такі антропоніми: (1373) *Bělec*, *Ulricus dictus Bielecz*; (1381) *Němec*; (1437) *Pivec*, *Waniek Piwce*; (1545) *Beyšovec*, *Jan Beyssowecz z Beyssowa*; (1520) *Kubec*, *kněz Jakub řečený Kubec*; (1585) *Palivec*, *Jan Palywczuow ze vsi Palywa*; (1745) *Němejce*, до сучасних відіменних: *Adamec*, *Bejšovec*, *Fabec*, < *Fabian*, *Grabec* < *Grab*, *Gregorec*, *Havlovec*, *Hradec*, *Jedlovec*, *Komberec*, *Kurtinec*, *Lehovec*, *Machanec*, *Makovec*, до відапелятивних: *Bezpalec*, *Golec*, *Hejtmánek*, *Holec*, *Hulec*, *Krupec*, *Myslivec*, *Mysliwec*, *Nohavec*, *Nosákovec*, *Sřelec*, *Surovec*, *Synovec*, *Šárovec*, *Šmoránek* та ін.⁵⁹ Антропонімі лексеми на *-ec* не відзначаються продуктивністю в чеській прізвищевій системі назв. У списку сучасних популярних прізвищ *Němec* посідає десяте, а *Brabec* – 151-е місце.⁶⁰

Патронімічні форми із закінченням *-ec* у словацькій мові, як зазначає А. Яношик, спочатку позначали сина батька, тобто нащадка першого покоління: *Adamec*, син батька *Adama*. Навпаки, тип по батькові *Mišovec* вказував на нащадка до другого покоління: *Mišovec* < *Mišov* < *Mišo* < *Michal*. Подібно формувалися матронімічні прізвища типу *Betinec syn Betin* (*Bet (a) + -in > Betin*).⁶¹ Однослівний спосіб іменування людей був характерним для середньовічного історичного періоду, однак, починаючи з XVII ст., йому на заміну при-

⁵⁴ Железняк, И. М.: Очерк сербохорватского антропонимического словообразования, с. д., с. 49.

⁵⁵ Пахомова, С. М.: Эволюция антропонимных формул у слов'янських мовах, с. д., с. 257.

⁵⁶ Dacewicz, L.: Historia nazwisk na kresach północno-wschodnich Rzeczypospolitej (XVI–XVIII w.), с. д., s. 78–81.

⁵⁷ Wolnicz-Pawłowska, E. – Szulowska, W.: Antroponimia polska na kresach południowo-wschodnich XV–XIX wiek. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1998, s. 214–215, 356.

⁵⁸ Skowronek, K., (red.): Internetowy słownik nazwisk w Polsce. Tryb dostępu: <https://nazwiska.ijppan.pl/> (06.11.2025).

⁵⁹ Moldánová, D.: Naše příjmení. Praha: Agentura Pankrác, 2010. 227 s.

⁶⁰ Moldánová, D.: Naše příjmení, с. д., s. 33, 125.

⁶¹ Janošik, A.: Rodinné mená na -ec, -ek a ich skloňovanie, с. д., s. 116–117.

йшов сучасний біномінальний спосіб іменування, який був офіційно кодифікований під час Йосифінських реформ наприкінці XVIII ст.⁶² Родові прізвища, які в давні часи позначали родинні стосунки по батькові чи матері, формалізувалися в сучасні офіційні назви і в їх семантиці зникла вказівка на патронімічність.

Системний підхід до систематизації прізвищ із суфіксом *-ec* за особливостями семантики твірних основ, методика якого може бути використана в подальшому процесі аналізу рівненських регіональних назв, здійснений словацькими лінгвістами А. Яношиком та М. Майтаном. Із дослідження А. Яношика наведемо приклади прізвищ, в яких відбита первісна демінутивна семантика – зменшувальна форма для позначення сина, нащадка батька, типу *Holubec* ‘маленький Holub у значенні дитини’: *Baganec, Baranec, Béhanec, Bublinec, Buchanec, Červenec, Diskanec, Drevenec, Drhajec, Gabalec, Hadrbutec, Holubec, Chlebovec, Chovanec, Kabarec* та ін.,⁶³ із дослідження М. Майтана – приклади прізвищ від імен, які поширені на всій словацькій мовній території і передають патронімічний «синівський» характер: *Adamec, Ďurec, Eštvanec, Filipec, Gašparec, Gregorec, Ištvanec, Janec, Janošec, Jurec, Kubec, Matejec, Martinec, Michalec, Mikulec, Milec, Ondrejec, Pavlec, Štefanec, Tomašec, Urbanec*.⁶⁴

Суфікс *-(e)c* у словенських прізвищах вказує на походження від імені батька. Так, зокрема, шляхом додавання до імені *Andraš* суфікса *-ec* утворене прізвище *Andrašec* з початковим значенням ‘sin Andraša’; від імені *Andrej* за допомогою складного суфікса *-ovec* утворене прізвище *Andrejovec* з первісним значенням ‘sin Andreja’.⁶⁵ Важливо зауважити, що в такому поясненні поєднуються демінутивна і патронімічна функції аналізованого форманта. Від топонімів і загальних назв середовищ виникли словенські прізвища *Korošec* і *Kranjec*, від прізвиськ за характерними фізичними особливостями чи рисами характеру – *Mavčec, Debevec*.⁶⁶

Від праслов’янського типу **-ъсь* походять схв. антропонімічні форми XII–XV ст. *-ъс-і -ас-*, причому, як зазначає І. Железняк, остання з’являється тільки з XIV ст.: **Хвальць, Добрьць, Вльць, *Станць, Станаць, Влькаць* та ін.⁶⁷ Суфікс *-ас*, на думку П. Шимуновича в назвах передає ознаку малості (*stol: stolac, Una: Unac*), в іменниках на означення живих істот ознаку молодості (*bratac, junac*), у прізвищах ознаки спорідненості, походження і патронімічності (*Jurac = mladi Jure, Jurinac = sin Jure*).⁶⁸ У покажчику прізвищ та особових імен його дослідження знаходиться всього біля сотні онімних одиниць із суфіксами *-ас* і *-ес*, причому їх кількості приблизно рівні. Серед прикладів відіменних прізвищ на *-ес*: *Ivanec, Janec, Jurec, Matošec*, відетнічних і відтопонімних: *Karlovac, Nemec, Španec*, відапелятивних: *Kožinec, Krivec, Malec, Palec, Prekupec, Sinovec, Tkalec, Zagorec* та ін.⁶⁹

Прізвищевий тип *-ец/-эц, -авец* на території Білорусі непродуктивний. Більшість суфіксальних утворень походять від основ топонімів: *Завадзінец < Завадзіна, Латыгалец < Латыгаль, Баравец < Баравое* чи *Баравья, Быхавец < Быхаў, Вальнец < Вальнь, Варанец < Вараны, Ліскавец < Ліскава, Суравец < Сураў, Тоўпінец < Тоўпіна*. Частині білоруських

⁶² Majtán, M.: O slovenských priezviskách, c. d., s. 16.

⁶³ Janošik, A.: Rodinné mená na -ec, -ek a ich skloňovanie, c. d., s. 119.

⁶⁴ Majtán, M.: O slovenských priezviskách, c. d., s. 36-37.

⁶⁵ Keber, J.: Leksikon priimkov, c. d., s. 39.

⁶⁶ Keber, J.: Leksikon priimkov, c. d., s. 11, 14.

⁶⁷ Железняк, И. М.: Очерк сербохорватского антропонимического словообразования, c. d., s. 49.

⁶⁸ Šimunović, P.: Naša prezimena, c. d., s. 134.

⁶⁹ Šimunović, P.: Naša prezimena, c. d., s. 317-359.

прізвищ із закінченням *-авець* відповідають власні чоловічі імена: *Міцькавець, Сцепанець, Ціханавець, Паўлавець, Піліпинець*.⁷⁰

У деяких слов'янських мовах похідні суфікси від **-ьсь* практично не використовуються в прізвищотворенні. Так, зокрема, серед півтори тисячі російських прізвищ, які розглядаються у популярному етимологічному словнику Ю. Федосюка відсутні особові назви на *-ець*. Якщо і трапляється твірна основа із суфіксом *-ець*, то прізвище оформлюється за допомогою інших, ментальних кінцівок, напр., *-ев*: *Званцев < звáнець, Карцев < карець, Коломийцев < коломиець, Марцев < мэрець, Ордынцев < ордынець, Саранцев < саранець, Хатунцев < хату́нець, Яранцев < Яра́нець, -ов*: *Кривцов < кривѣць, Одинцов < одинѣць, -кий*: *Конецкий < ко́нець, Корецький < Ко́рець, Липовецький < лі́повець, Марецький < мэ́рець*.⁷¹ У словнику болгарських імен та прізвищ С. Льчева репрезентовано тільки шість особових імен, які закінчуються на *-ець*: *Борець, Венець, Гелець, Ганець, Здравець, Вълчець* та поодинокі прізвища від основ на *-ець*, утворені за допомогою інших суфіксів, серед яких, зокрема: *Вълчецов < особового імені Вълчець, Конѣцовски < ко́нець 'край'*.⁷²

У сучасному українському прізвищотворенні Ю. Редько відносить суфікс *-ець < *-ьсь* до продуктивних і наводить статистичні показники його використання по регіонах держави. Відсоток таких назв серед досліджуваної вибірки вченого становить 3,56 %.⁷³ У Довіднику українських прізвищ зазначеного автора таких антропонімних одиниць більше сорока.⁷⁴ Наступні регіональні дослідження підкоректовують кількісні показники і географію їх продуктивності. Тепер, зокрема, можна стверджувати, що практика поширення прізвищ на *-ець* характерна для території Лубенщини (2,72 %), Середньої Наддніпрянщини (1,9 %), Центральної Хмельниччини (1,6 %),⁷⁵ півдня Волині (2,43 %),⁷⁶ Закарпаття (1,5 %).⁷⁷ Використання прізвищевих назв з аналізованим формантом на історичній території Рівненщини балансує на межі одного відсотка: у нашій вибірці це 29 одиниць із 2940. Серед сучасних прізвищ, засвідчених на території області лексеми з *-ець* (*-ець, -ець*) становлять більше як 2 % (439 онімних одиниць із понад 21,5 тис. вибірки). За даними телефонного довідника серед прізвищ обласного центру їх понад 3 % (378 із 12,2 тис.).⁷⁸ Наведені показники синхронізуються з даними суміжних українських і слов'янських територій.

Прізвища Рівненщини із суфіксом *-ець < *-ьсь*

У контексті аналізованого вище диференціюємо твірні основи регіональної дослідної вибірки прізвищ в рамках лексико-семантичного або семантичного і морфологічного способів їх творення (див. також інші класифікації прізвищ у слов'янських мовах⁷⁹). Невелика частина їх – це первинні прізвища, які постали в результаті лексико-семантичного переосмис-

⁷⁰ Мезенка, Г. М. (ред.): Беларуская антрапанімія. Віцебск: УА ВДУ імя П.М. Машэрава, 2009, с. 73-74.

⁷¹ Федосюк, Ю.: Русские фамилии: популярный этимологический словарь. Москва: Детская литература. 1972 с.

⁷² Илчев, С.: Речник на личните и фамилни имена у българите. София: БАН, 1969. 628 с.

⁷³ Редько, Ю. К.: Сучасні українські прізвища, с. d., с. 156, 205.

⁷⁴ Редько, Ю. К.: Довідник українських прізвищ. Київ: Радянська школа, 1968. 257 с.

⁷⁵ Ющишина, О. М.: Прізвищеві назви і прізвища Центральної Хмельниччини XVII–XXI ст.: дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Вінниця, 2019, с. 157.

⁷⁶ Лісова, Л. О.: Антропонімія півдня Волинської області: автореферат дисертації на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук. Луцьк, 2014, с. 10.

⁷⁷ Чучка, П. П.: Антропонімія Закарпаття, с. d., с. 318.

⁷⁸ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне. Режим доступу: <https://spravka109.net/ua/ukraine>>Рівне (дата звернення: 06.11.2025).

⁷⁹ Keber, J.: Leksikon priimkov, с. d., s. 11; Janošik, A.: Rodinné mená na -ec, -ek a ich skloňovanie, с. d., s. 116-119; Чучка, П. П.: Антропонімія Закарпаття, с. d., с. 318-323.

лення антропонімів чи апелятивних означень особи, в основах яких вже були морфологічні елементи *-ець* (*-ец*, *-ець*). Зовнішньо вони не відрізняються від своєї лексичної основи. У процесі антропонімізації відбулася лише формалізація вихідного слова до розряду прізвищ. Релевантними ознаками твірних основ, на нашу думку, мають стати відносна самостійність лексичної одиниці і віднесення до словникових статей тлумачних словників та наявність кореневого наголосу. За такими характеристиками, наприклад, відіменне прізвище *Мáлець*⁸⁰ від давнього особового імені *Малець*⁸¹ можна вважати лексико-семантичним утворенням. Тоді, з огляду на кореневе наголошення у прізвищі *Мáлець*, нам видається некоректним пояснення П. Чучки про його семантичне походження від гіпокористичного варіанта імені,⁸² оскільки в цьому випадку *Мáлець* < *Мал* є морфологічною формою з суфіксом *-ець*. Важко не погодитися з тезами П. Чучки про те, що в «відіменних прізвищах наголос, як правило, суфіксальний»⁸³ і Ю. Редька про утворення від демінутивних загальних назв із суфіксом *-ець* лексико-семантичним способом прізвищ типу: *Баранець*, *Кабанець*.⁸⁴ Однак, можна синергізувати їх, піднявши питання про послідовну реалізацію двох словотворчих способів: спочатку морфологічної демінутивації загальної назви *баранець* < *барán*, *кабанець* < *кабáн* і подальшої лексико-семантичної антропонімізації вторинних утворень: *Баранець*, *Кабанець*.⁸⁵

Із більшою долею ймовірності можна вести мову про походження прізвищ, утворених лексико-семантичним способом від апелятивних непохідних твірних основ. Серед них, зокрема, прізвищеві назви і прізвища, вихідні основи яких вказують на національну, діалектну та територіальну приналежність: *(1913) Нѣмецъ Ярослав. Алдр.*,⁸⁶ *Венгерецъ, Донецъ, Запорожець, Мазурецъ, Українець*,⁸⁷ *Володимирецъ*,⁸⁸ *Ординецъ*,⁸⁹ *Туровець*,⁹⁰ похідні від особових апелятивів, зокрема, агентивно-професійних й атрибутивних назв: *(1576) Ивашко Швець, Оманка Швець, Болтромаєи Швець, Адам Кравецъ, Пархвен Кравецъ, Данило Кравецъ*, (1603) *Якуб Кравецъ*, (1603) *Мартинъ Старецъ*,⁹¹ *(1881) Николай Ксенофонт. Моргулецъ*,⁹² *Борець*,⁹³ *Красноголовецъ*,⁹⁴ похідні від неособових апелятивів, позначень природних реалій і різних абстракцій: *Бігунець, Горобець, Мізинець, Рубанецъ*,⁹⁵ *Гаманець*,⁹⁶ *Голубець, Самець*,⁹⁷ *Смалець, Сосонецъ*⁹⁸ та ін.

Переважає більшість особових назв досліджуваної регіональної вибірки утворена морфологічним способом. Перш за все, це відіменні прізвища, утворені додаванням су-

⁸⁰ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. IV. Рівне, 1989, с. 72.

⁸¹ Чучка, П. П.: Слов'янські особові імена українців: історико-етимологічний словник. Ужгород: Ліра, 2011, с. 227.

⁸² Чучка, П. П.: Антропонімія Закарпаття, с. d., с. 318.

⁸³ Чучка, П. П.: Антропонімія Закарпаття, с. d., с. 319.

⁸⁴ Редько, Ю. К.: Сучасні українські прізвища, с. d., с. 126.

⁸⁵ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. V. Рівне, 1990, с. 8, 61.

⁸⁶ Довнар-Запольский, М. В.: Весь Юго-Западный край: справочная и адресная книга по Киевской, Волынской, Подольской губерниям, с. d., с. 851.

⁸⁷ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

⁸⁸ Кривко, М. П. – Губанов, О. В. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 3. Рівне: ПП ДМ, 2013, с. 542.

⁸⁹ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 4. Рівне, 2002, с. 229.

⁹⁰ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3. Рівне, 1997, с. 261.

⁹¹ Описи Острожчини, с. d., с. 50, 89, 97.

⁹² Теодорович, Н. И.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. II: Уезды Ровенский, Острожский и Дубенский, с. d., с. 899.

⁹³ Кривко, М. П. – Губанов, О. В. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 3, с. d., с. 330.

⁹⁴ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. d., с. 202.

⁹⁵ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

⁹⁶ Павлюк, С. І – Савчук, О. І.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 4. Рівне: ПП ДМ, 2014, с. 87.

⁹⁷ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 4, с. d., с. 179, 242.

⁹⁸ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. d., с. 251, 252.

фікса *-ець* (*-ец*, *-ець*) до календарних християнських чи давніх слов'янських чоловічих імен. Від різних структурних варіантів і давності таких особових назв походять прізвища: (1576) *Терешчення Мартинець*,⁹⁹ (1818) *Гриця Иванова Миронця*,¹⁰⁰ (1860) *Савва Яковлевъ Аврамець*,¹⁰¹ (1913) *Андрієць Вас. Ів.*,¹⁰² *Антипець*, *Антонець*, *Брунець*,¹⁰³ *Василець*,¹⁰⁴ *Данилець*, *Климець*, *Лазарець*, *Макарець*, *Наумець*, *Никонець*, *Якимець*, *Яковець*,¹⁰⁵ *Гаврилець*, *Гринець*, *Довгалець* < давнього *Дьлга*, *Кононець*,¹⁰⁶ *Захарець*,¹⁰⁷ *Іванець*, *Карпець*, *Касянець*, *Романець*, *Устимець*, *Федорець*, *Юхимець*, *Якубець*,¹⁰⁷ *Юрець*.¹⁰⁸

Зазначені регіональні прізвищеві назви і прізвища відбивають родинні мотиваційні зв'язки їх першого носія. Питання ж встановлення первинної субстанції (особового імені чи прізвиська) від якої постало сучасне формальне асемантичне утворення є проблематичним. Якщо слідувати за логікою пояснення Ю. Редька, то аналізовані назви є результатом лексико-семантичного перетворення власних імен із відтінком пестливості у прізвища,¹⁰⁹ напр.: *Василець* < *Василь*, *Гринець* < *Гринь* < *Григорій*. У той же час П. Чучка не заперечує можливості семантичного перетворення прізвиська людини *Василець* за іменем її батька *Василя* у прізвище *Василець*.¹¹⁰ Перша теза свідчить про патронімічну пролонгацію демінутивної функції суфікса *-ець*, друга – про давність антропонімічних і демінутивних похідних з ним.

Тематичне групування відапелятивних прізвищ зручно здійснити за методикою словотвірних моделей, яка передбачає додавання форманта до різних твірних основ: іменника, прикметника, дієслова тощо та їх диференціацію за загальними словотвірними значеннями.¹¹¹ Так, зокрема, в результаті суфіксального народження іменникової твірної основи зі значенням «особа – носій предметної ознаки» могли утворитися регіональні прізвища: (19 ст.) до *Мар'яна Хамця*,¹¹² (1818) *Андрея Васильєва Литвинця*, *Іосифа Васильєва Ковальця*,¹¹³ *Атаманець*, *Бондарець*, *Кухарець*, *Фурманець*,¹¹⁴ *Козярець*, *Столярець*,¹¹⁵ *Токарець*¹¹⁶ та ін. Прикметникові суфіксальні основи зі значенням «особа – носій певної атрибутивної ознаки» відбиті у прізвищах: (1913) *Голець Іос. Іос.*,¹¹⁷ *Рябець*,¹¹⁸ *Кудрявець*,

⁹⁹ Описи Острожчини, с. д., с. 63.

¹⁰⁰ Метричні книги православних церков Ровенського повіту. 1818, с. д., с. 568.

¹⁰¹ Метричні книги православних церков Ровенського повіту. 1860, с. д., с. 96.

¹⁰² Довнар-Запольский, М. В.: Весь Юго-Западный край: справочная и адресная книга по Киевской, Волынской, Подольской губерниям, с. д., с. 857.

¹⁰³ Кривко, М. П. – Губанов, О. В. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 3, с. д., с. 143, 378.

¹⁰⁴ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. д.

¹⁰⁵ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. д., с. 166, 173, 181, 199.

¹⁰⁶ Павлюк, С. І – Савчук, О. І.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 4, с. д., с. 489.

¹⁰⁷ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. IV, с. д., с. 46, 49, 102, 127, 128, 151, 152.

¹⁰⁸ Данилюк, Ю. В. – Коваль, В. С. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 9. Рівне: ТЗОВ «Овід», 2019, с. 460.

¹⁰⁹ Редько, Ю. К.: Сучасні українські прізвища, с. д., с. 126.

¹¹⁰ Чучка, П. П.: Антропонімія Закарпаття, с. д., с. 319.

¹¹¹ Кровицька, О.: Назви осіб в українській мовній традиції XVI–XVIII ст. Семантика і словотвір. Львів, 2002, с. 84–85.

¹¹² Цинкаловський, О.: Стара Волинь і Волинське Полісся. Т. 2. Вінніпер: Volyn Society, 1986, с. 509.

¹¹³ Метричні книги православних церков Ровенського повіту. 1818, с. д., с. 216, 218.

¹¹⁴ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. д., с. 145, 154, 206, 264.

¹¹⁵ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. I. Рівне, 1984, с. 41, 57.

¹¹⁶ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. д.

¹¹⁷ Довнар-Запольский, М. В.: Весь Юго-Западный край: справочная и адресная книга по Киевской, Волынской, Подольской губерниям, с. д., с. 745.

¹¹⁸ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 4, с. д., с. 241.

Рабѣць, Слабѣць.¹¹⁹ Від дієслівних дериватів за ознакою «особа – виконавець певної дії» утворено прізвища: **Бурець**,¹²⁰ **Гомонѣць**, **Коновалець**,¹²¹ **Скаржинець**, **Скулинець**,¹²² від дісприкетникових основ: **Вихованець**,¹²³ **Годованець**,¹²⁴ від числівникової: **Одинець**.¹²⁵

Серед палітри місцевих прізвищ побутують похідні від неособових апелятивів, напр.: **Бухалець** (< бухало 'великий барабан'), **Вербець**, **Комарець**,¹²⁶ **Дубарець**,¹²⁷ **Качурець**, **Ковтунець**, **Кордонець**,¹²⁸ конфіксальних загальних назв: **(1570) Антон Заголец**,¹²⁹ **Закор-донець**¹³⁰ та ін.

Рясний спектр антропонімічного фактажу з території історичної і сучасної Рівненщини з суфіком *-ець* спонукає звертати увагу на ще одну важливу його функцію – морфологічну, що полягає у творенні нових ускладнених морфем. Унаслідок різних фонетичних процесів (усічення кінцевих голосних у твірних основах, нарощення додаткових звукосполучень тощо) і сполучення аналізованого наростка з іншими морфемами виникають вторинні складні суфікси: *-анець*, *-енець*, *-євець*, *-инець*, *-овець*, *-ецький* та ін. Перші три з них неособливо продуктивні у творенні прізвищ, тому обмежимося прикладами: **Надісвець**, **Рубанець**, **Хованець**,¹³¹ **Городенець**,¹³² **Алексєєвець**.¹³³ Виникнення двоморфемного суфікса *-инець* пов'язане з результатом послідовного сполучення посесивного прикметникового форманта *-ин*, який початково виражав родинну залежність й іменував сина за матір'ю чи батьком, внука за бабусяю і демінутивного іменникового доповнення із субстантивуючою роллю. При утворенні прізвищ складний наросток *-инець* доєднувався до антропонімів й апелятивів, які закінчувалися переважно на *-а*. Динаміка цього процесу переконливо моделюється дуплетними прізвищевими парами, похідними від власних імен: **Кузьма** > **Кузьмин** > **Кузьминець**¹³⁴ (семантика прізвища **Кузьмин** передавала посесивну залежність нащадків від батька, а **Кузьминець** – якість зменшено-пестливої форми (найменший із синів), **Марта** > **Мартин** > **Мартинець**,¹³⁵ прізвиस्क чи апелятивів: **Баба** > **Бабин** > **Бабинець**,¹³⁶ **Груша** > **Грушин** > **Грушинець**.¹³⁷ Серед переліку прізвищ також: **(1913) Козлинець**,¹³⁸ **Олинець**, **Паращинець**,¹³⁹ **Танчи-**

¹¹⁹ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. V, с. d., с. 83, 134, 149.

¹²⁰ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. d., с. 158.

¹²¹ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. V, с. d., с. 35, 75.

¹²² Данильчук, О. Ю. – Муляренко, О. В. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 8. Рівне: Дятлик, 2018, с. 339, 352.

¹²³ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 4, с. d., с. 172.

¹²⁴ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. d., с. 170.

¹²⁵ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

¹²⁶ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. d., с. 158, 161, 198.

¹²⁷ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

¹²⁸ Павлюк, С. І. – Савчук, О. І. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 5. Рівне: ПП ДМ, 2014, 177, 294, 373.

¹²⁹ Описи Острожчини, с. d., с. 41.

¹³⁰ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

¹³¹ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

¹³² Павлюк, С. І. – Савчук, О. І. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 4, с. d., с. 181.

¹³³ Кривко, М. П. – Губанов, О. В. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 3, с. d., с. 122.

¹³⁴ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

¹³⁵ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

¹³⁶ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. d., с. 146, 164.

¹³⁷ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

¹³⁸ Довнар-Запольский, М. В.: Весь Юго-Западный край: справочная и адресная книга по Киевской, Волынской, Подольской губерниям, с. d., с. 847.

¹³⁹ Телефонний довідник України. За алфавітом. Рівне, с. d.

нець¹⁴⁰ та ін. Прізвища з «пізньослов'янським патронічним формантом у широкому значенні цього терміна» характерні для території Українського Закарпаття і слов'янських мов Карпато-Дунайського басейну¹⁴¹ виділені в окремий словотворчий тип і детально проаналізовані П. Чучкою.¹⁴² Однак згадане дослідження, викладки Ю. Редька¹⁴³ і зібраний нами ономастичний матеріал ставить низку нерозв'язаних або суперечливих запитань, наприклад, щодо утворення сучасних формалізованих (без демінутивних ознак) прізвищ не від присвійних прикметників на -ин + -ець, а безпосередньо від іменників на -а за допомогою готового двоморфемного суфікса -инець, про відмінні від -а закінчення твірних основ, напр.: **Вакарінець**¹⁴⁴ < *вакар* 'пастух худоби',¹⁴⁵ про наголошеність кореня і суфікса, пор.: **Данчинець**¹⁴⁶ і **Лесінець**¹⁴⁷ тощо, які, на нашу думку, можуть в подальшому бути вирішеними з прив'язкою до конкретно вибраного антропоніма.

Складний патронічний формант -овець (-ов + -ець) причетний до утворення більше сотні прізвищ історичної Рівненщини. Серед них відіменні назви: (1603) **Мендел Янковець**,¹⁴⁸ (1818) **Іоаннь Яновець**,¹⁴⁹ **Борисовець**, **Васьковець**, **Демковець**, **Денисовець**, **Климовець**, **Макаровець**,¹⁵⁰ **Гришковець**, **Даниловець**, **Зінковець**,¹⁵¹ **Карповець**, **Лук'яновець**, **Петровець**,¹⁵² **Левковець**, **Леськовець**,¹⁵³ похідні від особових апелятивів: **Басовець**, **Батьковець**,¹⁵⁴ **Дідовець**,¹⁵⁵ **Русовець**,¹⁵⁶ похідні від неособових апелятивів: **Береговець**, **Боковець**, **Боровець**, **Дубовець**, **Таборовець**,¹⁵⁷ **Бродовець**, **Грушовець**,¹⁵⁸ **Грабовець**, **Козловець**, **Садовець**¹⁵⁹ та ін.

Деякі історичні династії іменування, серед яких, зокрема: (1572) **пань Івань Тихнович Порьванецкий**,¹⁶⁰ (1643) **князя Льва-Николая Соломирецакого**¹⁶¹ та відапелятивні прізвищеви назви (1576) **Михал Деревенецкий**,¹⁶² (1596) **Петра Воронецького**¹⁶³ та ін. утворено за допомогою складного суфікса -ець-к-ий.

¹⁴⁰ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. д., с. 256.

¹⁴¹ Чучка, П.: Прізвища закарпатських українців: історико-етимологічний словник. Львів: Світ, 2005, с. XXXIII.

¹⁴² Чучка, П. П.: Антропонімія Закарпаття, с. д., с. 321-323.

¹⁴³ Редько, Ю. К.: Сучасні українські прізвища, с. д., с. 125-126.

¹⁴⁴ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. IV, с. д., с. 18.

¹⁴⁵ Бусел, В. Т. (ред.): Великий тлумачний словник української мови. Київ, Ірпінь: Перун, 2005, с. 108.

¹⁴⁶ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. I, с. д., с. 36.

¹⁴⁷ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. IV, с. д., с. 66.

¹⁴⁸ Описи Острожчини, с. д., с. 97.

¹⁴⁹ Метричні книги православних церков Ровенського повіту. 1818, с. д., с. 190.

¹⁵⁰ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. V, с. д., с. 15, 22, 42, 69, 99.

¹⁵¹ Павлюк, С. І – Савчук, О. І. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 4, с. д., с. 223, 270, 511.

¹⁵² Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. I, с. д., с. 40, 45, 51.

¹⁵³ Драганчук, М. М. – Муляренко, О. В. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 6. Рівне: Дятлик, 2016, с. 143, 164.

¹⁵⁴ Кривко, М. П. – Губанов, О. В. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 3, с. д., с. 210, 215.

¹⁵⁵ Павлюк, С. І – Савчук, О. І. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 4, с. д., с. 342.

¹⁵⁶ Данильчук, О. Ю. – Муляренко, О. В. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 8, с. д., с. 183.

¹⁵⁷ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. I, с. д., с. 30, 31, 37, 58.

¹⁵⁸ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 4, с. д., с. 167, 181.

¹⁵⁹ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. д., с. 172, 197, 244.

¹⁶⁰ Архив Юго-западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. 8, Т. III: Акты о брачном праве и семейном быте в Юго-Западной Руси в XVI–XVII вв. Киев, 1909, 256.

¹⁶¹ Теодорович, Н. И.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. Т. II: Уезды Ровенский, Острожский и Дубенский, с. д., с. 594.

¹⁶² Описи Острожчини, с. д., с. 66.

¹⁶³ Цинкаловський, О.: Стара Волинь і Волинське Полісся. Т. I. Вінніпер: Volyn Society, 1984, с. 543.

Інколи походження прізвища витлумачити однозначно важко, напр. (1570) *Ивашко Королец*¹⁶⁴ – семантична антропонімізація назви птаха чи суфіксальне похідне з наростком *-ець* (пор. різноаспектні підходи до тлумачення твірних основ словенських прізвищ, напр.: *Ajdovec* від назви поселення *Ajdovec* – ‘житель Айдовця’ чи від загального слова *ajdovec* ‘хліб із гречаного борошна, гречаного меду’¹⁶⁵), або пояснити важко взагалі, напр.: *Глабѣць*,¹⁶⁶ *Горковець*¹⁶⁷ тощо. Частина прізвищ мотивована місцевими діалектними основами, напр.: *Бовшовець* (діал. *бовша*, *бовкун* ‘мовчазний’), *Воробець*, *Галганець* (діал. *галган* ‘нероба, гультай’), *Мозговець*¹⁶⁸ (діал. *мозгун* ‘розумний’) та ін.

Висновки і перспективи подальших досліджень

За результатами опрацювання теоретичних і прикладних ономастичних джерел можна сформулювати думку про питомість і характерність аналізованого суфікса слов'янському мовному середовищу. Витоки українського суфікса *-ець* < **-ьсь* сягають давнього **-iko-*, який розвинувся на праїндоевропейському рівні з короткої форми *-k-*. Використовується наросток для творення загальних назв на позначення осіб чоловічого роду (агентивних, зменшувальних тощо), антропонімів (в т. ч. прізвищевих назв і прізвищ), нових ускладнених морфем. Семантика утворених прізвищ еволюціонувала від демінутивно-гіпокористичної до посесивно-патронімічної і сучасної офіційно-формальної.

Давня вихідна слов'янська спільність морфологічного форманта **-ьсь* успадкована практично всіма слов'янськими мовами, проте не в однаковій мірі. У словацькій мові, зокрема, побутують демінутивні та патронімічні прізвища, у болгарській вони практично відсутні. У сучасному українському прізвищотворенні суфікс *-ець* < **-ьсь* належить до продуктивних формантів. Прізвищеві назви з ним засвідчені на історичній Рівненщині з XVI ст. У сучасній системі прізвищ вони становлять більше як два (в обласному центрі понад три) відсотки від дослідної вибірки.

Невелика частина регіональних прізвищ утворена лексико-семантичним способом від основ з уже наявними морфологічними елементами *-ець* (*-ець*, *-иць*), більшість шляхом суфіксального нарощення. Серед твірних основ власні особові імена та інші антропоніми, відіменникові, відприкметникові та віддієслівні апелятиви.

Перспективи подальших досліджень пов'язані з вивченням особливостей формування і розвитку прізвищевих систем у широкому слов'янському і регіональному аспектах.

¹⁶⁴ Описи Острожчини, с. д., с. 38.

¹⁶⁵ Keber, J.: *Leksikon priimkov*, с. д., s. 35.

¹⁶⁶ Пура, Я. О.: Сучасні прізвища Рівненщини. Ч. V, с. д., с. 32.

¹⁶⁷ Павлюк, С. І – Савчук, О. І. та ін.: Реабілітовані історією. Рівненська область. Кн. 4, с. д., с. 179.

¹⁶⁸ Пура, Я. О.: Край наш у назвах. Ч. 3, с. д., с. 153, 165, 166, 219.

Priezviská regiónu Rivne s príponou *-ec* < **-bcb* na slovanskom pozadí

Svitlana Shyika

Článok je venovaný výskumu osobitostí tvorenia a vývinu priezvisk v Rivnen regióne – staroveké ukrajinské územie so zachovanou autenticitou a jazykovým rôznorodostiam so sufixom *-ec* < **-bcb* na slovanskom základe. Je potrebné poznamenať, že príponu s protoindoeurópskymi koreňmi zdedili všetky slovanské jazyky využíva sa pri tvorbe všeobecných názvov osôb, priezvisk a zložených derivačných morfé. V ukrajinskom tvorení priezvisk patrí k produktívnym formantom.

Priezviská s touto príponou sú v regióne Rivne doložené od 16. storočia. Pri novodobých priezviskách predstavujú vyše dve percentá analyzovanej vzorky. Malá časť regionálnych priezvisk je odvodená lexikálno-sémantickým spôsobom od základových slov pomocou prípony *-ec*, väčšina pomocou sufixálnej akrecie. Medzi odvodzovacími základmi dominujú vlastné mená a apelatíva substantívneho, adjektívneho a slovesného pôvodu.

ВАЛЕНТИНА ТИТАРЕНКО*

Назви одягу та взуття тюркського походження в північноукраїнських пам'ятках XVI–XVII ст.

TYTARENKO, V.: Names of Clothing and Footwear of Turkic Origin in Northern Ukrainian Monuments of the 16th–17th Centuries. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 241–249 (Bratislava).

The article analyzes words of Turkic origin found in Northern Ukrainian texts of the 16th–17th centuries. It is noted that Turkisms actively penetrated the Ukrainian language primarily with the realia they denoted. It was traced based on the dictionary of the Ukrainian language of the 14th–15th centuries that most of the analyzed lexemes entered the recipient language in the 16th–17th centuries. In the process of development, only isolated Turkisms passed into the passive vocabulary (*делія, делюра*), while the majority remained in active use, undergoing various lexico-semantic processes: expansion of lexico-semantic variants (*срмяк, жупан, кафтан, колтак, сукман, опанча, шлик*), which was connected with a change in the external appearance of the realia; narrowing of semantics (*kobeniak*), semantic re-integration (*башмак, кобеняк, кунтуш, кутас, чобот, чуга, шуба*), and specialization of meanings (*башмак, чобот*).

Lexical dynamics, borrowings, lexical-semantic processes, Northern Ukrainian dialect, Old Ukrainian language, turkicisms.

Північне (поліське) наріччя – одне з трьох наріч української мови, поширене на півночі України, на півдні Білорусі, сході Польщі, частково Росії.¹ Воно є давнім, тому в ньому зберігається багато архаїчних рис на різних мовних рівнях, зокрема й слова, аналіз яких дозволяє простежити лексико-семантичні процеси, що в них відбувалися впродовж кількох століть. Щоправда, через відсутність проміжних фіксацій лексем (XVIII–XIX ст.) часто неможливо остаточно визначити, у який саме період відбулися зміни. Виразні ознаки північноукраїнського наріччя виокремлюються в багатьох пам'ятках XVI–XVII ст. (рефлексія $\text{ѣ} \rightarrow \text{е}$, $\text{ѣ} \rightarrow \text{е}$ (у ненаголошеній позиції) тощо (детальніше див. працю В. Мойсієнка²)), оскільки тогочасне мовлення північної території функціovalo як один із

* Валентина Миколаївна Титаренко (Valentyna Tytarenko), доцент, кандидат філологічних наук, ORCID: 0000-0003-4425-4670, Житомирський державний університет імені Івана Франка, Житомир, Україна, tytarenkova@ukr.net

¹ Українська мова: Енциклопедія / НАН України, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні, Інститут української мови; редкол.: В. М. Русанівський (співголова), О. О. Тараненко (співголова), М. П. Зяблюк та ін. 2-ге вид., випр. і доп. Київ: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2004. С. 482.

² Мойсієнка, В.: Фонетична система українських поліських говорів у XVI–XVII ст.: монографія. Житомир, 2006. С. 13–16, 379–384; Мойсієнка, В.: Історична діалектологія української мови. Північне (поліське) наріччя: підручник. Київ, 2016. С. 27–31.

стандартів літературно-писемної староукраїнської мови. Тому доцільно аналізувати окремі мовні явища саме в пам'ятках цього ареалу та простежувати зміни на сучасному етапі.

У дослідженні схарактеризовано матеріал конкретного територіально-мовного утворення, тому при відборі пам'яток особливого значення надавали встановленню їх точної локалізації. Джерелами для статті слугували опубліковані тексти XVI–XVII ст. із північноукраїнських територій (акти городських, підкоморських та земських урядів із Володимир-Волинського, Луцька, Житомира, Овруча, Києва, грамоти, універсали як державного рівня, так і приватні).

У становленні групи назв одягу в українській мові XVI–XVII ст. помітну роль відігравали різноманітні запозичення, з-поміж них відчутними були тюркські впливи. Слова тюркського походження найчастіше проникали разом із позначуваною реалією. Це були речі, які належали переважно представникам заможних верств населення, одяг був всіляких видів, виготовлений із різної тканини, різноманітно оздоблений. Еволюція таких номенів на північноукраїнських землях була різною: одні вийшли з ужитку разом із реалією, інші функціують і нині в поліських говірках, а частина назв почала позначати інші реалії, від окремих слів засвідчено похідні утворення.

Грунтовні розвідки про тюркські впливи в слов'янському мовознавстві можна прочитати в працях відомого польського тюрколога С. Стаховського. Окрім статей,³ автор опублікував лексикографічні праці «Słownik historyczny turcyzmów w języku polskim»⁴ та «Słownik historyczno-etymologiczny turcyzmów w języku polskim»⁵ у яких висвітлено багатомісний польсько-турецькі контакти, подано історію та етимологію слів тюркського походження в польській мові, проілюстровано вживанням у польських текстах. Тюрксько-українські контакти та запозичення з тюркських мов в українській вивчали О. Гаркавець,⁶ Д. Гринчишин,⁷ В. Лучик,⁸ О. Макарушка,⁹ М. Рогаль,¹⁰ Ф. Туранли,¹¹ Р. Юналаєва,¹² Г. Халимоненко¹³ та інші мовознавці. Тюркізми як складова ширших студій в українській лінгвістиці були предметом досліджень Г. Войтів,¹⁴ С. Гриценко.¹⁵ У цій розвідці на матеріалі північноукраїнських пам'яток XVI–XVII ст. і лексикографічних праць XX–XXI ст.,

³ Stachowski, S.: Turcyzmy w języku ukraińskiej prozy pamiętnikarskiej pierwszej połowy XVIII wieku. In: Bolek, A., Fałowski, A., Zinkiewicz-Tomanek, B. (Eds.): Słowianie wschodni. Między językiem a kulturą. Kraków. 1997. С. 151–157.

⁴ Stachowski, S.: Słownik historyczny turcyzmów w języku polskim. Kraków, 2007.

⁵ Stachowski, S.: Słownik historyczno-etymologiczny turcyzmów w języku polskim. Kraków, 2014.

⁶ Гаркавець, О. М.: Українсько-тюркські мовні контакти. In: Енциклопедія «Українська мова». Київ, 2004. С. 747–748.

⁷ Гринчишин, Д. Г.: Тюркські лексичні запозичення в пам'ятках мови XIV–XVII ст. In: Й. Дзедзелівський (Ed.): Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами. Тези доповідей. Ужгород, 1982. С. 7–9; Гринчишин, Д. Г.: Лексичні запозичення з тюркських мов. In: Українська історична та діалектна лексика. Київ, 1995. Вип. 2. С. 89–104.

⁸ Лучик, В. В.: Тюркізми в гідронімії середнього Дніпро-Бузького межиріччя. II. Мовознавство. 1996, 2–3. С. 17–27.

⁹ Макарушка, О.: Словар українських виразів, перейнятих з мов тюркських. In: Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1895. Т. V. Кн. 1. С. 1–14.

¹⁰ Рогаль, М. С.: Тюркські лексичні запозичення в українських літописах к. XVII – поч. XVIII ст. In: З історії української та інших слов'янських мов. Київ, 1965. С. 171–192.

¹¹ Туранли, Ф. Г.: Літописні твори М. Сена'ї та Г. Султана як історичні джерела. Київ, 2000.

¹² Юналаєва, Р. Л.: Про тюркізми – назви одягу у східнослов'янських мовах. Мовознавство. 1982, 4. С. 50–57.

¹³ Халимоненко, Г. І.: Тюркська військова лексика у мовленні українського козацтва / Дис. ... канд. філол. наук: 10.01.01. Київ, 1993. Халимоненко, Г. І.: Тюркізми у професійно-виробничій лексиці української мови (Лексика тваринництва) / Дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.13; 10.01.01. Київ, 1996.

¹⁴ Войтів, Г. В.: Назви одягу в пам'ятках української мови XIV–XVIII ст. [Текст] : дис...канд. філол. наук: 10.02.01. Львів, 1995; Войтів, Г. В.: Загальні назви одягу в писемних пам'ятках української мови: Українська лексика в історичному та ареальному аспектах. Київ, 1991. С. 66–77.

¹⁵ Гриценко, С.: Динаміка лексики української мови XVI–XVII ст. Київ, 2017.

предметом опису яких є поліське наріччя, простежимо лексико-семантичні зміни в назвах одягу тюркського походження досліджуваного ареалу. У статті термін тюркізм розуміємо як «різновид запозичення; слово, його окреме значення, вислів тощо, запозичені з тюркських мов або через їхнє посередництво з деяких інших мов (переважно з арабської та перської) чи утворені за їхніми зразками».¹⁶

У тематичній групі назв одягу з усіх запозичень, засвідчених у пам'ятках XVI–XVII ст., у сучасних північноукраїнських говірках найбільше збереглося тюркізмів. Виявлена з кінця XVI ст. лексема *бачмакги* (тур. *başmak* [ЕСУМ I, с. 155–156]) ‘черевики’: *побрали ... боты козловые новые, бачмакги сафяновые, поясъ сребный* (Луцьк, 1596; АрхЮЗР 3/I, с. 113; цит. за СЛУМ 2, с. 30); у дещо зміненому фонетичному оформленні функціює в сучасних північноукраїнських говірках: *башмак* ‘взуття з дерев'яними підошвами’; ‘чоловічий черевик із телячої шкіри’; ‘жіноче взуття довжиною вище кісточки, із каблуками, часто зі шнурками’; ‘старе розтопане взуття’ [Гримашевич, с. 17]; ‘взуття з валової шкіри’ [Пономар, с. 170]. У слові відбулася спеціалізація семантики: у говірках не закріплено за лексемою загальної назви взуття – ‘черевик’, а позначає вона окремі види. Також в одній говірці відзначено семему ‘головний убір заміжньої жінки у формі шапочки з поздовжнім розрізом ззаду, очіпок’ [Гримашевич, с. 17], імовірно, що відбулося перенесення назви (можливо, за подібністю форми) на іншу реалію.

Активно в пам'ятках у різних фонетико-графічних варіантах використовувалася лексема *єр'макъ, є(р)макъ, ермякъ, о(р)макъ, я(р)ма(к), кєрмакъ, кєрмакъ* (п. *giermak / jermak*, тур. *ärmək* [BES I, с. 423]) ‘кобеняк: довгий із відлогами чоловічий одяг із овечого сукна’: *є(р)ма(к) блаки(т)ны(и) лу(н)ски(и) и(з) шнурами шо(л)ку чи(р)воно(го), за которо(го) дано копъ две и гроше(и) пє(т)дєса(т) два ли(ч)бы лито(в)ское* (Володимир, 1578; ТУ, с. 171); *кє(р)макъ чо(р)ны(и) фалє(н)дышовы(и), коштова(л) золоты(х) три(д)ца(т)* (Володимир, 1605; ТУ, с. 239). Як зазначає Т. Мініковська, аналізована лексема, імовірно, у формі *яр-макъ* через староукраїнську мову потрапила до польської. На польському ґрунті відбулася фонетична зміна *j* в *g*, яку етимологи однозначно не можуть пояснити.¹⁷ Можливо, графічне варіювання слова в північноукраїнських пам'ятках свідчить про різні шляхи проникнення номена: безпосередньо з тюркських мов (із початковим *є*, *я* та *ω*) та про вторинне запозичення з польської (з початковим *кє*), на що може вказувати й пізніший час фіксації в текстах у формі з *кє*. Лексема з розширеною семантичною структурою функціює в середньополіських говірках: *арм'як* ‘короткий піджак’, ‘короткий теплий зимовий одяг із домотканого сукна’, ‘кожух, покритий сукном’, ‘кожух із овчини’, ‘широка свита з тонкого сукна без бортів’, ‘довгий верхній зимовий чоловічий одяг’ [Гримашевич, с. 14]).

У пам'ятках другої половини XVI ст. занотовано лексему *жупанъ* (стп. *župan*, іт. *giubonne*, *diuronne*, араб. *džubbah* [ЕСУМ II, с. 209]) ‘жупан: верхній одяг, оздоблений хутром та позументом’: *жупанъ ча(р)ны(и) канавацовы(и), которы(и) коштова(л) золоты(х) соро(к)* (Володимир, 1605; ТУ, с. 239), яка, імовірно, потрапила в поліський варіант староукраїнської мови через посередництво польської разом із реалією, оскільки жупан в Польщі свого часу був звичайною частиною шляхетського костюма, хоча його крій в Україні мало в чому відрізня-

¹⁶ Гринчишин, Д. Г.: Лексичні запозичення з тюркських мов. Ін: Українська історична та діалектна лексика. Київ, 1995. Вип. 2. С. 90; Гаркавець, О. М.: Українсько-тюркські мовні контакти. Ін: Енциклопедія «Українська мова». Київ, 2004. С. 747–748.

¹⁷ Minikowska, T.: Wyrazy ukraińskie w polszczyźnie literackiej XVI w. Warszawa-Poznań-Toruń: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980. 175 s.

нявся від звичайної жіночої свити.¹⁸ Напевно, у процесі розвитку назва *жупан* стала номінувати іншу реалію, ніж первинно, бо ще Хв. Вовк зазначав у XIX ст., що тепер вона вже цілком вийшла з ужитку та стала рідкістю, навіть у старих козацьких родинах, до такої міри, що в наші часи нам відомі тільки два-три екземпляри в колекціях українських музеїв.¹⁹ На поліському лінгвальному просторі для слова характерна строкатість лексико-семантичних варіантів, оскільки в деяких говірках лексема позначає чоловічий одяг, у деяких жіночий, в окремих уключає ознаки кольору, довжини, матеріалу, з якого виготовлена тощо: ‘чоловічий одяг із сукна з довгими полами’, ‘чоловіче пальто’, ‘чоловіче пальто з хутряним коміром’, ‘чоловіче осіннє пальто’, ‘короткий чоловічий одяг з якісного сукна’, ‘чоловічий одяг із синьої китайки’, ‘чоловічий каптан із грубої тканини’, ‘кожух’, ‘червоний кожух’, ‘коротка шубка’, ‘свита з грубого домотканого сукна’, ‘тепліший піджак із великим коміром’ ‘чоловічий піджак’, ‘чоловіча сорочка’, ‘чоловіча накидка’, ‘жилетка’, також наявне похідне утворення *жупанчик* ‘дівочий весняний одяг’ [Гришашевич, с. 50]; лексеми засвідчено в західнополіських говірках із семантикою: ‘верхній короткий жіночий одяг із рукавами’, ‘короткий верхній одяг із рукавами’ [Пономар, с. 171], ‘маринарка’, ‘жіноче плаття’ [СЗПГ I, с. 159]. У кількох середньополіських говірках первинне значення лексеми зберігається: ‘чоловічий верхній одяг, оздоблений хутром’ [Гришашевич, с. 50]. Лексема *жупан* стала основою для утворення слова *жуниця* ‘камізелька’: *уво (И)вана Слученина с коморы ратушиное вз(ли) и пограбили жуницю по(д)иштую* Луцьк, 1581; ТУ, с. 186). Проте однозначно важко встановити, на ґрунті якої мови утворився номен, наприклад, дослідники історичного словотвору української мови П. Білоусенко та В. Німчук вважають, що в аналізованому утворенні із суфіксом *-иця* відчутне прагнення надати слову «української» форми,²⁰ також із таким суфіксом лексема активно функціювала в XVI ст. в польській мові (стп. *żupica*, іт. *giubba*, *giuppa*, ар. *dżubbah* [Brückner, с. 668]), звідки теж могла потрапити в північноукраїнські пам’ятки. Водночас, зважаючи на високу продуктивність суфікса *-иця* в українській мові,²¹ можемо припускати також незалежне паралельне утворення в обох мовах.

Слово *кафтанъ* / *капѣтанъ* (тур. *kaftan* [ЕСУМ II, с. 377]) ‘каптан’: *У Матыса Счепановского [!] злулено: ...кафтан лиси(и), копъ двѣ коштова(л)* (Житомир, 1584; АКЖМУ, с. 120); *...каптан, котелек кухенный, ... побравши и пограбивши, его милости отцу архимандриту и всей капитули чернцовъ монастыря Печерского отдали* (Житомир, 1630; АрхЮЗР I/VI, 617 (цит. за: СЛУМ 14, с. 5)); виявлено похідне утворення *кафтани(к)*: *кафтани(к) коштоваль три золоты(х)* (Житомир, 1584; АКЖМУ, с. 120). Назва у фонетичному оформленні *каптан* активно функціює в сучасному північноукраїнському наріччі із семантичною варіативністю: *каптан* ‘жіноча блузка’, ‘тонка шовкова блузка’, ‘плетена кофта’, ‘тепліший піджак’, ‘чоловічий піджак’, ‘безрукавка’, ‘короткий верхній одяг’, ‘тепліший одяг із ватною підкладкою’, ‘чоловіча накидка’, ‘жіноче напівпальто’, ‘старовинний довгий чоловічий одяг із кравної тканини’, ‘старовинний одяг без рукавів довжиною до колін, який щільно облягає стан’, ‘верхній чоловічий одяг, оздоблений хутром’, ‘довгий чоловічий сукняний одяг із відлогою’, ‘тепліший сукняний одяг червоного кольору з клітчастою підкладкою’, ‘жіночий святковий верхній одяг’, ‘верхній одяг із розрізами на боках’, ‘відрізне пальто на ваті з вишитим коміром’, ‘довге тепле чоловіче пальто’, ‘осіннє пальто’

¹⁸ Вовк, Х. К.: Студії з української етнографії та антропології. Київ: «Мистецтво», 1995. С. 145.

¹⁹ Вовк, Х. К.: Студії з української етнографії та антропології, с. d., с. 145.

²⁰ Білоусенко, П. І. – Німчук, В. В.: Нариси з історії українського словотвору (суфікс -иця). Запоріжжя-Київ, 2002. С. 113.

²¹ Білоусенко, П. І. – Німчук, В. В.: Нариси з історії українського словотвору (суфікс -иця), с. d., с. 6.

[Гримашевич, с. 60–61]), ‘короткий верхній одяг із рукавами’ [Пономар, с. 172], ‘верхній жіночий одяг без рукавів’ [СЗПГ I, с. 210]. Попри семантичну розгалуженість лексеми, зберігається сема ‘верхній одяг’. Водночас в обстежених говірках дослідники засвідчили низку похідних утворень, які стали позначати іншу реалію: *каптаник* ‘жіноча блузка’, *каптанівка* ‘спідниця з атласу з широкими складками’, *каптанка* ‘тепла жіноча кофта на ваті’ [Гримашевич, с. 61]; *каптанець*, *каптаник*, *каптанік* ‘жіноче плаття’, ‘дитяче плаття’ [Пономар, с. 35]. Л. Пономар зазначає, що номени *каптан* та *жупан* є досить поширеними в західнополіських говірках [там само], до того ж в окремих говірках в обох лексемах збігається семантика ‘жіночий одяг із рукавами’, у результаті вони протиставляються в ареальному плані: основний ареал охоплює найменування *каптан*, а в західній частині поширений розсіяний ареал назви *жупан* [там само, с. 57].

Ужито тюркізм *кобеняк* / *копеня(к)* (тур., чаг. *kerenek* [ЕСУМ II, с. 476]) ‘вид верхнього одягу з башликом’: *Тоє(ст) мєновитє взяли и кєва(л)том пограбили... копеня(к) фалє(н) дышовы(и) б(р)унатны(и) с по(д)шивкою, которы(и) коштова(л) ѡ(с)мь копь гроше(и) ли(тов)ски(х)* (Житомир, 1611; АКЖГУ, с. 33–34). На думку Хв. Вовка, має бути турецького чи взагалі східного походження і могло воно зайти в Україну через Польщу, бо ж у Польщі під назвою *kereniak*, як свідчать польські автори, було дуже довго в ужитку.²² Номен засвідчений у сучасному середньополіському лексиконі. У процесі еволюції аналізована лексема зазнала семантичних змін: у більшості говірок назва набула семи ‘чоловічий одяг’: *кобеняк* ‘чоловічий одяг із хутра, шуба’, ‘чоловіча домоткана свита’, ‘широкий верхній чоловічий одяг із сукна у вигляді накидки з капюшоном для захисту від дощу чи снігу’, ‘чоловічий плащ із відлогою’, ‘чоловічий піджак із підкладкою’, наявна ця ж сема й у похідному утворенні *кобеня* ‘чоловіча домоткана свита’ [Гримашевич, с. 69], крім звуження значення, в окремих говірках спостерігається переінтеграція семантики лексеми: ‘капюшон’, ‘сукняний головний убір із довгими кінцями, який одягають поверх шапки’ [там само].

Упродовж розвитку слово *ко(л)пак* (тур., тат. *kalpak* [ЕСУМ II, с. 486]) ‘ковпак: висока циліндрична або конусоподібна шапка, обшита хутром’: *шапо(к) чо(р)ныхъ и че(р)леныхъ с ко(л)паками ше(ст) ко(н)* (Луцьк, 1565; ТУ, с. 112; *У Миска Шевца [забрали]: шкапу зо вси(м) половую, другуу гнедую, ху(ст) белы(х) скрыня, жупа(н) шиптуховы(и), ко(л) па(к) лиси(и), чы(н)котерь, лужъникъ ѡди(н), пѣзе(и) золоты(х) ѡ(с)мь, кожухо(в) два* (Житомир, 1649; ДМВН, с. 194) у поліських говірках набуло нових значень: ‘головний убір, пришитий до верхнього одягу, капюшон’, ‘головний убір заміжньої жінки у формі шапочки, очіпок’, ‘чоловіча хутряна шапка, у якій не відверталися вуха’ [Гримашевич, с. 70]; ‘висока вовняна шапка’, ‘спосіб зав’язування хустки довкола голови так, щоб кінці були ззаду’, також засвідчено похідне утворення *ковпачок* [Пономар, с. 173]).

За посередництва польської мови, можливо, також угорської на позначення різновиду каптана в пам’ятках з’явилася назва *куньтуш* (п. *kuntusz*, уг. *köntös*, тур. *kontoş* [ЕСУМ III, с. 143]) ‘кафтан із відкидними рукавами’: *У Русачька: готовы(х) пѣзе(и) золоты(х) тисечу и три(д)цать золоты(х) по(л)ски(х), делия блакитъная, куньтушъ чо(р)ны(и), лисями по(д)шиты(и)* (Житомир, 1650; с. 194). Напевно, після того, як зникла реалія, лексема *кунтуш* у середньополіських говірках стала номінувати інші види одягу: ‘чоловічий довгий одяг із доброякісної тканини, в якому поли, комір, рукави обшиті хутром’, ‘верхній одяг із якісного сукна з великими прорізами для рук і довгими фальшивими рукавами, які звисали донизу або частіше перекидалися на спину’, ‘чоловічий і жіночий старовинний

²² Вовк, Х. К.: Студії з української етнографії та антропології, с. d., с. 165.

одяг, який носила шляхта', 'верхній одяг, подібний до фуфайки', 'верхній розпашний одяг без гудзиків', 'халат із фабричної тканини' [Гримашевич, с. 80].

Зберігається в сучасному північноукраїнському наріччі назва *кутась* (тур. *kutas* [ЕСУМ III, с. 162]) 'китиця, бахрама (до коней)': *Устава турецьких товарів*: ...*от кутаса, што до коней, – гроше(и) двана(д)ца(т)* (Луцьк, 1569; ТУ, с. 140–141), подекуди змінивши семантику та утворивши похідні: *кутас* 'балабон на одязі'; *кутаси* 'китиці на одязі' [Гримашевич, с. 80], *кутасики* 'частина чоловічої сорочки біля коміра, що збиралася в забор'; *кутасівка* 'святкова вовняна хустка з китицями' [там само, с. 81]; *кутас* 'китиці, крайки пояса', 'китиці хустки' [Пономар, с. 174]). За спостереженнями Л. Пономар, лексема *кутас* є досить поширеною в західнополіських говірках на позначення китиць хустки та кінців домотканого пояса [Пономар, с. 61].

Використано слово *се(р)пано(к)* (тур. *serpenek* від перс. *sārpānāk* 'жіноча головна прикраса' [ЕСУМ V, с. 221]), яке могло мати значення 'головний убір жінок' чи 'вид полотна зі змієвидним узором': у *Гнати Голощеньати* (україни – В. Т.): *ло(ж)ни[к]о(в) два, кожухъ одєва(л)ны(и), се(р)пано(к) одинъ, хусто(к) две* (Житомир, 1650; ДМБН, с. 194). Так, у М. Горбачевського та Є. Тимченка лексема мала семантику 'вид полотна зі змієвидним узором' [Горбачевський, с. 330; Тимченко 2, с. 18], у А. Брюкнера – 'літняк' у жіночому наряді, запозичення з руської мови [Brückner, с. 486], а Хв. Вовк зазначає, що найстаровинніше головне вкриття, що втрималось і досі на півночі і яке вдягають поверх очіпка, – це біла намітка (*перемітка, серпанок*) або взагалі біла хустка.²³ Семантика досліджуваної лексеми в сучасних поліських говірках теж неоднозначна, оскільки назва позначає і головний убір, і тканину, і виріб із цієї тканини: 'намітка з тонкого полотна', 'тонке прозоре полотно' [Гримашевич, с. 147]; Л. Пономар зафіксувала сполуку *серпанкова spodniца* 'спідниця, пошита з тонкого лляного домотканого полотна – «серпанку»' [Пономар, с. 179]).

На позначення різновиду свити в північноукраїнських пам'ятках засвідчена назва *сукмань* 'різновид свити, переважно з домотканого полотна': ...*Курила Грищевича збили и зранили, при которо(м) зране(н)ю ѿ(т)нали... сукма(н) швебеди(н)ского сукна, за которы(и), де(и), дано се(м)дєса(т) гроше(и) лито(в)ски(х)* (Володимир, 1578; ТУ, с. 171); *У Микиты Ту(р)чына [поѿ(т)бира(л) – примітка В. Т.]: ...сукма(н) белоголовьски(и) ѿди(н), пнѣ(и) золоты(х) сто...* (Житомир, 1650; ДМБН, с. 194). Лексема немає єдиного погляду щодо тюркського походження: укладачі етимологічного словника української мови вказують на «недостатньо обґрунтоване виведення від тат. [*sükman*] 'довгий каптан, сукно'» і схиляються до праслов'янського кореня [ЕСУМ 5, с. 470]; А. Брюкнер указує на турецьке походження лексеми, але не подає етимона [Brückner, с. 525]. Лексема збережена в сучасних поліських говірках. Варто відзначити відмінність у використанні номена в середньо- та західнополіських говірках. У першому лексема стала багатозначною: крім свити, позначає інший верхній одяг, зокрема: 'чоловічий і жіночий верхній одяг із розширеними полами', 'зимовий чоловічий одяг із виложистим коміром і широкими рукавами', 'сіра або чорна свита з червоними вилогами, відкидним коміром і вишивкою в стані', 'короткий чоловічий сукняний одяг' [Гримашевич, с. 153], а в другому, як зауважує Л. Пономар, використовується на позначення переважно свити [Пономар, с. 32], у західнополіських говірках наявний також дериват *сукманка* 'довгий верхній одяг із овечого сукна' [там само, с. 180]).

Виявлено в давніх текстах тюркізм *ѿпа(н)ча* (тур. *yapınca* (*yapınca*), крим.-тат. *japınca*) [ЕСУМ IV, с. 196]) 'верхній одяг у вигляді широкого плаща': *во(з) мо(и) з су(к)ны и зо (в)*

²³ Вовк, Х. К.: Студії з української етнографії та антропології, с. d., с. 145.

сими крама(р)скими речами, с трема ко(н)ми з у(з)дами, зъ шлеями, з се(д)ло(м), з опа(н)чою... *побрали* (Луцьк, 1564; ТУ, с. 106. Лексему засвідчено в сучасних середньополіських говірках без фонетичних змін, але з розвитком низки лексичних значень: *опанча* ‘довгий верхній одяг у вигляді свити з відлогою, оздоблений на спині та рукавах мотузками, кольоровими смужками’, ‘верхній довгий одяг із сукна’, ‘верхній святковий жіночий одяг’, ‘одяг у вигляді широкого плаща, який одягали в негоду або в дорогу’, ‘кожух’, ‘старовинна довга і широка накидка без рукавів’, ‘плетені панчохи’, ‘незграбно одягнена людина’ [Гримашевич, с. 110]). У деяких говірках відбулася переінтеграція лексико-семантичних варіантів: використання слова на позначення панчіх, розвиток переносного значення (назва людини за зовнішнім виглядом).

Із XV ст., як власна назва, у луцькій книзі використано лексему *Чоботь* [ССУМ II, с. 545], апелятив *чоботь* у північноукраїнських текстах записано лише з початку XVII ст. (тат. *чабата*, перс. *čabatan* [ЕСУМ VI, с. 370–371]) ‘чобіт’: *А у другого по(д)даного моего, Радивона, та(к)же взяли се(р)мягу, кожу(х) з ме(ш)ко(м) и (з) ножами, рукавицы, чоботы, ру(ч)никъ – все тоє куплено за двана(д)ца(т) золоты(х) по(л)ски(х)* (Житомир, 1605; ДМВН, с. 36). Лексема в подальшому в українській мові увійшла в активний ужиток. У середньополіських говірках відбулася спеціалізація значення лексеми *чоботи*, оскільки слово не виступає загальною назвою чобіт, а позначає окремі їх види: ‘чоловіче взуття з досить високими халявами’, також на цій території засвідчено значну кількість словосполук зі словом *чоботи* (*чоботи бельгійські, войлочні, восьмигранні, жаб’ячі, з заколотом, комсоставські, рантові, резинові, ризові, шаврові, шарі, шарові, юхтові, ялові*) [Гримашевич, с. 172–173]; побутує лексема в загальному значенні ‘чоботи’ в західнополіських говірках [Пономар, с. 181]).

На позначення верхнього одягу засвідчено найменування *чуга* (тур. *çoha*; припускають, лексема могла потрапити через посередництво угорської (уг. *csuha*) та безпосередньо [ЕСУМ VI, с. 350]) ‘верхній вовняний одяг без рукавів і коміра, вовняний плащ’: *чуга фа(ш)лю(н)дышовая чи(р)воная, лисами по(д)шитая, чуга каразеи белои, бакгазею по(д)шита* (Володимир, 1578; ТУ, с. 169). Номен функціює в одній середньополіській говірці зі зміненою семантикою: ‘прямошпинний одяг із саморобного сукна у вигляді свити’ [Гримашевич, с. 174].

Лексема *шлыкъ* (скорочення від тур. *başlık*, тюрк. *baş*; п. ст. *szlyk* [ЕСУМ I, с. 155; VI, с. 438]) ‘кругла або конічна суконна шапка, обшита хутром’: *...мене самого зби(л), сто(р)сова(л), шлы(к) лиси(ш) з головы моеє зо(р)валь* (Луцьк, 1563; ТУ, с. 102); *...у мене с тою воза з ме(ш)ко(м) пограбили... шлыко(в) ма(р)му(р)ковы(х) ня(т), которые коштовали по(л)тора ста золоты(х) по(л)ски(х)* (Володимир, 1587; ТУ, с. 214) у північноукраїнських пам’ятках досліджуваного періоду була досить поширеною, що свідчить про тогочасне перебування позначуваної реалії в активному вжитку. Як зазначає Хв. Вовк, шлик, або, краще сказати, верхня частина його, тобто суконний мішок, що становив дно шапки та звішувався з голови, – і був справжнім головним укриттям у запорожців.²⁴ [Вовк, с. 159]. Номен активно використовується й у сучасних середньополіських говірках, проте спостерігається розпорошеність давньої семантики: *шлик* ‘плетена шапка’, ‘зимова шапка, дно і верх якої з червоного сукна’, ‘чоловіча шапка, обшита хутром’, в одній говірці назва позначає первинну реалію ‘козацька шапка з сукняним видовженим верхом, який звисає донизу’, ‘хутрянний старовинний головний убір’ [Гримашевич, с. 179]).

²⁴ Вовк, Х. К.: Студії з української етнографії та антропології, с. d., с. 159.

Із XIV ст. функціює в українській мові номен *шуба* (*шюба*) [ССУМ II, с. 566]. У північноукраїнських текстах лексему *шуба* (п. *szuba*, свн. *schüba / schoube*, іт. *giubba*, ар. *jubba* [ЕСУМ VI, 484]) ‘шуба’: ...*все ѡ(т) мала и до велика побрали, пограбили, а то ѣ(ст) меновите: ...шуба лисяя зави(и)ковая, спра(в)леная за ко(н) ѡ(с)мна(д)ца(т)* (Житомир, 1605; ДМВН, с. 58) засвідчено на початку XVII ст. Але раніше виявлено демінутив *шубка боброва* (Житомир, 1584; АКЖМУ, с. 79), *шубка бели(н)ная* (Житомир, 1584; АКЖМУ, с. 106), *шубка заєчая* (Житомир, 1584; АКЖМУ, с. 108) ‘шуба’. Лексема належить до активного фонду сучасної української лексики, поширена в усіх обстежених говірках Середнього Полісся (записи здійснено Г. Гримашевич у 316 населених пунктах): *шуба* ‘довгий зимовий одяг із хутра (штучного або натурального)’ [Гримашевич, с. 182]). Л. Пономар у середньополіських говірках виявила також відмінну семантику аналізованої лексики: ‘кожух’, ‘одяг із кранної тканини, краї та комір якого обшиті хутром лисиці’, водночас, за спостереженням дослідниці, назва *шуба* в говірках, розташованих у басейні Горині, фіксується лише в колядках та народних піснях, а в західнополіських – активно побутують тільки похідні утворення [Пономар, с. 30].

Виявлені інші лексеми тюркського походження в сучасному поліському словництві не зафіксовано: *делея, делея, делѣя* (тур. *degiley, degle* [ЕСУМ II, с. 28]) ‘верхнє вбрання у вигляді плаща, підшитого хутром; довга ведмежа або вовча шуба’: ...*у по(д)даного моего Федора Лапузы, у коморе его, ѡ(т)би(в)ши замо(к), кѡва(л)то(м) маѣ(т)но(ст) побрали, а меновите: на(и) пѣ(р)вѣ(и) взяли делею фалю(н)дышовую чи(р)воную, кита(и)кою зеленою по(д)шитую, купленую за два(д)ца(т) золоты(х) по(л)ски(х)* (Житомир, 1605, ДМВН: с. 36); ...*а меновите за... ба(р)ву делею фаленьдышовую новую, перо(м) сини(м) ку(т)норованы(м) по(д)шитую...* (Житомир, 1611; АКЖГУ, с. 101);

делюра: (стп. *delura, deljura*, тур. *telli* [Сл.УМ 7, с. 227–228]) ‘довгий верхній одяг’: *пограбили... делюру брунатную, фалендышовую, зеленым кромь подшитую, шапку, хустьку* (Луцьк, 1609; АрхЮЗР 6/І, с. 357).

Отже, слова тюркського походження активно проникали в українську мову переважно з реаліями, які вони позначали. У проаналізованих північноукраїнських текстах XVI–XVII ст. виявлено чималу кількість назв одягу та взуття, запозичених з тюркських мов. За лексикографічними працями висновкуємо, що майже всі з них потрапили в староукраїнську мову в XVI–XVII ст. Переважна більшість назв збереглася в активному вжитку північноукраїнського наріччя, зазнавши різних лексико-семантичних процесів. У більшості назв відбулося розширення лексико-семантичних варіантів (*срмяк, жупан, кафтан, колтак, сукман, опанча, шлик*), пов’язане із зміною зовнішнього виду реалії; звуження семантики (*кобеньяк*), трохи менше слів зазнало семантичної переінтеграції (*башмак, кобеньяк, кунтуш, кутас, чобот, чуга, шуба*) та спеціалізації (*башмак, чобот*). Динамічні процеси в аналізованому ареалі у відповідній тематичній групі свідчать про активне використання реалій, які позначували тюркізми, та модифікацій їх форм тощо.

Список умовних скорочень використаних джерел

- АЖГУ – Акти Житомирського гродського уряду: 1590 рік, 1635 рік / підгот. до вид. В. М. Мойсієнко. Житомир, 2004.
АКЖМУ – АКЖМУ: Актова книга Житомирського міського уряду кінця XVI ст. (1582–1588 pp.) / підгот. до вид. М. К. Бойчук. Київ, 1965.

- АКЖГУ – Актова книга Житомирського гродського уряду 1611 р. / підгот. до вид. А. М. Матвієнко, В. М. Мойсієнко. Житомир, 2002.
- АрхЮЗР – Архив Юго-Западной России, издаваемый временной Комиссией для разбора древних актов. Ч. 1–8. Киев, 1859–1914.
- Горбачевський – Горбачевский Н. И. Словарь древняго актовaго языка сѣверо-западнаго края и царства польскаго / Herausgegeben und eingeleitet von O. Horbatsch. München, 1992.
- Гримашевич – Гримашевич Г. І. *Словник назв одягу та взуття середньополіських і суміжних говірок*. Житомир, 2002.
- ДМВН – Ділова мова Волині і Наддніпрянщини XVII ст. зб. док. / підгот. до вид. В. В. Німчук, В. М. Русанівський та ін. Київ, 1981.
- ЕСУМ – ЕСУМ: Етимологічний словник української мови : у 7 т. / за ред. О. С. Мельничука. Київ : Наукова думка, 1982–2012. Т. 1–6.
- Пономар – Пономар Л. Г. Назви одягу Західного Полісся. Київ, 1997.
- СЗПГ – Аркушин Г. Словник західнополіських говірок. У 2-х тт. Луцьк, 2000.
- СЛУМ – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Львів, 1994–2022. Вип. 1–22.
- СР – Селянський рух на Україні 1569–1647 рр. Збірник документів і матеріалів / упорядн. Г. В. Боряк та ін. 1993.
- ССУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. : у 2 т. Київ, 1977–1978.
- Тимченко – Тимченко Є. Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. : у 2 кн. / підгот. до видання В. В. Німчук та Г. І. Лиса. 2003.
- ТУ – Торгівля на Україні, XIV – середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина / упорядн. В. М. Кравченко, Н. М. Яковенко. Київ, 1990.
- BES – Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa, 2000. Т. 1–2.
- Brückner – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1957.
- SP – Słownik polszczyzny XVI wieku / Red. nacz. Mayenowa M. R. Т. 1–XXXVI, Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966–2012.

JÚLIUS LOMENČÍK*

Štúrovská opravená slovenčina v učebniciach jazyka a literatúry v kontexte *matičného obdobia*

LOMENČÍK, J. Štúr's revised Slovak in language and literature textbooks in the context of the Matica period. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 250-264 (Bratislava).

After the Hodža-Hattala reform, Štúr's written Slovak was gradually introduced into public life. From the beginning of the 1860s, it was gradually transformed didactically into the educational process at the first Slovak grammar schools. The basic teaching aids - new grammar textbooks and literature textbooks in the form of readers - were also created in the intentions of the new written Slovak language. In this paper, we evaluate the textbook for teaching 'Slovak speech' by Fraňo Mráz and the reader by Emil Černý, which were developed during the first half of the 1860s. In the two volumes of the Slovak Readings, E. Černý compiled a collection of thematically and generally diverse literary texts, mainly by Slovak authors from the time of the Enlightenment classicism. They became an important tool in didactic literary communication for Slovak grammar schools at that time. We also note Černý's efforts to create a literature textbook on a literary-historical basis in the form of a reader for upper grammar school classes. His conception of the periodization of the history of Slovak literature surpassed the previous perception of the history of literature.

Fraňo Mráz, Emil Černý, Slovak, a secondary grammar school, a text book, a reader, literature, readership, a teacher, a pupil,

Úvod

Od tereziánskych reforiem sa inštitucionálne vyučovanie slovenčiny stále viac prepájalo so snahami povýšiť materinský jazyk na kodifikovanú podobu spisovnej slovenčiny a jej následne didaktické usporiadanie pre výchovno-vzdelávací proces vo vyučovaní slovenského jazyka nielen na ľudových školách, ale aj na vyšších školách. Nevyhnutnou podmienkou bolo, aby sa slovenčina stala vyučovacím jazykom pre všetky predmety.

Od prelomu 18. a 19. storočia sa ako úradný a oficiálny jazyk zaviedla nemčina: „Vyučovanie nemčiny malo nasledovať po získaní elementárnej gramotnosti v materinskom jazyku, t. j. cudzí (štátny, úradný) jazyk sa mali deti a žiaci učiť na základoch rodného jazyka. Bol to veľký pokrok z hľadiska slovenčiny...¹ V priebehu prvej polovice 19. storočia prebiehal zápas o spisovnú podobu slovenčiny, ktorý vyvrcholil kodifikáciou „štúrovskej slovenčiny“ v priebehu 40. rokov 19. storočia.² Štúrovská kodifikácia na základe niektorých lingvistických príčin nedosahovala očakávaný efekt. A tak na začiatku 50. rokov bola opravená hodžovsko-hattalovskou reformou, ktorá plnila

* doc. PaedDr. Július Lomenčík, PhD. ORCID 0000-0002-6146-6387, Katedra slovenského jazyka a komunikácie, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela, Tajovského 51, 974 01 Banská Bystrica. julius.lomencik@umb.sk

¹ Ligoš, M.: Základy jazykového a literárneho vzdelávania I. Ružomberok: Katolícka univerzita v Ružomberku, Filozofická fakulta, 2009, s. 49.

² Pozri bližšie Kačala, J. – Krajčovič, R.: Prehľad dejín spisovnej slovenčiny. Martin: Matica slovenská, 2006, s. 92 – 93.

integračnú funkciu a bola stimulom pre intenzívny rozvoj jazyka. Od týchto počínov sa zintenzívňovali snahy o slovenské školstvo s vyučovacím jazykom slovenským, čím by špecifické postavenie získal aj predmet slovenský jazyk a literatúra, vtedy „slovenská reč“. Čiastočne sa to podarilo na Katolíckom gymnázii v Banskej Bystrici už v priebehu 50. rokov 19. storočia zásluhou najmä Štefana Moyses³ a následne významný počín predstavoval vznik slovenských patronátnych gymnázií: evanjelické v Revúcej (1862) a nižšie evanjelické v Martine (1867), katolícke nižšie v Kláštore pod Znievom (1869). Na týchto školách v „matičnom období“ (1863 – 1875) sa zásluhou vtedajších učiteľov položili základy vyučovania slovenského jazyka a literatúry.⁴

Výraznú úlohu v tom zohrali aj slovenské učebnice, v ktorých sa autori usilovali o uplatnenie/aplikáciu opravenej štúrovskej slovenčiny s cieľom upevňovania u dospievajúcej generácii noriem spisovnej slovenčiny vo verejnom prostredí. Veď Hattalove gramatiky sa pokladali za záväzné pre spisovateľov a pre školy. Vzhľadom na pretrvávajúce rozkolísanie spisovného úzu zohrala významnú úlohu vo vzdelávaní učebnica Fraňa Mráza, v ktorej vychádzal z Hattalových gramatických prác. K splneniu snáh o poznanie novej opravenej štúrovskej slovenčiny prispela aj učebnica – čítanka – Emila Černého, ktorá sa stala prvou antológiou slovenskej literatúry.

V prípustne úspornom náčrte venujeme pozornosť učebniciam ako *Slovenská Mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl* a *Slovenská čítanka pre gymnasia*, ktoré teoreticky zodpovedne, metodologicky prínosne a didakticky ambiciózne v kontexte matičného obdobia upevňovali princípy štúrovskej slovenčiny po hodžovsko-hattalovskej reforme vo vedomí vtedajšej školopovínnej mládeže na prvých slovenských gymnáziách. Uplatňujeme filologickú metódu interpretácie uvedených učebníc s cieľom poukázať na ich význam v období, keď jazyková situácia bola ešte v úze rozkolísaná. V tomto období sa tak norma tzv. opravenej slovenčiny v konkrétnej jazykovej praxi nedodržiavala dôsledne. Interpretované učebnice mali za cieľ určitú stabilizáciu a tiež formovanie novej odbornej terminológie pre potreby pedagogickej praxe. V neposlednom rade sa učebniciam venujeme i preto, že v doterajšom skúmaní dejín spisovnej slovenčiny sa im nevenovala dostatočná pozornosť.

Štúrovska opravená slovenčina v školskej praxi

Po páde Bachovho absolutizmu (1859) začala do vtedajších gymnázií ako vyučovací jazyk prenikať štúrovska slovenčina opravená o Hodžove a Hattalove korektúry. Nevyhnutnosť ovládať materinský jazyk zdôraznil Samuel Ormis⁵ v pedagogickom diele *Výchovoveda pre seminaristov a rodičov*, kde za cieľ vyučovania zdôraznil „známosť, vedu a vtip, to jest aby žiak poznal Boha (...), aby vedel, čo je dobré a čo zlé (...) a aby sa pri každej udalosti, pri každom čine dovti-

³ Pozri bližšie Richter, O. a kol.: Banskobystrické gymnázium. Martin: Vydavateľstvo Osveta, 1983, s. 49 – 51.

⁴ V historickom priezore od 60. rokov 19. storočia je hlavnou úlohou jazykovej výchovy detí a mládeže pestovať a upevniť aktívnu znalosť spisovného jazyka, ktorý je súčasťou národnej kultúry a svedectvom jej úrovne. Žiak by mal zvládnuť jazyk v škole v oveľa väčšej miere ako poznatky z ostatných predmetov a v oveľa širšom priemere. Veď ovládanie spisovného jazyka v spoločenskom styku je neodmysliteľnou súčasťou kultúrnosti každého človeka. A v tomto zmysle jazyková prax jednotlivcov vo verejnom vystupovaní sa s meniacimi spoločensko-politickými a kultúrnymi podmienkami postupne stávala výrazným indikátorom jazykovej kultúry celej spoločnosti. Na základe zachovaných archívnych materiálov, dobových časopisov a novín, tiež sekundárnej odbornej literatúry možno „rekonštrukciu“ vyučovania slovenčiny na prvých slovenských gymnáziách vysloviť názor, že vo vtedajšom vyučovaní predmetu „slovenská reč“ sa po prvýkrát uskutočnila metodická transformácia štúrovskej spisovnej slovenčiny po hodžovsko-hattalovskej reforme.

⁵ Samuel Ormis (1824 – 1875), evanjelický kňaz, pedagóg na Slovenskom evanjelickom a. v. gymnázii v Revúcej, autor učebníc, dramatik, ľudovýchovní pracovník. Vo výchove videl činiteľa, ktorý môže prispieť k národnej a politickej slobode a k sociálnej rovnoprávnosti. Požadoval sprístupniť základné aj vyššie vzdelanie všetkým. Ako jeden z hlavných spolupracovníkov P. E. Dobšinského prispel do vydania *Slovenských povestí* (1858 – 1861), do *Prostonárodných povestí* (1880 – 1883) i do *Zborníka slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčají, povier* (1874).

pil, čo sa srovnáva s pravdou a dobrotou, a tak aby bol dobrý“⁶ Podľa tohto trojakého cieľa autor poukázal na „tri stĺpy pred chrámom slávy Božej... – vieru, mravnosť a osvetu“ –, podľa ktorých „... delíme všetky náuky, ktorým sa v školách má vyučovať, a to: 1. náboženstvo, 2. známosť seba samého, čiže človekospyt a 3. znalosť prírody, čiže prírodoveda“.⁷ Medzi „náuky“ podľa človekospytu, ktoré majú tomu napomôcť, zaradil „reč ako prostriedok ľudského obcovania, a to materinskú reč a cudzie reči,“ ale napríklad aj „čítanie“.⁸ Podľa S. Ormisa vyučovanie predmetu „slovenská reč“ (slovenský jazyk a literatúra) „... má naučiť nie, aký som ja, ale aký mám byť, čiže má predstaviť obraz dokonalého človeka“.⁹

V učebnom pláne škôl zaujímal predmet „slovenská reč“ mimoriadne postavenie, pretože vedomosti, jazykové a komunikačné schopnosti, ale aj literárne kompetencie získané na vyučovacích hodinách slovenčiny žiaci uplatňovali v ďalších predmetoch, keďže už boli vyučované v slovenskom jazyku. Preto bolo nevyhnutné, aby učitelia ovládali normy spisovnej slovenčiny, lebo žiaci prichádzali z jednotlivých regiónov s rôznou úrovňou ovládania slovenského jazyka. Mnohí totiž na elementárnych školách nedostali v tomto smere dostatočné základy. Na uvedenú skutočnosť poukázal po rokoch Michal Bodický vo svojich *Rozpomienkach a pamätiach*: „... bol som bez dostatočnej prípravy, chýbali mi najpotrebnejšie známosti...“ V uvedenom kontexte napísal, že „Liptákom bolo ľahšie správne vyslovovať, lebo v Liptove hovorí sa najpravidelnejšie. Ťažšie bolo nám Novohradčanom, kde sa miesto y vyslovuje e, teda miesto hrušky – hruške, a skloňuje sa dobrýho miesto dobrého“.¹⁰

Nevyhnutnou podmienkou zlepšovania jazykovej kultúry žiakov v slovenskom jazyku bola dobrá znalosť spisovnej slovenčiny všetkých učiteľov. Na ilustráciu uvádzame charakteristiku jazyka Augusta Horislava Škultétyho v publikácii *Pamäti sl. e. a v. gymnasia a učít. Semeniska vo V. Revúci* od Matildy Hayekovej, podľa ktorej „... jazyk knihy odráža vývinové štádium slovenčiny matičných rokov, teda po oboch kodifikáciách a po jeho nebyvalom rozvoji v období činnosti Matice slovenskej a troch slovenských gymnázií. Tým, že Pamäti písal revúcky profesor a tlačili ich na strednom Slovensku, došlo iste miestami ku stredoslovakizovaniu textu. Ale aj napriek tomu si zachoval Škultéty jazyk svojský, dobovo podfarbený, juhovýchodoslovenský charakter“.¹¹ A. H. Škultéty zohral významnú úlohu pri koncipovaní nového spisovného jazyka generáciou štúrovcov ako člen celonárodného spolku Tatrín (1844 – 1848). Spolu s Michalom Miloslavom Hodžom a Martinom Hattalom bol volený za člena výboru na posúdenie Štúrovej gramatiky *Nauka reči slovenskej* (1846) a vypracovanie návrhu na definitívnu podobu spisovného jazyka. O príspevku A. H. Škultétyho ku kodifikácii slovenčiny ako spisovného jazyka vypovedá aj jeho korešpondencia s Martinom Hattalom.¹²

⁶ Podľa: Čechetka, J.: Zo slovenskej pedagogiky. Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1940, s. 108.

⁷ Čechetka, J.: Zo slovenskej pedagogiky, c. d., s. 118.

⁸ Čechetka, J.: Zo slovenskej pedagogiky, c. d., s. 118.

⁹ Čechetka, J.: Zo slovenskej pedagogiky, c. d., s. 118 – 119.

¹⁰ Bodický, M.: Rozpomienky a spomienky. Turčiansky Sv. Martin: Matica slovenská, 1933, s. 20.

¹¹ Hayeková, M.: Slovenčina v matičných rokoch. In: Jonatan Dobroslav Čipka, August Horislav Škultéty. Materiály z celoslovenskej vedeckej konferencie o ich živote a diele, konanej dňa 7. júna 1969 v Tisovci pri príležitosti osláv 150. výročia ich narodenia. Zostavil Július Bolfík. Bratislava: Obzor, 1970, s. 65.

¹² SNK LA Martin, osobný fond A. H. Škultétyho. Sign. A 431 listy M. Hattalu z 20. 8. 1848, 20. 12. 1849.

Základná učebná pomôcka – učebnica, čítanka

Obsah učiva z jazykovej výchovy sa opieral o učebnicu Antona Halúzku,¹³ vzor. učiteľa na hl. škole v B. Bystrici, *Krátka Mluvnica a Pravopis jazyka slovenského* (V B. Bystrici tlačou Filipa Macholda 1863, 65 s.). Bola to útlá knižočka, ktorá bola tzv. návodnou knihou pre vyučovanie maďarčiny na ľudových školách, ale uplatnenie nachádzala aj pre nižšie triedy stredných škôl. Obsahovala päť oddielov: Prvý oddiel: *Mluvnická príprava*. Druhý oddiel: *O sklonných častiach reči*, medzi ktoré autor zaraďuje podstatné meno, prídavné meno, číselné meno, všemeno a sloveso. Tretí oddiel: *O nesklonných častiach reči*: príslovky, predložky, spojky, výkrikníky. Štvrtý oddiel: *Pravopisné pravidlá*, z ktorých sa venuje „kladeniu náležitých litier“ a „rozdeľovaniu písma“. Piaty oddiel: *O sade*, kde poukazuje na to, že „každá sada obsahuje v sebe: Podmet, prísudok a sponu“, ďalej uvádza, že „v každej sade máme rozoznávať obsah a formu: „Dľa obsahu delia sa sady na a) oznamovacie, b) otázkové, c) rozkazovacie, d) žiadacie; dľa formy delia sa sady na A) jednoduché a B) zložené“. V tomto piatom oddiele Halúzka ponúka aj zadania úloh, napr. „odpíšte nasledujúce sady a podčiarknite v nich podmet jedenkrát a prísudok dvakrát“. Učebnica sa používala dočasne v prvých dvoch školských rokoch na gymnáziu v Revúcej.

Fraňo Mráz: *Slovenská mluvnica...* – učebnica slovenčiny

V školskom roku 1864/65 sa začala používať učebnica profesora katolíckeho gymnázia v Banskej Bystrici Fraňa Mráza¹⁵ *Slovenská Mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl*, v ktorej autor v „predmluve“ (predslove) uviedol, že učebnicu napísal „... na návrh vysokodostojného P. Jozefa Bartona, opáta, kráľ. radcu a najvyššieho dozorca škôl okresu prešporského r. 1863. 27. augusta pod č. 61407“ s cieľom, aby „Mluvnica...“ poslúžila „... nečím k obľahčeniu obťažného doteraz vyučovania reči slovenskej bez príhodnej školskej knihy a že môže nečím prispieť k tomu, aby slovenskí mladíci učiace sa krásam a zvláštnostiam reči svojej, zamilovali ju a posriedkom jej vzdelávajúce sa i v druhých rečách a vedách, stali sa hodnými synmi vlasti a národu“. Pri jej zostavení sa opieral o prácu Martina Hattalu *Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského*.¹⁷ Pri koncipovaní učebnice sa priklonil k Hattalovmu názoru, že pri hovorení sa má vychádzať od vety, čiže vyučovanie začínať skladbou: „Mluvíti můžeme jen větami, na př. žák drží knihu, kniha je nová. Cílem jazyka je tedy přede vším věta, všechno ostatní ale jen prostředkem k dosažení cíle toho“. ¹⁸

Mrázova gramatika sa až do začiatku 20. storočia pokladala za reprezentatívnu príručku spisovnej slovenčiny s uplatnením vo verejnosti a v školách.

Učebnica oproti Halúzkovej je už rozsiahlejšia, pričom jej koncepcia predstavuje prehľad slovenskej gramatiky v hláskosloví, tvarosloví, syntaxi i pravopise – spracované prehľadne v desiatich oddieloch: „I. oddiel obsahuje z hláskoslovia to najpotrebnejšie, o znakoch totižto hlások a jejich podelení. II. Z tvaroslovia o tvorení slov uvádza tiež len to najpotrebnejšie. V III. vykládá sa obšírne nauka o jednoduchej vete. V IV. pojednáva sa dosť uplne o tvaroch všetkých ohybných

¹³ Anton Halúzka (1819 – 1881), pedagóg; autor metodických, pedagogických a jazykovedných článkov, jazykových učebníc.

¹⁴ Halúzka, A.: *Krátka Mluvnica a Pravopis jazyka slovenského*. B. Bystrica: Filip Machold, 1863, s. 53.

¹⁵ Fraňo Mráz (1835 – 1884), pedagóg, jazykovedec. Zúčastňoval sa na tvorbe slovenských učebníc. Zaslúžil sa o poslovenčenie Katolíckeho gymnázia v Banskej Bystrici.

¹⁶ Mráz, F.: *Slovenská Mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl*. Vo Viedni 1864. Tlačou vel. otcovMechitharistov, predmluva. 187 s.

¹⁷ Hattala, M.: *Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského*. Praha: Nákladem Calveova kněhupectví. 330 s.

¹⁸ Hattala, M.: *Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského*, c. d., s. 5.

a neohybných častok reči; V. obsahuje nauku o sťaženej vete; VI. o složenej; VII. o skrátených vetách úplne; VIII. o mnohonásobných vetách a označovaní viet; IX. o obvetí na krátko; – a trebars už behom celej mluvnice udával sa všade spôsob pravého písania slov a náležitého kladenia delidiel, preca v X. oddiele, čo dodatku, udávajú sa pohromade zvláštne pravidlá pravopisu.“¹⁹

Fraňo Mráz v podstate nadviazal na Hattalovu kodifikáciu s cieľom „zachovať tu najväčšiu určitosť v pravidlá a tvaroch, prehľadnosť vo vzoroch, čím najväčšiu zreteľnosť v slohu a preto nešetriaci priestoru potrebné veci obšírne povyklať“.²⁰ Mráz nepreberal len mechanicky niektoré pravidlá, ale na niektorých miestach bol aj kritickejší. V Mluvnici napríklad uplatnil úsilie nahradiť Hattalove archaizmy živými javmi hovorenej spisovnej slovenčiny (napr. tvary typu *ruce*, *od sluhu* tvarmi *ruke*, *od sluhu*; *ô* ako diftong a žiada ho vyslovovať len ako dvojhĺasku), ktoré charakterizovali martinský úzus. V Mrázovej slovenčine sa to prejavilo napríklad aj v hojnom používaní *ä* a *ô*, napr. *staväť*, *rozprávať*, *môhol*, čím sa usiloval pri dobovej rozkolísanosti o „matičnú“ stredoslovenčinu. Prítom učebnicu nepovažoval za dokonalú, keďže jej používateľov vyzval „úctivo každého zaoberajúceho sa mluvniciou, aby si nesťažoval sdeliť mu to, o čom myslí, žeby sa malo opraviť“.²¹

Mimoriadnu pozornosť venoval skladbe. Zaujímavo uvádza postoj podávateľa k vybranému výseku mimojazykovej skutočnosti prostredníctvom jazykového stvárnenia danej jazykovej informácie či obsahu príslušnej výpovede. Vysvetľuje, že vetou sa často vyslovuje otázka, rozkaz, žiadosť, podmienka, skromné domnenie. „Rozdiel v smysle viet nazýva sa podobou reči,“ pričom rozlišuje „šesťnásobné vety: 1. Úsudkové čili vypravovacie, 2. Otázkové čili opytovacie, 3. Rozkazovacie, 4. Žiadacie, 5. Podmieňovacie, 6. Vety skromného domnenia alebo zdvorilosti“.²² V lingvistickej terminológii sa usiloval utvoriť slovenské pomenovania s pripojením latinského termínu. V syntaxi za slovenským odborným termínom však uvádza nemecký (napr.: sťažená veta – *Zusammengesetzener Satz*; súvetie – *Satzverbindung*; podvetie – *Satzgefüge*), keďže sa opieral o nemecké gramatiky, čo uviedol aj v „Predmluve“: „... čo do rozdelenia držal sa podpísaný nektorých nemeckých gramatikov, z ktorých najviac upotrebil výtečné dielo R. J. Wursta pod názvom „*Sprachdenklehre*“.“²³ Podľa Matildy Hayekovej „v kapitolke o skrátených vetách sú daktoré tvrdenia problematické: napr. nie je vynechané sponové sloveso *je* v petrifikovaných fázach typu *mladosť* – *radosť*, *staroba* – *choroba*“.²⁴

Pre uplatnenie učebnice na vyučovanie slovenčiny sa F. Mráz vyjadril v „Predmluve k druhému vydaniu Slovenskej mluvnice“ naznačeným metodickým usmernením, „... že sa má všetko počiatočné vyučovanie staväť na základe známej reči, ktorou u Slovákov bez všetkej pochybnosti je ich materinská slovenská reč...“, pričom zdôraznil, že poznať svoju materinskú reč je nevyhnutné aj v poznávaní cudzích jazykov – „... aby sa mohol urobiť žiadaný prospech aj v druhých rečách a vedách...“, je potrebné, aby každý nielen povšedne vedel rozprávať svojou rečou, ale aby bol schopný myslieť v nej i vo vyšších a odťaženejších (pozn.: abstraktnejších) predmetoch a aby aj mohol vyslovovať poriadne tyto myšlienky (...) aby aj slovenskí mladíci učiac sa krásam a zvláštnostiam reči svojej, zamilovali (si) ju a prostriedkom jej vzdelávajúce sa v druhých rečách a vedách stali sa hodnými synmi vlasti a národa.“²⁵ Uvedené konštatovanie v podstate zdôrazňuje aj súčasná nová kurikulumná reforma.

¹⁹ Mráz, F.: Slovenská Mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl, c. d., s. 2.

²⁰ Mráz, F.: Slovenská Mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl, c. d., Predmluva.

²¹ Mráz, F.: Slovenská Mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl, c. d., Predmluva.

²² Mráz, F.: Slovenská Mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl, c. d., s. 13.

²³ Mráz, F.: Slovenská Mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl, c. d., Predmluva.

²⁴ Hayeková, M.: Slovenský gramatik Fraňo Mráz. In: Slovenská reč, 1981, roč. 46, č. 6, s. 350.

²⁵ Hattala, M.: Slovenská mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl. 2. oprav. Vyd. V Pešti: Nákladom Wiléma Lauffera, 1872. 191 s.

Prostredníctvom tejto učebnice boli žiaci vedení k tomu, že pre dobrú komunikáciu ústnu i písomnú je potrebné poznať jednotlivé slová, ich skladanie do viet a poznať základné pravopisné pravidlá. Mrázova učebnica tvorila vcelku seriózny teoretický základ pre preberanie základných pravidiel z „hláskosloví, tvorenia slov, ale aj o rozličných druhoch slov, tvarosloví: podstatné, prídavné meno, zámeno, číslovky“, ako sa píše v obsahu vyučovania v I. gymnaziálnej triede. V druhej triede na to nadviazalo učivo o „slovesách, nesklonných častiach reči a pravopisné pravidlá“. V tretej triede sa podľa tejto Mluvnice učila syntax, a to „náuka o vetách a obvetách“. Pre zaujímavosť uvádzame, čo označoval Fraňo Mráz za „*obvetie čili periodu*“: „Obvetie je složená, z dvoch častok pozostávajúca mnohonásobná veta, z ktorých prvá tak sa má k druhej, jako pobočná veta k hlavnej; prvá totižto čiastka nadobýva uplného smyslu len skrze druhú; a preto pri prednášaní prvej hlas sa zvyšuje, pri druhej ale snižuje. – Prvá čiastka sa menuje napoved'ou (predvetie, protasis), druhá dopoved'ou (závetie, apodosis).²⁶ Prínosom učebnice sú aj didaktické inštruktívne texty. F. Mráz po prebratí jednotlivých tém ponúka úlohy, ktoré sú v mnohom vypracované podľa jednotlivých úrovní poznávacích procesov, čiže úlohy sú formulované nielen na vedomosti na základe pamäti, ale aj úlohy na aplikáciu, nižšie a vyššie kognitívne procesy a tiež na rozvíjanie tvorivosti. Na ilustráciu uvádzame znenie niektorých úloh (výber úloh je z viacerých tematických celkov): – *Vyhľadajte 20 odvodených slov!*; – *Napište po 6 podstatných, prídavných mien a slovies s nasledujúcimi predponami: vy-, pri-, na-, za-, do-, pre-, roz- a u-!*; – *Vyhľadajte sami 20 osobných vlastných mien, a uďte o každej dajakú nedobrá vlastnosť!*; – *Ktoré podstatné mená tvoria genitív množného čísla vynechaním koncovky, ktoré na -i? Čo sa má brať pri tom do povahy?*; – *Utvorte 12 viet v jednotnom a množnom čísle so zvratnými slovesy!*

V Slovenskej mluvnici sa aplikoval postup podobný programovému učeniu, keď po poučke vety bola zaradená úloha formulovaná tak, aby upozornila na funkčný vzťah.

Pri druhom opravenom vydaní²⁷ mu pomáhal aj jeho bývalý žiak Peter Tvrdý (1850 – 1935) z Katolíckeho gymnázia v Banskej Bystrici.²⁸

Na gymnáziu v Revúcej však August Horislav Škultéty²⁹ preberal v tretej triede „náuku o vetách a obvetách“ podľa rukopisu. Čiže pravdepodobne sa pri sprostredkovaní poznatkov Škultéty opieral aj o iné teoretické zdroje, ktoré si spracovával. O A. H. Škultéty bolo známe, že k vyučovaniu pristupoval veľmi tvorivo a pri mnohých témach najmä z rétoriky a literatúry si vypracovával vlastné poznámky, ktoré vytvorili výrazný teoreticko-metodický základ pre vypracovanie viacerých učebníc, ktoré však napokon zostali v rukopise. Napokon A. H. Škultéty ako člen výboru Matice slovenskej pracoval v odbore „slovesnom“ a „pre školské knihy“. Po vzniku vedeckých odborov (1868) sa stal členom literárneho odboru a jeho kolega, slovenčinár, Gustáv Lojko členom jazykového odboru. Vtedajší „učbári“ neboli „kabinetne uzavretí“, ale verejnými aktivitami sa stali uznávanými autoritami v slovenskom kultúrnom prostredí.

²⁶ Mráz, F.: Slovenská Mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných škôl, c. d, s. 174.

²⁷ Slovenská mluvnica : Pre gymnasia, reálky, praeparandie a vyššie oddelenia hlavných a menšitanských škôl. Sostavil Fraňo Mráz, prof. na Kr. Ungvárskom gymn. Druhé opravené vydanie. V Pešti : Nákladom Wilema Lanffera : (Tlačou Imricha Bartaliča), 1872.

²⁸ H. B. Za Petrom Tvrdým. In: Slovenská reč, 1934 – 35, roč. 3, č. 6, s. 162.

²⁹ August Horislav Škultéty (1819 – 1892), evanjelický kňaz, pedagóg, folklorista, národný buditeľ. Napísal 14 učebníc, ktoré zostali v rukopise. Pôvodnou tvorbou výrazne participoval na rozvoji zvlášť literatúry pre deti a mládež. V rokoch 1858 – 1861 spolu s P. E. Dobšínským vydal Slovenské povesti.

Emil Černý – čítanka slovenskej literatúry

Na vyučovanie literatúry spracoval priekopnícku čítanku v dvoch dieloch Emil Černý, hoci tento absolvent viedenskej filologickej fakulty v tom čase na banskobystrickom katolíckom gymnáziu bol len supľujúcim profesorom a mal len 24 rokov.³⁰

Emil Černý dvojdielnu *Slovenskú čítanku* (*Slovenská čítanka pre nižšie gymnasia. Diel I.*, 1864; *Diel II.*, 1865)³¹ spracoval pre potreby slovenských stredných škôl na podnet biskupa Štefana Moysesa a riaditeľa banskobystrického katolíckeho gymnázia Martina Čulena.³² Stala sa zároveň jedným z konkrétnych výsledkov činnosti práve vzniknutej Matice slovenskej (1863), ktorej cieľom bolo pomôcť školám vydávaním slovenských učebníc. Matičná vydateľská činnosť ovplyvnila aj používanie slovenčiny – jednotného spisovného jazyka –, pretože všetky jej vydania boli vydané podľa zásad pravopisu Hattalovej gramatiky. V súvislosti s vydaním Černého čítanky to potvrdil aj gymnaziálny profesor Fraňo Mráz: „Čítanky tyto sostavené sú vôbec dl'a všeobecne prijatého pravopisu a zvlášte dl'a nektorých premien uvedených v novo vydaney mluvnici pana prof. Martina Hattaly až na nektoré odchylky od neho ktoré ale majú základ v obecnej mluve; jako vsúvanie v genitive množného čísla podst. mien ženského rodu na a a sredného rodu na o kde sa podržala len vsuvka že po krátkych a o po dlhých sylabách za predchádzajúcou tvrdou, za mäkkou spoluhláskou ale e a tak žiactvo bude privykať jednote v reči a pravopise“.³³

Napísanie Černého čítaniek, ako pravdepodobne najlepšej slovenskej učebnice z tohto obdobia, predchádzala iniciatíva Martina Čulena. Ten ako člen výboru Matice slovenskej sa usiloval získať pomoc Jána Kalinčiaka a Jozefa Viktorína pri zostavovaní „*Výboru z literatúry slovenskej*“ pre vyhotovenie slovenskej čítanky pre vyššie gymnáziá. Obaja však odmietli. V Pešťbudínskych vedomostiach (rubrika Dopisy) sa uvádzalo, že „velact. Sbor professorov kat. vyšš. Gymnasia našeho usniesol sa nedávno na tom, že behom tohto roku ešte vypracuje potrebné školské knihy slovenské“, medzi ktorými mala byť napísaná aj Čítanka, na ktorej sa mali podieľať „napokon všetci menovaní pl. tit. pp. professori (pozn. Martin Čulen, Anton Cebecauer, Emil Černý, Kvetoslav Červeň, Josef Lós, František Mráz a J. L. Štepán) spolu: I. Čítanku slov pre nižšie a II. Čítanku slov pre vyššie gymnasium“.³⁴ Napokon sa práce na čítankách zhostil mimoriadne nadaný a všestranne činný Emil Černý. Tento absolvent viedenskej filologickej fakulty trúfal si na nesmierne náročnú prácu – vytvoriť slovenské učebnice. Vydanie *Slovenských čítaniek* už na štvrtom zasadnutí matičného výboru odporúčal opäť Martin Čulen. Po jej kladnom posúdení J. Kramárom, J. D. Makovickým a F. Mrázom bola učebnica vytlačená začiatkom decembra 1864. Dvojdielná *Slovenská čítanka* Emila Černého bola už súčasníkmi hodnotená po-

³⁰ Emil Černý pracoval aj na trojjazyčnom slovníku, na ktorý vypísala Matica slovenská konkurz. Svedčí o tom informácia uverejnená v Pešťbudínskych vedomostiach (rubrika Novinky): „Na trojdielnom matičnom slovníku, ktorý vo všetkých troch dieloch bude úplný a nie taký stručný, ako bývajú obyčajné malé kapesnými zvané slovníky, pracuje rezko, a síce E. Černý sostavuje nemecko-slovenský diel...“ Pešťbudínske vedomosti, 1867, roč. VII, č. 21, s. 3.

³¹ Černý, E.: Slovenská čítanka pre nižšie gymnasia. Diel I. Vo Viedni. Tlač Karola Goriška. 1864. – (Matičných spisov; č. 2). Černý, E.: Slovenská čítanka: pre gymnasia. Diel I. Druhé opravené vydanie. V Baňskej Bystrici: na sklade u Eugena Krčméryho, matičného knihkupca, 1866. – (Matičných spisov; číslo 2). Černý, E.: Slovenská čítanka: pre nižšie gymnasia. Diel II.. V B. Bystrici: na sklade u Eugena Krčméryho, matičného knihkupca, 1865. – VIII. 518 s. – (Matičných spisov; č. 3).

³² Martin Čulen (1823 – 1894), pedagóg. Na Katolíckom gymnáziu v Banskej Bystrici vyučoval matematiku a fyziku. Vo funkcii riaditeľa gymnázia potvrdil svoje organizačné a mimoriadne pedagogické schopnosti – pod jeho vedením pedagogický zbor vytvoril veľa kvalitných slovenských učebníc.

³³ AMS. Matica slovenská I. (1857) 1863 – 1875 (1912). Sign. č. 122. Úsudok o čítanke slovenskej sostavenej od Emila Černého profesora na gymnasia banskobystrickom.

³⁴ Pešťbudínske vedomosti, 1863, roč. III., č. 4, s. 2.

zitívne, keďže prispela k vzdelanosti oboznámením sa s myšlienkami v národnom duchu: „Jako „Obsah“ ukazuje, z „Čítanky“ tejto, dočíta sa Čitateľ nielen k vzdelaniu ducha a srdca cieľacích predmetov, lež i takých výtečných myšlienok, ktoré, vsiaknu-li do života našich, národní duch slovenský pokročí o dobu dial.“³⁵ Významný slovenský pedagóg Juraj Čečetka aj s odstupom rokov ju považoval za „... vzornú, v národnom duchu zostavenú čítanku, (ktorá) má bohatý výber hodnotných článkov, a čo osobitne zasluhuje uznanie, je to, že jej druhý diel mohol v tých časoch veľmi dobre poslúžiť i pre vyučovanie o literatúre“.³⁶ Podľa Ondreja Sliackeho „táto čítanka mala takú vecnú a estetickú úroveň, že by sme jej mali z vďačnosti postaviť sochu“.³⁷

Čítanka sa na niekoľko rokov stala učebnicou všetkých troch slovenských gymnázií (v Revúcej, Martine a Klástore pod Znievom), až kým ju maďarské vládnuce kruhy nezakázali. Stala sa účinným podnetom pre literárnu komunikáciu v školskom vzdelávaní súborom tematicky a žánrovo rozmanitých literárnych textov. Ako učebnica v podobe antológie textov obsahovala až 227 ukážok (I. diel, prvé vydanie, 1864) a 165 úryvkov (II. diel, 1866) z umeleckých, umelecko-náučných, náučných kníh a úryvkov z vybraných literárnych diel, ako aj z iných textov zábavného, poučného i vedeckého čítania. Výber a zoradenie týchto textov boli určované literárnovýchovnou a vzdelávacou stratégiou zostavovateľa. Výber základných čítankových textov autor uskutočnil s funkčným zacielením na vtedajšieho žiaka slovenských gymnázií s cieľom vytvoriť celistvú predstavu o vtedajšom najmä slovenskom literárnom kontexte. Touto koncepciou predstavovala *Slovenská čítanka* popri cvičebnici čítania zároveň špecifickú esteticko-výchovnú učebnicu. Stala sa pre vtedajších žiakov základným zdrojom literárnych zážitkov a estetických skúseností z rozličných literárnych žánrov. Približuje napríklad porekadlá, anekdoty, piesne (najmä národné, napr. *Štyri čiastky roku*, *Starý bača*), prstonárodné hádky (hádkanky), rozprávky, povesti, lyrické a epické básne a iné. Zaradil aj niekoľko bájak, ku ktorým mal výhrady vo svojom posudku i D. Makovický: „V prvom diele je primnoho bájek. Bájkym, tak myslím, sú do normálnych škôl. Šuhajci na gymnasiame žiadajú už niečo iného, preto ta ide moja mienka, aby sa niekoľko bájek vynechalo.“³⁸ Aj Martin Kramár kriticky poukázal, že „v I. diele je primnoho bájek“. Namiesto nich Černému odporúčal „viacej životopisných článkov, zvlášte životopisy slavných slovanských mužov.“³⁹ Vo svojom stanovisku k pripomienkam recenzentov v liste podpredsedovi Matice slovenskej K. Kuzmánymu poznamenal, že „som ja pri spätnom prezretí obsahu jeho vcelku len 8 bájek v opravdivom smysle toho načítal, čo ohľadom mravoučného obsahu jejich, jako i v pomere k celému počtu článkov nezdá sa mi primnoho byť“.⁴⁰

V tomto smere možno Černého čítanku aj z dnešného hľadiska hodnotiť pozitívne, lebo podľa Zuzany Stanislavovej pri rozvíjaní si sféry čitateľského záujmu žiaka je potrebné, aby sa žiaci „... oboznámili s čo najpestrejšou ponukou literárnych modelov (žánrov a ich variantov), keďže vzhľadom na ich štruktúrne osobitosti každý z nich vypovedá o svete iným spôsobom (a teda inak dokáže uspokojiť potreby čitateľa)“.⁴¹ Z pohľadu čitateľa predstavuje žáner určitý model re-

³⁵ Slovesnosť, 1864, roč. 2, č. 43, s. 683.

³⁶ Čečetka, J.: Zo slovenskej pedagogiky, c. d., s. 72.

³⁷ Sliacky, O.: Kam chodí Slniečko... (rozhovor s osobnosťou). In: Učiteľské noviny, 2013, roč. LX., č. 28, s. 10.

³⁸ AMS. Matica slovenská I. Sign. č. 123. List I. D. Makovického podpredsedovi MS K. Kuzmánymu zo 16. 6. 1864.

³⁹ AMS. Matica slovenská I. Sign. č. 124. Úsudok nižepodpísaného o Čítankách pre gymnasia Vys: uč: Pánom Emil: Černý zostavených.

⁴⁰ AMS. Matica slovenská I. Sign. č. 125. List E. Černého podpredsedovi MS K. Kuzmánymu zo 7. 6. 1864.

⁴¹ Stanislavová, Z.: Ontogenetické a psychosociálne predpoklady dekódovania literárneho posolstva v mladšom školskom veku. In: Integrovaná didaktika slovenského jazyka a literatúry pre primárne vzdelávanie. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Pedagogická fakulta, Katedra komunikačnej a literárnej výchovy, Kabinet výskumu detskej reči a kultúry, 2011, s. 445.

cepcie, ktorý pomáha (alebo obmedzuje) pri hľadaní zmyslu literárneho diela. V súvislosti s jeho vymedzením sa v čitateľskej recepcii následne otvára tzv. „horizont očakávania“ a žáner sa tak do istej miery stáva literárnym kódom aj komunikátorom významu diela. Funguje ako konkrétna schéma recepcie, ktorá sa potvrdzuje (alebo popiera) pri každom novom texte patriacom do „vybranej“ skupiny napr. poviedok a mala by čitateľovi umožniť selektovať zdroje, ktorými v rámci svojej vlastnej čitateľskej kompetencie disponuje a ktoré sa individuálnym čítaním aktualizujú.⁴² Týmto sa v procese kognitívnej, komunikačnej a literárnej kompetencie žiakov vtedajších gymnázií uplatňovala metóda podľa cieľa utváraním základov literárnych vedomostí poznávaním špecifik jednotlivých literárnych druhov a žánrov. Z uvedených teoretických záverov jednoznačne vyplýva, že Černým zvolená žánrová koncepcia Slovenskej čítanky mala svoje opodstatnenie.

Pre žiakov v sledovanom období bolo priblíženie literárnych žánrov, ale aj tém z rôznych životných situácií nevyhnutné, lebo počas gymnaziálneho štúdia si ešte len hľadali oblasti svojho záujmu aj v slovesnom umení. V čítanke Emil Černý ponúkol primerané a umelecky hodnotné texty slovenských autorov od čias osvietenského klasicizmu. Úryvok textu vytváral predpoklad, že príjemca siahne po celom diele, prípadne po iných literárnych dielach od uvedených autorov. Čítanka sa teda nevyznačovala uzavretosťou, ale kontextovou otvorenosťou. Ako základný súbor vybraných textov mala svoju svoju poetiku ako prejavu tvorivého komponovania vybraných textov z rôznych literárnych diel s cieľom literárne pôsobiť, vychovávať a vzdelávať.

Najviac ukázkou bolo vybraných z literárnej tvorby štúrovcov. Išlo najmä o básne najvýznamnejších básnikov obdobia romantizmu: Andreja Sládkoviča (*Útek do Egypta, Pravda* zo „Súvetov v rodine Dušanovej“, *Večne mladý* z „Maríny“, *Potecha, Pastiersky pes* z „Detvana“, *Mládenec, Kľazka, K lipe, Hádky, Malý Kristus, Děra na hrobe matkinom, Děčka a mať, Družina detvianska* z „Detvana“), Ľudovíta Štúra (*Jeseň, Svätobojovo pokanie, Siroty, Matúš Trenčiansky a jeho družina, Dobývanie Nitry Matúšom Trenčianskym, Junák na Považí*), Sama Chalupku (*Bolo – bude, Turčín Poničan, Vázeň, Boj pri Jelšave, Junák, Syn vojny*), Janka Matúšku (*Slepý starec*), Sama Hroboňa, Janka Kráľa (*Húsky*), ale aj iných básnikov (napr. Karola Štúra, Ľudovíta Orfanidesa, Jána Čajaka, Miloslava Pohronského, Daniela Bacháta, Jakuba Grajchmana, Viliama Paulínyho-Tótha, Štefana Daxnera a i.). Z uvedeného vyplýva, že najviac básní zaradil E. Černý z tvorby Andreja Sládkoviča. Podľa Lívie Ivaničovej „... hojný výber Sládkovičových básní si možno vysvetliť ich vysokou umeleckou hodnotou, pedagogickou primeranosťou a účinnosťou“.⁴³ S týmto konštatovaním možno súhlasiť a potvrdzuje ho aj Stanislav Šmatlák vyjadrením, že dielo Andreja Sládkoviča „... už v očiach súčasníkov nadobudlo pečať „klasickosti“, t. j. trvalej estetickej hodnoty špecificky slovenského národného charakteru...“⁴⁴ Oproti čítankám vypracovaných napr. od 60. rokov 20. storočia, ktoré zo Sládkovičovej básnickej tvorby vyberali predovšetkým ukážky z jeho dlhších básnických skladieb (Maríny, Detvana, prípadne Súvetov v rodine Dušanovej) a do jednotlivých vydaní sa len „prepisovali“, Emil Černý zaradil aj menej známe básne tohto „pohronského slávika“. Čítanka samozrejme obsahovala aj tvorbu z obdobia klasicizmu, z ktorého boli zastúpení Ján Hollý, Karol Kuzmány i Ján Kollár.

Na záver E. Černý pridal tri „Články československé“, napísané v češtine, od Pavla Josefa Šafaříka (*Obráz vzdelanosti staroslovanské*), Jána Kollára (*Slavík*) a Jiřího Slotu (*Vševědoucnost*). Okrem umeleckých textov (básnických a prozaických), ďalej rôznych prejavov ľudovej slovesnosti (napr. v čítanke sú v hojnej miere zastúpené porekadlá a hádanky), obsahovala aj

⁴² Porovnaj: Compagnon, A. 2009. *Démon teorie. Literatura a běžné myšlení*. Brno: Host, 2009. s. 164 – 166.

⁴³ Ivaničová, L.: Čítanky Emila Černého. In: Jednotná škola, 1968, roč. 20, č. 8, s. 756.

⁴⁴ Šmatlák, S.: Dejiny slovenskej literatúry II (19. storočie a prvá polovica 20. storočia). Bratislava: Národné literárne centrum, 1999. s. 98.

ukážky poučného a zábavného rázu. Na ilustráciu uvedieme aspoň niektoré: „Životopis sv. Cyrilla a Methoda“ od Jána Hollého, „Anekdoty o cárovi Petrovi Veľkom“ od Daniela Licharda, „Lov hadov v južnej Amerike“ prebraté zo „Svëtozoru“ alebo „Benjamin Franklin“ dľa „Slovníka naučného“. Nachádza sa tu aj historicko-topografický opis o „Baňskej Bystrici“⁴⁵ od Michala Chrásteka, v ktorom sa napríklad dočítame: „Okrem mnohých regálií je B. Bystrica majiteľkou 10 dedín a veľkých hôr. Ona je kolískou osvety a bohatého priemyslu veľkej, slovenskej časti Uhorska. B. Bystrica je dľa polohy svojej srdcom, kiežby bola i pýchou Slovenska! Nie však tou márnou cudzobažnou, pre ktorú ju nazývajú pyšnou lebo hrdou. Okrem toho nazýva sa ona pre svoje počtom väčšie zábavné miesta, než kde inde na Slovensku, častejšie zábavy a veselší ráz svojich obyvateľov tiež veselou; prečo o nej v slovenskom porekadle sa hovorí: „Za živa v Bystrici a po smrti v nebi“⁴⁶.

Rozmanitosť textov tak umožňovala popri rozvíjaní estetického cítenia žiakov aj obohatenie ich kognitívneho obzoru o nové poznatky z rôznych oblastí ľudskej činnosti. U učiteľov to predpokladalo ich primeranú orientáciu v tematickom, žánrovom a hodnotovom profile pôvodnej slovenskej tvorby od čias osvietenstva po šesťdesiate roky 19. storočia. Podľa Jána Galla „žiaci pozorne sledovali súčasnú slovenskú, českú a inoslovanskú literatúru a poznali najnovšie diela vtedajšej slovenskej poézie a prózy. Zaujímali sa aj o celkové kultúrne dianie na Slovensku a v Čechách“⁴⁷.

Výberom textov Černého čítanka napomáhala k naplneniu jedného zo základných cieľov výchovno-vzdelávacej činnosti, aby sa popri literárnohistorických poznatkoch kládol dôraz aj na mravnú výchovu s akcentom na princíp ľudskejšť a princíp národný. Z jazykového hľadiska obidva diely čítanky „sostavené z výtvorov nášho slovenského písennictva“ ocenil vo svojom „úsudku“ Fraňo Mráz konštatovaním, že „osobitne prvý diel obsahujú v sebe porekadlá, bájky a popisy známšich žiakov predmetov hojne napomáhať bude praktické učenie sa skladbe a sošavovaniu spisov potrebných v obecnom živote“⁴⁸.

Na pedagogické aktivity profesorov vtedajšich gymnázii malo značný vplyv pedagogické dielo J. A. Komenského, ktoré je výrazom ľudskejšť úsilia formovať intelektuálny, emocionálny a vôľový svet mladého človeka s cieľom, aby sa neuspokojoval len s prijímaním hotových poznatkov, ale aby prijímané hodnotil a tvorivo dotváral. Potvrdzujú to Komenského myšlienky, že „... zrelší vek treba pripustiť k príčinám vecí. Totiž, aby nebol spokojný s vedomosťami, že niečo vie, ale aby aj túžil skúmať, prečo je to takto, a nie inak“⁴⁹. Z uvedeného vyplýva, že nemožno sa uspokojiť len s vedomosťami. Tie by mali byť skôr prostriedkom na podnecovanie ich aktívneho porozumenia, hľadania určitých príčinných vzťahov a zmyslu ich existencie. Komenský naliehavo žiadal, aby si žiaci v priebehu vyučovania vytvárali osobné postoje a „... aby nedostávali vzdelanie zdanlivé, ale pravé, nie povrchné, ale dôkladné, t. j. aby si rozumný živočích, človek, zvykol dať sa vodiť nie cudzím, ale vlastným rozumom a čítať v knihách a chápať, prípadne si aj zapamätať a recitovať nielen cudzie mienky o veciach, ale prenikať sám ku koreňom vecí a pripravovať si ich pravé porozumenie“⁵⁰. Tieto základné pedagogické tézy sa usilovali vtedajší „učbári“ naplno transformovať do pedagogického procesu na hodinách literárnej výchovy v práci s literárnymi ukážkami z Černého čítaniek.

⁴⁵ Černý, E. Slovenská čítanka: pre gymnasia. Diel I., 1866, c. d., s. 314 – 321.

⁴⁶ Černý, E.: Slovenská čítanka: pre gymnasia. Diel I., 1866, c. d., s. 320 – 321.

⁴⁷ Gallo, J. Revúcke gymnázium (1862 – 1874). Bratislava: Obzor, 1969, s. 56.

⁴⁸ AMS. Matica slovenská I. Sign. č. 122. Úsudok o čítanke slovenskej sostavenej od Emila Černého profesora na gymnasia bánskobystrickom.

⁴⁹ Komenský, J. A.: Vybrané spisy II. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1956, s. 96.

⁵⁰ Komenský, J. A.: Veľká didaktika. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1954, s. 75.

Uvedené sa dalo uskutočňovať len v materinskom jazyku, ktorý bol vyučovacím jazykom a v ktorom sa mládež mala cvičiť a vypestovať si lásku k nemu. A tomu napomáhala aj Černého čítanka, ktorá sa stala špecializovanou učebnou pomôckou, výrazne zameranou na vyučovanie slovenskej literatúry. Zároveň sa stala aj prvou antológiou ukážok z literárnych diel slovenských autorov. Prekladov z cudzej literatúry je v nej málo (napr. z ruštiny preložená báseň A. S. Chomiakova *Dávid* alebo z poľštiny od A. Mickiewicza *Otcov návrat*). V prvom diele Černého čítanky sú texty zoradené podľa rôzneho tematického zamerania a literárnych žánrov. Zodpovedalo to však vtedajšej koncepcii a osnove vyučovania v najnižších ročníkoch (v 1. a 2. triede), kde doplnením jazykového vyučovania bolo čítanie literárnych diel, resp. úryvkov z nich bez ich uvádzania do chronologického poradia alebo podľa druhových kritérií.

Černého *Slovenská čítanka. Diel II.*, keďže už od tretieho roka štúdia sa učila prozódia a metrika podľa F. Sušila a J. Hollého, sa ako jediná učebná pomôcka pre vyučovanie literatúry používala aj vo vyšších ročníkoch na revúckom gymnázium (v V. a VI. triede), kde sa preberala poetika podľa Jungmanna,⁵¹ ktorý rozlišoval trojakú *výmluvnosť*: prozaickú, básnickú a rečnícku. Pri koncepcii učebnice vychádzal Emil Černý práve z Jungmannovej *Slovesnosti*, ktorá v systematickosti nebola ešte v našich pomeroch prekonaná. Preto určujúcim kritériom pre predstavenie slovenskej literatúry sa stalo žánrové hľadisko. Obsah druhého dielu je rozdelený na dve základné časti: časť prvá – *Články básnické* a časť druhá – *Články prostomluvné*. Prvú časť – básnictvo – autor rozdelil na tri básnické druhy: na *I. Básnictvo výpravné (epické)*, kam zaradil literárne žánre: *a. Hrdinské básne (eposy)*; *b. Spevy bohatierske*; *c. Ballády*; *d. Romance*; *e. Básne opisné*; *f. Básne náučné (didaktické)*, pričom sem zaradil *bájk*y, *parabolu*, *inotajku (allegoriu)* a *iskrice (epigramy)*; *g. Básne mravoličné*, ku ktorým patria *selanky (idyly)* a *mravokárnicu (satiru)*. *II. Básnictvo citné (lyrické)*, do ktorého zahrňuje literárne žánre: *Hymny*, *Ódy*, *Žalospevy (elegie)*, *Piesne rozličné*. *III. Básnictvo predstavné (dramatické)*, zahrňuje *Smutnohru (tragedia)*, *Činohru (Schauspiel)*, *Veselohru (comoedia)*, *Spevohru (opera)*. V rámci básnictva uviedol iba úryvky z historickej tragédie *Odboj zadunajských Slovákov* od Vojana Josifoviča. Do prvej časti tejto Slovenskej čítanky zaradil viaceré ukážky zo slovenskej literatúry obdobia klasicizmu, romantizmu a prechodného obdobia od romantizmu k realizmu s dominantným zastúpením tvorby štúrovcov (Andrej Sládkovič, Ján Botto, Janko Matúška, Samo Chalupka, Ľudovít Štúr, Jozef Miloslav Hurban). Pozornosť venoval aj tvorbe Jána Hollého, z ktorej vybral ukážky z hrdinskej básne (eposu) *Svätopluk*. Pri selankách uvádza aj ódy (*Hlas Tatry*, *Na Mlích*) a žalospevy (*Plač matky Slávy nad synami Svätoplukovými* nárečím západno-slovenským, *Plač matky Slávy nad synami odrodilými* nárečím západno-slovenským). Bájk y opäť vybral z tvorby od najvýznamnejšieho bájkara Jonáša Záborského, ktorého prezentuje aj tromi iskrícami (československy). Zaradené sú aj viaceré epigramy Jána Kollára, pričom táto časť Kollárovej tvorby je prakticky neznáma. Na ilustráciu uvádzame epigram *Šťestí! Šťestí! Ty jsi měsíci podobné : jenžto lidem hned / Tvář pěknou a celou, hned zas ukáže rohy*.⁵²

V druhej časti čítanky sú prozaické texty rozdelené na tri skupiny: *A. Články vedecké*, *B. Články zábavno-poučné*, *C. Reči* a *D. Slovenské porekadlá*. Emil Černý pri zatriedovaní diela do jednotlivých foriem vychádza predovšetkým z vonkajších znakov, t. j. nedejovosti a dejovosti. Preto v rámci druhových foriem neuvádza román a novelu. Vo viacerých dovtedajších poetikách sa však autori venovali aj teórii románu. Napríklad aj spomínaný Josef Jungmann pri „básni

⁵¹ Jungmann, J.: *Slowesnost aneb náuka o výmluvnosti básnické i řečnícké*. Druhé opravené a rozmnožené vydání. W Praze: W kommissi u Krouberga a Řiwnáče, 1845. – 836 s.

⁵² Černý, E.: *Slovenská čítanka: pre nižšie gymnasia*, c. d., 1865, s. 116.

wyprawowaci neb epickej“ píše: „Epická báseň wystawuje esthetycký ideál w udalosti t. řadě činůw w jeden celek esthetycký spojených. Předstawí-li se w udalosti wida čłowěctwa we všeobecných, swrchowaných poměrech, vznikne epos; stane-li se to we zvláštním poměru k životu vzdělanému, bude roman...“⁵³ Možno to súviselo s tým, že umelecká próza do matičných rokov nebola v slovenskej literárnej tradícii výrazne zastúpená a aj v študentských samovzdelávacích spoločnostiach prevažovalo skôr „poetologické“ zameranie. Potom podľa Stanislava Šmatláka „... sa nebudeme čudovať, že v našej literárnej pamäti zostali mená dvoch prozaikov štúrovskej generácie (J. M. Hurban a J. Kalinčiak) a v ich spoločnosti prípadne ešte jedno meno o niečo staršieho spisovateľa (S. Tomášik)“.⁵⁴ Z tvorby týchto reprezentantov romantickej prózy E. Černý vybral len ukážky z diela Jozefa Miloslava Hurbana: pieseň *Nitra*, ktorú zaradil v rámci básnictva lyrického medzi piesne rozličné. Medzi články prostomluvné, vedecké (dejepis písomníctva – literatúry) zaradil ukážku *Počiatky literatúry slovanskej vôbec a slovenskej zvlášte* z článku „Slovensko a jeho život literárny“ uverejnený v Slovenských pohľadoch na vedy, umenia a literatúru. A medzi článkami zábavno-poučnými (opisy) uvádza Hurbanov *Pohľad na Slovensko* z článku „Slovensko a jeho život literárny“.

V čítanke sa nachádza aj článok od Augusta Horislava Škultétyho a Pavla Dobšinského *Povaha slovenských povestí* (zaradený je medzi článkami prostomluvnými, vedeckými ako pojednanie – úvaha), v ktorom slovenské povesti označujú za „... výtvary prstonárodnej slovenskej poesie, ktorých pôvod a počiatok padá hlboko do časov najprvšieho národného povedomia. A tak ony sú ty najprvšie kvety poesie jeho, vykvitnúť na jarnom slnku obrazotvornosti národa ešte mladého, a znázorňujú nám tu najprvšiu povedomosť národného ducha“.⁵⁵ Tu je potrebné pripomenúť, že prvú obsiahlejšiu zbierku *Slovenskie povesti* v rokoch 1858 – 1861 vydal Pavol Dobšinský spolu s Augustom Horislavom Škultétym. Škultéty povesti upravoval do tlače, „stylizoval“ ich, avšak zásluha sa pripisuje iba Dobšinskému, hoci každý zvázok vychádzal po vzájomnej dohode, ako to dokumentuje aj korešpondencia, Dobšinský rešpektoval všetky Škultétyho pripomienky a námety. Preto sa Škultéty v tomto najvýznamnejšom štvorzväzkovom vydaní Slovenských povestí neprávom obchádza.

V Černého Slovenskej čítanke II. nachádzame povest' len ako jednu druhovú formu z epických umeleckých útvarov, pričom povesti podľa neho patria k článkom zábavno-poučným a delí ich na *a. Svetské (Kráľovia vody, ohňa, vetra a času* – prstonárodná povest' slovenská od Jána Rimavského a *Jedna noc na Považí* od Viliama Paulínyho-Tótha) a *b. Svätópovest' (legenda)*, ktorú prezentuje len jednou ukážkou: *So suchým i surové shorí* (Legenda chorvátska). Aj tento druhý diel Černého čítanky splnil na ten čas požiadavky na vyučovanie literatúry, a to najmä v IV., V. a VI. triede, kde ťažisko učiva bolo v poetike. Oproti prvému dielu je táto čítanka skoncipovaná systematickejšie a žiakom umožňovala spoznávať nielen hodnoty súčasnej slovenskej literatúry, ale viedla ich k poznaniu literárnych žánrov, v rámci ktorých sa istá skupina literárnych textov vyznačuje „... určitými spoločnými znakmi a vlastnosťami obsahovými, rozsahovými, kompozičnými, jazykovými a pod.“⁵⁶ To spôsobovalo, že v podvedomí žiakov sa pri opätovnom stretnutí s textom daného žánru „... vytvára predstava štruktúrnych znakov istého modelu... a uľahčuje čitateľovi komunikáciu s ním...“⁵⁷ Učiteľovi to zároveň umožňovalo zmier-

⁵³ Jungmann, J.: *Slowesnost aneb náuka o wýmluwnosti básnické i řecnické*, c. d., 1845, s. 122.

⁵⁴ Šmatlák, S.: *Dejiny slovenskej literatúry II* (19. storočie a prvá polovica 20. storočia), 1999, s. 106.

⁵⁵ Černý, E.: *Slovenská čítanka: pre nižšie gymnasia*, 1865, s. 377.

⁵⁶ Findra, J. – Gombala, E. – Plintovič, I.: *Slovník literárnovedných termínov*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1979, s. 190.

⁵⁷ Stanislavová, Z.: *Ontogenetické a psychosociálne predpoklady dekodovania literárneho posolstva v mladšom školskom veku*, 2011, s. 135.

ňovať problémy s recepciou literárneho diela, ktorú predstavoval najmä obmedzený objem predchádzajúcich estetických zážitkov z čítania literárnych textov. Preto takto zostavené čítankové texty najmä z národnej produkcie a z ľudovej slovesnosti podnecovali zvedavosť a záujem aj o prečítanie iných kníh. Čiže Slovenská čítanka sa pravdepodobne stávala zásobnicou podnetov a odporúčaní pre hľadanie kníh v rámci mimočítankového čítania žiakov.

Z množstva rozmanito zameraných slovesných materiálov v Slovenskej čítanke si učiteľ mohol vyberať, pravdepodobne aj podľa vlastného záujmu, na splnenie výchovných a vzdelávacích cieľov, ale už vtedy aj komunikačných. Básne určite tvorili podklad jednak na cibrenie estetického vkusu a jednak na pamäťové memorovanie, čiže cvičenie pamäti. Prozaické ukážky a články z rôznych odborov slúžili ako podklad pre nácvik čítania, zároveň obohacovali u žiakov ich slovnú zásobu a celkovo zvyšovali jazykovú kultúru. Aj v tomto sa naplňali hlavné zámery na prípravu skutočných vzdelancov s humanistickým cítením, ktorí mali šíriť osvetu a vzdelanie hovoreným i písaným slovom, ako aj osobným príkladom medzi slovenským ľudom. Mnohí absolventi slovenských gymnázií zaujali v slovenskom národnom živote dôležitú postać práve na poli literárnom a kultúrno-osvetovom v časoch najkrutejšieho národnostného útľaku (1875 – 1918).

Černého Slovenské čítanky, diel I. a II., pestrou paletou ponúkaných ukážok z rozličných žánrov umožňovali presadzovať na hodinách literatúry prácu s literárnym textom, čiže rozvíjať interpretačné schopnosti žiaka. Texty síce žiakov primárne viedli k zdokonaľovaniu techniky čítania, ale cieľom učiteľa už v tom čase bolo viesť žiakov aj k porozumeniu zmyslu textu. Z uvedeného vyplýva, že spomínaným činnosťami učiteľa a žiaka zodpovedalo používanie metód ako čítanie, počúvanie, rozhovor a prežívanie. To znamená, že učiteľ síce zohrával kľúčovú úlohu, ale na literárnej komunikácii sa aktívne podieľal aj žiak. Vtedajšia literárna tvorba obsiahnutá v Černého čítankách sa tak stala podnetom k rozvíjaniu žiakovej samostatnosti myslenia a hodnotenia, ale aj estetického vkusu a fantázie. Ďalej možno predpokladať, že čítanku využívali učitelia v každej fáze vyučovacej hodiny s istým didaktickým zámerom. Výberom ukážky sa usiloval aktualizovať vo vedomí žiakov nielen emocionálny, ale aj intelektuálny stimul vysvetľovaním spisovateľovho ideovo-estetického zámeru zašifrovaného v danom úryvku. Prácou s čítankovými ukážkami tak učiteľ vstupoval do celého výchovno-vzdelávacieho procesu s inými metodickými postupmi ako pri učebnici dejín literatúry. V čítanke neboli žiadne sformulované výpovede o konkrétnom literárnom diele a úryvku z neho, ale ani inštruktívne otázky. Všetko bolo vyjadrené napr. v charakteroch postáv, konfliktoch, zobrazovacích postupoch a pod., z čoho musel učiteľ vyvodzovať otázky a viesť primerane žiakov k odpovediam. A z uvedených prístupov môžeme usudzovať aktívnu a samostatnú prácu žiakov za účasti učiteľa, čím vo vtedajšej školskej literárnej komunikácii pravdepodobne činnosti žiakov súviseli „... s výcvikom čítania, zážitkovosťou, rozvíjaním obrazotvornosti a fantázie na základe prečítaného, interpretačným vstupom do textu na úrovni požiadaviek literárnej kompetencie...“⁵⁸ Černého čítanka vo vtedajšom vyučovaní literatúry takto naozaj dosiahla významné miesto. Nebolo predsa reálne požadovať, aby sa každé významnejšie literárne dielo alebo aspoň väčšina preberali na základe autolektúry žiakov. Takto čítanka tvorila jednu z reálnych možností sprístupnenia žiakovi časti slovenského literárneho bohatstva aj s niektorými literárnymi ukážkami z tvorby autorov iných slovanských národov, čo pravdepodobne aj pri predpokladanom učiteľovom metodickom usmernení podnecovalo žiakov k čítaniu, ale i „k vzbudeniu a otuženiu citu národného našich žiakov; – avšak zaujímať budú

⁵⁸ Pršová, E.: Čitateľská a literárna kompetencia žiakov primárneho vzdelávania a predpoklady jej nadobúdania. In: Slovo o slove. Zborník Katedry komunikačnej a literárnej výchovy Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity. Editori Ľudmila Liptáková, Markéta Andričíková, Martin Klimovič. Roč. 16, s. 126 – 127.

dozaista aj obecnstvo mimo školy“.⁵⁹ Aj podľa posudzovateľa D. Makovického „poslúži súbor tento najvýtečnejších slovenských prác dobre i žiakovi i obecnstvu“.⁶⁰ F. Mráz a D. Makovický tým naznačili, že Černého čítanka bola v podstate aj antológiou vtedajšej súčasnej slovenskej literatúry s vybranými ukážkami z tvorby iných slovanských autorov.

Emil Černý mal v pláne vytvoriť aj učebnicu literatúry spracovanú na literárnohistorickom základe v podobe čítanky pre vyššie gymnaziálne triedy (od piatej po ôsmu gymnaziálnu triedu). Chcel tak urobiť na podnet Výboru Matice slovenskej (zo dňa 22. septembra 1863 a 2. augusta 1864), ktorý ustanovil aj komisiu pre zostavenie „Výboru z literatúry slovenskej“. Hlavným cieľom takto zostavenej čítanky mal byť výber ukážok z poézie a prózy od „najstaršieho písomníctva slovanského“ do šesťdesiatych rokov 19. storočia. Emil Černý ako člen spomínanej komisie navrhol rozdeliť „Výbor z literatúry slovenskej“ do niekoľkých literárnohistorických období, ktoré rozdelil do štyroch základných oddielov – „deje písomníctva slovanského dajú sa k vôli stručnému prieňahu na štyri doby rozvrhnúť: Doba prvá od najstarších zpráv o duševnom živote starých Slavianov vôbec a Slovákov osobitne až do pádu državy Veľkomoravskej (r. 907.), čili do storočia X.. Doba druhá siaha od pádu državy Veľkomoravskej (r. 907.) a následkom toho nastaleho hľivenia národného Slovákov až po vystúpenie Husovo. Doba tretia číta sa od spománutého príst'ahovania a osadenia Husítov českomoravských na Slovensku a ujatia sa tuná jazyka českého. Doba štvrtá siaha od prvopočiatkov užívania nárečia slovanského čo spisovnej reči Slovákov na začiatku storočia XVIII. až po dni naše.“⁶¹ Prítom sa presadzovali „len články spisovateľov najnovšieho asi pätnásťročia, odkedy totiž prevažná väčšina spisovateľov slovenských na jednej M. Hattalom osnovanej spisovnej reči slovenskej sa ustálila, treba dôsledne týmto pravopisom prepísať, pri čom najmä u spisovateľov prostomluvných i značnejšie pre meny, t. j. opravy týkajúce sa lohu (skladby a slovosledu) dovolené byť majú, aby spôsobom týmto jak obecnstvo slovenské vôbec, tak najmä žiaci dostali do rúk vzory docela správnej spisovnej reči slovenskej, jakých posavád, bohužiaľ, veľmi málo jest.“⁶²

Svojou koncepciou periodizácie dejín slovenskej literatúry prekonal dovtedajšie vnímanie dejín literatúry len ako súhrnu dát o literárnych dielach a ich autoroch, ale v duchu nových pohľadov od začiatku romantizmu presadzoval pohľad na význam slovesného umenia v porozumení jednotlivých vývinových procesov literatúry, ukotvenej v istej historickej dobe, čiže jej pôsobenie je ovplyvňované aj mimo literárnymi javmi, napr. spoločensko-politickou atmosférou a pod. Takýto postoj k literatúre je v podstate totožný s tým, ako chápal literatúru vo svojich prednáškach revúcky profesor slovenčiny Gustáv Lojko. Zámer vytvorenia takejto čítanky sa potom už nerealizoval aj v dôsledku prenasledovania Emila Černého ako nebezpečného pansláva. Rozhodol sa preto odísť do Ruska, kde tridsať rokov pôsobil ako profesor klasickej filológie v Moskve.

Záver

V príspevku sme venovali pozornosť praktickej gramatickej práci v podobe učebnice Fraňa Mráza a učebnici koncipovanej ako čítanka od Emila Černého v matičnom období. Vychádzame zo štúrovskej kodifikácie, ktorá bola *opravená* hodžovsko-hattalovskou reformou, čím sa najmä v priaznivejších 60. rokoch 19. storočia vytvorili podmienky na výraznejšie uplatňovanie noriem uvedenej spisovnej slovenčiny vo verejnom prostredí. Pozornosť sme sústredili pred-

⁵⁹ AMS. Matica slovenská I. Sign. č. 122. Úsudok Fraňa Mráza o čítanke slovenskej zostavenej od Emila Černého profesora na gymnásie banskobystrickom.

⁶⁰ AMS. Matica slovenská I. Sign. č. 123. List D. Makovického podpredsedi MS K. Kuzmánymu zo 16. 6. 1864.

⁶¹ Pešťbudínske vedomosti, 1864, roč. IV., č. 91, s. 4.

⁶² Pešťbudínske vedomosti, 1864, roč. IV., č. 90, s. 4.

všetkým do školskej praxe na prvých slovenských gymnáziách, na ktorých sa už vyučovacím jazykom stala slovenčina. Preto aj predmet slovenský jazyk a literatúra (vtedy „slovenská reč“) nadobudol iné postavenie a zohrával kľúčovú úlohu v sprístupňovaní vtedajších jazykových noriem, pretože v tom období bol ešte stále rozkolísaný jazykový úzus. V interpretáciách sme hodnotili kľúčové učebnice, ktoré upevňovali lingvistickú terminológiu a výberom kvalitných ukážok z dovtedajšej slovenskej literatúry a i niektorých z iných slovanských jazykov upevňovali u žiakov normy novej spisovnej slovenčiny prostredníctvom umeleckého slova. Naznačenými interpretačnými sondami sme poukázali na ich vtedajšie dôležité postavenie s cieľom zhodnotiť ich význam v dejinách spisovnej slovenčiny, keďže doteraz sa im nevenovala výraznejšia pozornosť. Príspevok tak otvára priestor pre ďalšie skúmanie uplatňovania *opravenej* štúrovskej slovenčiny najmä v pedagogickej praxi, keďže absolventi prvých slovenských gymnázií boli následne aktívnymi nositeľmi uplatňovania martinskej normy, vybudovanej na martinskom úze, ktorý sa do konca 19. storočia vyformoval zásluhou kultúrnych dejateľov, ktorí získali do svojho jazykového vedomia normy aj prostredníctvom uvedených učebníc.

Štúr's revised Slovak in language and literature textbooks in the context of the Matica period

Július Lomenčík

After the enactment of standard Slovak in the mid-1840s and its subsequent partial reform by a compromise between the intellectual elite of the time in the form of the Hodža-Hattala reform (1851), it gradually entered the individual consciousness of individuals in the public sphere. It became most prominent as a literary language, subsequently in written texts, but also in oral communication. The new standard language opened up new possibilities for the development of both basic functions of language – communicative and cognitive. This was aided by the establishment of Slovak grammar schools (Banská Bystrica, Revúca, Martin, Kláštor pod Znievom), where the first attempts to transform the new, corrected standard Slovak for educational purposes appeared in teaching. This was greatly aided by Fraňo Mráz's textbook (*Slovenská mluvnica* [*Slovak Grammar*]), which contained basic information on the linguistic levels of phonology, morphology, and syntax. The textbook only partially contained didactic apparatus in some of its exercises. Based on the philological method, we pointed out the linguistic terminology, which already contained Slovak names with the addition of Latin terms. Mráz's grammar book became the standard reference work for standard Slovak in public life for a long period. We would like to point out that, at a time when spelling and morphology were in flux, Mráz sought to help stabilize linguistic norms in the context of the revised Štúr Slovak. Emil Černý's reader, on the other hand, presented mainly the latest literary works written according to the new language standards. In them, the Slovak language became a unique tool for the artistic depiction of Slovak life. Černý's reader became the first anthology of excerpts from the most important works of artistic and scientific literature. In this article, we emphasize the importance of these textbooks in strengthening professional interest in theoretical knowledge of *revised* standard Slovak through linguistic terminology and the development of a new concept of the history of Slovak literature by E. Černý, which surpassed the previous perception of literary history.

ANNA PLIŠKOVÁ*

Od nárečia po úradný jazyk: pokusy o kodifikáciu jazyka Rusínov a ich výsledky

PLIŠKOVÁ, A.: From Dialect to Official Language : Attempts to Codify the Rusyn Language and their Results. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2 , pp. 265-281 (Bratislava).

The paper focuses on the characteristics of the Rusyn language in Slovakia as a regional, or minority, language included in the European Charter for Regional or Minority Languages. It presents the dynamics of the perception of minority languages and cultures in recent decades, trends in language shifts and changes and their impact on the identity of small and stateless nations, as well as the potential emergence of literary (micro)languages, current tools created for their support, and the results of their implementation in the context of Rusyns living in Slovakia.

Rusyn language, Rusyns in Slovakia, language change, microlanguages, European Charter for Regional or Minority Languages

1. Úvod

V texte sa na príklade konštituovania a fungovania spisovného jazyka karpatských Rusínov zameriame na charakteristiku rusínskeho jazyka ako súčasti *regionálnych* alebo *menšinových* jazykov v kontexte *Európskej charty regionálnych alebo menšinových jazykov* a *Atlasu svetových jazykov v ohrození*, predstavíme dynamiku vnímania menšinových jazykov a kultúr v posledných desaťročiach, trendy jazykového posunu/jazykovej zmeny a ich vplyv na identitu malých a bezštátnych národov, predstavíme pohľady na potenciálne možnosti vzniku spisovných jazykov *malých národov*, resp. mikrojazykov, ozrejmime teoreticko-metodologické východiská riešenia jazykovej otázky Rusínov a ich výsledky, predstavíme aktuálne nástroje vytvorené na podporu zachovania a rozvoja jazykov národnostných menšín a ich implementáciu v prostredí Rusínov na Slovensku, ako aj výzvy, ktoré stoja pred Rusínmi s cieľom zachovania ich národnej identity a materinského jazyka v prostredí dynamickej etnickej a jazykovej asimilácie najmä malých etnicko-jazykových komunit, ku ktorým patria aj Rusíni.

27. januára 2025 uplynulo od kodifikácie rusínskeho jazyka na Slovensku 30 rokov. Pri tejto príležitosti diskusná platforma Okrúhly stôl Rusínov Slovenska, ktorá spája všetky rusínske organizácie a inštitúcie na Slovensku, vyhlásila rok 2025 *Rokom rusínskeho jazyka*. Počas celého roku 2025 Rusíni realizujú množstvo aktivít rôzneho charakteru, aby si jednak pripomenuli toto významné výročie a aby dali na vedomie aj širokej verejnosti – čo vlastne existencia spisovného jazyka znamená pre rozvoj a zachovanie každého etnika. Pre Rusínov je to o to významnejšia a stimulujúca téma, pretože pokusov o vytvorenie spisovného jazyka vo svojich dejinách zaznamenali niekoľko. Navyše, je zrejmé, že otázka spisovného jazyka bola „jedným z dezintegrujúcich faktorov elity rusínskej pospolitosti“,¹ čo pretrvalo až do roku 1989, a paradoxne aj po ňom.

* Doc. PhDr. Anna Plišková, PhD., univ. prof., Prešovská univerzita v Prešove, Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, Ul. 17. novembra 1, 080 01 Prešov, anna.pliskova@unipo.sk.

Príčin k tomu bolo hneď niekoľko:

(1) V prvom rade to boli **zložité sociálno-ekonomické, politické a kultúrne podmienky, ktoré karpatským Rusínom prekazili možnosť konštituovať sa ako moderný národ**. Vzniku konzistentného národného vedomia Rusínov na Slovensku navyiac bránili aj niektoré **geografické a demografické faktory**. Viaceré smery v národnej orientácii obyvateľstva spôsobili, že ani vektory hľadania národného literárneho jazyka nemohli byť rovnobežné. Pritom vzťah národa a jazyka je priamy a symetrický, ba reč často vystupuje ako hlavný integrujúci faktor národnouvedomovacieho a emancipačného hnutia.²

(2) Druhú kategóriu príčin predstavujú niektoré **nepriaznivé okolnosti, ktoré negatívne ovplyvnili zameranosť, rýchlosť a výsledky lingvistických procesov**. Rusíni totiž žijú na **rozhraní dvoch veľmi rozsiahlych jazykových areálov: západoslovanského a východoslovanského**. Okrem slovenských a poľských vplyvov jazykovú situáciu tu komplikoval aj kontakt s neslovanskými jazykmi: maďarským, nemeckým a čiastočne i s rumunským. V takomto prostredí prirodzene dochádzalo k interferencii fonetických, morfológických i lexikálnych javov. Preto sa jazyková vertikála rusínskych dialektov tvorila veľmi ťažko. Rozmanitosť rusínskych nárečí prekážala povýšeniu niektorého z nich na literárny jazyk.³

(3) Treťou príčinou neúspechu snáh o všeobecne akceptovaný spisovný jazyk karpatských Rusínov boli **silné vplyvy, ba aj politické tlaky veľmocí i regionálnych mocností**, ktoré sa aj týmto spôsobom **usilovali získať vplyv** v geopoliticky exponovanom priestore pod Karpatami a na priľahlých územiach. Na tento významný aspekt historického vývoja v tomto regióne sa často zabúda.⁴

2. „Zraniteľný“ a „rozhodne ohrozený“ : Rusínsky jazyk v kontexte *Atlasu svetových jazykov v ohrození*

Rôzne zdroje uvádzajú, že na svete existuje okolo 5 500 – 6 000 rôznych jazykov a národov, avšak počas posledných dvoch storočí existovalo iba asi 200 štátov. To znamená, že väčšina národov (alebo národností) nikdy nemala, a zrejme ani mať nebude svoj vlastný štát. Napríklad časť Európy, ktorá je v súčasnosti združená v Európskej únii, od roku 2020 tvorí 27 suverénnych štátov a 437 miliónov obyvateľov (približne 6 % svetovej populácie). Podľa prepočtov, vyše 45 miliónov obyvateľov tohto spoločenstva, t. j. 10% jej obyvateľstva, patrí k národom bez vlastného štátu.⁵ Niektoré z týchto národov či národností (napr. Valóni, Bretónci, Kašubovia) žijú v **jednom** štáte, iné (Baskovia, Katalánci, Flámi) **sú rozdelené do dvoch alebo viacerých štátov**. Prirodzene, tieto národy nemigrovali z jedného štátu do druhého, žili na jednom a tom istom mieste, menili sa iba hranice štátov. Povedané inými slovami, počas európskej histórie sa štáty menili, ale národy ostávali.

Jedným z bezštátnych národov Európy, obývajúcich územie severných a južných svahov Karpát, sú karpatskí Rusíni. Teritórium, na ktorom prinajmenšom do začiatku XX. storočia tvo-

¹ Konečný, S.: Rusíni na Slovensku a vývoj otázky ich spisovného jazyka. In: Človek a spoločnosť: Internetový časopis pre pôvodné teoretické a výskumné štúdie z oblasti spoločenských vied, [online], 2000, roč. 3, č. 1, s. 178 [cit. 2025-05-22]. Dostupné z: www.saske.sk/cas/1-2000/konecny2.html. ISSN_1335-3608.

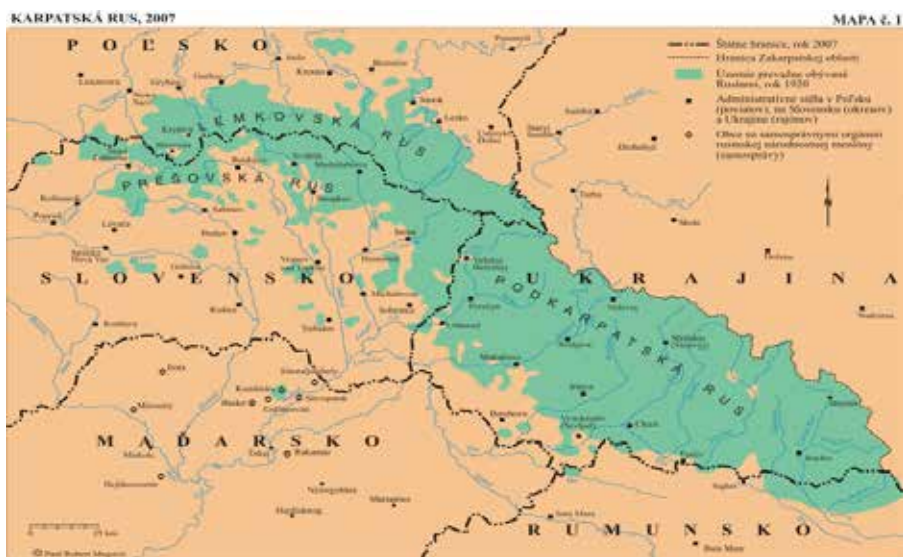
² Дуличенко, А. Д.: Литературни язык як средство етнічної орієнтації (на матеріалі микроязиків). In: А. Д. Дуличенко: Jugoslavo-Ruthenica : Роботи з рускей філології. 1. Вид. Нови Сад: „Руске слово“, 1995, с. 36. ISBN 86-7105-100-5.

³ Сабовъ, Е.: Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ. Унгарь, 1893, с. 250.

⁴ Konečný, S.: Rusíni na Slovensku a vývoj otázky ich spisovného jazyka, s. 178.

⁵ Magocsi, P. R.: *Národ znikadiaľ* : ilustrovaná história karpatských Rusínov. Prešov: Rusín a ľudové noviny, 2007, s. 15, 17.

rili väčšinu obyvateľstva, sa v odbornej literatúre volá *Karpatská Rus*. Zaberá približne 18 000 km² a rozprestiera sa na 375 kilometroch od rieky Poprad na západe po horný tok Tisy a jej prítoky na východe. Vychádzajúc zo súčasných medzinárodných hraníc, Karpatská Rus sa rozprestiera na území Poľska, Slovenska, Ukrajiny a Rumunska (pozri mapu P. R. Magocsiho nižšie⁶). S výnimkou Ukrajiny, všetci karpatskí Rusíni žijú v štátoch, ktoré sú súčasťou Európskej únie a sú zároveň signatármi medzinárodných dohovorov na ochranu národnostných menšín a ich jazykov (*Rámcový dohovor o ochrane národnostných menšín*, 1994, *Európska charta regionálnych alebo menšinových jazykov*, 1992).

V rámci Európskej únie sa hovorí mnohými jazykmi. Existuje **23 úradne uznaných jazykov**, ktoré sú **rokovacími jazykmi EÚ**, a vyše **60 pôvodných regionálnych a menšinových jazykov**, z ktorých **päť** sa uznáva za **poloúradné jazyky** (katalánčina, galícijsčina, baskičtina, škótska gaelčina, waleština). Žiadny ďalší jazyk nemá v EÚ oficiálne postavenie. Napriek tomu, že EÚ má obmedzený vplyv, keďže politiky v oblasti vzdelávania a jazykov patria do zodpovednosti jednotlivých členských štátov, pripomína svoj záväzok zabezpečiť jazykovú rozmanitosť a presadzovať znalosť jazykov.

Rôznorodosť a pestrosť etník, jazykov a kultúr je v súčasnosti stále výraznejšie chápaná ako **kultúrne dedičstvo ľudstva**, niektorí vedci ju vnímajú s určitou hyperbolou ako súčasť „ekológie životného prostredia“⁷ či „(bio)diverzity“.⁸ Jazyky vyjadrujú identitu a zabezpečujú spojenie ľudí, ktorí nimi hovoria, s ich minulosťou, prítomnosťou a budúcnosťou. V jazykoch je zafixovaná veľká časť poznatkov o svete a ľudská skúsenosť. Keď jazyky zaniknú, tieto poznatky sa stratia.

⁶ Magocsi, P. R.: *Národ znikadiaľ* : ilustrovaná história karpatských Rusínov, s. 8.

⁷ Zima, P.: Ekolinguistika. Jazyky jako organizmy žijící prostřednictvím svých uživatelů. In: *Vesmír*, 2002, č. 81(1), s. 45-47.

⁸ Maffi, L., ed.: *On Biocultural Diversity. Linking Language, Knowledge and Environment*. Washington: Smithsonian Institution Press, 2001. ISBN 1-56098-905-X.; Middleton, DeWight R.: *The Challenge of Human Diversity. Mirrors, Bridges and Chasms*. Long Grove (Ill.): Waveland Press, 2003.

Uvedené skutočnosti našli postupne svoj odraz nielen v odborných publikáciách – vzhľadom k úzkemu prepojeniu jazykového a etnického fenoménu sa prejavili tiež v súvislosti s všeobecne sa zvyšujúcim záujmom o národnostnú a menšinovú problematiku, tematiku ľudských práv a s rôznorodými aktivitami na tomto poli.

Od 60. rokov 20. st., začiatku epochy „etnického znovuoživenia“ (*ethnic revival*) v rade západoeurópskych štátov a v USA, uplynulo už viac ako pol storočia. V priebehu tejto doby, pokiaľ ide o snahy o pretrvávajúce a revitalizáciu malých etník, národnostných menšín a ich jazykov v Európe aj na ďalších kontinentoch, **sa mnohé zmenilo, a to ako na poli teórie či v zákonodarnej oblasti, tak aj v praktickej sfére.**⁹ **Na špecifické problémy** (samozrejme nielen jazykových a etnických) **minorít sa začalo v posledných desaťročiach – aspoň v demokratických zónach sveta – nazerat' ústretovejšie.** Medzinárodné aktivity viedli o. i. ku garantovaniu základných práv etnických menšín – zafixovaných v *Rámcovom dohovore o ochrane národnostných menšín* (1994). Aj na menšinové jazyky a kultúry sa postupne začalo pozerat' novými očami – ich vnímanie ako „**rušivého elementu**“ prechádzalo vývojom cez „**jazyk ako právo**“ až k predstave „**kultúrneho bohatstva ľudstva**“.¹⁰ To dokazuje aj existencia *Európskej charty regionálnych alebo menšinových jazykov* (1992). Súčasne vzniklo aj množstvo inštitúcií a organizácií združujúcich etnické menšiny do určitého celku alebo podporujúcich ich kultúrne snahy. Z pozície zástancov uchovania etnickej a jazykovej pestrosti túto skutočnosť možno hodnotiť ako pozitívum.¹¹

Druhou stranou mince sú však „**praktické výsledky**“ zmienených trendov. Do akej miery sú uvedené programy a snahy mienené naozaj, a nakoľko sú skôr len „papierovými paragrafmi“?¹² Do akej miery skutočne napomohli a ďalej napomáhajú čeliť jazykovej a kultúrnej asimilácii? Kvalifikované rozboru a analýzy tejto problematiky nie sú početné, podobne ako prognózy ďalšieho vývoja. Niet však sporu o tom, že vzniknutá atmosféra teoreticky – a mnohokrát celkom iste aj prakticky – **zvýšila šance malých, asimilujúcich sa etnických a jazykových skupín na ich pretrvanie.** Táto skutočnosť sa (kvantitatívne, kvalitatívne či aj symbolicky) odrazila aj v rovine odborných etnologických, sociolingvistických a ďalších spoločenskovedných textov.¹³

Uznanými termínmi používanými na klasifikáciu jazykov, ktoré sú v Európe **pôvodné, ale nie sú štátnymi jazykmi v konkrétnom štáte**, sú termíny *regionálne* alebo *menšinové jazyky*. Tento termín použila Rada Európy vo svojej *Európskej charte regionálnych alebo menšinových jazykov*. Tieto jazyky vo všeobecnosti patria do štyroch kategórií:

⁹ Šatava, L.: Etnojazyková revitalizace – vize „šílených vědců“, či přirozený jev? In: A. Sulitka – Z. Uherek, eds.: Praha a menšiny : Sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Praze dne 4. prosince 2014. Praha: Etnologický ústav AV ČR, v. v. i. ve spolupráci s Magistrátem hlavního města Prahy a Domem národnostních menšin, o. p. s., 2014, s. 100-101. ISBN 978-80-906147-0-3.

¹⁰ Hale, K. L. et al.: Special Issue on Endangered Languages. In: Language, 1992, 68(1), s. 1-3. ISSN 1535-0665.; Our Creative Diversity: Report of the World Commission on Culture and Development (Perez Cuéllar – Report, 2. ed.), 1995/96. Paris: UNESCO-Publishing. ISBN 978-92-3-103423-7, 92-3-103282-8, 978-92-3-203282-9.; Šatava, L.: Jazyk a identita etnických menšín. Možnosti zachování a revitalizace. Praha: Sociologické nakladatelství, 2009, s. 66. ISBN 9788086429830.

¹¹ Je však skutočnosťou, že napr. „pozitívna diskriminácia“ jazykových/etnických menšín sa často nestretáva s kladným ohlasom u majoritnej populácie.

¹² Šatava, L.: Etnojazyková revitalizace – vize „šílených vědců“, či přirozený jev?, s. 101.

¹³ Fishman, J. A.: Reversing Language Shift. Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Language. Clevedon: Multilingual Matters, 1991. ISBN 1-85359-121-1.; Fishman, J. A., ed.: Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift, Revisited: A 21st Century Perspective. Clevedon: Multilingual Matters, 2001. ISBN 1-85359-492-X.

- (1) **domáce jazyky**, ktoré sú pôvodné, ale nie sú štátnymi jazykmi;
- (2) **domáce a cezhraničné jazyky**, ktoré sú pôvodné a existujú vo viac ako jednom štáte, ale nie sú štátnymi jazykmi – to je prípad rusínskeho jazyka;
- (3) **cezhraničné jazyky**, ktoré existujú ako štátny jazyk v jednom štáte a ako menšinový jazyk v inom štáte;
- (4) **jazyky bez územia** – akým je napríklad rómčina.¹⁴

V rámci procesu **globalizácie sme svedkami presadzovania homogénnejšej kultúry** aj na svetovej scéne, pričom hlavnou hybnou silou je v tomto kontexte **angličtina**. Pre množstvo **menej používaných jazykov** je preto zložitá bojovať o prežitie v tomto prostredí, zvlášť ak existujú v **znevýhodnených vidieckych oblastiach, často s nedostatočnými dopravnými spojeniami**. Nositelia takýchto jazykov **neveria**, že aj ich jazyky majú svoju **dôstojnosť** či **hospodársku hodnotu**, a preto svoj jazyk **neodovzdávajú d’alšej generácii**. Toto **chýbajúce medzigeneračné odovzdávanie** je jedným z najzreteľnejších aspektov ohrozených jazykov. V **druhej polovici 20. st. sa trend „jazykového posunu/jazykovej zmeny“ (language shift)**,¹⁵ t. j. prerušenie medzigeneračnej štafety v mnohých častiach sveta **mimoriadne rozšíril a zrýchlil**. Platí to aj pre rusínsky jazyk.

Avšak napriek zjavnosti a stále silnejúcej naliehavosti ohrozenia a zániku veľkej väčšiny jazykov sveta sa **zásadnejšie práce či zborníky, zamerané na danú tému, objavujú skôr až na počiatku 90. rokov 20. storočia**.¹⁶

V 90. rokoch minulého storočia vydala organizácia UNESCO publikáciu **Červená kniha ohrozených jazykov**, v ktorej sa uvádza úplný zoznam ohrozených jazykov sveta. Túto knihu neskôr nahradil **Atlas svetových jazykov v ohrození**.¹⁷ Podľa Atlasu sa v Európskej únii za **ohrozené považuje 128 jazykov**. **Všetky jazyky, ktoré sa považujú za samostatný jazyk a nie za dialekt, majú svoj kód ISO** (kód Medzinárodnej organizácie pre normalizáciu). Svoj kód má aj **rusínsky jazyk: ISO 639-3, skratka rue**.¹⁸

V rokoch 2002 – 2003 požiadala organizácia UNESCO skupinu expertov ad hoc, aby vypracovali **rámec na určenie životaschopnosti jazyka**. V tomto rámci experti určili **sedem úrovní životaschopnosti**, pričom až **päť** z týchto úrovní patrí jazykom, ktoré sú **ohrozené**. Ide o tieto úrovne: (1) **bezpečný**, (2) **stabilný – ale ohrozený**, (3) **zraniteľný**, (4) **rozhodne ohrozený**, (5) **vážne ohrozený**, (6) **kriticky ohrozený**, (7) **zaniknutý**.¹⁹

¹⁴ Jones, M. P.: Ohrozené jazyky a jazyková rozmanitosť v Európskej únii [online]. Európska únia. Generálne riaditeľstvo pre vnútorné politiky. Tematická sekcia B : Štrukturálna a kohézna politika : Kultúra a vzdelávanie, 2013, s. 5 [cit. 2025-05-22]. Dostupné z: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/495851/IPOL-CULT_NT\(2013\)495851\(SUM01\)_SK.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/495851/IPOL-CULT_NT(2013)495851(SUM01)_SK.pdf)

¹⁵ Fishman, J. A.: Language maintenance and language shift as a fields of inquiry. In: Linguistics, 1964, 2(9), pp. 32-70. DOI doi.org/10.1515/ling.1964.2.9.32.

¹⁶ Robins, R. H. – E. M. Uhlenbeck, eds.: Endangered Languages. Oxford – New York: Berg, 1991. ISBN 0854963138.; Hale, K. L. et al.: Special Issue on Endangered Languages. In: Language, 1992, 68(1), s. 1-42. ISSN 1535-0665.; Krauss, M.: The world's languages in crisis. In: Language, 1992, 68(1), pp. 4-10. ISSN 1535-0665.

¹⁷ Atlas of the World's Languages in Danger: New edition of the Atlas of endangered languages. [online]. UNESCO, 2012. Retrieved 30 April 2012. [cit. 31. októbra 2016]. Dostupné z: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026?posInSet=1&queryId=1f0bd5f4-c402-4c27-ad71-f02ee0662c45>. Od februára 2009 spustilo UNESCO online verziu atlasu, ktorá sa neustále aktualizuje. Pozri tiež Moseley, Ch. – A. Nicolas: Atlas of the world's languages in danger: Memory of peoples series (3rd ed. entirely revised, enlarged and updated. ed.). Paris: UNESCO, Intangible Cultural Heritage Section, 2010. ISBN 978-92-3-104095-5.

¹⁸ ISO 639 Code Tables: ISO 639-3: rue (Rusyn). [online]. [cit. 22. mája 2025]. Dostupné z: <https://iso639-3.sil.org/code/rue>.

¹⁹ Jones, M. P.: Ohrozené jazyky a jazyková rozmanitosť v Európskej únii, s. 5.

Rusínsky jazyk na Slovensku a v celej karpatskej oblasti sa podľa tohto Atlasu klasifikuje prívlastkom „zraniteľný“, čo sa vysvetľuje tak, že „**jazykom hovorí väčšina detí, ale jeho používanie môže byť obmedzené iba na určitú sféru** (napr. rodinnú)“. Pritom vojvodinský rusínsky jazyk sa klasifikuje ako „**rozhodne ohrozený**“, t. j. **deti sa doma už neučia jazyk ako svoj materinský**. Vychádzajúc však z uvedených definícií klasifikácie jazykov a poznania sociolingvistickej situácie, myslíme si, že **aj karpatský rusínsky jazyk patrí do kategórie „rozhodne ohrozených“** jazykov v Európe, pretože v súčasnosti sa už dlhodobo nachádza v takej istej situácii ako vojvodinský rusínsky jazyk, t. j. **deti sa doma už neučia jazyk ako svoj materinský**, ale ich rodičia z pragmatických dôvodov preferujú slovenčinu, prípadne v tom lepšom prípade, deti vedú k bilingválnosti vzhľadom na nedostatočne rozvinuté rusínske národnostné školstvo.²⁰

3. Teoreticko-metodologické východiská riešenia jazykovej otázky Rusínov (periodizácia, prístupy, výsledky)

Jednou z najdôležitejších stránok etnogenézy Rusínov bolo vyriešenie otázky ich spisovného jazyka. Ide o veľmi dôležitý problém každého národného hnutia. Malým slovanským národom v tomto priestore často chýbali ďalšie národotvorné činitele, preto jazyková otázka bola v centre národných snáh. Z tohto dôvodu do istej miery zaráža skutočnosť, že napriek nespornému úsiliu viacerých generácií národných buditeľov problematika spisovného jazyka nebola vyriešená ani počas národného obrodovania, ani neskôr.

Téma spisovného jazyka karpatských Rusínov v histórii aj v súčasnosti bola a aj je stále aktuálna pre mnohých autorov, ktorí sa vo svojich prácach zameriavajú na hlavné tendencie vývoja jazyka **pred a po roku 1945** – v závislosti od dominancie toho-ktorého jazyka v kultúrnom živote Rusínov.

V odbornej literatúre týkajúcej sa tejto problematiky vidieť jednak **zhodu v názoroch na príslušnosť nárečí karpatských Rusínov do skupiny východoslovanských jazykov**, a jednak **rozpor v názoroch o vzťahu týchto nárečí k iným slovanským jazykom**: sú súčasťou ukrajinského jazyka, vseruského jazykového areálu, do ktorého historicky patril ruský, bieloruský a ukrajinský jazyk, alebo tvoria samostatnú skupinu? Uvedený psycholingvistický problém, ktorý od najstarších čias podstatne spomaľoval proces riešenia jazykovej otázky Rusínov, je neustále prítomný vo vedomí nositeľov tohto jazyka a vo významnej miere ovplyvňoval a ovplyvňuje hľadanie čo najobjektívnejšej odpovede na základnú otázku: **či majú nárečia karpatských Rusínov dostatočný stupeň dôstojnosti, ktorý by mohol poslúžiť ako báza pre vznik nového spisovného jazyka, alebo či táto dôstojnosť im skutočne chýba, čo znamená, že jazykové prostriedok sú nútení prevziať z už existujúcej normy – ruskej, ukrajinskej alebo inej?**²¹

Výskumy v tomto regióne realizovali viacerí bádatelia a ich výsledky boli často pertraktované najmä na prelome 19. a 20. storočia (L. Niederle, O. Broch, V. Hnat'uk, I. Verchratskyj, S. Czambel, Š. Miššík, J. Škultéty, A. Bonkaló, F. Houdek, J. Polívka, N. N. Durnovo a i.), ale s nezmenšenou intenzitou pokračovali aj v ďalších desaťročiach (G. Gerovskij, V. Gancov,

²⁰ Plišková, A.: Vzdelávanie Rusínov na Slovensku v kontexte Európskej charty regionálnych alebo menšinových jazykov. In: M. Šmigel', B. Halczak, R. Drozd, S. Dudra, O. Kozakevych, eds.: *Lemkovia, Bojkovia, Rusíni - dejiny, súčasnosť, materiál a duchovná kultúra : k 70. výročiu presídlenia Rusínov a Ukrajincov zo Slovenska do ZSSR a Akcie „Visla“ v Poľsku v roku 1947*. Banská Bystrica: Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici – Belianum. TOMUS VII. Časť 1, 2018, s. 329-341. ISBN 978-80-557-1510-0.

²¹ Magocsi, P. R.: *Rusínska jazyková otázka znova nastolená*. In: P. R. Magocsi, ed.: *A new Slavic Language is born. The Rusyn Literary Language of Slovakia. / Zrodil sa nový slovanský jazyk. Rusínsky spisovný jazyk na Slovensku*. New York: Distributed by Columbia University Press, 1996, s. 17. ISBN 0-88033-331-6.

O. Zylinskyj, I. Paňkevič a i.). Väčšina odborníkov rusínske nárečia východného Slovenska a Zakarpatska oprávnené zaradila do tzv. **karpatskej skupiny nárečí**, ktorá má **typické znaky jazykového pohraničia a odráža izolovanosť oblasti**. Z týchto dôvodov rusínske nárečia severovýchodného Slovenska si tiež zachovali niektoré archaické črty, ktoré sú charakteristické pre celú karpatskú skupinu a v južnoukrajinských dialektoch sa nevyskytujú.²² Menej jednotne si lingvisti počínali pri zaradení karpatskej skupiny dialektov do širšieho celku. Niektorí bádatelia (A. I. Sobolevskij, O. Zylinskyj) ju priradili k severoukrajinským nárečiam, hoci geograficky nesúvisia, iní (V. Gancov, I. Paňkevič) k južnoukrajinskej skupine či k jej západoukrajinskej podskupine, ba O. Zylinskyj v nej hľadal aj vplyvy východoukrajinských nárečí. G. Gerovskij zastával názor, že karpatská skupina nárečí je samostatnou a uvažoval o jej paralelách v severoruskom (novgorodskom) nárečí.²³

Vzťahy medzi východnými a západnými vplyvmi na východe Slovenska boli tiež interpretované rôzne, zdá sa však, že kultúrnou prevahou a vyššou prestížou sa predsa len viac presadila **slovenčina**, hoci i slovenské nárečia prevzali viaceré rusinizmy a polonizmy. Prejavilo sa to najmä vznikom zmiešaných nárečí²⁴ a ďalšími svojráznymi jazykovými javmi, akým je napr. **soťacké nárečie**.²⁵ **Pretrvávajúce pochybnosti o dignite rusínskeho jazyka viedli k hľadaniu takého jazykového systému, ktorý by sa stal základom rusínskeho literárneho jazyka.**

Z pomerne širokej bibliografie k danej téme²⁶ vidieť, že všetky pokusy o vytvorenie spisovného jazyka pre karpatských Rusínov v XVII. – XX. st. sa opierali o **štyri základné jazykové bázy**, ktoré v určitých historických obdobiach boli významnými katalyzátormi národných a jazykových procesov v prostredí karpatských Rusínov:

- a) cirkevnoslovanská, resp. zakarpatský variant cirkevnoslovanského jazyka (druhá polovica XVIII. st. – 1848),
- b) ruská, resp. veľkoruská (druhá polovica XIX. st., medzivojnové obdobie 1919 – 1939 a po vojnové obdobie 1945 – 1953),
- c) ukrajinská (20. a 30. roky XX. st., najmä však obdobie začínajúce školským rokom 1953/1954),
- d) domáca nárečová báza Rusínov – karpatoruská / karpatorusínska / rusínska (XVII. st. a začiatok XVIII. st., druhá polovica XIX. st., prvá polovica XX. st. a najmä obdobie po roku 1989).

Do januára 1995, keď rusínčina bola vyhlásená za spisovný jazyk, ani jeden z nich sa nestal spisovným jazykom Rusínov žijúcich na Slovensku. **Cirkevná slovančina** nikdy nemohla splniť túto úlohu preto, lebo spravidla **slúžila na náboženské účely**. **Ruština** aj napriek mnohým pokusom často veľmi schopných filológov ako spisovný jazyk nezapustila korene v rusínskom regióne najmä preto, lebo **jej jazyková štruktúra je predsa len dosť odlišná od jazykovej štruktúry rusínčiny**. V prípade **ukrajinčiny** najzávažnejší pokus prijať ju za spisovný jazyk Rusínov na Slovensku bol uskutočnený v 20. st. V procese jej adaptácie sa dajú vymedziť **tri eta-**

²² Ябур, В.: Дакотры знакі русінскых дыялектаў Словенска в парівнанню з руськымі і украінскымі дыялектамі. In: *Народны новінкі*, 1994, роч. IV, ч. 32-33, с. 5-6.; Jabur, V.: Rusínsky jazyk na Slovensku (stav po kodifikácii a perspektívy rozvoja). In: J. Doruľa, ed.: *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodnenia po súčasnosť*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2000, s. 190-205. ISBN 80-967722-5-2.

²³ Геровский, Г.: Историческое прошлое, народная речь и народная культура Пряшевщины. Пряшев, 1948, с. 134-139, 143.

²⁴ Húsek, J.: *Národopisná hranice mezi Slováky a Karpatorusy*. Praha, 1925, s. 100-109.

²⁵ V súčasnej slovenskej dialektológii sa soťacké nárečia pokladajú za periférne, v ktorých sa vyskytujú mnohé petrefakty. Podrobnejšie pozri Krajčovič, R.: *Vývin slovenského jazyka a dialektológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988, s. 294-298.; Kováčová, V.: *Soťacké nárečia severovýchodného Zemplína z aspektu petrifikácie a nivelizácie*. 1. vyd. Ružomberok: Katolícka univerzita v Ružomberku, Filozofická fakulta, 2010. ISBN 978-80-8084-549-0.

²⁶ Бібліографія. In: P. R. Magocsi, redaktor naukowy: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich : Русинський язык*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2004, с. 425-477. ISBN 83-86881-38-0.

py: (1) koncom 20. rokov boli pokusy **adaptovať zakarpatský variant spisovnej ukrajinčiny**; 2. etapa má začiatok v r. 1945 a končí šk. r. 1952/53, keď **ukrajinčina bola administratívne zavedená** ako vyučovací jazyk do škôl v obciach obývaných rusínskym obyvateľstvom, bola deklarovaná ako „jediný spisovný jazyk Rusínov“ a Rusíni ako občania ukrajinskej národnosti. Na podporu tohto rozhodnutia štát vytvoril a dotoval rôzne inštitúcie (kultúrno-spoločenské, vzdelávacie, vedecko-výskumné, umelecké, edičné, masmediálne a pod.), z ktorých časť funguje dodnes, avšak niektoré v značne zredukovanej miere.²⁷

Na prvý pohľad sa zdalo, že problém, ktorý nebol schopný nikto vyriešiť v priebehu storočí, veľmi rýchlo a jednoducho vyriešila štátna moc v 50. rokoch 20. st. Skutočnú povahu tohto riešenia odkryli novembrové udalosti roku 1989, v ktorom sa začal nový revitalizačný proces karpatských Rusínov. V ňom na prvom mieste bolo nastolené riešenie jazykovej otázky Rusínov – a to **kodifikáciou spisovného jazyka na báze miestnych nárečí**. V tejto súvislosti sa stali motivujúcimi slová Nikitu Iljiča Tolstého vyslovené pri príležitosti kodifikácie rusínskeho jazyka na Slovensku: „Ak by boli napísané úplné dejiny písomníctva a spisovného jazyka Podkarpatskej Rusi a susedných rusínskych oblastí, potom by sa ukázalo, že tento región Slávie bol svojho druhu **skúšobným polygónom** (priestorom) tvorenia optimálneho variantu spisovného jazyka. Aj napriek blízkemu príbuzenstvu Podkarpatskej Rusi s veľkým ukrajinským etnicko-jazykovým areálom, ale aj s jej úzkymi kontaktami s veľkoruskou kultúrno-jazykovou tradíciou... **historická pamäť predsa len nedala zabudnúť na miestnu kultúrno-jazykovú tradíciu, známu pod názvom „rusinizmus“**. V súčasnosti sme svedkami toho, že práve tá tretia cesta začína dostávať viac či menej zreteľné kontúry, keď rezultuje do podoby **spisovného jazyka**, ktorý bude obsluhovať kultúrne potreby rusínskeho obyvateľstva severovýchodného Slovenska“ (Tolstoj 1996, Úvodom, xiii-xiv).

Metodologické otázky konštituovania spisovného rusínskeho jazyka boli predmetom **1. Medzinárodného kongresu rusínskeho jazyka** (Bardejovské Kúpele, 6. – 7. novembra 1992), ktorý inicioval systematickú prácu nad kodifikáciou jazyka a súčasne vyriešil aj niekoľko dôležitých **konceptných** otázok.²⁸ Predovšetkým:

- (1) kodifikácia rusínskeho spisovného jazyka mala byť **založená na živej hovorovej reči Rusínov**;
- (2) vychádzajúc z rétorománskeho²⁹ modelu budovania spisovného jazyka každý zo štyroch rusínskych regiónov (štátov) mal vytvoriť **vlastný variant spisovného jazyka, ktorého základom mal byť najrozšírenejší dialekt na danom území**³⁰;
- (3) grafemickým systémom rusínskeho jazyka mala byť **azbuka**.

²⁷ Vaňko, J.: The Language of Slovakia's Rusyns / Jazyk slovenských Rusínov. East European Monographs. Distributed by Columbia University Press. New York, 2000, s. 8-9. ISBN 0-88033-437-1.

²⁸ Magocsi, P. R. – J. A. Fishman: Scholarly Seminar on the Codification of the Rusyn Language. In: International Journal of the Sociology of Language (Berlin and New York), 1992, № 104, pp. 119-125. ISSN 0165-2516.; Magocsi, P. R.: Vedecký seminár o kodifikácii rusínskeho jazyka. In: Slovenský prehľad : Časopis pro dějiny střední, východní a jihovýchodní Evropy, 1993, č. 2, s. 232-233. ISSN 0037-6922.

²⁹ Rétorománsky jazyk, resp. jazyk švajčiarskych Romanšov (Romansch, Rumantsch), uznaný za národný jazyk od roku 1938. Používa ho v súčasnosti približne 0,6% obyvateľov Švajčiarska, t. j. okolo 35 000 ľudí na juhovýchode krajiny v kantóne Graubünden (Grischun), sa skladá zo šiestich spisovných mikrojazykov (surselvský, sutselvský, surmiranský, horno- a dolnoengadinský, minsterský), na báze ktorých v roku 1982 vznikol spoločný spisovný jazyk *rumantsch grischun*, ktorý sa od roku 1996 stal štvrtým úradným jazykom Švajčiarska popri nemeckom, francúzskom a talianskom. Rusínsky spisovný jazyk sa teda mal začať budovať analogicky na základe hovorových variantov tých regiónov (štátov), kde žijú Rusíni (okrem Juhoslávie, na Slovensku, v Poľsku a na Ukrajine), a na ich báze postupne sa mal vytvoriť jeden spoločný, interregionálny, spisovný rusínsky jazyk.

³⁰ Na Slovensku spisovná podoba rusínskeho jazyka vychádza z dvoch teritoriálne najrozsiahlejších dialektov: východozemplinského a západozemplinského, teda z živého hovorového jazyka územia po línii dedín: Osadné, Hostovice, Parihuzovce, Čukalovce, Pčoliné, Pichne, Nechválova Polianka, Nižná a Vyšná Jablonka, Svetlice, Zbojné a iných.

Účastníkmi kongresu boli významní vedci, ktorí sa venujú otázkam kodifikácie a praktickej aplikácie malých jazykov. Renomovaný americký sociolingvista Joshua Fishman prezentoval fenomén „prvých kongresov“ organizovaných v rokoch 1849 – 1984 na vzorke 18 národov Európy, Afriky, Ameriky, Ázie, pričom jeho závery je možné aplikovať aj na rusínsky jazykový kontext. **Aj v prípade karpatských Rusínov ich prvý jazykový kongres bol spojený s rozvojom ich národnostného hnutia** – v roku 1989, spĺňal rolu „aktivizátora rozvoja modernizujúceho sa jazyka“ a organizoval sa s cieľom „rozvinúť funkciu a status jazyka“. Konštatoval, že prvé kongresy sa často realizujú „narýchlo, s minimálnymi skúsenosťami a nejasnými cieľmi“, čím „provokujú oponentov, ktorí neveria v ich potrebu, kritizujú ich a niekedy aj sabotujú“. Aj táto konštatácia má svoju analógiu v rusínskom kontexte.³¹ Podľa Fishmana úspešnosť prvých kongresov nie je možné hodnotiť objektívne ako samostatnej akcie, pretože vždy sú časťou „omnoho širšieho komplexu akcií spätých s jazykom“, a teda objektívne hodnotenie je možné iba v rámci **celého historického kontextu**. Zdôraznil, že kritérium úspechu prvých kongresov bolo dané ani nie tak ich priebehom, ale tým, že na nich vznikli **stále komisie a ďalšie orgány, ktoré v nasledujúcich rokoch systematicky pracovali**.³² Na prvom kongrese rusínskeho jazyka vznikla **Interregionálna jazyková komisia**, ktorá systematicky pracovala do kodifikácie jednotlivých variantov rusínskeho jazyka. Vzhľadom na to, že otázka spoločného spisovného jazyka sa postupne z objektívnych dôvodov dostala do úzadia, lingvisti sa v nasledujúcich rokoch venovali primárne práci nad kodifikáciou jednotlivých variantov rusínskeho jazyka v lokálnych jazykových komisiách, ktoré priniesli svoje výsledky vo všetkých krajinách, kde žijú Rusíni.³³

Z pohľadu Rusínov veľmi dôležitou a motivujúcou témou prvého jazykového kongresu bola najmä **prezentácia praktickej aplikácie niektorých mikrojazykov v Európe**: Georges Darms (Univerzita vo Freiburgu, Švajčiarsko) a Ellen Mollo (Univerzita v Nice, Monako) ozrejmili nielen metodologické otázky kodifikácie, ale aj praktické otázky fungovania rétorománskeho jazyka vo Švajčiarsku (Darms 1989, 827-853) a monackého jazyka (monégasque) v Monaku.³⁴ Predstavili najmä **pozitívne príklady z praxe**, ktoré dosiahli počtom približne rovnaké komunity ako Rusíni, obývajúce takisto geograficky malé územia, čím demonštrovali ako sa dá za ideálnych podmienok vytvoriť kvalitný spisovný jazyk pre malý národ žijúci na malom území, ako je napr. Monacké kniežatstvo (v tom čase približne 25 000 obyvateľov). Podobne ako rétorománčinu, aj monegaštinu sa učia deti v školách bez ohľadu na ich národnostný pôvod, pričom Monegaskovia tvoria iba niečo vyše 20% obyvateľstva Monackého kniežatstva a Rétorománi necelé 1% obyvateľov Švajčiarska.

Dobré príklady z praxe malých národov sa stali pre reprezentáciu Rusínov významnou motiváciou k vytvoreniu vlastného spisovného jazyka. Model rétorománsky sa ukázal ako najoptimálnejší, ktorý v komunite približne 35 000 ľudí vo Švajčiarsku fungoval vo forme 6 mikro-

³¹ Štec, M.: K otázke „rusínskeho“ spisovného jazyka. Prešov: ZRU ČSFR, 1991.; Штець, М. - Муличак, Ю.: Анализ норм правопису т. зв. русинської мови. Додаток до газети Нове життя, № 42. Пряшів: Наукове товариство СРУ ЧСФР, 1992.; Ковач, Ф.: Наші національні парадокси. In: Дукля, XXXIX, 2, 1991, с. 20-30.; Мушинка, М.: Русинізм на антиукраїнській основі: перша книжка „Русинської оброди“. Пряшів, 1992.; Ганудель, З.: Поспішиш — людей насмішиш. Додаток до газети Нове життя, 1994, 41, с. 6-7.

³² Фішман, Дж.: Феномен „Першого Конгресу“. In: Русин (Пряшів), 1992, роч. II, ч. 5-6, с. 53. ISSN 1339-5483.; Magocsi, P. R.: Vědecký seminář o kodifikaci rusínskeho jazyka. In: Slovanský přehled: Časopis pro dějiny střední, východní a jihovýchodní Evropy, 1993, č. 2, s. 232-233. ISSN 0037-6922.

³³ Magocsi, P. R., redaktor naukowy: Najnowsze dzieje języków słowiańskich: Русинський язык. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2004. ISBN 83-86881-38-0.

³⁴ Молло, Е.: Ренесанція і кодифікація монацького мови (з виступу Елейн Молло з Монака на семінарі До проблемів кодифікації русинського мови). In: Русин (Пряшів), 1992, роч. II, ч. 5-6, с. 54-55. ISSN 1339-5483.

языков а až po 50 rokoch (1982) на их базе vytvorili spoločný³⁵ spisovný jazyk *rumantsch grischun*,³⁶ ktorý sa od roku 1996 stal štvrtým úradným jazykom Švajčiarska popri nemeckom, francúzskom a talianskom. Podľa rétorománskeho vzoru Rusíni sa rozhodli vytvoriť **štyri varianty spisovného jazyka (mikrojazyky)**, pričom v začiatkoch tohto procesu podľa analógie *rumantsch grischun* rezonovala aj otázka vytvorenia **spoločného spisovného jazyka** pre všetkých karpatských Rusínov. Avšak až o 15 rokov od konania prvého kongresu bol zaznamenaný zatiaľ jediný edičný počín v tomto kontexte,³⁷ ktorý bol predmetom vystúpení³⁸ a diskusie účastníkov III. Medzinárodného kongresu rusínskeho jazyka (Krakov, 2008), a to v samostatnej sekcii s názvom „Problematika vytvorenia celorusínskej normy“.³⁹ Táto téma však ďalší svoj vývoj nezaznamenala.

Ak sa teda pozrieme optikou J. Fishmana na prvý kongres rusínskeho jazyka s odstupom 33 rokov, počas ktorých sme boli súčasťou či „aktivizátormi rozvoja modernizujúceho sa jazyka“, tak môžeme konštatovať, že **stanovené základné ciele kongresu boli vo väčšej miere splnené – rusínsky jazyk na Slovensku (a postupne aj v iných krajinách – Poľsko, Ukrajina, Maďarsko) bol kodifikovaný a zavedený do rôznych sfér života Rusínov**. Samozrejme s neidentickými výsledkami či úspechmi, resp. neúspechmi, vzhľadom na postavenie Rusínov ako akceptovanej, resp. neakceptovanej národnostnej menšiny, rusínskeho jazyka ako akceptovaného či neakceptovaného jazyka národnostnej menšiny, ale takisto vzhľadom na stupeň asimilácie Rusínov s majoritnými národmi krajín, v ktorých karpatskí Rusíni v súčasnosti žijú.

4. Pohľad na potenciálne možnosti konštituovania nových spisovných jazykov v Európe a najmä v Slávií

V súčasnej Európe vrátane krajín so slovanským obyvateľstvom sú kodifikované spisovné jazyky, t. zn. že kultúrne potreby každého národa sú už niekoľko storočí uspokojované nie iba etnickými jazykmi, ale aj jednou z foriem ich existencie – **spisovným jazykom ako spoločensky prestížnou a stimulujúcou formou existencie etnického jazyka**. V súvislosti s kodifikáciou rusínskeho jazyka bola otvorená otázka, **či je vôbec možný v súčasnej Európe a u súčasných Slovanov vznik nových spisovno-jazykových novotvarov, t. zn. vznik nových spisovných jazykov?** Na túto otázku vedci⁴⁰ odpovedali kladne, odvolávajúc sa na to, že **kultúrno-jazykový**

³⁵ Cathomas, B.: Der Weg zu einer gemeinsamen romanischen Schriftsprache. Entstehung, Ausbau und Verbreitung des Rumantsch Grischun. In: *Bündner Monatsblatt*, 2012, Nr. 1, s. 28-62. ISSN 1011-6885.

³⁶ Darms, G.: Zur Schaffung und Entwicklung der Standardschriftsprache Rumantsch Grischun. In: *Sprachstandardisierung. 12. Kolloquium der SAGSW 1991*. Hrsg. von Georges Lüdi. Freiburg, 1994, s. 3-21. ISBN 3-906725-01-4.

³⁷ Jediným edičným projektom zameraným na konštituovanie spoločného spisovného jazyka karpatských Rusínov, bol preklad z ukrajinského jazyka textu knihy *Народ нивідки : Люстрована історія карпаторусинів* autora P. R. Magocsiho: Магочій, Павло Роберт, 2007. *Народ нивідки : Люстрована історія карпаторусинів*. По русинськы текст потовмачив Валерій Падык. Ужгород: Видавельство В. Падыка. 120 с. ISBN 978-966-387-004-5.

³⁸ Ванько, Ю.: Формованя койне з літературных штандартів. In: А. Плішкова, ed.: *Русинський язык меджі двома конгресами : Зборник рефератів з III. Меджінародного конгресу русинського языка, Краків, 13. – 16. 9. 2007*. Пряшів: Світовий конгрес Русинів – Інститут русинського языка і культури Пряшівської універзити в Пряшові, 2008, с. 15-24. ISBN 978-80-8068-896-7.; Ябур, В.: Зближованя графіки і орфографії єднотливих варіантів русинського языка. Тамже, с. 178-187.; Плішкова, А.: Гляданиа консензу при формованю койне на прикладі перекладу тексту книжки „Народ нивідки“. Тамже, с. 219-232.

³⁹ Плішкова, А., ed.: *Русинський язык меджі двома конгресами*, с. 177-232. ISBN 978-80-8068-896-7.

⁴⁰ Duličenko, A.: Karpatorusinsky jazyk v kontexte regionálnych spisovných jazykov súčasných Slovanov. In: P. R. Magocsi, ed.: *A New Slavic Language Is Born. The Rusyn Literary Language of Slovakia*, s. 2-14. ISBN 0-88033-331-6.; Ротштейн, А. Р.: Вопрос вытворіня нового літературного языка. In: *Русин : культурно-християньскый часопис*, 1999, роч. IX, ч. 3-4, с. 31-34. ISSN 1339-5483.; Густавсон, С.: Славянськы літературны языки. In: *Русин : культурно-християньскый часопис*, 1992, роч. II, ч. 5-6, с. 56-57. ISSN 1339-5483.

život spomínaného regiónu nám poskytuje fakty svedčiace o tom, že ešte existujú nedostatočne osvetlené priehlbiny, odkiaľ skôr či neskôr „vypučia“ spisovné jazyky.⁴¹

Alexander Duličenko metaforicky spisovný jazyk prirovnáva k „streche“, ktorá je predurčená pokryť celý etnicko-jazykový priestor a zároveň spojiť ho do jednotného celku. Od obdobia národného obrodzenia – často v dôsledku zápasov či konkurenčných bojov – takéto jazykové formy vznikajú, no tým sa súčasne utlmuje regionálny spisovno-jazykový potenciál a jeho prejavy.

Desiatky ba stovky rokov je etnikum orientované na spoločný spisovný jazyk, ktorý mal byť už spomínanou „strechou“, ktorá však nie je identická ani s jedným dialektom, na báze ktorého vznikol spisovný jazyk. Úlohou spoločného spisovného jazyka malo byť zastrešenie všetkých dialektov a nárečí jedného etnického jazyka. Na regionálne spisovno-jazykové prejavy sa v spoločnosti nazeralo negatívne a takýto vzťah pretrváva až do úplnej stabilizácie víťazného celoetnického spisovného jazyka a aj v procese jeho ďalšej kultivácie. Príkladom uvedeného je aj spisovný jazyk karpatských Rusínov a protichodné názory na potrebu jeho konštituovania.⁴²

Postupom času sa však ukazuje, že:

- 1) spisovný jazyk pokrýva etnický priestor **nerovnomerne** (niektorí nositelia miestnych dialektov nemajú problém sa preorientovať na spisovný štandard, a niektorí zápasia s problémami v dôsledku veľkých rozdielov medzi týmito dvomi formami existencie etnického jazyka);
- 2) objavuje sa „**jazyková únava**“: u nositeľov **periférnych** dialektov preto, že sú nútení **sa podriaďiť „dialektu nikoho“**, neustále sa preorientovať a nútiť sa dodržiavať gramatické normy; u nositeľov **bázových** dialektov spisovného jazyka sa „únava“ objavuje v dôsledku **vysokého stupňa štandardizácie** jeho pravidiel a často aj deficitu emocionálnych prostriedkov, čo vedie k častému porušovaniu noriem a výberu jazykových prostriedkov zo sociálnych či teritoriálnych vrstiev jazyka;⁴³
- 3) nostalgia za jazykom svojich predkov a za jazykom svojej „**malej vlasti**“;⁴⁴
- 4) strach z definitívneho **zániku starej jazykovej formy**;
- 5) k tomu prispievajú **pokusy o revitalizáciu starej lokálnej spisovnej tradície**, ak táto existovala pred vznikom spoločného spisovného jazyka.

V dejinách karpatských Rusínov všetky uvedené faktory boli prítomné v opakovaných pokusoch o vytvorenie vlastného spisovného jazyka v rôznych časových, priestorových a geopolitických súvislostiach. Unifikačné tendencie toho ktorého národa sú popri spisovnom jazyku formované aj inými faktormi: viac či menej rovnakými sociálnymi podmienkami, historickými tradíciami, etnickou psychológiou a pod.

Ukazuje sa, že Európa, vrátane slovanských národov, postupne smeruje k novej spisovno-jazykovej štruktúre života: popri **spoločnom** jazyku spájajúcom celý národ, etnos, sa pripúšťajú tam, kde sú na to podmienky a vzniká taká nevyhnutnosť, aj **lokálne útvary vo forme regionálnych spisovných jazykov, resp. mikrojazykov**. Termín „mikrojazyk“ do užívania uviedol A. Duličenko v 70-tych rokoch 20. st. pri opise vojvodinského rusínskeho jazyka.⁴⁵ Tému

⁴¹ Duličenko, A.: Karpatorusínsky jazyk v kontexte regionálnych spisovných jazykov súčasných Slovanov. In: P. R. Magocsi, ed.: *A New Slavic Language Is Born. The Rusyn Literary Language of Slovakia*, s. 12. ISBN 0-88033-331-6.

⁴² Pozri poznámku č. 31.

⁴³ Дуличенко, А.: *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV-XX. вв.)*. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2008. ISBN 978-966-387-020-5.

⁴⁴ Tolstoj, I. N.: Úvodom. In: P. R., Magocsi, ed.: *A New Slavic Language Is Born. The Rusyn Literary Language of Slovakia*, s. xiv. ISBN 0-88033-331-6.

⁴⁵ Дуличенко, А.: Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии. In: *Советское славяноведение*. Москва, 1972, № 3, май – июнь, с. 38-50.

slovanských spisovných mikrojazykov rozpracoval vo svojej kandidátskej (Дуличенко 1973) a neskôr v doktorskej dizertačnej práci (Дуличенко 1980) na príklade textov z 12 mikrojazykov. Identifikoval ich na základe princípu, že **spisovným mikrojazykom nie je iba akékoľvek opublikovanie nárečového textu, ale tento musí byť podložený písomným prejavom s viac-menej sformulovanými pravidlami a organizovaným literárno-jazykovým procesom, ktorý postupne vedie až ku kodifikácii.**

Počas štvrtstoročia sa teória slovanských spisovných mikrojazykov rozvíjala, zdokonaľovala, upresňovala. V rokoch 2003 – 2004 Duličenko systematizoval texty rôznych žánrov, na príklade ktorých predstavil až **18 slovanských spisovných mikrojazykov** s krátkou charakteristikou, abecedou a literatúrou.⁴⁶ **Podľa názoru Valerija M. Mokienka A. Duličenko v roku 2004 predstavil doplnenú a zdokonalenú klasifikáciu slovanských spisovných mikrojazykov, ktorá sa v slavistike stala už klasickou.**⁴⁷ V nej rozlišuje **4 kategórie** slovanských spisovných mikrojazykov:

- I. **Autonómne:** hornolužický, dolnolužický (Nemecko), kašubský (Poľsko);
- II. **Ostrovné:** juhoslavsko-rusínsky (Srbsko, Čierna Hora, Chorvátsko), gradišćansko-chorvátsky (Rakúsko), molizsko-slovanský (Taliansko), rézijský (Taliansko), banátsko-bulharský (Rumunsko);
- III. **Periférne-ostrovné:** egejsko-macedónsky a pomacký (Grécko), benátsko-slovinský (Taliansko), **karpatsko-rusínsky** (Zakarpatská oblasť Ukrajiny, východné Slovensko, Poľsko, Maďarsko, USA a Kanada);
- IV. **Periférne:** čakavský a kajkavský (Chorvátsko) prekmurko-slovinský (Slovinsko), lašský (Česko), východoslovenský (Slovensko), západopoleský (Bielorusko a Ukrajina).⁴⁸

5. Karpatorusínsky jazyk v kontexte slovanských spisovných jazykov : Etnojazyková revitalizácia

Slovanské spisovné mikrojazyky je teda fenomén najnovšej histórie slovanských jazykov. Ide o veľmi aktuálnu tému v lingvistike, o čom svedčí aj fakt, že pri Medzinárodnom komitáte slavistov bola na 14. medzinárodnom zjazde slavistov (Ochrid, 2008) zriadená **Komisia pre slovanské spisovné mikrojazyky.** Jej predsedom sa stal Alexander D. Duličenko, bývalý študent ruského slavistu Nikitu I. Tolstého, právnicka veľkého ruského spisovateľa Leva N. Tolstého. Práve Duličenko, významne motivovaný svojim učiteľom k výskumu vojvodinského rusínskeho jazyka, neskôr inicioval výskum slovanských spisovných mikrojazykov. Prvým slovanským mikrojazykom, s ktorým sa tak Tolstoj, ako aj Duličenko zoznámil, bola vojvodinská rusínčina v Srbsku. Ako Duličenko uvádza, táto téma ho natoľko zaujala, že sa jej venoval v kandidátskej (1973) aj v doktorskej dizertácii (1980). To bol **začiatok etablovania sa tejto osobitnej skupiny v slovanskej jazykovej vetve – slovanských spisovných mikrojazykov.**⁴⁹

⁴⁶ Дуличенко, А.: *Славянские литературные микроязыки : образцы текстов.* Том 1. Издательство Тартуского университета, 2003. ISBN 9985-56-914-8.; Дуличенко, А.: *Славянские литературные микроязыки : образцы текстов.* Том 2. Издательство Тартуского университета, 2004. ISBN 9985-56-914-8.

⁴⁷ Мокиенко, В. М.: *Малые языки большого ученого.* In: *Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Под редакцией А. Юннапа, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова.* Тарту: Тартуский университет, 2006, с. 16. ISBN 9949-11-444-6.

⁴⁸ Syntetický opis týchto jazykov A. D. Duličenko predstavil v práci „Малые славянские литературные языки (микроязыки)“, ktorá je súčasťou encyklopédie Inštitútu jazykovedy Ruskej akadémie vied „Языки мира. Славянские языки“ (2005).

⁴⁹ Дуличенко, А. Д.: *Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки.* In: *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. Slavica Tartuensia VII.* А. Д. Дуличенко и С. Густавссон, ред. Тарту: Universitas Tartuensis, 2006, с. 22-46. ISBN 978-9949-11-537-2.

Ide o **nové smerovanie v slavistike**, ktoré bolo podnietené **emancipačným hnutím viacerých slovanských národností po spoločensko-politických zmenách v roku 1989, vrátane karpatských Rusínov žijúcich v Zakarpatsku, na Slovensku, v Poľsku a Maďarsku**. Do tejto skupiny jazykov patri tiež **vojvodinská rusínčina (panónska rusínčina)** ako spisovný jazyk vojvodinských Rusínov (1923). Od ostatných slovanských mikrojazykov, ktoré sa etablovali po roku 1989, sa líši tým, že bola kodifikovaná za úplne iných jazykových, politických a kultúrnych podmienok v bývalej mnohonárodnostnej Juhoslávii. Po roku 1989 sa stala vzorom v otázke demokratického prístupu k riešeniu jazykovej a národnostnej otázky a s tým súvisiacou kodifikáciou tzv. malých jazykov, resp. jazykov národnostných menšín vo viacerých štátoch východného bloku.⁵⁰

Karpatorusínsky jazyk tvoria – v kontexte súčasnej terminológie – **štyri spisovné mikrojazyky** (na Slovensku, v Poľsku, na Ukrajine a v Maďarsku) s vlastným jazykovým systémom na jednotlivých jazykových rovinách, pravidlami pravopisu, výslovnosti, dejinami, ktoré boli kodifikované na základe **odlišných karpatských dialektov**. Všetky majú **východoslovanský základ**, na ktorý sa v priebehu vývinu navrstvili mladšie javy slovenského, poľského, ukrajinského, resp. maďarského či rumunského pôvodu. Na Slovensku bol kodifikovaný spisovný rusínsky jazyk v roku 1995,⁵¹ spisovný lemkovský jazyk v Poľsku v roku 2000.⁵² Spisovný rusínsky jazyk na Zakarpatskej Ukrajine nemá zatiaľ status oficiálneho spisovného jazyka, pretože doposiaľ nebol priznaný zakarpatským Rusínom status osobitnej národnostnej menšiny.⁵³ Pokusy o štandardizáciu spisovnej rusínčiny na Zakarpatskej Ukrajine trvajú od vzniku samostatnej Ukrajiny (1991). Iniciátori kodifikácie sa už viac ako dve desaťročia systematicky venujú tvorbe normatívnych príručiek, gramatík, výkladových a prekladových slovníkov, pravidiel pravopisu a výslovnosti,⁵⁴ preto z tohto hľadiska podľa názoru Júlie Dudášovej-Kriššákovskej možno pokladať **„zakarpatský rusínsky jazyk za kodifikovaný, ale bez štátnej podpory“**.⁵⁵ Prvý pokus o kodifikáciu spisovnej rusínčiny v Maďarsku sa opieral o jazykový systém dialektu v obci Komloška na severe Maďarska.⁵⁶ Tento jazyk sa však neujal najmä pre pokročilú asimiláciu Rusínov. Preto predstavitelia rusínskej inteligencie a občianskych združení zastupujúcich rusínsku národnostnú menšinu v Maďarsku sa rozhodli pre adaptáciu zakarpatského variantu spisovnej rusínčiny (Капраль 2017). V súvislosti s tým sa obyčajne uvádza, že spisovný rusínsky jazyk v Maďarsku je v posledných rokoch v procese revitalizácie. Jeho základom sa stal spisovný rusínsky jazyk na Zakarpatskej Ukrajine. Rusínsko-maďarský bilingvизmus je však natoľko rozšírený, že napr. časopis *Русинський світ / Ruszin vilag* vychádza v dvojjazyčnom rusínsko-maďarskom znení.

⁵⁰ Рамач, Ю.: Войводина. In: P. R. Magocsi, redaktor naukowy: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich : Русинський язык*, s. 277-304. ISBN 83-86881-38-0.

⁵¹ Ябур, В. – А. Плішкова: Пришівська Русь. In: P. R. Magocsi, redaktor naukowy: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich : Русинський язык*, s. 147-209. ISBN 83-86881-38-0.

⁵² Фонтанський, Г.: Лемковина. In: P. R. Magocsi, redaktor naukowy: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich : Русинський язык*, s. 211-262. ISBN 83-86881-38-0.

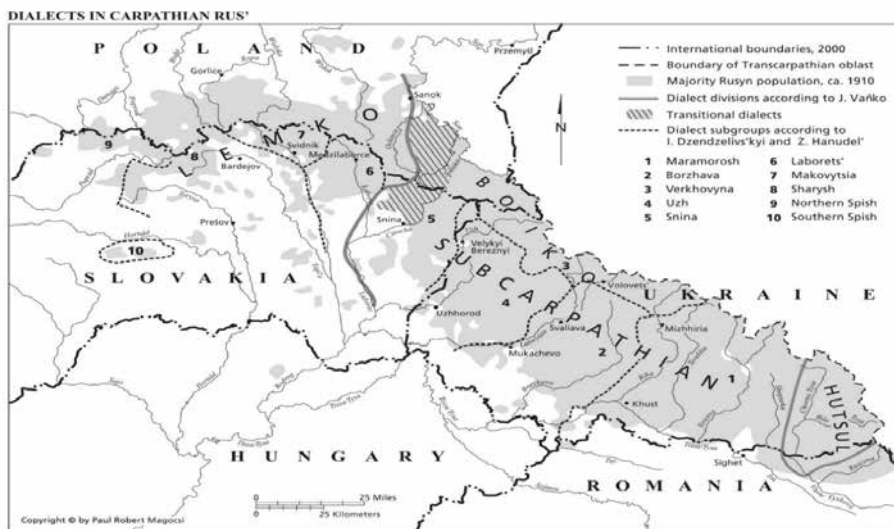
⁵³ 7. marca 2007 Zakarpatská oblasťná rada Ukrajinskej republiky na svojom riadnom zasadnutí odhlasovala uznanie Rusínov na území Zakarpatskej oblasti Ukrajiny za samostatnú národnostnú menšinu. Toto „lokálne“ rozhodnutie však neplatí pre ostatné územie Ukrajiny, teda v z pohľadu celorepublikového Rusíni na Ukrajine aj v súčasnosti sú považovaní iba za „subetnos“ ukrajinskej národnosti.

⁵⁴ Керча, І.: Пудкарпатська Русь. In: P. R. Magocsi, redaktor naukowy: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich : Русинський язык*, s. 115-146. ISBN 83-86881-38-0.

⁵⁵ Dudášová-Kriššáková, J.: Slovanské spisovné mikrojazyky. In: *Area Slavica (1)*. Ostravská univerzita, 2016, s. 10. ISBN 978-80-7464-829-8.; Dudášová-Kriššáková, J.: Miesto rusínskeho jazyka v rodine slovanských jazykov. In: *Slavica Slovaca*, 2023, 58(2), s. 421-435. ISSN 0037-6787.

⁵⁶ Бенедек, Г.: Літературний язык: Мадярьско. In: P. R. Magocsi, redaktor naukowy: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich : Русинський язык*, s. 263-275. ISBN 83-86881-38-0.

Spisovný rusínsky jazyk na Slovensku bol kodifikovaný na základe **východnej časti rusínskych dialektov, tzv. východozemplínskych**, ležiacich v oblasti Laboreckej vrchoviny na severovýchode Slovenska v poriečí riek Výrava, Udava a Pčolinka (pozri nižšie mapu karpatorusínskych dialektov P. R. Magocsiho⁵⁷). Ide o územie vymedzené niekoľkými východorusínskymi obcami: Svetlice, Vyšná Jablonka, Nižná Jablonka, Osadné, Zbojné, Hostovice, Parihuzovce, Čukalovce, Nechválava Polianka, Pčoliné, Pichne, Zubné, ktoré sú administratívne začlenené do okresov Medzilaborce, Humenné a Snina.⁵⁸ To znamená, že v spisovnej rusínčine na Slovensku sa vyskytujú tie javy, ktoré sú charakteristické pre **východnú časť** karpatských rusínskych nárečí.⁵⁹ Kardinálnou **izoglosou**, oddeľujúcou západnú časť od východnej časti rusínskych nárečí na slovenskej i poľskej strane, je **ustálenie prízvuku na predposlednej slabike slova v západnej časti rusínskeho areálu, kým vo východnej časti sa zachoval pôvodný voľný a pohyblivý prízvuk**. Hranica tejto izoglosy prebieha v poriečí riek Olka – Chotčanka – Laborec na slovenskej strane a rieky Oslava na poľskej strane.⁶⁰

Kodifikácia spisovného rusínskeho jazyka a uznanie rusínskej národnej identity priniesli svoje pozitívne výsledky v širšom národnostnom kontexte. Ukázalo sa to najmä pri sčítaní obyvateľstva počínajúc rokom 1991, kedy v sčítaniach hárkoch po dlhých desaťročiach sa znovu objavila samostatná rubrika pre rusínsku národnosť. Pri každom ďalšom sčítaní obyvateľstva sa počet osôb rusínskej národnosti zvyšoval, podobne aj nositeľov materinského rusínskeho jazyka

⁵⁷ Magocsi, P. R. – I. Pop, eds.: *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto – Buffalo – London: University of Toronto Press, 2002, p. 256. ISBN 0-8020-3566-3.

⁵⁸ Ябур, В. – А. Плїшкова: *Сучасний русинський списовний язык*. Пряшів: Інститут русинського языка і культури ПУ, 2009, с. 4. ISBN 978-80-555-0046-1.

⁵⁹ Ванько, Ю.: Класіфікація і головны знакы карпатських русинських діалектів. In: P. R. Magocsi, redaktor naukowcy: *Najnowsze dzieje języków słowiańskich: Русинський язык*, с. 79-82. ISBN 83-86881-38-0.

⁶⁰ Stieber, Z.: *Dialekt Lemkow. Fonetyka i Fonologia*. Wrocław – Warszawa – Krakow – Gdańsk – Łódź: Zakład im. Ossolińskich. Wydawnictwo PAN, 1982, s. 7. ISSN 0079-3489.; Латта, В.: Словацько-українська мовна межа. In: *Наукові записки*, № 8-9. М. Новак (гол. ред.). Пряшів: Культурний союз українських трудящих у ЧССР, 1979 – 1981, с. 92-105.

(pozri tabuľku nižšie), s výnimkou posledného sčítania z roku 2021, kde bol uplatnený nový koncept sčítania, realizovaný výlučne elektronickou formou.⁶¹

Sčítanie obyvateľstva	1991	2001	2011	2021
rusínska národnosť	17 197	24 201	33 482	63 556
materinský jazyk rusínsky	49 099	54 907	55 469	38 679

Podľa Nariadenia vlády SR č. 534 z 19. decembra 2011, ktorým sa mení a dopĺňa nariadenie vlády Slovenskej republiky č. 221/1999 Z. z., ktorým sa vydáva zoznam obcí, v ktorých občania Slovenskej republiky patriaci k národnostnej menšine tvoria najmenej 20 % obyvateľstva, sa rusínske označenie obcí mohlo v rokoch 2021 a 2022 používať v 68 obciach.⁶² Nové nariadenie, ktorým sa rozšíril zoznam rusínskych obcí, bolo prijaté až v roku 2023, pričom percentuálna hranica pre menšinové obyvateľstvo v obciach sa znížila na 15%. Na základe toho vzrástol aj počet obcí s viac ako 15 % obyvateľov rusínskej národnosti – na 154,⁶³ na ktoré sa na Slovensku vzťahuje Zákon o používaní jazykov národnostných menšín,⁶⁴ ktorý garantuje používanie minoritných jazykov v oficiálnych spoločenských sférach,⁶⁵ vrátane úradnej.⁶⁶

Na porovnanie uvádzame prehľadovú tabuľku, ktorá predstavuje aktuálne sféry používania rusínskeho jazyka na Slovensku v porovnaní s rokom 1995.⁶⁷

	Sféry používania rusínskeho jazyka na Slovensku											
	lit.	tlač	školy	adm. úrad.	veda	organiz.	cirk.	divad.	rádio	TV	topon. nadp.	osob. koreš.
1995	+	+	-	-	(+)	+	(+)	+	-	-	-	+
2025	+	+	+	+	(+)	+	(+)	+	+	+	+	+

⁶¹ Základné informácie o sčítaní 2021. Dostupné online na:

<https://www.scitanie.sk/o-scitanii/zakladne-informacie-o-scitanii-2021> (20.5.2025)

⁶² Nariadenie vlády SR č. 534 z 19. decembra 2011, ktorým sa mení a dopĺňa nariadenie vlády Slovenskej republiky č. 221/1999 Z. z., ktorým sa vydáva zoznam obcí, v ktorých občania Slovenskej republiky patriaci k národnostnej menšine tvoria najmenej 20 % obyvateľstva. Dostupné online na: <https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/2011/534/20120101.html> (18.5.2025)

⁶³ Nariadenie vlády Slovenskej republiky z 25. januára 2023, ktorým sa vydáva zoznam obcí, v ktorých občania Slovenskej republiky patriaci k národnostnej menšine tvoria najmenej 15 % obyvateľstva. Dostupné online na: <https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/2023/35/> (18.5.2025)

⁶⁴ Zákon z 10. júla 1999 o používaní jazykov národnostných menšín. Dostupné online na: <https://www.slov-lex.sk/ezbierky/pravne-predpisy/SK/ZZ/1999/184/#paragraf-2.odsek-2> (18.5.2025)

⁶⁵ Hodnotiaca správa Výboru pre národnostné menšiny a etnické skupiny o podpore kultúr národnostných menšín, o stave národnostného školstva a o používaní jazykov národnostných menšín za obdobie rokov 2021 – 2022, s. 127-167. Dostupné online na: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.narodnostnemensiny.vlada.gov.sk/site/assets/files/3564/hodnotiaca_sprava_vnmes_2021-2022-_final_-_s_ms.pdf (18.5.2025)

⁶⁶ Плішкова, А.: Од діалекту – по урядний язык: новий статус і нові проблеми русинського языка на Словакії. In: J. Ramač, ed.: *Studia Ruthenica : Зборник Радова : Зборнік Роботох : Zbornik Robotoh : Сборник Роботох*. Novy Sad: Дружтво за руски язык, literaturu i kulturu, 2021, с. 75-96. ISSN 0354-8058.

⁶⁷ Funkčný aspekt pre slovanské spisovné mikroязыky, vrátane karpatského rusínskeho, na základe miery ich praktického používania v jednotlivých sférach, vytýčil A. Duličenko. Pozri Дуличенко, А. Д.: Славянски литературни микроязики. In: *Jugoslavo-Ruthenica : Роботи з рускей филології*. Нови Сад: „Руске слово“, 1995, с. 127-143. ISBN 86-7105-100-5. V tabuľke sú v zátvorkách označené sféry, v ktorých funkčnosť jazyka nie je regulárna.

6. Záver

Môžeme konštatovať, že obdobie po roku 1989 pre slovenských Rusínov, ale aj pre Rusínov v iných krajinách karpatského oblúka, s výnimkou Ukrajiny, je v ich histórii jedným z najpriaznivejších období, v ktorom vďaka zmene politickej situácie a s podporou domácej a európskej legislatívy si dokázali vydobýť a upevniť **status národnostnej menšiny a pre svoj jazyk status jazyka národnostnej menšiny** (resp. mikrojazyka), ktorý je akceptovaný štátnymi inštitúciami a chránený domácou a medzinárodnou legislatívou. Pre zachovanie materinského jazyka a národnej identity je však dôležité, aby rusínsky jazyk sa v omnoho väčšej miere uplatňoval najmä v školskej sfére.

O možnostiach a zmysle etnojazykovej revitalizácie v kontexte spoločenských podmienok a paradigiem prelomu 20. a 21. storočia sa dlho pochybovalo. Prax minulých desaťročí však na mnohých miestach Európy a iných kontinentov preukázala, že – bez ohľadu na všetky pochybnosti aj eventuálne neúspechy – etnická či jazyková revitalizácia nie je len utopickým výplodom akademikov či entuziastických rojkov žijúcich vo „veži zo slonoviny“, ale že je realizovateľná aj v spoločenských podmienkach modernej doby. Otázka tak už dnes neznie, či je zastavenie asimilácie a jazykového posunu vôbec možné, ale skôr či je v konkrétnej situácii určitej populácie žiaduce a uskutočniteľné?⁶⁸

Realita nasvedčuje, že tak ako počet živých rečí sa v súčasnosti (najmä v súvislosti s globalizačnými procesmi) rýchlym tempom znižuje, asimilačné tendencie intenzívne pôsobia aj v najzapaďnejších kútoch sveta a ich tempo je mimoriadne vysoké. Zhruba pätina z vyše 6 000 doteraz existujúcich jazykov sveta sa už nachádza v poslednej fáze svojej existencie a ďalších cca 50 – 70 % je dnes – vzhľadom na ich neodovzdanie mladším generáciám – vážne ohrozené zánikom. Krajné odhady tvrdia, že do roku 2100 zostane na Zemi menej ako 1 000 živých jazykov.⁶⁹

V procese etnického/jazykového pretrvávania tak zohrávajú hlavnú úlohu sami aktéri. Henry Giles a jeho spolupracovníci vypracovali v 70. – 80. rokoch 20. storočia **teóriu „etnojazykovej vitality“**, dokumentujúcej rozdielne podmienky a východiskové situácie v procese „jazykového plánovania“. Je jasné, že **ak chceme byť úspešní na poli „obrátienia smeru jazykového posunu“**, je potrebné zabezpečiť určité základné podmienky. Ani najlepšie zákony a národnostným menšinám naklonená politika nemôžu byť úspešné tam, kde chýba **dostatok vôle pretrvať ako svojbytný etnický celok hovoriaci vlastnou rečou**. Ide predovšetkým o zabezpečenie toho, čo J. A. Fishman nazýva **„bezprostredná podpora intímneho medzigeneračného odovzdávania jazyka“**. Inak, podľa neho, sú všetky snahy na revitalizačnom poli iba „neustálym hustením prasknutej pneumatiky“.⁷⁰

V tomto kontexte mierne povzbudivo pôsobia aspoň politické odporúčania zhrnuté v správe *Ohrozené jazyky a jazyková rozmanitosť v Európskej únii*, ktorú pripravil Meirion Pryor Jones z Generálneho riaditeľstva pre vnútorné politiky Európskeho parlamentu na požiadanie Výboru pre kultúru a vzdelávanie Európskeho parlamentu, ktoré sa prirodzene týkajú aj rusínskeho jazyka:

- ... Zvážiť zabezpečenie **osobitných finančných prostriedkov pre ohrozené jazykové spoločenstvá**, ak majú tieto spoločenstvá prežiť...;
- ... Požiadat' Radu Európy, aby **zvážila možnosti začlenenia osobitných doložiek týkajúcich sa ohrozených jazykov do Charty regionálnych a menšinových jazykov...**;
- ... Všetky členské štáty EÚ by sa mali **podporovať v tom, aby vytvorili vnútroštátne strategické plány** na podporu ohrozených jazykov... V rámci stanovenia celoeurópskych priorít

⁶⁸ Šatava, L.: Etnojazyková revitalizace – vize „šilených vědců“, či přirozený jev?, s. 109-110. ISBN 978-80-906147-0-3.

⁶⁹ Krauss, M.: The Scope of the Language Endangerment Crisis and Recent Response to It. In: K. Matsumura, ed.: *Studies in Endangered Languages – Papers from the International Symposium on Endangered Languages, Tokyo 1995, November 18–20, ICHEL Linguistic Studies, 1*. Tokyo: Hituzi Syobo, 1998, pp. 103-106. ISBN 978-4938669973.

⁷⁰ Fishman, J. A.: *Reversing Language Shift. Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Language*. Clevedon: Multilingual Matters, 1991, p. xii. ISBN 1-85359-121-1.

na oživenie jazykov by sa hlavná pozornosť mala sústrediť na **odovzdávanie jazyka v domácnosti a na vyučovanie ohrozených jazykov v rámci vzdelávacieho systému**. Na podporu vyučovania a používania ohrozených jazykov **sú potrebné spoľahlivé politiky vzdelávania**;

- V oblasti poskytovania podpory ohrozeným jazykom **je potrebná lepšia spolupráca rozhodujúcich subjektov**. Existujúce siete na európskej úrovni sa musia rozšíriť a dostať sa do financovania, aby boli v tejto súvislosti účinné a účelné...;

- Osobitná pozornosť sa musí venovať podpore, ktorú možno zabezpečiť prostredníctvom technológií... **Technológie a sociálne médiá môžu** pre tieto jazykové skupiny **predstavovať ľahko dostupný prostriedok komunikácie**... individuálnej..., ale aj skupinovej... V tejto oblasti by mohlo mať veľký dosah financovanie európskeho výskumu a vývoja;

- Ohrozené jazykové spoločenstvá musia mať **právomoc presadzovať vlastné jazyky**...; Osobitný dôraz by sa mal klásť na podporu používania ohrozených jazykov mladými ľuďmi. Tieto jazykové spoločenstvá musia mať na tento účel prostriedky, aby **svojim mladým ľuďom ukázali a aby ich presvedčili, že ich jazyky sú užitočné, dôležité a potrebné**.⁷¹

From Dialect to Official Language: Attempts to Codify the Rusyn Language and their Results

Anna Plišková

The paper presents the characteristics of the Rusyn language as a member of the family of regional, or minority, languages included in the European Charter for Regional or Minority Languages, using the example of the constitution and functioning of the literary language of Rusyns living in Slovakia. It presents the dynamics of the perception of minority languages and cultures in recent decades, trends in language shifts and language changes and their impact on the identity of small and stateless nations, as well as views on the potential emergence of literary languages of small nations, or microlanguages. It clarifies the theoretical and methodological foundations of addressing the language issue of Rusyns and the achieved results, introduced available tools created to support the preservation and development of languages of national minorities and the level of their implementation in the Rusyn environment in Slovakia. The paper, moreover, points out the challenges Rusyns face in the effort to preserve their national identity and mother tongue in an environment of dynamic ethnic and linguistic assimilation. It could be stated that the period after 1989 has been among the most favourable eras in the history of not only Slovak Rusyns, but also of Rusyns living in other countries of the Carpathian arc (with the exception of Ukraine), where, thanks to the change in the political situation and with the support of domestic and European legislation, they were able to gain and strengthen their status as a national minority and, for their mother tongue, the status of a national minority language. However, it has become clear that even the those policies and laws that are favourable to national minorities cannot fight a lack of will that motivates a distinct ethnic entity to speak their own language, or where there is no immediate support for direct intergenerational transmission of the language. It is, therefore, essential for Rusyns, if they wish to succeed and reverse the direction of their language, to take on the main role and initiative in the process of ethnolinguistic revitalisation.

⁷¹ Jones, M. P.: Ohrozené jazyky a jazyková rozmanitosť v Európskej únii, s. 7.

MICHAL TÉRA *

Učenci a démoni. Čerti, zlí duchové a jejich působení v západoslovanských učeneckých textech pozdního středověku a raného novověku

TÉRA, M.: Scholars and Demons. Devils, Evil Spirits and their Influence in West Slavic Scholarly Texts of the Late Middle Ages and Early Modern Period. *Slavica Slovaca*, 60, 2025, No 2, pp. 282-294 (Bratislava).

The article deals with changes in the perception of Slavic demonology in Central European sources from the Middle Ages and early modern period, i.e. in texts from the 14th to 18th centuries. In these texts, we encounter some creatures that we know from Slavic folklore. These are mainly devils („čert/czart“), who appear in West Slavic sources from the 14th century and are very often identified with Christian demons and the devil. This identification is a peculiarity of the West Slavic language area. However, the term „čert/czart“ did not ultimately become synonymous with the devil and was completely relegated to folklore in the 18th and 19th centuries. At the same time, the interpretation of phenomena attributed to evil spirits („čerti/czarci“) illustrated the intellectual changes among Central European scholars. While in the 16th and 17th centuries, the phenomena and creatures mentioned were understood as real and authors attempted to interpret them theologically in accordance with the Christian worldview, it was not until the 18th century that the Enlightenment interpretation prevailed, classifying these phenomena as superstition and fiction.

Slavic demonology; early modern; late medieval; western Slavs; humanism; enlightenment

Slovanské archaické náboženství po sobě zanechalo bohaté dědictví, které se projevovalo na mnoha úrovních západoslovanské středověké a raně novověké kultury, a jeho přístupy a vnímání sakrality ještě dlouho určovaly smýšlení a náboženské praktiky pokřtěného obyvatelstva. V pozdně středověkých a raně novověkých pramenech můžeme na jednotlivých případech sledovat přerod archaické religiozity do synkretických forem slovanské lidové kultury. Mezi 13. a 15. stoletím se tak z pramenů dozvídáme o podobách různých lidových slavností a zvyklostí, které znepokojovaly tehdejší církevní autority. Celou řadu takových příkladů poskytuje české a po něm polské prostředí. Například vizitace pražského arcibiskupství v roce 1366 (*De mortis ymagine*) a opět roku 1384 odhalily nepřístojné obřadní chování při tzv. „vynášení Smrti“, kterého se účastnili i duchovní.¹ Někdy kolem roku 1410 si stěžuje chvojnovský farář Jan Židek řečený Korvík na chování svých farníků,

* Doc. Mgr. Michal Téra, Ph.D. ORCID 0000-0002-4450-1515, Katedra slovanských filologií, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislavě, Gondova ulica 2, 811 02 Bratislava 1; michal.tera@uniba.sk

¹ Concilia Pragensia 1353–1413. Prager Synodal-Beschlüsse. Zum ersten Male zusammengestellt und mit einer Einleitung versehen von C. Höfler. Prag: Druck der Gerzabek'schen Buchdruckerei, 1862, S. 11, 32.

kterí se scházeli k nočním orgiastickým slavnostem, přičemž jejich chování připomíná oslavování letního slunovratu, jak jej známe z většiny slovanských oblastí.² Ve stejné době o podobném chování svědčí *Pentekostální postila* Lukáše z Velkého Kožmina.³ S podobným pohoršením se setkáváme v textu Jana z Holešova o vánočních zvyklostech, v němž se autor zmiňuje o těch lidových obyčejích, které z jeho pohledu odporují křesťanskému slavení svátků Božího narození.⁴ Časté jsou rovněž stížnosti na pověrečné chování a magické praktiky (amulety, čarodějnictví) zřejmě hojně rozšířené mezi českým a polským obyvatelstvem, o čemž svědčí především vizitační zprávy a homiletické texty už od 12. století.⁵

Mezi tyto rané „proto-folklórní“ záznamy a postřehy začíná pronikat zájem o lidovou démonologii či přinejmenším využívání její terminologie a nomenklatury. Ohlas slovanské démonologie můžeme sledovat v různých typech textů a její využití má nejrůznější funkci. Zároveň se proměňuje i její interpretace a zařazení do kontextu dobového světového názoru. Jinak přistupuje k těmto motivům mravoučná a homiletická literatura 14. a 15. století, jinak kazatelská díla 16. století, jinak středověká satira a ještě jinak vizitační a soudní zápisy od 14. do 17. století. Všechny tyto texty však reflektují jednu důležitou skutečnost: démonologie byla pevnou součástí duchovního a kulturního života západoslovanského prostředí, přičemž se jednalo o jev pevně vkořeněný do slovanského předkřesťanského dědictví, jak o tom svědčí příslušné názvosloví. V této studii se podíváme na to, jak se v textech mezi 14. a 18. stoletím propojila představa démona či „zlého ducha“ v křesťanském pojetí s postavou *čerta*, který je v západoslovanském (ale i východoslovanském) prostředí obecným reprezentantem bytostí démonického charakteru a přinejmenším na nomenklaturní úrovni nejvíce pronikl do christianizované kultury, neboť byl ztotožněn s démony tak, jak je chápe křesťanská nauka. Zároveň poukážeme na vztah čerta/zlého ducha k takovým archaickým reliktním jako je čarodějnictví či vampyrismus, které se objevují v učeneckých textech od 16. do 18. století. Na nich totiž lze velmi dobře demonstrovat, jak se proměňovala interpretace takových jevů v průběhu sledovaného období: zatímco laická kultura je přijímala jako reálné, měnilo se jejich teologické a následně učenecké chápání pod vlivem šířícího se osvícenství. Časové rozmezí, v němž se budeme pohybovat, sahá od 14. století (kdy se poprvé objevují zmínky o slovanských démonických bytostech v západoslovanském prostředí) až do 18. století, kdy intelektuální kruhy přijaly osvícenský skepticismus ohledně interpretace démonických jevů, a víru v démonické bytosti přenechaly lidové kultuře, o níž se začala zajímat rodící se etnografie a folklór, případně vznikající hororové literatuře, jež se rozvinula v epoše černého romantismu. Naše hlavní otázka zní: jaké místo si tyto relikty archaické religiozity a kultury dokázaly nalézt v christianizované společnosti, tj. jak a do jaké míry dokázalo křesťanské myšlení akceptovat tyto předkřesťanské jevy?

Pohansko-křesťanský synkretismus: čert a ďábel v pramenech 14. – 18. století

V západoslovanských pramenech od 14. století byl nejčastěji zmiňovanou démonickou bytostí *čert/czart/črt*. Poprvé se s touto démonickou bytostí setkáváme ve 14. století ve staročeských textech (tento termín nejspíš neznala nejstarší vrstva staroslověňštiny⁶). Nejstarším slovanským pramenem, v němž se hovoří o čertech, je zřejmě 13. kapitola staročeské kroniky tzv.

² Novotný, V. (ed.): *M. Jana Husi korespondence a dokumenty*. Praha: Nákladem Komise pro vydávání pramenů náboženského hnutí českého, 1920, s. 349.

³ Dynda, J.: *Slovanské pohanství ve středověkých latinských pramenech*. Praha: Scriptorium, 2017, s. 287.

⁴ Harvánek, K. (ed.): *O sedmi středověkých zvycích*. *Largum sero* Jana z Holešova. Ostrava: Ostravská univerzita. Centrum pro studium středověké společnosti a kultury – Vivarium, 2014, s. 85-87.

⁵ Šmahel, F.: *Husitská revoluce 2. Kořeny české reformace*. Praha: Karolinum, 1993, s. 16-22.

⁶ Například ho neuvádí jinak vyčerpávající *Slovník jazyka staroslověnského*, viz Kurz, J. – Hauptová, Z. (eds.): *Slovník jazyka staroslověnského* = *Lexicon linguae palaeoslovenicae*. Svazek 4. Praha: Academia, 1997, 1042 s.

Dalimila.⁷ Brzy po ní následují další staročeské texty 14. století: drama *Mastičkář*, *Legenda o svatém Prokopovi*, díla Tomáše ze Štítného a Jana Husa a na přelomu 14. a 15. století *Tkadleček*. Už od 14. století můžeme sledovat, že se tento termín používá jako obecné pojmenování pro ďábla, demony a zlé duchy tak, jak je chápe křesťanská teologie. V případě Dalimilovy kroniky to ještě není zcela patrné, ale v této funkci už vystupuje čert v *Legendě o svatém Prokopovi*,⁸ u Štítného,⁹ v Husových textech a snad i v *Mastičkáři*.¹⁰ Byť se tato terminologická vazba zdá dnes přirozená, nemuselo tomu tak být. Otázka, proč zrovna těžko definovatelná bytost s nejasným mytologickým a etymologickým původem, o které se nezmiňují žádné starší prameny popisující slovanské archaické náboženství, se dokázala přinejmenším v západoslovanském prostředí sblížit a nakonec ztotožnit s křesťanským ďáblem, je jen těžko řešitelná, neboť neznáme předkřesťanskou podobu a typologii bytosti, z níž slovanský čert vychází.¹¹ Ještě text *Tkadlečka* nabízí vedle čerta¹² další démonickou nomenklaturu (*veles*, *zmek*), přičemž genealogie „velese“ vychází pravděpodobně ze slovanské archaické teonymie.¹³ Totéž nacházíme i u Husa ve *Výkladu desatera*,¹⁴ nicméně ve většině jeho textech převažuje čert jako substitute za zlého ducha v křesťanském pojetí. Staročeská literatura pro demony užívala buď terminologii převzatou v procesu christianizace (*ďábel*, *satan*, *antikrist*, *démon*), nebo místo démonů plně obsadil čert, který je v některých textech z 16. – 18. století doplněn raráškem. Charakterem a podobou se tento čert z učeneckých, literárních a homiletických textů zřejmě neodlišoval od všeobecné evropské představy o vzhledu a povaze démonů (jak o tom svědčí západoevropská ikonografie ďáblů přinejmenším od 11. století včetně vyobrazení ďábla v *Codexu gigas*, který pochází z východočeských Podlažic),¹⁵ etymologie však svědčí o jeho slovanském původu, z něhož zřejmě něco utkvělo i v pojetí této bytosti v západoslovanském prostředí. Kolísání mezi křesťanskou a předkřesťanskou náplní čertovy postavy tak můžeme sledovat v pozdně středověkých a raně novověkých textech, z nichž ovšem ani nelze přesněji vyčíst, jaká byla představa např. o čertově vzhledu.¹⁶

⁷ „czertye fye tey wyeczy fmyegyu“ Mourek, V. E. (ed.): *Kronika Dalimilova podle rukopisu cambridgeského*. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1910, s. 27.

⁸ „Ande czrztie wolagice | Mezy fobu to mluwiece.“ Patera, A. (ed.): *Hradecký rukopis*. Praha: Matice česká, 1881, s. 32.

⁹ „Psáno je v knihách Tobiašových, že panna jedna bohobojná oddávána pořád za sedm mužů, a kteréhož s ní položili, toho ihned črt udávil, až s osmým teprve ostala.“ Vrtátko, A. J. (ed.): *Thómy z Štítného Knihy naučení křesťanského*. Praha: Nákladem Musea království českého, 1873, s. 39.

¹⁰ „A tothotý gest puska trzetýe / Pro thut baby scrzýetkem k czertu wzletýe.“ Máchal, J. (ed.): *Staročeské skladby dramatické původu liturgického*. Praha: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1908, s. 70.

¹¹ K etymologii slova viz Machek, V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 1997, s. 99; Фасмер, М.: *Этимологический словарь русского языка*. Том IV (Т – Яшур). Москва: Прогрес, 1987, с. 347; Трубачев, О. Н. (ed.): *Этимологический словарь славянских языков*. Прагославянский лексический фонд. Выпуск 4 (*čaběnitī – *děl’a). Москва: Наука, 1987, с. 165-166; Якубович, И. С.: *Славянский чертежник: этимология слав *čьrtъ ‘черт’*. In: *Вопросы языкового родства*. Journal of Language Relationship, 2016, 14, № 4, с. 279-291. K sémantickému okruhu a indoevropským souvislostem viz Yakubovich, I.: *The Slavic Draughtsman*. In: Hansen B. et al. (eds.): *Etymology and the European Lexicon*. Proceedings of the 14th Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wiesbaden: Harrassowitz, 2017, pp. 529-540.

¹² „Jáť se tomu divím, kýť jest črt tě na mě poslal, ja, kýť jest črt moc nade mnú dal, ja, kýť jest črt aneb ký Veles aneb ký zmek tě proti mně zbudil a navedl.“ Šimek, F. (ed.): *Tkadleček: hádka milence s Neštěstím, kterého ho připravilo o jeho milenku*. Praha: Česká geografická unie, 1940, s. 107.

¹³ Gajdošíková-Šebetovská, M.: *Veles. Slovanské božstvo ve srovnávací perspektivě*. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2023, s. 62-64. Připomeňme, že např. v litevštině a lotyštině se dnes pro pojmenování ďábla používá původní název pro baltské chthonické božstvo *Velnias* (lit.) / *Velns* (lot.).

¹⁴ „Črt črtu oka nevykline a zmek oba do pekla vezme!“ Erben, K. J. (ed.): *Mistra Jana Husi Sebrané spisy české*. Díl I. Praha: Bedřich Tempelský, 1865, s. 246.

¹⁵ Graf, A.: *Art of devil*. New York: Parkstone International, 2009, 255 pp.; Антонов Д. И. – Майзульс М. Р.: *Анатомия ада. Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии*. Москва: Форум, 2014, 240 с.

¹⁶ O povaze a charakteru západoslovanského čerta na pozadí lidové a křesťanské kultury viz Виноградова, Л. Н.: *Образ черта по данным западнославянских средневековых источников*. In: Антонов, Д. И. – Христофорова, О. Б. (eds.): *In umbra. Демонология как семиотическая система*. Выпуск 1. Москва: Индрик, 2012, с. 66-84.

Velmi bohaté jsou ohledně čerta texty západoslovanského původu z 16. – 18. století. Ve velké části z nich je čert plně ztotožněn s ďáblem, můžeme mluvit o synonymii, která se rozvinula v učenecích textech západoslovanského jazykového okruhu v tomto období. Tak je tomu u celé řady autorů. Mikołaj Rej takto chápe a používá čerta ve svých dílech: v jeho moralistním dramatu *Kupiec* vystupuje *Czart* na místě ďábla, který usiluje o duši umírajícího.¹⁷ Staroměstský farář Jan Aupický ztotožňuje čerta s hadem/ďáblem v ráji, čert je podle něho původcem hříchu a čertu se upisují čarodějníci.¹⁸ Kališnický kněz a později biskup jihočeských mikulášenců Matěj Poličanský používá čerta a ďábla jako synonyma v jedné větě, chápe ho jako zdroj magie, ovšem zároveň je jeho text svědectvím o frazeologismech, v nichž se objevuje čert jako obyvatel pekla (stejně jako jsou archaičtí chtoničtí bohové vládci podsvětí), což je v rozporu s biblickými texty, v nichž je satan obětí a nikoliv pánem *geheny*.¹⁹

Toto využití slovanského termínu „čert“ jako synonyma pro ďábla je specifikum právě západoslovanské oblasti. V jihoslovanském prostředí se prosadil z řecké křesťanské terminologie odvozený *đavo*. Východoslovanské prostředí znalo čerta (např. z čarodějnických procesů 18. století nebo z lidové kultury),²⁰ nicméně církevní literatura různých žánrů se raději uchýlovala k tradičnímu křesťanskému pojmosloví a pro zlé duchy hojně využívala slovo „běs“ známé již ze staroslověnštiny. „Běsa“ znala i stará čeština a užívala ho v textech ze 13. století,²¹ ovšem později se v západoslovanském prostředí neprosadil.

Ve všech výše zmíněných případech se termín „čert“ (příp. významově blízký rarášek) používá plně v kontextu křesťanské kultury. Slovanský pojem zde funguje jako označení zlého ducha, ďábla či satana v biblickém a tradičně křesťanském pojetí. Teologové, kazatelé, učenci a autoři chápou toto slovo jako substituční výraz výše zmíněných bytostí. Přesto je otázka, jestli i v obecné či lidové kultuře byl „čert“ vždy chápán jako synonymum křesťanského ďábla. Slovanský folklór, který známe z pozdějších etnografických záznamů, takové ztotožnění zpochybňuje a postava čerta je v něm poněkud odlišná od postavy ďábla v biblickém a teologickém smyslu.²² Toho si byli zřejmě vědomi i pozdně středověcí a raně novověcí učenci, což lze dovodit skutečností, že se čert sice vyskytuje v celé řadě homiletických a dramatických děl, není však použit při tvorbě komplexních biblických překladů do národních jazyků v 16. století a tak tomu zůstalo

¹⁷ Rej, M.: *Kupiec*. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN. Stowarzyszenie „Pro Cultura Litteraria”, 2009, s. 45.

¹⁸ „Sám Czert hned v Ráji / glá fwědkem k Adamowi a Ewe / proti Pánu Bohu fwědčil / potupil Boha.“; „Kdo cyzý wěcy kradené gi / s Czertem ge gi / neb gemu Czert tu krmi fpuofobil.“; „Když fe člověk nayprw sám čertu powfęcuge / giž gemu Czert wfleho dopomůž / howadkuom kauzly / a užitek odgijmá, howádka fuflý / až někdy těžko na to hleděti / co wfle gde ze zlé žádofiti.“ Aupický, J.: *Knížka, kteráž slove Boží aumluvy s lidským pokolením...* Praha 1571, s. 112, 120, 121.

¹⁹ „Tato nám Hyftorya wyznamenáwa / že každý v fwém powolaní má zůltati / a každý ob Boha hřiwnau, od něho lobě danau, má težiti / a Kněžj nemagi fe s černými kněhami objrati a s čerty zacházeti, s nimi fe o gegich wěc waditi. Nebo Prjflowj: Netáhni femenu s čertem / chcefli at' gefť twá kůze celá...“; „Nebo mnohý dj: Bůh deg aby mne hrom zabil. Giný at' mně wflickní čerti wezmou: A giný at' na mne flunce nefwiti / at' Božj twári na wěky newidjm nebo kdyby Bůh takowé flifel (čehož lobě mnozy žádagi) někohoby d'ábel podlé geho winfle a žádofiti na kufy rozťhal / nekohoby s tělem y duflj do pekla wzal.“; „Co fy pro mne dobrého wćinil / odplat' to tobě fto čertů v horaucým pekle / a nećin pro mne nic dobré dokud fy žiw.“; „A on to ućiniwfli / wetfli a hrozněgfl kletbu na fe wćinil / gestliže gest gey zabil / aby ho tu hned čert wzal. A gakž to doćetl / hned ho d'ábel v welikém wichru do powěťř wzal...“ Poličanský, M.: *Pokuty a treťtání přeflupnjkůw Božjch přikázanj...* Staré Měřto Pražiké: Danyel Sedlćanký, 1613, s. 70, 77-78, 149, 292-293.

²⁰ Смилянская, Е. Б.: Волшебники, богохульники, еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. Москва: Индрик, 2003, с. 133.

²¹ „Tehdyž král, dav běsu obět, musí se vrátiti opět.“ Vážný, V. – Pražák, A. (eds.): *Alexandreida*. Praha: Matice česká, 1947, s. 91.

²² Podrobně k folklórní podobě slovanského čerta viz Безозович, Е. Л. – Виноградова, Л. Н.: Черт. In Белова, О. В. (ed.): *Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Том 5: С (Сказка) – Я (Ящерица)*. Москва: Международные отношения, 2012, с. 519-527; Baranowski, B.: *Pożegnanie s diabłem i czarownicą*. Łódź: Wydawnictwo łódzkie, 1965, s. 43.

až do moderní doby (ve staročeských biblických překladech ze 14. století býval „čert“ někdy použit např. v *Žaltáři Wittenberském*²³; ve staropolském překladu *Bible královny Žofie* z 15. století je slovo *czart* využito pro označení démona Asmodea v knize *Tobijáš*).²⁴ Tuto obezřetnost vykazovali už někteří raně novověcí autoři. Protestantský kazatel a farář Havel Žalanský se ve svém díle o andělech dobrých a zlých termínu „čert“ vyhýbá, ač své dílo píše na počátku 17. století.²⁵ Podobně zdrženlivě se chová ve svých dílech i český jezuita, básník a misionář z druhé poloviny 17. století Fridrich Bridel, který o čertech hovoří jen zřídka a to pouze v případech, že označuje hromadně, takřka anonymně zlé duchy, ač měl jistě ve své tvorbě více příležitostí, kdy mohl čerta použít – raději však dává přednost slovům „d’ábel“ a „zlý duch“.²⁶ S termínem „čert“ rovněž šetří východočeský duchovní Václav Klugar ve svém rozsáhlém *Katechismu* z první poloviny 18. století, v němž se daný pojem vyskytuje jen na několika místech a to buď jako skupinové označení zlých duchů, nebo pouze ve folklórním smyslu, kdy se autor snaží přiblížit mluvčí svého auditoria.²⁷ Ovšem vzhledem k rozšíření termínu v lidovém prostředí není asi divu, že se slovo „czart“ naopak hojně vyskytuje v polském kancionálu z roku 1721.²⁸ Jestliže tedy pozdně středověcí a raně novověcí kazatelé a dramatici využívali v raném novověku čerta ve svých dílech, dělali tak zřejmě s vědomím, že jejich čtenářům a posluchačům bude tento termín srozumitelný, neboť je obecně zažitý. Ale ani přes jejich činnost nedošlo nakonec k plnému ztotožnění pojmů „čert“ a „d’ábel“ v západoslovanských jazycích. Čert/Czart se nestal součástí novodobého oficiálního křesťanského slovníku středoevropských slovanských národů – v moderní době (tj. od 19. století) byl odsunut spíše do světa pohádek a folklórních zvyklostí jako bytost značně vzdálená křesťanskému d’abluvi.

Čert tak vstoupil do západoslovanských pramenů jako terminologický vklad předkřesťanské démonologie a našel si v nich své místo. Otázka zní, jaký poměr jednotliví autoři zaujímali k samotným aktivitám čerta, tedy zda považovali za pravdivé příběhy o jeho působení, které pocházely z laického prostředí. V nich se totiž nejbližše potkával křesťanský světonázor s lidovou kulturou. Nemluvíme zde o situacích, kdy čert plně nahrazuje biblického d’ábla, tedy působení zlého ducha na spirituální rovině tj. v biblických textech, v morálních či teologických spisech. Mluvíme zde o projevech démonické bytosti, která sice bývala s d’ablem ztotožňována, ale měla svoje specifické projevy, které vycházely z jejího archaického, předkřesťanského původu. Jinými slovy – jak se vyrovnávali křesťanští autoři různých konfesi s archaickou stránkou v postavě čerta, kterého jinak ztotožňovali s padlými anděly? Ve většině pozdně středověkých a raně novověkých textech takové „příběhy o čertech“ nenalezneme, neboť jejich autoři kladli rovnítko mezi

²³ „Obietowaly czyrptom a ne bohu, bohom, gichze neznaly...“ Gebauer, J. (ed.): *Žaltář Wittenberský*. Praha: Matice česká, 1880, s. 155.

²⁴ „...czart gymyenyem Asmodeus...“ Malecki, A. (ed.): *Biblia Królowej Zofii żony Jagiełły z Kodexu Szarospatackiego*. Lwów: W Drukarni Zakładu Narodowego Imienia Ossolińskich, 1871, s. 314.

²⁵ Žalanský, H.: *Knížky dvojce: První o angelích dobrých: O jejich podstatě, jméních, stvoření a povolání. Druhá o angelích zlých neb d’áblich*. Praha 1618, 378 s.

²⁶ *Křesťanské učení veršemi vyložené, díl první*: „Svatému Ivanu v Skále / zlý duch překážival stále. / Když se chtěl svatý modlití, / nemoh pokoje uživati; / neb čerti v hrozné tvářnosti / strašili ho s zuřivostí... V tom se hned svatý Jan ztratil, / Ivan pak s křížem se vrátil / do své prvnější jeskyně, / kdež po některé hodině / zas se čerti ukázali, / divně sobě počínali...“ Bridel, B.: *Básnické dílo*. Praha: Torst, 1996, s. 244.

²⁷ „Powěra na Příklad: Potkáš Bábu / mylíš nebudu mjtí Stěltj; co pak ge Bába Czert? Kdyby twá Matka štará tebe potkala / tak bys mladý Czert byl.“; „Těž hřešegj wlychni / kteřj zlo řečegj rozličným Lánjm / a Proklinánjm proti druhému Příkázanj / kteřj wlechny Czerty a Diábly wolagj / a fwoławagj.“ Klugar, V. V. J.: *Catechismus Seu Doctrina Romano-Catholica utilis / Katechismus Neb: Naučení Římsko-Katolické Užitečné*. Králové Dvůr 1746, s. 134, 142.

²⁸ Garnczarski S. – Godyń, J. (eds.): *Kancyjonał pieśni nabożnych według obrzędów Kościoła Świętego Katolickiego na uroczystości całego roku, z przydatkiem wielu nowych*. Kraków: Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie, 2017, 491 s.

čerta a ďábla a vyhýbali se všemu, co by odporovalo teologickému pojetí zlého ducha. Máme však k dispozici několik textů, v nichž se nacházejí soubory anekdotických příhod s čerty, u nichž se musíme ptát, s jakou bytostí vlastně máme co do činění: „pohanskou“ či „křesťanskou“? Reprezentativním dílem tohoto typu je spis novoutrakvistického duchovního Jana Štelcara ze Želetavy *Knihá duchovní*. Štelcar zcela v učeneckém duchu 16. století ztotožňuje čerta a ďábla, oba pojmy jsou pro něho synonyma, která libovolně střídá. Pokud hovoří o démonických bytostech, chápe je zcela v křesťanském a biblickém smyslu. Jeho dílo je moralistním naučením a výkladem křesťanské etiky a odpovídá obdobným dílům, např. textům Tomáše Štítného. Text je však hojně doplňován celou řadou názorných příkladů – exempel –, které poněkud nabourávají Štelcarovu čistě teologickou představu ďábla. Nechybí zde anekdotické příběhy, v nichž démoni vystupují poněkud jinak, než jak by očekával ortodoxní dogmatik. Zvláštní jsou zejména zmínky o čarodějných bábách, které chovaly své osobní čerty uvězněné „ve sklenici“ a využívali je pro magické účely.²⁹ Připomeňme, že pro Štelcara se jedná o jevy možné a skutečné, žádné pověry – proto je také užívá jako příklady svých mravních naučení.

Specifické místo mezi těmito texty má dílo Stanisława Poklateckého z Gór. Jeho traktát *Pogrom Czárnoksięskie błędy. Latáwcow zdrády y Alchimickie fałsze* se podrobně zabírá čarodějnictvím a alchymií. Z hlediska demonologie je zajímavý ze dvou ohledů. Jednak tento učenecký traktát používá pro démonické síly, jež jsou nápomocné čarodějům v jejich magickém působení, nejčastěji termín *czart*, čímž Poklatecki propojuje a zaměňuje křesťanskou a slovanskou terminologii (čert = satan). Slovanský termín *czart* pak používá i pro neslovanské prostředí, neboť se ve svém výkladu věnuje především antickým autoritám a biblickým dějinám. Čert je pro Poklateckého obecným a pro učenou rozpravu zcela odpovídajícím pojmenováním zlého ducha v té podobě, v jaké ho chápe křesťanská věrouka. To samozřejmě také znamená, že se jedná o bytost reálnou a reálně působící, zvláště ve spojení s čaroději a mágy nejrůznějšího zaměření. Druhou zajímavostí tohoto traktátu je jeho poslední část, v níž se Poklatecki zabývá *latawci*, tj. ohnivými démonickými bytostmi, které se měli pohybovat povětřím. Autor o existenci této zřejmě původně démonické postavy slovanského folklóru nepochybuje, hledá pro ni analogie v jiných oblastech a textech křesťanských autorit, zařazuje ji mezi padlé anděly a v tomto duchu podává i svoji vlastní přesnou definici „létavců“.³⁰ Navíc se vymezuje vůči starším i soudobým autorům, kteří „v knihách svých o čertech posměšně piší, jako by báji a výmyslem být měla vyprávění a záznamy všechny o létavcích.“ To je podle Poklateckého jen „omyl a blud“ (*omyłność i błąd*).

Zcela originálním textem je polské dílo *Postępek prawa czartowskiego przeciw narodowi ludzkiemu* z 16. století. Jedná se v podstatě o komediální drama, které na konci přechází do demonologického traktátu. Anonymní polský autor, který měl nepochybně blízko k protestantismu, zde vytváří na základě biblických a apokryfních textů fiktivní osudy pekelných démonů v čele s Luciferem, které souhrnně nazývá *czarci*. Během textu předkládá celou hierarchii a galerii démonů, mezi které zařazuje nejen ďábelské postavy z biblické a křesťanské tradice, ale i vybraná antická božstva či bytosti vykonstruované z různých národních názvů pro ďábla. Jeho peklo má skutečně mnoho obyvatel, autor rozpoznává i skupiny démonů, které jsou určeny pro jednotlivé

²⁹ „K niž podobná gest y gina Doktorkyně / též we Wsy / kteráž také má od Čzerta z Pekla prineffný Herbář y kámen / a toho Čzerta w fkenicy má / kterýž gjj také neznámé lidi w známoft vwozuge, že ge gmenowati vmij /a vmysl gegich wij, proč k nij přicházegj. Ta gedny lidi mořij / a druhé zafe hogj.“ Štelcar Želetavský J.: *Knihá Duchovní o welikých skutcích Pána Boha wlēmohúčyho*. W Měštečku Mnichowiczych 1588, s. 100.

³⁰ „Jest dostateczna wiadomośc, że Latawcy są duchowie żli / z rodzaíu lzátáńńkiego poslednieyfzy / y mniefzy dárow i bieglności á niż przednieyfzy czarci: ktorzy nieprawdziwe ciała / lecz zmyślone z powietrza ná fie biorąc / w połtaci męłkiefy ábo białgłowlkiefy / z ludźmi ciełefności nieczyłtót / obcuia...“ Poklatecki z Gór, S.: *Pogrom Czárnoksięskie błędy. Latáwcow zdrády y Alchimickie fałsze*. Kraków 1595, s. 55.

země. Zvláště zajímavá je skupina „slovanských“ démonů, respektive těch, kteří měli působit v Polsku, na Litvě, Rusi a v Moskvě.³¹ V jejich výčtu se objevují i slovanská jména – u některých není jisté, zda nejsou jen konstrukcí autora, u jiných je však prokazatelné, že je autor doplňuje z folklóru, včetně ženských démonů. Tak se zde můžeme setkat s Latavcem, Vlkodlakem, Marzanou, Dziewanou nebo s Ilelem a Polelem, o kterých se zmiňují polští kronikáři z 15. a 16. století. Autor *Postępk* postupuje ve svém výkladu démonických bytostí podobně jako slovanský folklór v 19. století: démonické bytosti nejrůznějších funkcí jsou ztotožněny s padlými anděly, kteří se sice mohou různě projevovat v lidském světě, ale všichni jsou souhrnně nazýváni *čerti*.

Interpretace démonických jevů spojovaných s čerty a zlými duchy

Zvláštní otázkou je poměr raně novověkých autorů k démonickým jevům, které popisovali. Právě na něm můžeme sledovat vývoj učenécké interpretace démonologie a jejich projevů od konce středověku až do konce 18. století. Autoři 16. a 17. století v podstatě nezpochybňují reálnost jevů, o nichž píší. Příznačný je v tomto ohledu vztah k magii a čarodějnictví – je reálné či nikoliv? Takřka všechny námi uvedené učenécké homilie, katechismy, výklady a traktáty se fenoménu čarodějnictví věnují, neboť ho s čertem přímo spojují (to už nalézáme v *Mastičkáři* ze 14. století), zároveň tento jev nepopírají, protože vycházejí ze své zkušenosti, do níž spadalo i působení lidových mágů a léčitelů. Učenci – většinou duchovní – takové praktiky kritizují (porušují první prikázání), označují je za pověrečné, ovšem za původce magických sil nepovažují samotné čaroděje a „báby“, nýbrž zlé duchy – tak se zcela pregnančně vyslovuje moravský kněz Josef Bílovský ve spisu *Coelum vivum* z počátku 18. století.³² Samo magické působení je chápáno jako reálný jev a jako reálný jev je také vysvětlováno zcela racionálně v souladu s křesťanským světonázorem: kdo vládne takovými silami? Člověk to být nemůže, a pokud to není on, musí to být duchovní bytost. Je-li však takové působení v rozporu s Boží vůlí zjevenou v Písmu, musí se jednat o duchovní bytost temnou – ďábla, zlého ducha neboli „čerta“. V případě vyprávění o sabatických setkáních a extatických zážitcích čarodějnic a čarodějů, které se staly objektem zájmu během novověkých čarodějnických procesů, jsou však naši autoři poměrně zdrženliví. Buď se takovému tématu nevěnují vůbec, i když se o čarodějnictví zmiňují, nebo jsou k těmto jevům skeptičtí. Velmi názorně to popsal Havel Žalanský: na otázku, zda se může čarodějnice přemísťovat na velké vzdálenosti, účastnit se ďábelských slavností, apod. odpovídá: je to šálení, které na čarodějnice sesílá ďábel, případně si ho navozují samy pomocí silně narkotické masti, která je uvrhne do naprosté katalepsie. Odmítá rovněž účinek čar ohledně dalších jevů (např. počasí): jejich dopady jsou pouze šalbou, kterou působí ďábel, jenž „koordinuje“ přírodní jevy s

³¹ Benis, A. (ed.): *Postępek prawa czartowskiego przeciw narodowi ludzkiemu*. Kraków: Akademia Umiejętności, 1892, s. 97.

³² „Kteř naproti tomu w Ducha zlého wěř / w Ducha powěrečného / w Ducha bablíkého / w Ducha Hadačůw / a Hadaček / Náděj wkładaj / a Wjru gim dāwaj / ten / a takowā giż dawno głau do Pekla k swému Mjstru / fe swýma Bułkami a Bohyněmi odłauzeni. Nebo / poněwadż wlechné Powěry / wlechné fwětlké / a bablíké Żehnanj / Lekowanj / Hadanj / wlechné starých Kauzedlnjkůw Řkanj / Powětrj Zaháněnj / Předpowidánj / Hořpodářčkůw Wzywánj / Zkrátka wlecko kauzedlné / a černé Uměnj Lidů čarodegných Treřlěnj / od Diábła, a Učedlnjků geho pocházý / ſprawedliwé do Pekla odłauzené se wlema Náfledownjky (nedali Diablům a Spolkům geho Weyhořtu) ſprawedliwé do Propasti náležj.... Powěra geřt bludné / neprawé / a ffařleřné Náboženřtwj / též Wjra w Diábła anebo buďto zgewná / a weřegná / buďto aspoň tegná s pekelným Rarařkem Smlauwa... Ačkoliw to Diábła-Nádoby / a Pekla Náfřogowé / Bohyně / a Bohowé, Slowem w lidským Těle zły Duchowe / Hadačj, a Żehnačky s Lidem obwzłářřně obecnjm wždycky co ģiniti / żehnatj / a hādati / rokowati / a prorokowati / předpowidati / a Tegnořti wykłādati / flowem: ffařle dořti Práce magj, Nicmēně ģkoro neywěřčej zanepráždněnj gim dēlagj Lidé nemocnj; nebo tenkrát neywj muřegj sobě Hlawy łamati / Duchy fwé / a přátelłké Muřičky obřěžowati.“ Bílovský, G. J.: *Coelum vivum et firmamentum dogmatum Christi*. / *Nebe svato-svaté anebo Kázání sváteční*. Oppaviae: Typis Joannis Wenceslai Schindler, 1724, s. 295-297.

domnělým čarováním. Zároveň Žalanský nepopírá hříšné spojení čarodějnic s ďáblem.³³ Samotné démonické jevy a působení démonických bytostí většina raně novověkých autorů neodmítá, přísně katolický Václav Klugar ještě v polovině 18. století věřil v existenci „divých“ mužů a žen žijících v hronovských a polických lesích, o čemž se neopomněl zmínit ve svém *Katechismu*.³⁴ A ve stejné době Josef Bílovský připouští existenci „mužičků“ a „hospodářičků“, které spojuje s ďábelskou sférou.³⁵ Uplyne přibližně 40 – 50 let a tato víra barokních venkovských kněží bude osvícenstvím odsunuta do zapomnění. Budou to právě katoličtí kněží, kteří začnou bojovat proti pověrám, tj. proti víře, že se démonické bytosti různého druhu pohybují ve fyzickém světě a bytují zde ve zvláštním vztahu s člověkem.

Zcela zvláštní oblastí spojovanou s působností zlých duchů ve slovanském kulturním prostředí byl vampyrysmus. Zároveň na tomto fenoménu je vidět proměna interpretace démonických jevů, která proběhla v 18. století. Samotné postavy upíra/vampýra jsou v rámci slovanské démonologie zcela autonomní a původně neměly vztah k jiným démonickým či mýtickým bytostem.³⁶ V řadě středověkých a raně novověkých pramenech je tento jev také chápán jako zcela samostatný a nebývá spojován s aktivitami zlých duchů. Tak o revenantech informují první zprávy ze západoslovanského prostředí ve vrcholném středověku a o něco pozdější relace z prostředí jihoslovanského. Ve 14. století popsal dva případy vampyryзму ze severních Čech kronikář Neplach pod roky 1336 a 1344.³⁷ V 15. století zmiňuje z okolí Zadaru podobný případ Jan Lucius Dalmatin.³⁸ V 16. století jsou upíři zaznamenáni opět v západoslovanském prostoru: populárními se v Evropě staly případy ze Slezska,³⁹ případy revenantů uvádí i Mikuláš Dačický z Heslova ve svých *Pamětech*.⁴⁰ O trutnovském upírovi Stephanu Huberovi z 16. století píše Bohuslav Balbín ve svých *Miscellaniích*.⁴¹ A o případech ze 17. století se zmiňuje Jan Vajkard Valvasor ve své

³³ Žalanský, H.: Kničky dvojce, c. d., s. 139-142, 302-305.

³⁴ Klugar, V. V. J.: Catechismus, c. d., 136.

³⁵ Bílovský, G. J.: Coelum vivum, c. d., s. 295-296.

³⁶ K různým podobám upíra ve slovanském folkloru viz např. Navrátilová, A.: Revenantství v české lidové tradici jako obraz cizího, nepřátelského světa. In: Studia mythologica Slavica, 2005, letn. 8, s. 115-136; Толстой, Н. И. (ed.): Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией И. А-Г. Москва: Международные отношения, 1995, s. 283; Кулиших, Ш. – Петровић, П. Ж. – Пантелејић, Н.: Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970, c. 58; Rajković Iveta, M. – Iveta, V.: Oni koji noću ustaju iz groba. Vampiri od lokalnih priča do popularne kulture. Zagreb: Srednja Europa, 2017, s. 7-8; Čirgić, A.: Natprirodna bića u tradicijskoj kulturi Crnogoraca. Cetinje: Fakultet za crnogorski jezik i književnost, 2018, s. 65–88.

³⁷ „A. d. MCCCXXXVI... in Boemia circa Cadanum ad miliare unum in villa dicta Blow quidam pastor nomine Myslata moritur. Hic omni nocte surgens circuibat omnes villas in circuitu homines terrendo et igulando et loquebatur. Et cum fuisset cum palo transfixus: dicebat, multum nocuerunt michi, nam dederunt michi baculum, ut me canibus defendam; et cum cremandus effoderetur, tumebat sicut boset terribiliter rugiebat. Et cum poneretur in ignem, quidam arripiens fustem fixit in eum et continuo erupit cruor sicut de vase. Insuper cum fuisset effossus et in currum positus, collegit pedes ad se sicut vivus, et cum fuisset crematus totum malum conquieuit, et antequam cremaretur, quemcumque ex nomine in nocte vocabat, infra octo dies moriebatur... A. D. MCCCXLIV Quedam mulier in Lewin mortua fuit et sepulta. Post sepulturam autem surgebat et multos iugulabat et post quemlibet saltabat. Et cum fuisset transfixa, fluebat sanguis sicut de animali vivo et devoraverat slogerium proprium plus quam medium, et cum extraheretur, totum fuit in sanguine. Et cum deberet cremari, non poterant ligna aliquiditer accendi nisi de tegulis ecclesie ad informationem aliarum vetularum. Postquam autem fuisset transfixa, adhuc semper surgebat; sed cum fuisset cremata, tunc totum malum conquieuit.“ Emler, J. (ed.): Kronika Neplachova. Krátká kronika římská a česká. In Fontes rerum Bohemicarum III. Praha: Nadání Františka Palackého, 1882, s. 480-481.

³⁸ Dalmatinus, I. L.: De Regno Dalmatiae et Croatiae libri sex. Amstelaedami: apud Ioannem Blaev, 1666, p. 436.

³⁹ More, H.: An Antidote against Atheism; or, An Appeal to the Naturall Faculties of the Minde of Man, whether there be not a God. London: J. Fletcher, 1655, p. 210-214.

⁴⁰ Rezek, A. (ed.): Paměti Mikuláše Dačického z Heslova. Praha: Matice česká, 1880, s. 16, 53, 67.

⁴¹ „Proprius ad nostra tempora priore saeculo A. 1567. similes post mortem poenas dedit Trutnoviae Civis avarus, ac dives Stephanus Huber cognomine, à quo in ea vicinia non pauci compressi, & interfecti sunt. Pingvi, & sano corpore extractus è tumulo, multo sanguine profluente, capite truncatus est & posthac quievit.“ Balbinus, B.: Liber III. Decadis I.

monumentální *Die Ehre des Herzogtums Crains*.⁴² Na počátku 18. století o výskytu upírů v Polsku, na Rusi a na Litvě píše polský jezuita Jerzy Gengell.⁴³ Žádný ze zmíněných autorů existenci upírů nijak nezpochybňuje, všechny zaznamenané případy předkládají jako fakta, někdy popsané zcela všedním, až lakonickým jazykem (jako Dačický), někdy jako hororovou povídku, která má zaujmout svojí hrůzostrašností (jako Valvasor).

Nicméně vedle informací, které tento jev popisují, se zřejmě již od středověku začínají objevovat snahy vampyryismus vysvětlit a nalézt soulad mezi jeho existencí a křesťanským viděním světa. Jinými slovy: jak vysvětlit skutečnost, že se někteří nebožtíci vrací mezi živé jako škodící monstra se zvláštními až nadpřirozenými schopnostmi a dokážou nejen škodit, ale také přivodit smrt a svou „nákazu“ ještě šířit, když je známo, že duše po smrti opouští tělo a odchází před Boží tvář k osobnímu soudu? Vysvětlení na počátku 18. století předkládá již zmíněný polský jezuita Jerzy Gengell, který v rozsáhlém polemickém spisu proti ateismu zmiňuje rovněž vampyryismus a uvádí „rusínské“ (*ex Ruthenico*) termíny *Upier* a *Upierzyca*. Gengell informuje o vampyryismu jako o nezpochybnitelném jevu (odvolává se na očité svědky) a zároveň tvrdí, že do mrtvého těla vstoupil zlý duch (*daemon*), který působí všechny jevy spojované s upíry.⁴⁴ Zdá se, že tato interpretace byla už mnohem dříve rozšířena v kruzích katolického i pravoslavného duchovenstva. Proto se v christianizovaném prostředí nezřídka likvidace domnělého upíra účastnili i duchovní, kteří prováděli svého druhu exorcismus. O takovém postupu víme z jihoslovanského prostředí už ze 14. století, kdy asistenci kněží při exhumaci a ničení mrtvých těl zakazuje *Zákoník* cara Štěpána Dušana.⁴⁵ Toto pojetí – upír je mrtvé tělo posedlé zlým duchem – zřejmě alespoň částečně proniklo do laické a venkovské lidové kultury, což se projevilo tím, že se na obranu nebo pro likvidaci nevídaných revenantů začaly užívat křesťanské sakrální předměty, kterých by se měl upír – tedy spíše zlý duch – zaleknout. V některých případech – např. v Polesí, na hranici západoslovanského a východoslovanského prostoru – se ve venkovské lidové kultuře objevuje přímo přesvědčení, že upír není nikdo jiný než čert (*не мужик, чорт ходит*), který si vlezl do kůže nebožtíka.⁴⁶ Je svým způsobem pozoruhodné, že toto pojetí bylo možné zaznamenat i mezi srbským pravoslavným duchovenstvem ještě ve 20. letech 19. století, jak o tom svědčí srbský dramatik Joakim Vujić.⁴⁷

Tento teologický výklad se však ještě před polovinou 18. století dostal do konfliktu s osvícenskou interpretací.⁴⁸ Vliv na to měla „upírská horečka“, která se rozhořela nejprve v německém jazykovém prostoru a poté se přelila do západní Evropy, když byly zveřejněny lékařské a úřední zprávy habsburské administrativy z nově osvobozených srbských oblastí na jih od Dunaje, kde bylo zachyceno několik vampýrských případů. Ty se staly předmětem učených debat a

Miscellaneorum historicorum regni Bohemiae, Topograficus et Chronographicus. Pragae: Typis Georgij Czernoch, 1681, p. 209.

⁴² Valvasor, J. W.: *Die Ehre deß Hertzogtums Crains*. Band 2, Buch 6. Laybach 1689, S. 338.

⁴³ Gengell, G.: *Eversio atheismi seu Pro Deo contra Atheos libri duo*. Brunsbergae: Typis Collegij S. J., 1716, p. 122.

⁴⁴ Gengell, G.: *Eversio atheismi*, c. d., s. 122.

⁴⁵ „142. И людін коє съ вльховъствомъ оузмилю изъ гробовъ тере ихъ съжижѣ, село коє този учини да плати враждѣ, ако ли боудѣ попь на този дошьль да мѣ се оузме поповъство.“ Новаковић, С. (ed.): *Законик Стефана Душана, цара српског, 1349 и 1354*. Београд: у Државној штампарији, 1870, с. 45.

⁴⁶ Виноградова, Л. Н. – Левкиевская, Е. Е. (eds.): *Народная демонология Полесья*. Публикации текстов в записях 80 – 90-х годов XX века. Том II: Демонологизация умерших людей. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012, с. 321.

⁴⁷ Вујић, Ј.: *Путешествије по Србији* II. Београд: Државна штампарија Краљевине Србије, 1902, с. 3–11.

⁴⁸ К промѣнѣ западноевропейскѣ интерпретаци vampyryismu viz Vermeir K.: *Vampires as Creatures of the Imagination: Theories of Body, Soul and Imagination in Early Modern Vampire Tracts (1659-1755)*. In Haskell Y. (ed.): *Diseases of the Imagination and Imaginary in the Early Modern Period*. Turhout: Brepols Publishers, 2012, pp. 341-373.

celé řady odborných pojednání na toto téma a těšily se zájmu nejvyšších kruhů, např. pruského krále.⁴⁹ První fáze této „vampyrománie“ vyvrcholila vydáním rozsáhlé dizertace francouzského benediktinského opata Augustina Calmeta *Dissertations sur les apparitions des anges, des démons et des esprits, et sur les revenants et vampires de Hongrie, de Bohême, de Moravie et de Silésie*. Už v tomto pojednání můžeme sledovat snahu vysvětlit alespoň část těchto jevů „přirozeným“ způsobem. Calmet se pohybuje mezi teologickým přístupem předchozích staletí a novou osvícenskou racionalitou, jak o tom svědčí následující citát: „Bůh může, když chce, dát nepříteli lidského rodu volnou ruku a dovolit mu, aby nám škodil, jak se on nebo jeho stoupenci snaží; bylo by však směšné věřit, že magie může rozhodnout o tom, že svrchovaný pán přírody dovolí ďáblu, aby nám škodil, nebo si představovat, že mág má moc přimět ďábla, aby nezávisle na Bohu jednal proti nám.“⁵⁰ Calmet je k vampýrským historkám skeptický a snaží se nalézt jejich vysvětlení v poblouznění různého druhu.⁵¹ Racionalistická tendence v evropském učenecském prostředí zesílila po polovině 18. století. Tehdy vešly ve známost vampýrské případy z Moravy a Slezska, o nichž už delší dobu mělo povědomí olomoucké arcibiskupství, jak o tom svědčí spis biskupa v Trani Giuseppa Antonia Davanzatiho.⁵² To, co arcibiskupství přecházelo a na co případně používalo duchovní prostředky, to se rozhodla habsburská správa vyřešit administrativním zásahem. Prozkoumáním vampyristu byl pověřen osobní lékař Marie Terezie Gerard van Swieten, který následně přednesl zcela přirozené, tj. přírodovědné vysvětlení celého jevu, které později zveřejnil tiskem.⁵³ Ještě před tím dekretem z 1. března 1755 Marie Terezie na základě van Swietenovy zprávy zakázala hanobení mrtvol, čímž byly omezeny veškeré protivampýrské zásahy – od té doby v českých zemích o upírech více neslyšíme. V druhé polovině 18. století se tak díky van Swietenovi ve středoevropském a díky encyklopedistům ve francouzském prostředí rozšířila osvícenská interpretace vampyristu a obecné démonických jevů. Učenecské teorie a teologické výklady předchozího období byly odmítnuty jako tmářské a pověrečné. Poněkud paradoxně, neboť jejich autoři se často stylizovali do bojovníků právě s lidovými pověrami. Teologická interpretace lidové démonologie vycházející z křesťanského světónázoru už nestačila a osvícenství svým skepticismem zasáhlo i církevní kruhy: některé přesvědčilo, jiné znejistilo. Velmi dobře je to vidět na polském prostředí. Zde osvícenský časopis *Monitor* (který založili dva osvícenští duchovní – Ignacy Krasicki a Franciszek Bohomolec) v roce 1771 vydal článek, v němž víru v upíry považuje za směšnou a škodlivou.⁵⁴ O čtyři roky později publikoval jezuita Jan Bohomolec svoji rozpravu *Diabel w swoiey postaci z okazyi pytania jesli są upiory ukazany*, v níž vysvětluje působení ďábla ve fyzickém světě, jeho možnosti a limity. Hned na počátku spisu se zabývá upíry, podává jejich charakteristiku tak, jak ji zná „všeobecné mínění“ a nastoluje otázku, zda upíři skutečně existují. Bohomolec tvrdí, že je to prý otázka těžká a nebezpečná: když řekne, že ano, naostří si proti němu brk učenci; když řekne, že ne, sesype se na něj veřej-

⁴⁹ Dimić, M. V.: Vampiromania in the Eighteenth Century: The Other Side of Enlightenment. In: *Man and Nature / L'homme et la nature*, 1984, vol. 3, p. 1-22; Wilson, K. M.: The History of the Word “Vampire”. In: *Journal of the History of Ideas*, 1985, vol. 46, nr. 4, pp. 577-583.

⁵⁰ „Dieu peut, quand il veut lâcher la bride à l'ennemi du genre humain, & lui permettre de nous causer le mal, que lui-même ou ses fuyants cherchent à nous faire; mais il feroit ridicule de croire que la magie puisse déterminer le souverain Maître de la nature à permettre au Démon de nous nuire, ou de s'imaginer que le Magicien ait le pouvoir de faire agir contre nous le Démon, indépendamment de Dieu.“ Calmet, A.: *Dissertations sur les apparitions des anges, des démons et des esprits, et sur les revenants et vampires de Hongrie, de Bohême, de Moravie et de Silésie*. Paris: de Bure l'aîné, 1746, p. 463.

⁵¹ Calmet, A.: *Dissertations sur les apparitions des anges*, c. d., p. 452.

⁵² Davanzati, G.: *Dissertazione sopra i vampiri*. Napoli: Presso Filippo Raimondi, 1789, p. 1.

⁵³ Swieten, G. van: *Vampyrismus*. Augsburg 1768, 34 S.

⁵⁴ Janion, M.: *Wampir: biografia symboliczna*. Gdańsk: Słowo/obraz terytoria, 2002, s. 41.

né mínění, které o jejich existenci nepochybuje.⁵⁵ Autor se v druhé části své publikace zabírá výlučně teologickou interpretací upírů, tedy že se jedná o jev, který působí satan, ovšem sám dochází k závěru, že „satan nemá dovolení brát na sebe a oživovat těla zemřelých, tedy že upíři neexistují.“⁵⁶ Nicméně ve svém spisu dosvědčuje, že je to v jeho době dosud poměrně rozšířený názor a oba postoje mezi sebou vedou ostré polemiky.

To, co píše Bohomolec o upírech, lze vztáhnout na většinu těch jevů, které bychom mohli zahrnout do kategorie „lidová démonologie“. Zatímco polský duchovní se ještě snaží víru v upíry popřít teologicky, už jeho současníci odmítají všeobecné přesvědčení o démonických bytostech a jevech ve jménu racionalistického skepticismu. Nejen, že byla laická víra v démonické bytosti pohybuje se v tomto světě zavržena jako pověra vycházející z nevdělanosti, byly odmítnuty i teologické a učené snahy tyto jevy vysvětlit a zařadit je do křesťanského vidění světa, aniž by se popřela jejich realita. Od těchto teorií se postupně odklonilo i samotné vzdělané protestantské a katolické duchovenstvo (v případě pravosláví byl tento proces opožděn asi o jedno století). Debata o vampyrismu v 18. století zrcadlí tuto proměnu intelektuálního pojetí lidové démonologie, která definitivně pohřbí snahy přijímat tyto jevy jako reálné a jako k takovým k nim přistupovat. Čerti (i upíři) jsou posláni do sféry folklóru a lidových, případně literárních textů, což nakonec přijmou i církevní kruhy, a jevy spojené s bytostmi s archaickými kořeny odkáží do sféry pověr a nereálných představ nevdělaného obyvatelstva. V západoslovanském prostředí je to vidět na volbě terminologie, kdy ty jevy, jež jsou církevním učením považovány za skutečné a za součást duchovní reality (jako andělé, démoni, ďábel) jsou oproštěny od představ a pojmů spojených s venkovskou lidovou kulturou. Neboli: ďábel zůstává přítomen v teologii, kdežto čert se odebral do pohádek a nevinných výročních zvyklostí. Jinak ovšem reagovalo venkovské prostředí, v němž se přesvědčení o existenci bytostí archaického původu udržovalo až do 20. století, neboť jak víra v démonické postavy, tak např. vampyrismus hrály v jeho kultuře roli, kterou nedokázalo racionalizovat ani osvěcenství.⁵⁷

Shrneme-li si fakta o přístupu pozdně středověkých a raně novověkých autorů k pojmům *čert* a *zlý duch* (příp. *ďábel*), můžeme konstatovat:

- 1) Čert jako slovanská démonická bytost je neznámého původu, v jeho kořenech však zřejmě bude předkřesťanská chtonická bytost, ač se v jeho postavě spojuje více tradic než pouze slovanská archaická.
- 2) Od 14. století se čert začíná objevovat ve slovanských pramenech (nejprve staročeských) a v západoslovanském prostředí bývá užíván jako terminologická substitute za démona, ďábla-satana v křesťanském a biblickém smyslu (na rozdíl od prostředí jihoslovanského a východoslovanského, která využívají pojmy *đavo* a *běs*).
- 3) Po celé sledované období (14. – 18. století) přetrvává v západoslovanských pramenech jisté napětí mezi termíny „čert“ a „ďábel“: a) významná část autorů používá oba termíny jako synonyma pro démonické bytosti, jak je chápe křesťanství; b) někteří autoři se termínu „čert“

⁵⁵ Bohomolec, J.: Diabeł w swoiey postaci z okazyi pytania jesli są upiory ukazany. Część Pierwsza. Warszawa: nakładem Michała Grölla, 1775, s. 8.

⁵⁶ „Sądzę tedy, iż fztan nie ma pozwolenia brać na fię y ożywiać ciała umarłych; to ięft: iż nie małz upiorow.“ Bohomolec, J.: Diabeł w swoiey postaci. Część druga. Diabeł w swojej postaci albo o upiorach, gusłach, wrózkach, losach, czarach. Warszawa: nakładem Michała Grölla, 1777, s. 2-3.

⁵⁷ Antropologickému výkladu vampyrismu se překvapivě věnují hojně badatelé z románských zemí, např. Tiziani, M.: Vampires and vampirism: pathological roots of a myth. In: Antrocom, 2009, vol. 5, nr. 2, pp. 133-137; Sánchez F. J. – Pérez V.: The magical power of blood: the curse of the vampire from an anthropological point of view. In: Ehquidad. International Welfare Policies and Social Work Journal, 2020, vol. 13, pp. 151-184.

vyhýbají (např. autoři biblických překladů); c) existují autoři, kteří nejen přijímají termín „čert“ pro označení ďábla, ale přebírají z dobové laické kultury i čertovy charakteristiky a působnost, a tím zahrnují jisté představy archaické religiozity do křesťanského světónázoru.

- 4) Termín „čert“ býval sledovanými autory využíván zřejmě také jako úlitba laickému prostředí, kterému byl biblický jev vyložen slovem vycházejícím z domácí předkřesťanské kultury – rozšíření a využití slova „čert“ tak můžeme do jisté míry chápat jako christianizační strategii.
- 5) Toto učenecké ztotožnění čerta a ďábla mohlo mít jistý vliv na laickou kulturu západoslovanské společnosti, nicméně lidová kultura svědčí o poměrné odlišnosti čerta od biblického ďábla, což poukazuje na limity takového působení. Distanc mezi oběma pojmy a jejich jistá významová odlišnost je patrná z toho, že navzdory bohaté frazeologii⁵⁸ se výraz „čert/czart“ nestal plným synonymem ďábla v moderních západoslovanských jazycích přesto, že se někteří západoslovanskí autoři sledovaného období o to pokoušeli a s oběma termíny takto pracovali.
- 6) Postava čerta/zlého ducha byla využita rovněž při pokusu interpretovat z hlediska křesťanského světónázoru řadu démonických jevů včetně vampyrismu, který se začíná objevovat v pramenech týkajících se slovanského prostoru ve stejné době jako pojem *čert*. Na spojení postav démona a upíra odkazují už jihoslovanské zdroje ze 14. století, ztotožnění postav čerta a upíra můžeme zaznamenat i v některých folklórních tradicích západoslovanské a částečně východoslovanské venkovské kultury, jako teologický výklad tohoto jevu se propojení démon-upír objevuje v polských učeneckých textech až v 18. století. Ve stejné době však dojde k osvícenské interpretaci celého jevu, jejíž skepticismus odmítne nejen folklórní archaizující pojetí vampyrismu, ale i pokus vysvětlit celý jev křesťanským způsobem jako působení zlých duchů v těle nebožtíka.

Závěrem můžeme konstatovat, že vztah k lidové démonologii v západoslovanském prostředí v kruzích duchovních a učenců mezi 14. a 18. stoletím poukazuje na širší společenské procesy ve sledovaném období. Pro pozdní středověk je to svědectví o dovršení hlavní fáze christianizace: jevy a pojmy, které by dříve byly spojovány se světem pohanství, jsou už plně zařazeny do křesťanské lexiky a křesťanského světónázoru ve svérázném typu synkretismu: čarodějové a čarodějnice podle učenecké interpretace už nesloužili pohanským bohům a neudržovali starou víru, nýbrž vstupovali do spojení s ďáblem, pro něhož se začal používat předkřesťanský pojem *čert*; světem neobcházejí už podsvětní božstva, nýbrž čerti – bytosti, kteří odpovídají křesťanský chápaným démonům a kteří jsou zodpovědní za celou řadu negativních jevů včetně např. vampyrismu. V raném novověku můžeme sledovat, jak se v této oblasti specificky projevovала humanistická kultura pronikající do západoslovanského prostředí: je zde patrná snaha zařadit svým původem předkřesťanské pojmy, bytosti a představy do křesťanského modelu světa nasyceného antickým dědictvím, oddělit výmysly a báchorky (pověry) od reálných jevů, a těm dát racionální vysvětlení zakotvené v křesťanském světónázoru či v respektovaném antickém myšlení, které se propojilo s křesťanstvím již dávno. Učenecký přístup autorů 16. a 17. století se odvolává na křesťanské i antické autority a snaží se sledovat jejich způsob myšlení při vysvětlování nadpřirozených jevů. Všichni autoři postupují v rámci svého vidění světa racionálně, přičemž laickou či venkovskou démonologii, která využívá magii, považují za sféru iracionálna, a svým způsobem tak předznamenávají kritickou revoluci osvícenství. Nastupujícímu osvícenství však ani to už

⁵⁸ Gálisová, A.: *Obraz čerta v slovenskej frazeológii – rozostrené hranice medzi mytológiou, kresťanstvom a populárnou kultúrou*. In: *Studia Academica Slovaca*, 2020, roč. 49, s. 51-66.

nestačilo, a tak učenci a duchovní humanistického a barokního období byli – zcela nespravedlivě – postaveni na úroveň tmářů a šířitelů pověr.

Ученые и демоны. Черты, злые духи и их влияние в западнославянских научных текстах позднего средневековья и раннего нового времени

Михал Тэра

Статья посвящена развитию представлений о славянской демонологии в средневековых и раннемодерных источниках западнославянского происхождения. В качестве исходного материала используются различные типы и жанры западнославянских текстов XIV–XVIII веков: научные трактаты, богословские тексты, проповеднические тексты и катехизисы. Этот материал служит для демонстрации подхода к народной демонологии и ее интерпретации в интеллектуальной среде Центральной Европы. В этих текстах мы встречаем некоторых существ, известных нам из славянского фольклора и происхождение которых, по-видимому, восходит к архаичному периоду дохристианской религиозности. В основном это черты («čert/czart»), которые с XIV века стали синонимом дьявола и злых духов в западнославянских текстах — в отличие от восточнославянского региона, где в церковнославянских текстах в этом значении широко использовался термин «бес». Термин «черт» вероятно происходит из дохристианской славянской культуры, и вместе с ним некоторые атрибуты этого изначально языческого существа были также переняты в христианскую культуру, оставаясь присутствующими в образе «черта» в христианской светской и народной культуре, а в некоторых случаях даже проникли в научные тексты XIV–XVIII веков. Как и дьявол, «черт» был ответственен за целый ряд явлений (в основном связанных с магией), одним из которых был славянский vampirism, явление, которое народная культура ассоциировала с «чертом», а научная культура — с дьяволом и злыми духами. Отношение к этим демоническим явлениям указывает на интеллектуальные изменения среди центральноевропейских ученых, которые произошли между XVI и XVIII веками. В XVI и XVII веках демонические фольклорные существа понимались как реальные, и авторы пытались интерпретировать их с теологической точки зрения (как в католических, так и в протестантских кругах). В XVIII веке преобладал скептицизм Просвещения, классифицировавший эти явления как суеверие. Этот подход быстро проник не только в государственную администрацию, но и в церковные круги. Таким образом, первоначальная теологическая интерпретация сохранилась в XIX веке лишь sporadически в ортодоксальных кругах.

SPRÁVY A RECENZIE

Tematická konferencia venovaná 30. výročiu Katedry slavistiky na Univerzite sv. Cyrila a Metoda vo Veľikom Tárňove v Bulharsku

V dňoch 5. a 6. júna 2025 sa na Veľikotarnovskej univerzite sv. Cyrila a Metoda (VTU) v Bulharsku uskutočnil 10. ročník medzinárodnej vedeckej konferencie „Jazyk, kultúra, komunikácia“ (Езици, култури, комуникации – Languages, Cultures, Communication)) ktorú každoročne organizuje Filologická fakulta VTU. Konferencia je vedeckým fórom, ktoré priťahuje uznávaných vedcov a mladých výskumníkov nielen z Bulharska, ale aj zo zahraničia. Na tohtoročnej konferencii sa zúčastnilo viac ako 110 účastníkov (vrátane 40 študentov bakalárskeho, magisterskeho a doktorandskeho štúdia) z 13 krajín. Tematickými blokmi konferencie boli: „30 rokov Katedry slavistiky na VTU“, „Bulharistika doma a vo svete“ a „Jazyk, literatúra, kultúra“.

Oslava výročia Katedry slavistiky na VTU je významná, pretože slavistický výskum a vzdelávanie má na Veľikotarnovskej univerzite svoju dlhoročnú tradíciu. Je vyjadrením odkazu stredovekej Tarnovskej literárnej školy a od založenia univerzity v roku 1963 patrí k vedúcim slavistickým špecializáciám.

Na otvorení konferencie prof. Dr. Cenka Ivanova, vedúca Katedry slavistiky v rokoch 2005 – 2023, a doc. Dr. Daniela Konstantinova, súčasná vedúca katedry, stručne predstavili históriu a tradície slavistiky na VTU. Výučba západoslovanských a južnoslovanských jazykov, literatúr a kultúr sa na VTU začala prostredníctvom lektorátov poľštiny (od ak. roka 1973/74) a slovenčiny (od ak. roka 1978/79). V ak. roku 1989/90 sa začala vyučovať aj srbochorvátčina (dnes srbčina a chorvátčina). Spočiatku sa tieto jazyky študovali ako voliteľné a nepovinné predmety, od ak. roka 1993/94, keď sa otvoril odbor slovanská filológia, boli prijatí prví uchádzači o poľský jazyk, v ak. roku 1995/96 uchádzači nielen o poľský, ale aj slovenský jazyk a v ak. roku 1996/97 sa začali hlásiť uchádzači o štúdium srbčiny a chorvátčiny. V týchto akademických rokoch bol odbor slovanská filológia 5-ročným štúdiom s dvoma rovnocennými špecializáciami: 1) bulharský jazyk a literatúra a 2) slovenský jazyk a literatúra. Spočiatku ho koordinovala Katedra starobulharského jazyka, všeobecnej a slovanskej jazykovedy. Po roku 1995 novo-

vzniknutá Katedra slavistiky (pod vedením prof. Nikolaja Daskalova) združovala lektorov so slavistickým profilom a prevzala organizáciu vyučovacieho procesu v odbore slovanská filológia a neskôr v odbore aplikovaná lingvistiká so slovanskými jazykmi. Katedra slavistiky sa venuje vedeckému rastu a rozširovaniu pedagogického zboru, mimoškolskej činnosti, kultúrnym podujatiam, ako aj udržiavaniu dobrých vzťahov so zastupiteľskými úradmi a inštitúciami príslušných slovanských krajín v Bulharsku. V období rokov 2016 – 2022 bol odbor slovanská filológia premenovaný na slavistiku a od roku 2022 nesie pomenovanie slovanské jazyky a kultúry.

K propagácii a etablovaniu poľského, slovenského, srbského a chorvátskeho jazyka na VTU prispievajú domáci členovia a členky Katedry slavistiky, ktorí / ktoré sú aj autori / autorky mnohých odborných publikácií a vysokoškolských učebníc (web stránka katedry je <https://www.uni-vt.bg/bul/?zid=80>). Významné je tiež aj pôsobenie na VTU aj mnohých zahraničných lektorov a lektoriek (nižšie uvádzame zoznam).

Poľskí lektori a poľské lektorky: Maria Jochelson, Jadwiga Majorowska, Al. Aleksandrowicz, Danuta Zandberg, Maria Szańca, Mariola Mostowska, Anna Kijewska, Anna Kisiel, Kinga Wawrzyniak a Wierginia Mirosławska.

Slovenskí lektori a slovenské lektorky: Terézia Igazová, Ondrej Habovčík, Ivona Vaňková, Elena Neoveská, Kornélia Resutiková, Božena Švihranová, Emil Kudlička, Katarína Sedláková, Bibiana Kosovská, Eleonora Zvalená a Lenka Ježó Garančová.

Srbskí lektori a srbské lektorky: Boban Arsenijević, Maja Vukić, Irena Cvetković, Ana Ročkomanović, Dejan Milutinović, Valentina Velić, Branimir Stanković, Milena Randelović, Biljana Zlatković, Biljana Čirić, Kristina Petrović, Sava Stamenković.

V súčasnosti je možné študovať poľský, slovenský, srbský a chorvátsky jazyk v 4-ročných bakalárskych študijných programoch: slovanské jazyky a kultúry, aplikovaná lingvistiká – dva cudzie jazyky, aplikovaná lingvistiká – dva cudzie jazyky a medzinárodný cestovný ruch, aplikovaná lingvistiká – dva cudzie jazyky a medzinárodné vzťahy, aplikovaná lingvistiká – dva cudzie jazyky a obchodná komunikácia, aplikovaná lingvistiká – angličtina a druhý cudzí jazyk s informačnými technológiami. Prijímacie konanie so zameraním na poľský, slovenský,

srbský a chorvátsky jazyk sa realizuje aj v rámci 1-ročného magisterského študijného programu translológie so slovanským alebo balkánskym jazykom, ako aj v doktorandskom programe slovanské jazyky.

V rámci konferencie „Jazyk, kultúra, komunikácia 2025“ a tematického bloku, ktorý bol venovaný 30. výročiu Katedry slavistiky na VTU, sa zúčastnilo 29 vedeckých výskumníkov z univerzít z Bulharska (Великотърновски университет „Св. Кирил и Методий“, Софийски университет „Св. Климент Охридски“, Институт за литература при Българска академия на науките, Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“, Университет „Проф. д-р Асен Златаров“ – Бургас), z Poľska (Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, Uniwersytet Śląski w Katowicach, Uniwersytet Łódzki, Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Białymostku, Uniwersytet Komenského v Bratislave, Univerzita Mateja Bela v Banskjej Bystrici) a z Ukrajiny (Ужгородський національний університет, Дрогобицький державний педагогічний університет ім. Івана Франка). Počas dvoch dní konferencie sa uskutočnili tematické panely, v ktorých odzneli príspevky o slovanskej literatúre a kultúre (so zameraním na poľskú, slovenskú, českú, srbskú a ukrajinskú tematiku) a slovanských jazykoch, kultúre a komunikácii (témy z oblasti lingvokulturologie, onomastiky a médií). Program konferencie je dostupný na tomto odkaze: http://rnd.uni-vt.bg/npres/2165/2582/19_FF_-_Languages..._-_Programme_-_2025_-_links_04-06-2025-3_upload.pdf

Daniela Konstantinova

Neochvejná dynamika jubilujúcej slavistiky

V piatok 20. júna 2025 sa na pôde Prešovskej univerzity v Prešove konal vedecký seminár venovaný životnému jubileu prof. PhDr. Júlie Dudášovej, DrSc., pod názvom *Dynamické procesy v súčasnej jazykovednej slavistike*. Vzhľadom na jubilančtinu odbornú profiláciu podujatie zastrešovalo viacero pracovísk – Inštitút stredo európskych štúdií Filozofickej fakulty Prešovskej univerzity v Prešove (ďalej FF PU), Inštitút slovaskistiky a mediálnych štúdií FF PU, Slovenská jazykovedná spoločnosť pri Jazykovednom ústave L. Štúra SAV, v. v. i. (ďalej SJS) a Poľský inštitút v Bratislave.

Medzinárodný charakter vedeckého seminára sa prejavil už pred jeho oficiálnym začiatkom v podobe rozliehania sa nielen slovenčiny, ale aj poľštiny či češtiny. Krátko pred ním oslávenkyňa každého osobne privítala. Konferenciu svojím slávnostným príhovorom otvorila dekanka FF PU prof. PhDr. Beáta Balogová, PhD., MBA, ktorá jubilantke odovzdala ďakovný list za FF PU. Laudatio predniesla prof. Mgr. Marta Vojteková, PhD., riaditeľka Inštitútu stredo európskych štúdií FF PU. V prejave vyzdvihla jubilantku najvýznamnejšie vedecké práce a celkový jej profesijný životopis, ktorý bol formou prezentácie doplnený o archívnu fotodokumentáciu. Triádu oficiálnych gratulácií zavŕšil prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc., z Pedagogickej fakulty Univerzity Komenského

v Bratislave a zo Slavistického ústavu Jána Stanislava SAV, v. v. i., ktorý prof. J. Dudášovej odovzdal ďakovný list za Slovenský komitét slavistov. Potom riaditeľ Inštitútu slovaskistiky a mediálnych štúdií FF PU doc. PhDr. Peter Karpinský, PhD., prečítal oslávenkyňin list od prof. PhDr. Pavla Žiga, CSc., predsedu SJS. Na konci oslavnej časti seminára prof. J. Dudášovej za obidva spomenuté inštitúty FF PU stručne zablahožela doc. Mgr. Marek Mitka, PhD., DiS.art. Jubilantka sa poďakovala sa všetky blahoželania. S prítomnými sa podelila o údaj, že uplynulo 56 rokov od jej štátnych záverečných skúšok. Krátko po nich (12. 6. 1969) bola prijatá na Katedru slovenského jazyka a literatúry FF UPJŠ v Prešove, kde ako vyučujúca začínala s disciplínou základy slavistiky a staroslovenčiny. Porozprávala aj osobné zážitky zo začiatkov svojho akademického pôsobenia, premosťiac pobytmi v Prahe a v Moskve, končiac súčasným pôsobením na Ústave rusínskeho jazyka a kultúry PU. Na záver prejavu prezradila prípravu svojej ďalšej monografie *Kapitoly zo slavistiky III*.

Prvý blok vedeckej časti seminára moderovala prof. PhDr. Marta Pančíková, CSc., z Bratislavy. Ako prvá vystúpila prof. dr hab. Dorota Krystyna Rembiszewska z Instytutu Slawistyki Polskiej Akademii Nauk vo Varšave. Pred samotným prednesom príspevku *Czasownikowe formy dualne w XIX-wiecznych polskich gwarach Mazur i Warmii* jubilantke popriala, aby aj naďalej prinášala skvelé výsledky ako doteraz. Bádateľka vychádzala aj z vtedajšieho dotazníkového výskumu zakladateľa lingvistickej geografie Georga Wenkera, pričom pripomenula, že jeho atlas je v Nemecku digitalizovaný. Po nej sa ujala slova prof. PhDr. Mária Čižmarová, CSc., z Inštitútu ukrajinistiky FF PU. V štúdiu *Juhokarpatské nárečia na mapách lingvistických atlasov* sa koncentrovala na spracovanie ukrajinských a rusinských nárečí v atlasoch zobrazujúcich územie východného Slovenska a Zakarpatska. Prof. PhDr. Daniela Slančová, CSc., z Prešova ako tretia referujúca spomínala na september 1971, keď ako študentka mala s prof. J. Dudášovou seminár zo základov slavistiky a staroslovenčiny. Potom v príspevku *Nárečová lexika v trénerskom komunikačnom registri na východnom Slovensku* predstavila výskum, ktorý v roku 2019 vyústil do monografie *Slovná zásoba trénerského komunikačného registra – volejbal*. Tento blok ukončil Mgr. Michal Vašíček, Ph.D., zo Slovenského ústavu AV ČR, v. v. i. v Prahe, ktorý sa vyjadril *K niektorým rusínskym vlivům na slovenská nárečia*, opierajúc sa aj o monografiu Jána Stanislava *Liptovské nárečia* (1932).

Druhý blok príspevkov viedla dr hab. Maria Papierz, em. prof., z Krakova. *Fenoméni odmeňec a jeho jazykový obraz v šarišských nárečových textoch* analyzovala doc. PhDr. Miroslava Gavurová, PhD., z Inštitútu anglistiky a amerikanistiky FF PU. Na nárečovú tematiku nadviazal PhDr. Jozef Bilský, PhD., z Filozofickej fakulty UPJŠ v Košiciach referátom *Odras východoslovenských izomorfov v pádom synkretizme substantív gemerských nárečí*. Prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc., v rámci prednesu štúdie *Niekoľko poznámok o Slovákoch a cirkevnej slovančine* pripomenul význam staroslovenčiny a cirkevnej slovančiny ako kultúrneho dedičstva aj pre súčasnosť. Mgr. Svetlana Žeňuchová Šašerina, PhD., z Katedry slovanských filológií

Filozofickej fakulty UKF v Nitre prítomným popriala „Veľa zdravia – vzácny poklad ako vravia“ – zdravie a choroba v kontexte cyrilskkej rukopisej tvorby na Slovensku. Autorka v cyrilských textoch identifikovala rôzne lexémy na označenie chorôb a zdravia.

Po dopoludňajších blokoch sa účastníci presunuli na obed do Bieleho salónika v Študentskom domove a jedálni PU, kde prebiehali individuálne gratulácie. Pred obedom zaznela cirkevnoslovenská hymnnická pieseň „Ha mnogaja lita...“.

Posledný (tretí) blok moderoval prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc. Na začiatku tohto bloku vystúpila prof. PhDr. Marta Pančíková, CSc., z Bratislavy. Autorka na bohatom dokladovom materiáli upozornila na medzijazykové a interlingválne homonymy, ktoré vyplývajú zo *Zradnosti poľskej a slovenskej zastaranej lexiky*. Dr hab. Maria Papierz, em. prof. UJ, z Krakova obohatila vedecký seminár o literárnu tematiku referátom *Listy Dominika Tatarki do Danuty Abrahamowicz*. Bádateľka počas prezentácie ukázala aj rukopisné koncepty týchto listov. Tretím vystupujúcim bol Mgr. Marek Chovanec, PhD., univ. docent, z Inštitútu rusistiky FF PU, ktorý na základe súdnych textov z Ruskej federácie analyzoval *Ruské právne termíny v slovenskej publicistike (k otázke kultúrnej interferencie)*. Predposlednou aktívnou účastníčkou seminára bola Mgr. Zuzana Slobodová, PhD., z Prešova. Vystupujúca prostredníctvom komponentovej analýzy lexémy *cmар* (vychádzajúc z Celokarpatského dialektologického atlasu a z rôznych slovníkov) oboznámila prítomných s príspevkom *Etymológia vybraného karpaticizmu v kontexte cestovného ruchu*. Prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc., podotkol, že by bolo zaujímavé v rámci východného Slovenska zorganizovať exkurziu po stopách tohto karpaticizmu. Lexikálnou tematikou nadviazala PhDr. Alexandra Brestovičová, PhD., z Centra výskumu detskej reči a kultúry Pedagogickej fakulty PU. Autorka ukončila podujatie derivatologickým príspevkom *Slovotvorné javy v rečovom vývine po slovensky hovoriaceho dieťaťa*. Bádateľka uviedla, že deti najprv tvoria kompozitá a až neskôr u nich nastupuje sufíxiácia, pričom používajú všetky typy onomaziologickej kategórie.

Prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc., otvoril diskusiu, počas ktorej jubilanťka ocenila úroveň všetkých referátov aj z metodologického a metodického hľadiska. Prof. P. Žeňuch na záver vyjadril posolstvo v podobe záväzku zotrvať v tomto móde, lebo inštitúcie netvorí steny, nábytky či technika, ale odhodlaní ľudia. Vedecký seminár oficiálne uzavrela prof. Mgr. Marta Vojteková, PhD.

Príspevok je výstupom z grantovej úlohy projektu VEGA Ministerstva školstva, výskumu, vývoja a mládeže Slovenskej republiky a Slovenskej akadémie vied Dynamické procesy v súčasnej jazykovednej slavistike V. (Kapitoly z výskumu slovenčiny, poľštiny, rusínčiny a ukrajinčiny) č. 1/0225/23 (2023 – 2025).

Jozef Bilský

Е. А. СМЕРНОВА. Евангелие Василия Тяпинского: к реконструкции глагольной системы «простой мовы». Москва: Институт славяноведения РАН, 2024. 416 с.

«Проста мова», литературный язык Великого Княжества Литовского в XV–XVII вв., является предметом неослабевающего внимания лингвистов и феноменом, вызывающим многочисленные дискуссии прежде всего в силу языковой неоднородности данного идиoma, объединяющего в себе украинские, белорусские и польские диалектные черты. В этой связи важным представляется выход в свет монографии Е. С. Смирновой, которая вносит большой вклад в описание структуры «простой мовы», а также более точной диалектной атрибуции отдельных её памятников. Монография представляет собой первое описание грамматической системы конфессионального памятника «простой мовы», а именно Евангелия Василия Тяпинского (далее ЕТ). Существующие исследования памятников на «простой мове» по большей части либо носят текстологический характер, либо основываются на правовой литературе: тем самым даже определение объекта анализа является здесь принципиальным и новаторским.

Книга имеет двухчастную структуру и состоит из собственно аналитической части, публикации самого текста, являющегося предметом анализа; а также нескольких приложений индексального характера, где глоссируются глагольные словоформы.

Аналитическая часть вместе с библиографией занимает около трети общего объема книги. Во введении к монографии приводятся основные сведения о тексте ЕТ, а также о создателе данного памятника, Василии Тяпинском. Далее автор дает краткий очерк истории изучения простой мовы, подробно разбирает ряд дискуссий в т. ч. на предмет ее диалектной основы, приводит замечания о сферах функционирования «простой мовы», а также указывает ряд терминологических уточнений в первую очередь касательно самого названия идиoma и обосновывается сам выбор конкретного термина. Во второй главе проводится подробный анализ глагольных форм в ЕТ. Он включает в себя: общее число вхождений конкретной словоформы в текст; типы представленных окончаний, их языковая и диалектная атрибуция, количество появлений словоформы в тексте и сферы её функционирования. В конце каждого описания приводятся таблицы частотности словоформ в парадигме, а также таблицы частотности конкретных вариантов, отличающихся наибольшей вариативностью. Разбираются следующие глагольные формы: настоящее время, будущее время, прошедшее время, повелительное наклонение, условное наклонение, причастие, деепричастие, инфинитив. Во всех случаях рассмотрение идет в довольно широком контексте: приводятся междиалектные и межязыковые параллели, устанавливается диалектная основа и векторы иноязычного, прежде всего польского, влияния. В третьей главе рассматриваются случаи языковой вариативности в ЕТ. Сюда входит варьирование фонетическое, затрагивающее возвратные частицы,

случаи отвердения согласных р и в, глагольные формы прошедшего времени с переходом л в в; орфографическое; морфологическое (представлены обобщающие таблицы по результатам анализа словоформ во второй главе: отдельно и подробно рассматриваются векторы польского влияния на примере форм 3 л. ед. ч.); текстологическое, связанное с периодическим отступлением от «простомовной» нормы – главным образом здесь рассматриваются церковнославянизмы, попавшие в текст из параллельного перевода Евангелия. Наконец, четвертая глава раздела носит обобщающий характер и представляет собой реконструкцию глагольной системы «простой мовы», воссозданную на основании двух конкретных памятников – собственно рассматриваемого в книге ЕТ, и Литовского Статута, последний носит вспомогательную роль и помогает отследить те формы, которые так или иначе не встретились в ЕТ. Формулируется состав глагольных словоизменительных категорий, восстанавливаются парадигмы спряжения со всеми возможными вариантами форм, для каждой из которых указывается число ее вхождений в текст ЕТ. Из спрягаемых форм подробно рассматривается спряжение глагола в настоящем времени; в будущем простом, в будущем сложном I и в будущем сложном II; в перфекте и плюсквамперфекте; в повелительном и в условном наклонениях; в причастных и деепричастных формах. Ценным является установление векторов польского влияния в сфере образования условного наклонения, причем это касается как синтетических глагольных форм, так и аналитических конструкций. Библиография, которая в данном случае находится не в конце книги, а где-то в конце ее первой трети, представляет читателю обширный список трудов по исследуемой проблематике.

Вторая часть книги, обозначенная автором как Приложение I и занимающая около половины монографии, представляет собой наборную публикацию Евангелия Василия Тяпинского: при этом в публикуемом тексте дополнительно производится разбивка на отдельные слова. Третья часть, Приложение II, являет собой глоссарий всех проанализированных глагольных форм, которые распределены по морфологическим категориям. Для каждой глагольной словоформы указывается место её вхождения в текст ЕТ по системе «Евангелие / глава / строка». Четвертый раздел монографии Е. С. Смирновой (Приложение III) – это опять-таки глоссарий глагольных форм, но уже несколько в ином распределении. Здесь уже представлены не отдельные словоформы, а глагольные вокабулы, сгруппированные в алфавитном порядке. Заглавным словом вокабулы чаще выступает инфинитив. Если такового в тексте ЕТ не представлено, вместо него выступает первая форма, зафиксированная в рамках общей схемы описания в вокабуле, которая устроена по принципу: настоящее время / будущее время / прошедшее время / повелительное наклонение / условное наклонение / причастие / деепричастие. Предваряет этот раздел список условных обозначений, после чего следуют сами вокабулы, с обязательным морфологическим glossированием словоформ. При этом у каждой формы, равно как в предыдущем

Приложении, указывается ее атрибуция в плане вхождения (вхождений) в текст. Наконец, завершает книгу факсимильное издание ЕТ, которое в монографии по техническим причинам не следует непосредственно за собственно текстовой публикацией, а идет после обоих глоссариев.

Ценность данного издания предопределяет авторский подход к исследованию: это симбиоз издания конфессионального памятника «простой мовы», его морфологического анализа, и подробнейшего грамматического справочника с детальной атрибуцией всех форм. Важным представляется смещение акцентов исследования в общем контексте работ по «простой мове» с содержательных на структурные. Значительная часть исследований посвящена именно текстологическим особенностям памятников, переводческим стратегиям: для Е. С. Смирновой важным является сам текст как единая целостная структура и как реализация общей языковой системы выбранного идиома. Именно поэтому авторская методика предполагает подобное трехчастное наполнение (анализ / текст / индексы). При этом во всех разделах рубрикация построена таким образом, что читателю крайне удобно ориентироваться в материале, в любой момент он легко может отыскать интересующую его словоформу и проследить все контексты ее употребления.

Отличительной чертой книги является ее максимально системный характер. Каждая морфологическая форма подробнейшим образом glossирована, что имеет свою мотивацию: «проста мова» как языковой идиом, в особенности в сфере конфессиональной литературы, отличается максимальной вариативностью, и здесь важным является именно полная и подробная атрибуция всех словоформ с последующим выстраиванием парадигм. Сам выбор для анализа именно глагольной морфологии неслучаен: именно глагол как грамматический центр предложения определяет синтаксическое структурирование текста, поэтому установление системных отношений в сфере глагольной морфологии позволит лучше понять природу грамматики конкретного языкового идиома в целом. Целью авторского исследования в данном случае является реконструкция глагольных парадигм именно на основании конкретного конфессионального текста: если соответствующей словоформы в ЕТ не представлено, автор обращается к уже исследованному памятнику юридического регистра (Литовскому статуту), обязательно маркируя те словоформы, которые в ЕТ отсутствуют. При этом сама вариативность в контексте конкретного языкового идиома представляет существенную сложность ввиду его смешанного характера (белорусский / украинский / польский / церковнославянский): при языковой либо диалектной атрибуции конкретной формы необходимо учитывать ее системный vs случайный характер, а это, т. е. установление системного статуса, невозможно без максимально точной работы с показателями частотности словоформы в тексте с учетом контекстов ее употребления. Ориентация в анализе на широкий контекст употребления обусловлена тем фактом, что наиболее специфические черты «простой мовы» отражают именно

формы повелительного и условного наклонения, также сложные формы прошедшего и будущего времени, которые ввиду их дискурсивного характера требуют обращения именно к специфике их функционирования в тексте.

В целом для автора монографии крайне важным является предельная верифицируемость наблюдений, разграничение системного и случайного, общего и частного, обоснованность каждого вывода. Подробная индивидуализация каждого случая является здесь необходимым условием максимальной эффективности аналитического подхода. В этой связи выбранная автором методика работы представляется крайне удачной в аспекте общей перспективы описания «простой мовы» и реконструкции грамматики данного языка на основании имеющихся памятников письменности.

В научный оборот впервые вводится большой объем нового материала. Публикация выполнена с большим уважением к источнику, который фактически вводится в работу дважды: в набранном виде, и в факсимильном, в виде фотографий в конце книги. Индексальная часть монографии Е. С. Смирновой делает книгу универсальным справочным изданием в области морфологии простой мовы. Монография представляет собой ценный вклад в изучение «простой мовы» и может быть интересна широкому кругу специалистов прежде всего по истории литературных языков, а также по языковым контактам.

Д. Ю. Ващенко

Зáписница зо засаднута плéна Slovenského komitétu slavistov

Zasadnutie sa uskutočnilo dňa 1. októbra 2025 na Pedagogickej fakulte Univerzity Komenského.

Predseda SKS prof. P. Žeňuch otvoril rokovanie pléna SKS. Za zapisovateľa navrhol prof. R. Letza a za overovateľku doc. I. Slivkovú. Prítomní návrh schválili. Po tejto voľbe jednomyseľne schválili bez zmien program zasadnutia.

Program rokovania

1. Vydávanie časopisu Slavica Slovaca (aktuálne informácie, na zasadnutí sa zúčastní právny zástupca SKS).
2. Informácia o 17. (mimoriadnom) medzinárodnom zjazde slavistov v Paríži.
3. Správa zo zasadnutia Medzinárodného komitétu slavistov v Paríži
4. Rozličné, diskusia a záver.

V prvom bode programu: Vydávanie časopisu Slavica Slovaca informoval právny zástupca SKS JUDr. L. Mičinský o stretnutí zástupcov SKS so zástupcami Slavistického ústavu J. Stanislava SAV, v. v. i. (SÚJS), ktoré sa konalo v sídle ústavu dňa 23. 9. 2025. Za SKS sa ho zúčastnili prof. P. Žeňuch, prof. R. Letz a doc. E. Brtňanová a dr. L. Mičinský ako právny zástupca, za SÚJS prof. P. Olekšák (riaditeľ), prof. V. Rábik, prof. R. Lapko a právny

zástupca SÚJS dr. R. Karkó. Vzťahy medzi SKS a SÚJS sa za posledné roky zhoršili, osobitne za ostatné dva roky. Riaditeľ SÚJS navrhol uzavrieť novú zmluvu s SKS, ktorej koncept zaslal vedeniu SKS. Bývalý riaditeľ SÚJS doc. Š. Marínčák ako súkromná osoba ešte v marci 2025 bez vedomia SKS zaregistroval ochrannú známku Slavica Slovaca, ktorú potom od Š. Marínčáka ako súkromnej osoby odkúpil SÚJS. Registrácia sa podľa riaditeľa SÚJS P. Olekšáka uskutočnila na ochranu pred Slovenským komitétom slavistov a zamedzilo sa vydávaniu časopisu Slavica Slovaca pre SKS. Proti špekulatívnej registrácii ochrannej známky podal JUDr. Mičinský ako právny zástupca námietku na Úrad priemyselného vlastníctva SR. Riešením danej situácie by mohlo byť memorandum SKS, ktoré by umožnilo dokončiť vydávanie 60. ročníka časopisu v doterajšom režime. Registrácia ochrannej známky Slavica Slovaca na Úrad priemyselného vlastníctva SR je jednostranným krokom SÚJS SAV. Prof. Žeňuch priblížil dejiny časopisu Slavica Slovaca, ktorý vznikol v roku 1965 a vychádza od roku 1966. SKS a SÚJS časopis vydávajú spoločne od roku 2011 a tak je časopis zaregistrovaný aj na Ministerstve kultúry SR. Priblížil aj financovanie časopisu, pričom uviedol, že SÚJS ako spoluvydavateľ neprispel v posledných rokoch žiadnou finančnou čiastkou na jeho vydanie, pričom bývalý riaditeľ SÚJS Š. Marínčák označil účasť SÚJS SAV na spoluvydávaní časopisu za neoprávnenú. V roku 2023 predseda SKS požiadal aby jedno číslo časopisu financovala z grantu Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave (grant sa riešil v spolupráci so SÚJS SAV), v roku 2024 sa opäť na vydávaní 1. čísla časopisu odmietol zúčastniť SÚJS, hoci išlo o vydanie príspevkov z konferencie z grantu VEGA, ktorý sa riešil v SÚJS SAV. Ďalšie dve čísla časopisu v roku 2024 boli financované z dotácie Ministerstva financií SR a zo zdrojov Konferencie biskupov Slovenska v rámci Roka kresťanskej kultúry, o ktoré požiadal predseda SAK. Prof. Letz otvoril otázku redakčnej rady časopisu Slavica Slovaca. V doterajšej redakčnej rade sú zastúpení pracovníci rozmanitých slavistických inštitúcií, niektorí sú aj členmi SKS, ďalej pracovníci SÚJS a zahraniční členovia. Na rokovaní 23. 9. 2025 sa ukázalo, že SÚJS nie je spokojný so zložením redakčnej rady, naznačovala sa najmä potreba doplnenia redakčnej rady zo strany ústavu a výmena hlavného redaktora. Bolo by dobré vypracovať návrh procesu vymenúvania členov redakčnej rady a hlavného redaktora zo strany SKS a SÚJS. JUDr. Mičinský navrhol dohodnúť sa v počiatočnej fáze rokovaní aspoň na vydaní dvoch čísel aktuálneho ročníka časopisu s avizovaním budúcej dohody. Prof. Dudášová apelovala za dohodu a vyjasnenie vzťahov SKS a SÚJS. Prihovára sa za vydanie dvoch čísel aktuálneho ročníka a za následnú dohodu obidvoch strán. Prof. L. Lenovský poukázal na to, že existuje platná dohoda medzi SKS a SÚJS, ktorú SKS za celý čas neporušil. Ukazuje sa však, že jedna zo strán svojím neoprávneným konaním núti tú druhú, aby prijala jej predstavu. V tomto smere sa vyjadrila aj prof. K. Slobodová Nováková. JUDr. Mičinský sa vyjadril v tom zmysle, že je to neprípustné, aby jedna strana, ktorá je so súčasným stavom nespokojná, podnikala nátlakové kroky. Prof. P. Žeňuch poukázal na to, že prvé číslo Slavica Slovaca z roku 2025 bolo napriek registrácii v medzinárodných databázach odstránené

z internetovej stránky SAV, čo poškodzuje časopis. Prof. J. Kačala sa prihovára za vypracovanie memoranda SKS s tým, aby bolo dané na vedomie aj predsedníctvu SAV. JUDr. Mičinský sumarizuje harmonogram prác: do 3. 10. 2025 pripraví koncept memoranda a odovzdá ho vedeniu SKS. Predseda SKS prof. P. Žeňuch ho 6. 10. 2025 pošle členom SKS na schválenie per rollam. Prítomní členovia SKS s týmto postupom súhlasia. Dr. Ľ. Králik ďalej informoval o možnosti zlúčenia SÚJS s inými ústavmi. To by znamenalo, že sa môže v budúcnosti zmeniť partner SKS pri vydávaní Slavica Slovaca. V diskusii zaznelo, že v takom prípade dohodnuté riešenie nemusí znamenať udržateľnosť vedeckovýskumného zamerania časopisu a ani plnenie programu, ktorý koordinuje slavistický filologický výskum na Slovensku.

V druhom bode programu zasadnutia odznela informácia o 17. mimoriadnom medzinárodnom zjazde slavistov v Paríži. Prof. P. Žeňuch ako predseda SKS a člen MKS informoval o priebehu tohto podujatia. Zjazdu sa zúčastnilo celkovo 850 účastníkov. Napriek politickým napätiam a vojne na Ukrajine mal zjazd pokojný a konštruktívny priebeh. Prof. Žeňuch ocenil skutočnosť, že na podujatí sa aktívne zúčastnilo viacero vedeckých pracovníkov združených v SKS, ktorí vystúpili v rámci jednotlivých sekcií a tiež aj vo viacerých tematických blokoch. Samostatný tematický blok usporiadala dr. D. Hučková z Ústavu slovenskej literatúry SAV. Plánuje sa, že príspevky, ktoré odzneli od účastníkov zjazdu, majú byť publikované v časopise Slavica Slovaca. Preto by bolo rozumné nájsť východisko zo situácie, ktorá nepraje vydávaniu časopisu. Na výzvu prof. P. Žeňucha informovali o svojej účasti na zjazde aj doc. Z. Taneski, prof. R. Letz, dr. Králik a prof. M. Golema.

V treťom bode programu odznela správa zo zasadnutia Medzinárodného komitétu slavistov (MKS). Prof. P. Žeňuch informoval o priebehu rokovaní tohto zasadnutia. Zastúpení boli delegáti zo 40 krajín, chýbali predsedovia národných komitétov z Ruska, Bieloruska a Ukrajiny. Informoval aj o činnosti komisií podľa nového štatútu komisií, ktorý bol schválený na zasadnutí predsedov komisií a členov MKS v roku 2021 s účinnosťou od roku 2022. Budúci medzinárodný zjazd slavistov sa bude konať v roku 2029 v Prahe. Pred 100 rokmi (v roku 1929) sa uskutočnil Prvý medzinárodný zjazd slavistov práve v Prahe.

Po krátkej diskusii v rámci bodu rozličné sa rokovanie pléna SKS skončilo o 15,00 hod.

Róbert Letz – Ivana Slivková

CONTENT

STUDIES

N. B. KORINA: Trends in the Development of Slovak Slavic Studies in the Journal <i>Slavica Slovaca</i>	135
S. TEMCHIN: On the Current Location of Some Manuscripts of Rus' Language Didactic Gospels	149
K. MICHEVA-PEYCHEVA – T. BRAGA: Lexical and Semantic Realizations of the Concept of Unclean People in the History of Bulgarian Literature	152
M. TSIBRANSKA-KOSTOVA: The Motif "Crossing the Danube": Historical Contexts and Models of Cultural Transfer	167
K. KAZARINOVA: Fragment John 20:19–31 in Rus' Language Didactic Gospels: The Lviv Textual Group	177
R. V. NURIEV: Manuscripts with Translations of the Polish Collection Wielkie Zwierciadło przykładów into Rus' Language	187
N. SIROTINSKA – T. DUBROVNIY: Byzantine Hymnography in Ukrainian Musical Art through the Correspondence of Myroslav Antonovych and Zinoviy Lyska	193
S. PAKHOMOVA: Variably Formed Nominative Units in the Context of Slovak-Ukrainian Contrastive Lexicology	207
G. KUZ: Language Play in Biblical Phraseology of Ukrainian and Slovak Languages	215
S. V. SHIYKA: Surnames in the Rivne Region with the Suffix -ets < -ьs in a Slavic Context	227
V. TYTARENKO: Names of Clothing and Footwear of Turkic Origin in Northern Ukrainian Monuments of the 16th–17th Centuries	241
J. LOMENČÍK: Štúr-Corrected Slovak in Language and Literature Textbooks in the Context of the Matica Era	250
A. PLISKOVÁ: From Dialect to Official Language: Attempts at Codifying the Language of the Rusyns and Their Results	265
M. TÉRA: Scholars and Demons: Devils, Evil Spirits, and Their Influence in West Slavic Learned Texts of the Late Middle Ages and Early Modern Period	282

REPORTS AND REVIEWS

D. KONSTANTINOVA: Thematic Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Department of Slavic Studies at St. Cyril and Methodius University in Veliko Tarnovo, Bulgaria	295
J. BILSKÝ: Unwavering Dynamics of a Jubilant Slavist	296
D. YU. VASHCHENKO: E. A. Smirnova, The Gospel of Vasilii Tyapinsky: Reconstruction of the Glagolitic System of "Simple Speech"	297
R. LETZ – I. SLIVKOVÁ: Minutes of the Plenary Meeting of the Slovak Committee of Slavists	299

EV 4011/10

SLOVENSKÝ KOMITÉT SLAVISTOV

SLAVISTICKÝ ÚSTAV JÁNA STANISLAVA SAV BRATISLAVA, v. v. i.

SLAVICA SLOVACA, ročník 60 (2025), č. 2.

Vychádza: 1. číslo v júni, 2. číslo v novembri a 3. číslo spolu so 4. (supplementum) v decembri.

2. číslo časopisu vyšlo v tlačiarňi Adriána Buraľa, Jovsa 29, 072 32 Jovsa, okres Michalovce.

Distribúcia / Distributed by:

Slovart G. T. G., Krupinská 4, P. O. Box 152, 852 99 Bratislava

ISSN 0037-6787

Časopis je evidovaný: Scopus, CEJSH, C.E.E.O.L., ERIH PLUS, SJR, ProQuest, EBSCO

Vydanie celého 60. ročníka časopisu sa uskutočnilo na náklady Slovenského komitétu slavistov.